

'92

ЕВРОПА. РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Владимир
АДМОНИ

Хорхе Луис
БОРХЕС

Александр
ДЮМА

Фридрих
ДЮРРЕНМАТТ

Лешек
КОЛАКОВСКИЙ

Михаил
КУЗМИН

Дмитрий
ЛИХАЧЕВ

Надежда
МАНДЕЛЬШТАМ

Адам
МИХНИК

Галина
СТАРОВОЙТОВА

Зигмунд
ФРЕЙД

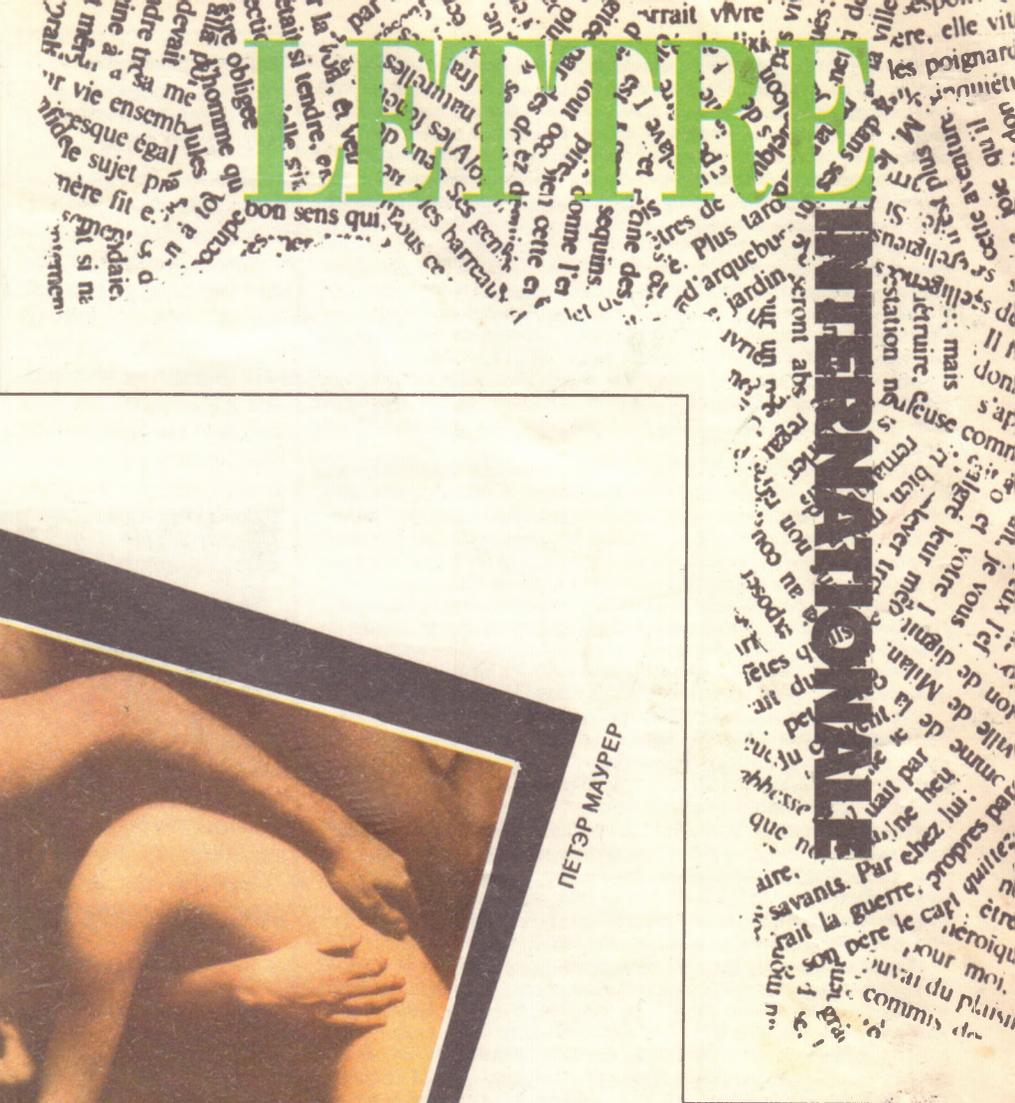
ПЕТЭР МАУРЕР

ЛИКИ
ШВЕЙЦАРИИ
ВИЛЬНЮССКИЕ
СЦЕНАРИИ
ЧЕРНОЕ
"ПРЕОБРАЖЕНИЕ"
1991 года

ВСЕМИРНОЕ

СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

Более полутора столетия назад, после подавления очередного польского восстания, Пушкин вспоминал, как он с друзьями жадно слушали польского поэта, который "говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся". Желать того же нынче побуждают и нужды хозяйственного развития. Между тем наш век отмечен небывалым обострением национально-освободительных движений. Великие империи рушатся. Испанская скончалась еще в прошлом веке. С начала нынешнего активизировались центробежные силы в Британской, Французской, Австрийской, Российской. От Австрии после первой мировой войны отпали Венгрия, Чехословакия, Хорватия, Словения, Босния, Воеводина. От Британской и Французской к середине века отделились почти все доминионы и колонии. Российская не распалась лишь благодаря Ленину, проклятому за замену "тюрьмы народов" их равноправным Союзом. По мере обнаружения в нем неравенства, дошедшего до массовых депортаций, и у нас национальное самосознание обострялось.

Между тем, особенно в Европе, надобность в хозяйственном единстве все росла. Первой в новое время попыткой объединения Европы парадоксальным образом стало фашистское завоевание, позволившее новой имперской канцелярии какое-то время распорядиться ресурсами от Атлантики до Волги. Но у кого повернется язык назвать героическое сопротивление покоренных народов фашистскому диктату - сепаратизму? Именно победа над фашизмом побудила думать о подлинном объединении Западной Европы, подтвердив объективную надобность в нем, но только на противоположных началах - место команды заступила взаимовыгодная координация интересов.

Центральное место в объединенной Европе вроде бы опять у Германии, но уже у другой, дорожащей не столько давней славой своих солдат, сколько столь же давней доброй репутацией банкиров и предпринимателей Рейнской долины и вольных ганзейских городов. Сопоставление сменивших друг друга единых Европ - Третьей империи и Европейского сообщества проясняет почву национальных конфликтов. Это недобровольность, неравноправие, желание одних решать за других, что тем лучше, и силой навязывать свою волю. Кто понял это, должен понять, что объективно необходимому единению народов способствует их самостоятельность, а разобщению - насилие.

Такое понимание нередко запаздывает, приходит, когда ожесточенная национальная самозащита обретает черты, схожие с вызвавшими ее угнетением. Тут забывают о беспощадном великодержавном национализме и в национализме винят лишь тех, кто защищает от имперского насилия. А ведь отшатываясь от авторитарных порывов бывшего диссидента Звиада Гамсахурдиа, надо держать в памяти тех, кто вынудил свободолюбивый народ отвечать на бескомпромиссность бескомпромиссностью. Не будь преступного кровопролития в Тбилиси 9 апреля 1989 года или будь руководивший им генерал Родионов хотя бы разжалован и уволен из армии, как опозоривший честь русского офицера, Грузия жила бы сегодня иначе и, может быть, не стремилась бы к столь резкому разрыву с другими республиками.

Там, где у людей нет права объединяться с другими людьми, страдающими от такого же национального или социального угнетения, у них нет и остальных прав, человек одинок перед лицом тотального государства, и его права, красиво записанные в Сталинской конституции, силы не имеют.

Равноправие людей, независимо от их национальности или мировоззрения, - первый признак и демократического порядка. Но простое опрокидывание границ, "чтобы в мире, без России, без Латвии, жить единым человечем общежитьем", ведет не к желанной цели, а к обратному. Более многочисленный народ у нас невольно ущемляет язык и культуру малочисленного, но оберегаемые специально, уже хотя бы потому, что латыши в Москве знают необходимость говорить по-русски, но русский, постоянно живущий в Риге, нередко и не думает говорить по-латышски, вынуждая и тут латыша говорить по-русски.

Многонациональные содружества жизнеспособны лишь там, где базируются на добровольности и демократическом порядке. Имперские амбиции порождают страсть к разрывам. Югославская федерация еще служила бы сотрудничеству своих народов, преобрази они ее, как хотели некоторые, в конфедерацию. Но заигравшие свой гегемонизм сбрасывали бомбы на республики, мечтавшие о большей самостоятельности, и подорвали возможность сотрудничества. Между тем добровольно сложившийся некогда Швейцарский союз потому и не распадается, что демократический порядок позволяет тамошним народам и без специальных усилий жить, как они хотят.

Не придется радоваться, если связи между народами нашей страны оборвутся или сменятся открытой враждой. Но единственная возможность их сберечь в современном мире состоит в том, чтобы позволить на месте империи Ивана Грозного и Иосифа Сталина сложиться, по примеру Европы, добровольному и равноправному сообществу демократических государств, держащемуся взаимной координацией интересов, а не послушностью возвышающемуся над ним центру. Лишь когда для выхода из такого содружества довольно будет своего желания, а для вступления в него, напротив, потребуются согласие всех, народы без понуканий захотят соединиться в великую семью.

Поэль Карп

Главные редакторы

АЛЕКСАНДР НИНОВ
АНТОНИН ЛИМ

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18
телефон 273-78-60
телефакс 2737860

РЕДАКЦИОННАЯ

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ
ВАЛЕРИЙ БАБАНОВ - главный художник
ТАМАРА БАЛАШОВА
БОРИС БЕССОНОВ
СВЕТЛАНА БУШУЕВА
ВАСИЛЬ БЫКОВ
ДАНИИЛ ГРАНИН
ПОЭЛЬ КАРП - зам. главного редактора
АЛЕКСАНДР КУШНЕР
БОРИС ПУТИЛОВ
БЕНЕДИКТ САРНОВ
НИНА СНЕТКОВА
ЮРИЙ СУРОВЦЕВ
БОРИС ФИРСОВ

Представители "Всемирного слова":

в Париже - ЕФИМ ЭТКИНД
в Риме - РИТА ДЖУЛИАНИ
в Праге - АЛЕНА МОРАВКОВА
в Варшаве - АНДЖЕЙ ДРАВИЧ
в Будапеште - ЛАСЛО ХАЛЛЕР, ЧАБА ХАЙДУ

Сотрудники:

Елена Баевская - редактор
Ян Викард - ответственный секретарь
Лариса Житкова - зав. редакцией
Елена Сальникова - технический редактор
Елена Шнитникова - корректор

Учредитель - Общество "Всемирное слово"
Издатель - коллектив редакции журнала

Милан Шимечка. ЗАПАДНЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ	1
Паскаль Брюкнер. ЭПОХА РАВНОДУШИЯ	2
Лешек Колаковский. ПОСЛЕ СМЕРТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА	5
Гильом ван-дер-Графт. Сентябрь	7
Необычная рождественская песнь	7
Михаил Игнатъев. ЕВРОПА	9
Уистен Хью Оден. Летняя ночь	10
Клаудио Магрис. СРЕДНЯЯ ЕВРОПА: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ	11
Шарль Добжинский. Город в огнях	15
Ян Каплинский. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ	16
Николай Кононов. Железный Орфей	18
Адам Михник. ВИЛЬНЮССКИЕ СЦЕНАРИИ	19

СОДЕРЖАНИЕ

Поэль Карп. "Пока дрожит осенний Петроград..."	21
"Коль жизни, кроме страха..."	21
"Святой Лука, рисующий мадонну..."	21
Дмитрий Лихачев. ОКНО В ЕВРОПУ - ВРАТА В РОССИЮ	22
Галина Старовойтова. РОССИЯ И ЕВРОПА: ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ	24
Яков Гордин. ОТ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ДО МАРШАЛА ЯЗОВА	28
Александр Дюма. ПРАВАЯ РУКА ЦАРЯ	32
Хорхе Луис Борхес. СТЕНА И КНИГИ	35
Хорхе Луис Борхес. Ewigkeit	35
Александр Покровский. РАССКАЗЫ	36
Где вы были?	36
Расстрелять!	36
Михаил Кузмин. КОТ В САПОГАХ. Пьеса для кукольного театра	37
Александр Тимофеев. Был ли разут "Кот в сапогах"?	41
ЛИКИ ШВЕЙЦАРИИ	
Жан Старобински. Договор 1291 года	42
Михаил Яснов. Жан Виллар-Жиль и его песни	44
Петер Вихсель. Наш нейтралитет	45
Фридрих Дюрренматт. Об абсурдности Швейцарии	46
Илья Штемлер. Визит к старому мастеру	48
Дмитрий Шнейерсон. Швейцарские фотографии	52
Владимир Адмони. МОДЕРНИЗМ - ПОСТМОДЕРНИЗМ	54
Уильям Ватлер Йейтс. Богоматерь	56
Он мечтает о небесном покрове	56
Дмитрий Волкогонов. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЪЕЗДЕ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	57
Зигмунд Фрейд. МЫ И СМЕРТЬ	58
Надежда Мандельштам. ПИСЬМА А.В.МАКЕДОНОВУ	62
Марина Темкина. На тему "Воронежских тетрадей"	65
Адриан Македонов. О письмах Н.Я.Мандельштам и по поводу	65
Александр Кушнер. ВОЗВРАЩЕНИЕ	68
ВСТРЕЧА ВО ФРАНКФУРТЕ	70
ПОЛЕМИКА	
Вадим Белоцерковский. По поводу статьи А.Нинова "Мастер и прокуратор"	71
Александр Нинов. Ответ В.Белоцерковскому	72
Александр Мелихов. ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ, ИЛИ ОТ КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА К НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭМБЛЕМЕ	76
Владимир Лин. ШУМ ЗА ДВЕРЬЮ. Полуфантастический рассказ	79
Нина Катерли. ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ... (Иск о "чести и достоинстве" антисемита в Ленинградском суде)	81
СЪЕЗД СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	86
ПОЧТА	
Священник Лев Конин. Черное "Преображение" 1991 года.	87
От III Интернационала к III Риму?	87

Перед всеми революциями или государственными переворотами, которые пережила Европа за последние столетия, в определенный момент всегда возникал дьявольский вопрос: остановиться или продолжать? Образно говоря: достаточно ли, чтобы король стал обыкновенным гражданином без привилегий, или целесообразнее отрубить ему голову, дабы люди видели, как из его артерий брызжет кровь? Что лучше - интернировать членов царской семьи или перестрелять их в подвале, как зверей? Или же скажем иначе: что лучше - оставить соучастников преступлений поверженной власти в покое, предоставив собственной совести, если она у них осталась, или загнать их в угол и отделить от всех прочих колючей проволокой?

Прежние революции, как мы знаем, ни с кем не церемонились и не морочили себе голову проблемами права. Коммунистические перевороты в Восточной Европе и их образец - русская революция были в этом отношении наиболее последовательны. Ленин сделал слабую попытку остановить революцию, введя НЭП, но Сталин быстро возобновил ее бешеный бег, кончившийся, собственно, только теперь коллапсом полностью исчерпавшего свои силы организма. В Восточной Европе некогда победоносно маршировавшие колонны социализма уже долгое время, постепенно замедляя шаг, плелись как усталые старые резервисты к обочинам истории и, не слыша больше приказаний свыше, свалились в придорожные канавы.

Новая власть, возникшая теперь на основе более или менее свободного выбора населения, парадоксальным образом оказалась перед той же проблемой, перед которой некогда стояли укрепившиеся коммунистические режимы. Продолжать ли революцию столь же последовательно, как это делали коммунисты? Сажать в тюрьмы политических противников, мстить прежним властителям, ликвидировать столпы рухнувшего режима как класс? Будет ли это сейчас, спустя сорок два года, чем-то вроде осуществления исторической справедливости? Коммунисты некогда использовали плебейские инстинкты и в первую очередь экспроприировали имущество высших классов. Когда теперь новая власть пытается отплатить им той же монетой, то обнаруживает, что коммунисты

так ловко перемешали свое имущество с государственным, что, кроме нескольких вилок ведущих функционеров да кабинетов изъять у них в общем-то нечего. От Чаушеску, само собой разумеется, не осталось ни единой фабрики, а вся роскошь, окружавшая Живкова или Хонеккера, как выясняется, им даже не принадлежала. В Чехословакии в зданиях коммунистических партийных комитетов разместились школы и амбулатории, но все прочие попытки утолить жажду за счет имущества "нового класса" окон-

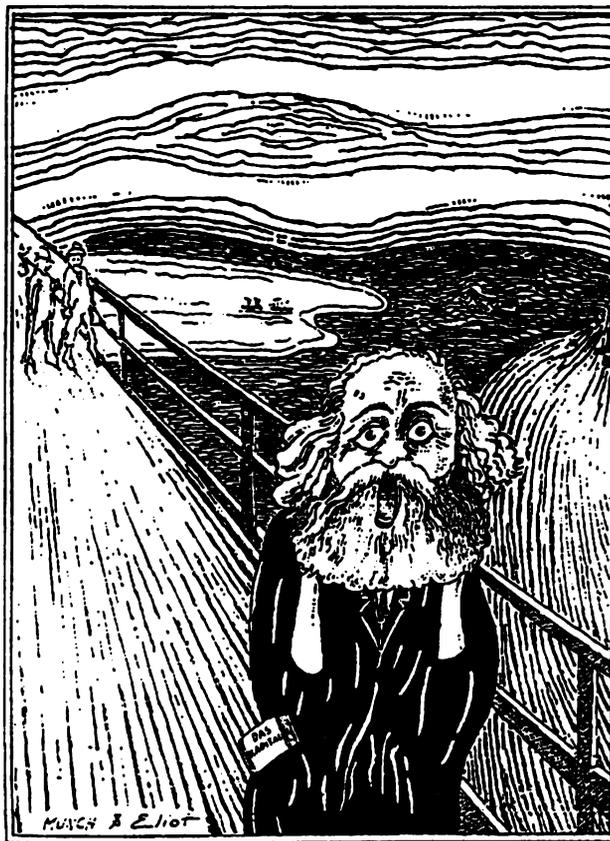
ми, находясь под охраной идеалов правового государства, гуманизма, прав человека и т.п. Недавно друзья пригласили меня на встречу с надзирателями прославленной пражской тюрьмы, которые надеялись получить от нас подтверждение, что по отношению к нам они вели себя добродушно и действовали строго в рамках предписаний. Я кое-как отговорился и на обратное не пошел. До каких неожиданностей мы еще доживем?

Коммунистические режимы создали ситуацию, при которой

ЗАПАДНЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

чились неудачей. Добыча растеклась между пальцами. К тому же выяснилось, что сотни тысяч усердных рвачей из джунглей директивной экономики накопи-

человек мог приобрести значительное положение и деньги лишь ценой политической лояльности или не слишком рискованного воровства в экономиче-

ли куда больше богатств, чем прямые охранители режима. Сознание этого факта вызывает растерянность и призывы к новой революции, к какому-то окончательному сведению счетов, вытекающему из ощущения, что прежний режим вверг нас в нищету и безысходность, а добрый миллион тех, на кого он опирался, посмеивается над выбивающимися из сил революционера-

ских джунглях государственных предприятий. Образование, опыт, квалификацию, научное и художественное реноме можно было приобрести только заплатив за них обязательную политическую дань. А кто не мог скрыть, что для него такая дань чересчур дурно пахнет, не приобретал ни образования, ни опыта. Так что та часть населения, которая находилась в скрытой или прямой

Милан Шимечка

оппозиции к режиму, и после победы революции несет крест изгнания и нищеты. Таким людям это представляется несправедливым, и они стремятся к продолжению революции, воспринимая как насмешку то, что столпы прежнего режима живут припеваючи, пользуясь накопленным состоянием, получая высокие пенсии бывших государственных чиновников, а зеки из лагерей пятидесятых годов по-прежнему прозябают у разбитых корыт своих погубленных жизней. Революции как бы подтвердили старую, хотя и вопиюще несправедливую истину: в странах, где сменяются режимы, конформизм - самый выгодный способ существования, разумнее всего быть в хороших отношениях с каждым, кто в данный момент наверху, надо лишь своевременно сменить кожу. Для морального здоровья нации это отнюдь не благоприятный климат.

Однако такому нравственно разлагающему выводу противостоит подтвержденное историей рациональное заключение, что на определенной ступени революция должна остановиться, ибо массовое перемещение людей снизу вверх и сверху вниз может разрушить социальный организм. У Чехословакии за плечами уже три таких перемещения: после войны, после 1948 года и после 1968 года. Результаты этих перемещений, при которых не принимались во внимание способности и компетентности, оказались катастрофическими. Четвертое подобное перемещение наша страна вряд ли переживет. А потому пусть западные предприниматели, которые теперь приезжают к нам, чтобы развивать joint venture¹, не удивляются, что с ними ведут переговоры люди, добравшиеся до высших постов managing'a² благодаря покорной лояльности по отношению к прежнему режиму. Впрочем, западных предпринимателей это несколько не трогает. Трогает это лишь наших соотечественников. Как и десятки предыдущих поколений, они приходят к пониманию того, что история несправедлива.

Перевела В. Каменская

¹совместное предприятие (англ.)
²хозяйственного руководства (англ.)

Когда в 1955 году Раймон Арон в заключении к своему большому исследованию об опиуме для интеллектуалов написал: "Если скептикам суждено погасить фанатизм, давайте пожелаем прихода скептиков" - ему еще не было известно, как буквально и с какими коварными последствиями осуществится его пожелание.

Последующее поколение истолковало этот совет как призыв к тушению всех вообще политических страстей, зачастую слишком опасных; но ведь сам Арон вовсе не

годня чрезмерная уравновешенность и инертность?

Соблазны счастья

Это явление как нельзя лучше подтверждается тем, что политика как ценность сама нынче вызывает недоверие. Подобное недоверие не ново: вся история политики есть, быть может, история того, как люди пытались избавиться от политики (поскольку она требует действия и влечет за собой ответственность). Ханна Арендт подчеркивала, что христианство, настаивая на священном характере самой жизни, нанесло непоправи-

Паскаль Брюкнер

может одновременно вырабатывать у человека рефлексы братства и сопереживания.

Что делает Запад, чтобы увлечь СССР на путь демократии и плюрализма? Покупает его своими долларами, как недвусмысленно признал г-н Горбачев во время встречи с Джорджем Бушем в Хельсинки в сентябре 1990 года. Доллары оказываются той звонкой и полновесной приманкой, что выступает условием существования правового государства.

Но резкая критика, направленная против общества потребления, была бы эффектив-

ЭПОХА РАВНОДУШИЯ

призывает махнуть на все рукой, а просто выражает надежду, что наступит день, когда марксистствующие пророки и утописты перестанут убивать себе подобных во имя лучшего будущего.¹ В самом деле, после второй мировой войны в противовес теоретикам "ангажированности" появилось поколение интеллектуалов, которых можно было бы назвать "демобилизаторами". Величие таких мыслителей, как Карл Поппер, Исайя Берлин и Раймон Арон, состоит именно в том, что они резко выступили против революционных мечтаний, которые нуждались в абсолютной свободе для оправдания террора. В то время как идеологи тоталитаризма чванятся безошибочным знанием целей истории и с помощью лозунгов, шествий, речей постоянно раздувают жертвенное пламя на алтаре мобилизации, - демократические мыслители, наоборот, ищут способы утихомирить мессианскую горячку, смягчить страсти, заронить сомнения. Каково же было оружие анти тоталитаризма? Бдительность и сомнение, строгая верность фактам, упорная исследовательская работа, развеивающая пропагандистский бред. "Демобилизаторы" хотели вырвать нас из плена кровавых догматических схем, из их наивного сциентизма, но вовсе не собирались сеять отвращение к политике. Они лишь собирались воздействовать на мир через разум, который несет человеку независимость и просвещение, а не только через веру, порабащивающую и ввергающую во тьму.

Но сегодня эти средства исчерпаны; наша эпоха возвела в культ отвращение к политике: теперь незачем бороться с обществом или пытаться его изменить, благо есть частная жизнь, мода, потребление, масс-медиа и даже культура, тоже превратившаяся в разновидность новой светской религии, - и все это позволяет демократии выжить, обходясь без политики, от которой все стараются держаться подальше. Короче говоря, конец доктринерства и ослепления, который заслуженно приветствуется как победа разума, явно знаменует собой венец и конец вообще всякой борьбы за что бы то ни было. Похоже, что призыв ко всеобщему дезертирству был услышан, и услышан очень хорошо. И если еще вчера демократии угрожал избыток раздоров и непримиримости, то не угрожает ли ей се-

мый урон тому высокому пониманию общественного служения, какое было присуще античному миру.² А Гегель в 1802 году определял буржуа как человека, который, обзаведясь частной собственностью и оказавшись в безопасности, старается уклониться от исполнения своего политического долга, откупаясь плодами мирной жизни и коммерции.³ Наша усталость от общественной жизни имеет, вероятно, исторические корни. Политика разочаровывает по двум прямо противоположным причинам: потому что она кровава, страшна (в нацистской и коммунистической версиях) и то нагромождение грабежей и убийств, которое являет собой наш век, воистину отвратительно, но также и потому, что с тех пор как наши либералы, социалисты и консерваторы молчаливо пришли к консенсусу, из политики исчез азарт. А поскольку живем мы в обществах, не имеющих альтернативы, то все склоняет нас к отказу от общественной деятельности: зачем участвовать в каких бы то ни было движениях и даже зачем голосовать, если выбора у нас все равно нет и все направления стоят одно другого? Массовое уклонение от выборов, выход из профсоюзов, рост недоверия к партиям, усиление антипарламентаризма, активизация ультраправых, ксенофобов и антисемитов - все это недурная прелюдия к гибели представительной формы правления на Западе, потихоньку помирающей от избытка здоровья.⁴ Ну а поскольку история чревата ужасами и разочарованиями, не лучше ли поискать прибежище в искусстве, литературе, замкнуться в своей скорлупе?

Но существует и другая причина, более основательная: наш политический идеал зиждется на взаимодействии взаимоисключающих условий - свободной реализации стремлений отдельного индивидуума и участия каждого индивидуума в общественной жизни, расцвете личности и усилении консолидации. Наши режимы уже давно не подчинены принципу добродетели, который, по Монтеスキе, обязателен в республике, не говоря уже о той добродетели, доходящей до самоотвержения, которой требовал от гражданина Робеспьер. Изобилие и успех в личной жизни - вот чем сопровождается у нас расцвет политических и социальных прав. И непонятно, каким образом система, которая способствует личному обогащению и успеху,

нее, не исходит она исключительно от бальной системы, которые делают вид, будто одной рукой отталкивают то, что принимают другой. Эта форма всем знакома: богатство и его пагубные последствия обличают только богатые.

Бытие активного потребителя совершенно не равнозначно бытию активного гражданина и даже просто гражданина. Это значит, что наше общество ежеминутно вынуждено отдавать предпочтение благосостоянию перед свободой; мы как те богачи, что не желают отстаивать свою независимость, поскольку боятся утратить богатство. Поскольку лучше, чем теперь, мы никогда не жили, то и никогда не были так плохо подготовлены к тому, чтобы погибнуть за свое благоденствие. Пришло время признаться: индивидуум-демократы не воюют, не жертвуют собой во имя идеи, даже самой праведной, короче говоря, они предпочитают себя всему прочему. Настал триумф поколения "I deserve it" - "Имею право"⁵; имею право на все без учета противоположного мнения, и никакие моральные ограничения не должны меня сдерживать.

Итак, в условиях демократии человеку дано право не только бороться с ней, но и, главное, отвернуться от нее и заняться своими собственными делами. Главный соблазн демократии заключается в том, что она позволяет каждому думать только о себе, без помех трудиться на собственное благо. И это, мы подчеркиваем, огромное завоевание. А пассивность, хоть сама по себе она дурна и безобразна, проистекает прежде всего из успеха нашей системы управления, которая оказалась столь ненавязчива, что не отвлекает человека от достижения его собственных целей.

Но это фундаментальное право наших современников на отказ от политики угрожает сегодня уничтожить все их прочие права: каждый обретает мощный стимул ускользнуть из сферы общественной деятельности, поступаясь всем остальным исключительно ради заботы о своей собственной персоне. В наше время гражданского мира, когда перед нами не стоят никакие глобальные задачи, когда рушатся устоявшиеся представления о мире, а новые не приходят им на смену, политика начинает казаться занятием грязным и, в сущности, бесполезным, этаким повинностью для отбывания профессионалами.

Такова утопия, питающая нас на протяжении десятилетий, утопия спонтанной саморегулирующей демократической системы, избежавшей для себя угрозы как с одной, так и с другой стороны - угрозы фашизма и коммунизма. При этом на горизонте маячит возможность отмирания политики, в которой мы готовы видеть паразитическую форму деятельности, нечто вроде стряпни из остатков, подгонки мелких деталей, поскольку главное уже якобы сделано. Как будто гражданское общество может удалиться на покой, застыть в мнимом совершенстве и полностью переключиться на разрешение частных проблем. (Какковы они, крестовые походы современного человека по обе стороны от Атлантики? Борьба с курением и избыточным весом - двумя страшными бичами, свирепыми врагами homo sapiens, человека разумного). Но вера в то, что, покидая ненадежную область дерзаний и свободы, мы встаем на твердую почву точной науки, есть не что иное, как иллюзия.

Умеренность и дряблость - не одно и то же

Разительное тому подтверждение мы найдем в неправильном употреблении термина "умеренность", принятом в наше время. Мы обозначаем этим словом не ту сугубо политическую добродетель, которая призывает к диалогу и арбитражу, но скорее считаем умеренность средством избежать конфронтации, синонимом взаимного уклонения, отказа от спора. Между тем умеренность открывает для людей пространство благожелательности, в котором они могут выразить свое несогласие и быть услышанными; она предполагает у людей способность судить сообща, ставить себя на место другого. Быть умеренным - значит уметь принять на себя чужую ошибку, разделить с другими сомнения, присущие человеческой натуре, это значит признать обоснованность точки зрения другого человека, не предавая при этом собственной точки зрения: правда ведь всегда множественна и никогда не рождается там, где торжествует одна-единственная точка зрения.

Таким образом, умеренность - не слабость, а гибкость, проистекающая из понимания сложности проблемы. Это готовность прийти к решению, не оскорбительному для обеих противоборствующих сторон. Но чтобы прийти к приемлемому компромиссу, необходимо еще, чтобы разногласия достигли достаточной остроты, а "золотая середина" явилась бы результатом выхода из жаркой схватки. Если мир, как говорил Валери, "развивается благодаря крайностям и поддерживает свое существование благодаря умеренности", то эта формула подразумевает прочное единство между умеренностью и чрезмерностью, между уступчивостью и упрямством.

Одно дело допустить частичную правоту своего противника, а другое - совпасть с ним в равнодушии к разбираемым вопросам. Легко быть разумным, пока ничто тебя не задевает, а с оппонентом роднит лишь отсутствие цели. Тогда-то единодушие, возникающее по причине отсутствия реальных разногласий, оборачивается инертностью. Демократию приравнивали к спокойствию, того и гляди научат путать ее со смирением: в запоздалых разговорах о парламентаризме не было бы ничего дурного, не веди они к примирению с

существующим порядком вещей. Короче, быть разумным сегодня означает быть робким фаталистом.

Неправда, что у нас есть выбор только между страстью - источником ошибок и разочарованием - источником скуки. Речь не о том, что следует вернуться к модели чисто полемических отношений - социальных или межнациональных, - но о том, чтобы показать, что даже самая вежливая свобода должна включать в себя желание убедить собеседника, страсть, задор, решимость добраться до истины. Страсть не противоречит разуму, так как противоположность страсти - бесчувственность, неспособность реагировать на что бы то ни было.

А умеренность в ее нынешних формах является нам наглядное сочетание вялости и сентиментальности, в ней перемешаны поверхностное любопытство к происходящему в мире и глубокое равнодушие к сути событий. Нас занимает многое, но в полной мере - ничто: этот психологический феномен лежит в основе работы средств массовой информации, а потому во время программы новостей нам предлагается череда сюжетов, смысл каждого из которых уничтожается последующими.

Демократия действительно представляет собой парадоксальную систему общественных отношений, поскольку желание ее углубить входит в противоречие с ее же принципом уважения мнения других (включая и тех, кто хочет разрушить демократию и, чванясь собственной снисходительностью, навязывает окружающим свои взгляды). Человек, соответственно, попадает в зависимость от двух противоречащих друг другу требований: он обязан проявлять абсолютную терпимость ко всем идеям и доктринам, но в то же время он должен в достаточной мере верить в идею терпимости, чтобы, если понадобится, защитить ее ценой собственной жизни. Приемля систему, провозглашающую относительность любой истины, человек рискует потерять веру в эту систему и обратиться к релятивизму против самого принципа терпимости. Тут терпимость перерождается в попустительство и вообще уклоняется от выбора. Сомнение способно охладить экзальтацию, но в той же мере оно способно сообщить принципам шаткость, а нормам - необязательность. Тогда получается, что все друг друга стоят: парламентская система ничем не лучше тех, кто на нее нападает, и даже самое справедливое дело может быть подвергнуто сомнению.

Подорвать смысл демократии могут и другие понятия, наиболее крепко связанные с ее принципами, например, проверка и критика: отказ от неприкосновенности некоторых истин может привести к тому, что сама демократия станет чем-то эфемерным. Отсюда - попытки не оказывать горячей поддержки никакой идее или с одинаковым легкомыслием поддерживать любую, отсюда ощущение тщетности любых дебатов, увязающих в незначительных подробностях, - но ведь точно так же исчезают реки, принося свои воды в море. (Вуди Аллен говорил об этом феномене по-своему: "Диктатура значит заткнись, демократия - болтай без умолку".)

Трудно отыскать нечто среднее между скептицизмом, убивающим веру, и слепой верой, которую не смутит никакой скепсис. Охлаждая страсти, демократия гасит пыл своих самых ярых приверженцев и ведет к уменьшению у них желания ее совершенст-

вовать. Таким образом возникает опасность перерождения демократии в необременительное кредо разочарованных, в то, что остается людям, которые ни во что не верят.

Следовательно, демократия призвана поддерживать двойной лозунг: война нетерпимости и война безразличию. Она отрицает как консерватизм, так и экстремизм и в идеале требует соединения душевных порывов веры с хладнокровным размышлением. Демократия требует хорошо рассчитанного пыла и страстной умеренности.

Исчезновение мира

Нынешняя демократия выродилась в более или менее безропотное согласие с установившимся порядком вещей. Нас совершенно не возмущает неравенство, нищета соотечественников, страдания людей, выброшенных из общества, и вообще всех неудачников, - только бы ничто не угрожало нам лично. Самое время сказать вместе с Руссо при виде чужого несчастья: "Умирайте, если хотите, а я - в безопасности" ("Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми"). Что же до испытаний, выпадающих на долю других народов, то глубину нашего к ним равнодушия может измерить только глубина их собственного отчаяния. Снижение накала гражданских страстей проявляется уже не в трезвости взгляда на происходящее, а в равнодушии, влекущем за собой всеобщий уход от политической борьбы в сферу личной жизни. Нельзя сказать, что сердца людей никогда не трепещут: они трепещут от всего и от чего угодно, будь то голод в Судане, истребление тюленей в Намибии или свадьба принца в Монако. Но наша забота о других непостоянна. Мы сопереживаем париям земного шара столь же пылко, сколь кратковременно - один прекрасный порыв тут же сменяется другим. Отныне мы не знаем, какой стране присудить пальму первенства нашего равнодушия, не знаем, по какой причине, разумеется, весьма уважительной, мы отвернемся от нее, посочувствовав ей виду. Все баталии, которые велись во имя свободы, справедливости, права, стоят одна другой, ибо все они оставляют нас равнодушными. Итак, уклониться от выбора - это значит прежде всего избрать для себя свободу от ответственности. Заниматься политикой в лучшем случае этого слова значит научиться свободе, и это грозит нам постоянным напоминанием о человеческой взаимосвязи, о невозможности выжить в одиночку, о том, что жизнь человечества - это прежде всего жизнь в сообществе, в соседстве с другими странами. Чем больше радио, телевидение, связь, экономика способствуют сближению народов и культур, тем разрушительней воздействует давление всех людей на отдельного человека. Демографические взрывы, миграции населения, беженцы, - одни людские волны беспрепятственно накатываются на другие. На земле нам тесно, как сельдякам в бочке, но бежать нам некуда и мы вынуждены жить с соседями, которых не выбирали, а потому чувствуем себя пассажирами в переполненном автобусе, пассажирами, которые боятся, как бы те, что войдут на следующей остановке, не выжили их с завоеванного жизненного пространства. "Освободите нас от других" - вот та немая мольба, что лежит в основе современного равнодушия; нам хотелось бы ни от кого и ни от чего не зависеть. Воплощая мечту

эпохи Просвещения, мы извратили ее: народы сблизилась между собой, но их не связали братские узы: напротив, им захотелось обиграть друг друга. Планета так съежилась, что расстояния, традиционно отделявшие нас от нам подобных, оказались почти незаметны. И вот мы пытаемся отмахнуться от окружающих нас людей (терпим их присутствие, но знать о них ничего не хотим); мы затосковали по действую, одним словом, у нас стали обнаруживаться симптомы некоего аутизма на континентальном уровне.

Читая газеты, просматривая программы новостей, слушая радио, я жертвую большим куском собственной жизни во имя солидарности с другими и сопереживания всему человечеству. Но ведь средний обыватель практически не в силах в один присест проглотить ежедневную порцию человеческих драм и несчастий, которые обрушиваются на его голову средствами массовой информации, и обо всем этом у него остаются только приблизительные представления. Избыток новостей, избыток информации, избыток несчастий... Все это превосходит наши силы - хватит, хватит! Как требовать от простого человека знания и понимания политики собственного правительства, а в случае необходимости и влияния на нее, если даже специалисты и те топчутся в нерешительности, признаются, что озадачены, и чаще всего ошибаются в оценках? Короче говоря, общим нашим уделом, включая и правящую элиту, становится пустая болтовня, то есть общие рассуждения об общих воззрениях. И если мы превращаемся в неженку и с такой готовностью прячемся в кокон личной, семейной жизни, то не потому ли, что мы перестали понимать мир, в котором живем и который слишком быстро меняется в последние годы? Мы не в силах увязать непознаваемость реальности с уважением к ее сложности и видим вокруг себя только густой туман, причем средства массовой информации, призванные его рассеивать, занимаются делом прямо противоположным.

Чтобы стать послушным телезрителем, надо каждый вечер забывать то, что видел накануне, именно на таком законе амнезии работает телевидение. Чем быстрее пошел в эфир репортаж о событии, тем быстрее сотрется память о нем, не случайно вскоре после побоища на площади Тяньаньмынь на стенах Парижа запестрели призывы: "Не забудьте Китай!". Это значит, что нашу память уже успели "почистить". Сегален говорил: "Люди суть братья, хочу я того или нет". Вот этих-то "братьев" мы и нейтрализуем каждый день, сводя их существование к телевизионной "картинке", к фикции.

Двусмысленность квиетизма

Еще раз повторим, равнодушие обладает одним немаловажным достоинством: быть может, духовная спячка не вдохновляет на радикальные реформы, зато препятствует разгулу военного и популистского безумия. Сколько государственных переворотов провалилось из-за того, что население не пошло на улицы, а осталось сидеть по домам! В нашем веке все самое ужасное воплотилось в образе толпы фанатиков, скопления разъяренных людей, с остервенением рукоплещущих лъстивым речам какого-нибудь трибуна, а потому общеевропейский пацифизм

и оцепенение коллективных страстей сослужили нам службу уже тем, что уберегли от этого политического авантюризма.

Но наша мягкотелость таит в себе другую угрозу: чураясь общественных дел, гражданин попадает в сильную зависимость от правящей верхушки, теряет возможность самостоятельно решать свою судьбу, а следовательно, во времена социальных потрясений он начинает действовать под влиянием страха; именно страх толкает гражданина, хочет он того или нет, в объятия неведомого спасителя, посланного Провидением, который готов снять с гражданина бремя его свободы. Умеренные дозы летаргии не так уж вредны, но избыток легкомыслия чреват гибелью. В одиночку человек бездействует, и если обрывается связь между людьми, все вместе они становятся легкой добычей для тиранов.

Когда человек надолго выбывает из сферы общественной деятельности, то платит он за это не обострением чувства независимости, но ростом рабской зависимости от государства и бюрократии, которая вольна производить любые законодательные эксперименты над разобщенными, отчужденными друг от друга людьми. Чем меньше пользы извлекаем мы из существующей формы правления, тем хуже нами управляют. А растущая деполитизация общества может в один прекрасный день разрушить тот самый индивидуализм, который послужил ей питательной средой. Стоит только гражданину, усюпленному избытком красивых слов, утратить бдительность и разрешить представителям народа выступать от его имени, как правительство, которое только прикидывается безобидным, начнет все заметнее и заметнее вмешиваться в жизнь народа, пока полностью не подчинит его себе. Отказ от участия в решении общественных дел угрожает существованию всех остальных гражданских прав. "Как только вы уступите свободу, вы уступите все остальное" - так сформулировал это правило один из присяжных заседателей во время суда над преступной группой, преследовавшейся за оскорбление нравственности, в октябре 1990 года во Флориде. Речь там шла о свободе писать, петь и рисовать все, что вздумается, пусть даже "непристойности".

Короче говоря, живи мы в стабильном мире, где царит согласие, мы бы имели право на политическую беззаботность. О чем беспокоиться, если кругом царит изобилие и каждому гарантирована свобода передвижения, а также свобода выбора убеждений? Но иракский кризис подтверждает, что нам еще рано впадать в эйфорию по поводу победы над коммунизмом: слишком быстро все меняется; пресловутый "конец Истории" продлится не больше года и будет лишь антрактом между очередными мировыми потрясениями. Отмахиваясь от возникающих проблем, мы позволяем им переродиться в тяжелые конфликты, с которыми нам потом придется иметь дело. С каким удивительным легкомыслием западные государства попустительствуют режимам кровавых Калигул за пределами своих границ, вооружают их, обхаживают в угоду сиюминутной выгоде, а после с ужасом видят, как создание их рук ускользает из-под их власти - и все это потому, что граждане не контролируют внешнюю политику своих стран.

Если в Северной Америке, представляющей, в сущности, отдельную планету, которую само ее географическое положение и об-

ширность хранят от катаклизмов, потрясающих Старый Свет, еще можно на худой конец смириться со всобщим безучастием к политике, то в Европе, где народы, перемешавшись как в мозаике, соседствуют и с Африкой, и с Азией, и с СССР, это немыслимо даже теоретически: здесь малейшая перестановка может послужить сигналом к началу таких сдвигов, которые нарушат все равновесие. Соединенные Штаты - не образец для подражания, и их правила не годятся для других стран, поскольку сами они являются исключением из всех правил. Если Запад по-прежнему будет взирать сверху вниз на страны третьего мира, не заботясь об унижениях и лишениях, которые им, нашим ближайшим соседям, приходится терпеть, - это приведет лишь к новым войнам и новым вспышкам ненависти. Если не обезвредить мину, она взорвется, и тогда настанет для нас времена бедствий и отчаяния. Некоторая депрессия, наступившая после крушения "советского" блока, объясняется тем, что мы поняли: эта победа Запада ничего не меняет, и "восточная", и "южная" проблемы по-прежнему стоят перед нами, и на решение этих проблем у Запада может просто-напросто не хватить сил.

Обязанность противоречить

Итак, необходимо бороться с политической инертностью; однако наше равнодушие - не эпизод и не случайность, оно имеет такое же право на существование в мире, как всеобщее избирательное право или гарантия социальной защищенности. Демократия предлагает нам одновременно участвовать в общественной жизни и беспрепятственно развивать свои склонности. Наивно было бы уповать на возврат интереса к политике, как уповают на ливень после долгой засухи. Интерес к политике, конечно, вернется, поскольку индивидуум в западном обществе скорее склонен давать себе передышку от дел, чем отходить от них навсегда, но, вернувшись, этот интерес исчезнет снова. И, по всей вероятности, не по доброй воле начнем мы вновь заниматься политикой, а под угрозой опасности, которая и заставляет людей объединиться и позаботиться о собственной судьбе. Обозначится опасность - тогда и мы спохватимся и обнаружим, что мир вокруг нас реален, потому что только угроза нашему существованию заставляет нас преодолевать трудности и ценить то, к чему мы привыкли.

Таким образом, у нас, как у циклотимиков, длительный период абсентеизма сменяется повышенной активностью, граждане то уступают поле боя партиям и государству, то снова начинают его отвоевывать, каждый раз рискуя поплатиться за свое отступничество. И похоже, что эти метания не скоро кончатся. В любом случае едва ли можно надеяться, что интерес к политике пересилит тягу к утехам личной жизни. Не исключено, что грядущим поколениям достанется в наследство общество, которое будет уже не способно на рефлексию, критику, независимые действия, потому что, подавляя в себе гражданственность, мы рискуем полностью вытравить ее и уничтожить. Политика бессильна, но отказ от политики смертельно опасен, вот мы и мечемся между этими двумя постулатами.

Бесконечная экспансия технологий угрожает тем, что парламентские режимы потеряют способность разрешать проблемы, вста-

ющие перед нашими обществами, так утверждал в своем сколь блестящем, столь и спорном труде немецкий философ Ханс Йонас, давний последователь Хайдеггера.¹ По его теории, правительства поглощены исключительно сиюминутными интересами, их держит в плену злоба дня; потому-то они не сумеют сохранить для грядущих поколений мир, пригодный для жизни: будущее хрупко, и никакая партия за него не заступится. Да, жестокий диагноз - и в то же время отчаянный вызов нам с вами: сможем ли мы доказать, что демократия еще в силах постоять за себя, используя классическое оружие свободы слова и дискуссий, и что такое инфантильное и эгоистическое существо, как гражданин-потребитель, еще способно на прекрасные порывы? Пора браться за дело, пока разрушения не приобрели необратимого характера. Пора объявить войну легкомыслию, сплошь да рядом преступному, но в то же время ничто не заставляет нас утратить веру в человека, в его способность исправлять собственные ошибки, взять себя в руки, проснуться в преддверии опасности.

Наши режимы, по самой сути своей шаткие, колеблются между безрассудством и дерзирством, между беспечностью и маниакальной агрессивностью, и дымок катастрофы вьется над самыми славными нашими успехами. Вот почему, определяя состояние нашего мира, не стоит употреблять такие слова, как "оптимизм" и "пессимизм", - в этих определениях отсутствует понятие хаоса, неотделимое от нашего бытия, которое в сущности представляет собой акробатический этюд между этими двумя крайностями. Не отчаяние, не блаженство, но вечное смятение духа - вот что заставляет нас попеременно сражаться на двух фронтах. И мы не можем рассчитывать ни на разрешение этой борьбы, ни на покой.

Значит, необходимо быть несговорчивыми и в общественной жизни идти против течения - таков долг политической элиты и интеллектуалов, которые обязаны успокаивать умы в моменты энтузиазма и будоражить их в периоды расслабленности.

Перевела Ольга Кустова

¹ Memoires, Tome I, Julliard, p.459 v.

² Condition de l'homme moderne, Agora, p.390 v.

³ Les méthodes de la science du droit naturel cité in Carl Schmitt, Alman-Levy, 1972, p.100 v.

⁴ Для возбуждения выборного пыла американцев поп-звезда Мадонна осенью 1990 года снялась в видеоклипе, где она в фосфоресцирующе-красных бюстгалтере и колготках, завернувшись в звездный флаг, исполнила песню, в которой были следующие слова: "Не пойдете на выборы - выдеру". Но телевизионные передачи не смогли вдохнуть в американцев гражданский пыл, и процент участия населения США в выборах 6 ноября был одним из самых низких со времен второй мировой войны.

⁵ Это выражение введено Майклом Джозефсоном при описании нравов большой группы юных американцев, которые отказываются признавать какие бы то ни было ограничения, которые могут помешать достижению успеха или комфорта в сфере личной жизни. См. статью обозревателя "Вашингтон Пост" Уильяма Распберри "В Америке: обучение этике", которая была перепечатана в "Либерасон" от 12 ноября (понедельник) 1990 года.

⁶ Le principe responsabilité, Cerf, traduction de Jean Freisch. О Хансе Йонасе можно также прочитать прекрасную французскую статью Бернара Сева в "Эспри", октябрь 1990: "Ханс Йонас и этика ответственности".

Стоит ли нам сожалеть о его кончине?

Исторический человек - современное изобретение: внутренняя реакция на модернизм. О том, что внеисторическое бытие человека - понятие противоречивое, что память, кристаллизованная в историческом знании, - явление не только необходимое, но и фундамент нашего самоопределения в обществе, говорились много раз. Эту банальную истину вряд ли кто-нибудь станет оспаривать. Но тот факт, что в этом очевидном смысле мы "вставлены"

Лешек Колаковский

ном порядке. Для обоснования этой своей принадлежности к "Целому" нам не требуются особые исторические условия. Обществом нас делает власть закона, который действует на определенном пространстве и перед которым все равны. Разумеется, чтобы юридическая идентичность людей наконец утвердилась, потребовалось много времени. Пока имелись установленные законом сословия и аристократические привилегии, все еще продолжали действовать, хотя и гораздо слабее, также и исторические критерии. В гражданском обществе, напротив, чтобы узаконить

ПОСЛЕ СМЕРТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

в историю, еще не делает нас историческими людьми в современном значении. Разумеется, коллективным прошлым люди интересовались всегда; и, разумеется, всегда они нуждались - будь то род, нация или религиозная община - в мифологической основе существования, чтобы лучше понять истоки своего образа жизни и его смысл.

История, следовательно, - цементирующее средство, благодаря которому происходит самоопределение народа по отношению к остальному миру. Люди историчны в том смысле, что они являются единственными обладателями того прошлого, в котором заложены основы их мира, их рода или их религии, и в этом прошлом они, разумеется, нуждаются, чтобы придать смысл своему образу жизни. И если до сих пор подобного рода объединяющая "историчность" - будь то национальная или религиозная - продолжает оставаться до некоторой степени действенной, то она все же сильно ослаблена или даже безжалостно вытеснена победным шествием просветительского рационализма и переходом от народной жизни к гражданскому обществу.

Две формы историзма

Многие исследователи не раз указывали на связь между расцветом на останках религиозной традиции рационалистического мировоззрения и развитием вместо племенного родства гражданского общества (в понимании Руссо, а не Гегеля). В гражданском обществе отдельный человек включается в социально "Целое" не через кровное родство и генеалогическую связь, а через участие в абстрактном законном обществен-

ный порядок и место каждого внутри этого порядка, истории больше не требуется. Рационализм в современном смысле, то есть рационализм, который мы связываем с картезианским наследием, грубо говоря, определил действительность в мышлении (самодостоверность в сознании) через критерии, которые используются в процедурах науки.

Рационализм и гражданское общество сходятся в безразличии по отношению к истории, разделяя убеждение, что история не обосновывает никакую реальность. Реальность не следует обосновывать, оправдывать или объяснять исторически. Это весьма наивное суеверие полагать, что утверждение истинно только благодаря тому, что в него верили наши предки, что откровение это - слово Господа - высказал пророк, и так далее. Чтобы установить истинность чего-либо, в нашем распоряжении имеются - ясные и обязательные - эмпирические и математические критерии, выработанные наукой. Реальны также и религиозные истины, в том случае, если они поддаются проверке разумом. Кроме того, история науки для понимания науки бесполезна: зачем нам знать бесконечное число нелепых ошибок, если речь идет об истине?

Обращением к традиции не решить также вопросы правопорядка и способа правления. Следует подумать о том, какая форма правления лучше всего обеспечит согласие в обществе и послужит интересам людей. В этих вопросах теория общественного договора и просвещенного эгоизма дает нам достаточно много рекомендаций. Люди пекутся о своих личных делах, а "невидимая рука" рынка создает из этих бесчисленных эгоистических усилий мощное целое. Научный рационализм, развитие основанного на правовом равенстве гражданского общества, теория разумного эгоизма и общественного договора,

фактическая эволюция рынка и его теоретическое осмысление - все это образует спаянный блок, составные элементы которого ведут к недооценке истории или к пренебрежению ею. Они отнимают у истории претензии на то, чтобы служить в нашем сознании или в общественных делах опорой правомерности.

Такое мировоззрение было идеологическим ядром обновления, и его влияние особенно проявлялось в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях, хотя и не без противодействия. Действенность этнических связей и жизнестойкость религиозных преданий не смогли устранить полностью наступление рационализма. В высшей степени сомнительной в свете промышленной революции представлялась доктрина, по которой в обществе, основанном на корысти, игра совокупных эгоистических усилий приводит в конечном счете ко всеобщему счастью. На это обращали внимание ранние социалисты. После того как рационалистическая и скептическая критика сначала упразднила божественный авторитет, а затем и обязательно устанавливаемое естественное право как ослабленного бога или скромный божий эрзац, показалось, что больше не ответить на простой вопрос: как отличить добро от зла.

Романтическое движение было попыткой возвратиться к архаичной историчности, к вере в узаконивающую силу тех национальных связей, которые устанавливались в никогда не исчезающем прошлом. Католический элемент этого движения вполне понятен: римская церковь гордилась своей непрерывной нескончаемостью и считалась хранительницей изначальных христианских ценностей.

Как либералы, так и социалисты мало ценили реальность. Она представлялась им по большей части пережитком прошедшей эпохи, обреченной на исчезновение унифицирующим модернизмом, развитием средств сообщения и мирового рынка. В свои предсказания они искренне верили и, разумеется, были бы очень удивлены, если бы стали свидетелями насильственного возрождения национализма в нашем столетии. Но тот же импульс, который придал романтизму его энергию, стал весьма действенным для социалистического движения: не то чтобы социалисты пели аллилуйю национальной традиции (некоторые делали это) или красоте идеализированного духовного единства средневековья; но в условиях рыночной экономики они болезненно воспринимали утрату самобытной человеческой солидарности и господство эгоизма и мечтали об обществе, в котором самопроизвольная и бескорыстная идентификация каждого с человечеством обеспечивала бы вечную гармонию. И если даже в отдельных случаях остаток архаичной историчности в социалистических идеологиях, а именно, вера в счастливую жизнь примитивных бесклассовых племен, сохранилась, то эта вера уже не эффективна как некий узаконивающий принцип в современном обществе, она воспринимается скорее как абстрактное, не историческое представление о золотом веке. И тем самым не является больше примером архаичной историчности. Самое же энергичное теоретическое выражение социалистической идеи, идея марксистская, берет свое начало из совершенно другого историзма: того, который был связан с Гегелем.

Пожалуй, что два непримиримых по отношению друг к другу вида историчности вышли из гегелевского наследия. Гегель - прямо или опосредованно - учил нас, что мы живем в истории и вносим вклад в ее формирование и что история включает в себя и то, что совершается сейчас и здесь.

Это широко распространенное положение о том, что мы - творцы истории, по-видимому, гегелевского происхождения. Оно вошло в наш язык и с его патетической аурой столь прочно в нем утвердилось, что считалось неоспоримым. До этого история была либо простой хроникой прошедших событий, либо - в трактовке Августина - следствием божьего вмешательства в человеческие дела.

Мир без истины

После того как просвещение осудило божественное провидение, а затем и самого бога как источник смысла и мира и как трибунал, которому следует доверять в вопросах добра и зла, оно скоро убило и природу - субститут Господа, который сообщал нам нравственные правила и правила разумной организации. История была субститутотом субститута - вновь открывая, надежная основа, на которой можно было строить смысл, цемент, способный из расплывчатых частиц создать осмысленное целое и определить в нем наше место.

Историческому человеку нет надобности иметь историческое знание и интересоваться действительной историей. Он знает ее как достойного доверия законодателя, на которого можно спокойно положиться, и он верит, что она реальна, что она не просто прошедшее, но и всегда живое происходящее. "История марширует" - как армия; "история вновь признает за нами право" - как судья; "история даст оценку этому событию" - как ученый.

История наделялась, следовательно, некой обязанностью быть носителем и хранителем всех человеческих ценностей, судить о добре и зле, принимать на себя божественный авторитет и сообщать нам источник высшего разума и смысла. Такой подход к истории таил в себе изначально роковую двойственность, следствием которой явился не только распад на непримиримые тенденции, но и уничтожение самой себя и лишение всякой надежды на восстановление смысла. И бог и природа не изменялись. Их суждения о человеческом долге и человеческом достоинстве, о смысле жизни, о праведном и неправедном, истинном и ложном должны были оставаться неизменно актуальными. Но подобные суждения не совпадают с целями и задачами истории, поскольку она не что иное, как изменчивость. Как же в таком случае истории доверять?

Один из ответов Гегеля гласит: только действительный исторический процесс порождает разумное и истинное, только он способен актуализировать что-нибудь. Нравственные абстрактные суждения об этом процессе пусты и безуспешны. Из этой первой посылки некоторые гегельянцы сделали тот вывод, что фактический процесс, включая все его жестокости, следует принимать как разумный, а тем самым и как достойный похвалы. В таком виде, однако; история не сообщает нам никакой мудрости и никаких

правил. Обращаться с ней как с учительницей нельзя, она требует почитания такой, какая есть, потому что просто она есть - как тиран. В лучшем случае мы можем сказать: то, что сегодня разумно и хорошо, было вчера и, возможно, станет завтра бредовым и будет достойно проклятья. Подобное релятивистское и в конечном итоге нигилистическое толкование Гегеля было, разумеется, упрощением, но оно не было совершенно ложно. "Историзм" мог обнаружить в конструкции Гегеля несколько стоящих исходных моментов. В таком превращении он выступал, понятно, гораздо раньше, в европейской истории духа со времен Монтеня говоря: "Сегодня дьявол, завтра святой", "праведный здесь, неправедный по ту сторону Пиренеев" и так далее. Такой простой скептицизм нельзя было приписать Гегелю, не мудрствуя лукаво. Но мы ведь читаем философов не так, как это нравится им, а как нравится нашему времени, и на это Гегель тоже обратил наше внимание. По такой трактовке, история самодостаточна и движет себя саму, у нее нет никакого другого онтологического фона. Все ей имманентно, в нее включены всякая истина, всякая реальность и всякий разум.

Таким образом, так называемый историзм неотвратимо обратился против себя самого. Сказать, что истина соотносима с историей, что что-то может быть истинным лишь с оговоркой "в это или то время", примерно то же, что утверждать: "В нормальном смысле слова никакой истины вообще не существует". Следовательно, и истории и нам не надо больше и никакой исторической философии; вопрос об истине просто снимается. Ницше знал это; и знал, что сделал все выводы из смерти бога, и хотел заставить и нас увидеть мир таким, каков он есть - то есть без бога, без смысла, без добра и зла, без истины. В последующие сто лет европейский дух жил в тени своего нигилизма. Он всегда с нами, и ему не требуется выражать себя в категориях так называемого историзма. Общего релятивизма и нигилизма достаточно.

В гегелевском наследии имелась, однако, и другая сторона: вера в прогресс и в совершенство истории. Понятие прогресса с необходимостью предполагает, что в нашем распоряжении появятся не исторические и не вполне зависящие от фактического хода событий критерии или правила оценки, по которым нам разрешено будет сказать: истина растет, или прибавляет, или проявляется в истории все больше и больше; или сказать: сущность человеческого бытия раскрывается все полнее и становится зрелой в наше время. Понятие завершенности истории внушает мысль о том, что в определенный момент исторический процесс достиг состояния абсолюта - и это не только в том смысле, что история устала или себя исчерпала и отказалась от всякого дальнейшего прогресса, но и в том, что она достигла полноты, обрела завершенность.

Несмотря на свою непримиримо антиутопическую установку, Гегель верил в некое окончательное состояние развития человечества. Его антиутопия обращалась против всех произвольно выдуманных образов совершенного общества, которое люди имели обыкновенно выводить из моральных принципов, не учитывая действительный исторический процесс. С верой в совершенство истории эта критика в противоречие не вступала.

Напряженность между верой в исторически ограниченный характер всякой истины и идей, с одной стороны, и несогласие с окончательной завершенностью человеческого призвания, с другой, унаследовала самая эффективная форма историзма в нашем столетии, марксистская философия. По этой доктрине, с одной стороны, нет никаких вечных идей, всякий продукт духа лишь выражает, в завуалированной форме, интересы различных классов. С другой стороны, однако, нам известно, в чем заключается сущность человека и что требуется для ее воплощения. Лишь при таком условии можно пользоваться такими словами, как отчуждение, высвобождение человека, устранение отчуждения. Все, следовательно, исторически определено, однако ожидаемое в ближайшем будущем состояние человечества, рассматривается, разумеется, не как "конец", а как "начало" настоящей истории, - это исполнение человеческого предназначения. Следовательно, не все определено исторически.

Марксову утопию едва ли можно рассматривать как историзм в подлинном смысле. Несомненно, здесь была вера в то, что есть некие "исторические законы", которые вскоре блистательно себя подтвердят. Прошлое значения не имеет, задача предполагаемого будущего - предать это прошлое забвению. Смысл будущего может быть понят лишь с позиций будущего ультиматума: будущее - то есть нечто, что не дано эмпирически, - определяет смысл настоящего и истории. Сама по себе история бесплодна; она не дает нам никакого руководства к действию и никакого подхода к истине - или делает это от обратного, то есть черпая свое значение из будущего, из не существующего.

История, последний оплот, с помощью которого просвещение защищало себя от вызванного им самим к жизни нигилизма, в котором люди надеялись вновь открыть источник смысла, развалилась под своим собственным весом; она была неспособна выполнить свою задачу. Исторический человек раздвоился, и в обеих частях история шаг за шагом теряла свою значимость.

Для людей, которые свои утопии черпали из Марксовой идеологии, история была не чем иным, как предисловием к вере в то, что некая естественная неизбежность вызовет их фантазии к жизни. Мессианские надежды становились оправданием применения всех средств и форм насилия для построения тысячелетнего царства. То, что происходит сегодня, не говоря уже о том, что происходило вчера, значения не имеет, - значение имеет только будущее. Абстрактная реальность обретает гораздо больший вес, так сказать, больше бытия, чем доказательная реальность. Исторический человек забывался от истории.

Также и историзм - в смысле веры в историю как во всеобъемлющий, всеисчерпывающий, поддерживающий самого себя абсолют - закончился отречением от истории. Логика этого странного самоопустошения кажется простой. Давно обратили внимание на то, что в разные периоды времени и в разных цивилизациях люди верили в разные вещи, а историзм был теоретическим дополнением и

осмыслением этого давно известного открытия.

Исследовательский историзм утверждает: нечто значимо лишь в соотношении с исторической эпохой, духом времени, культурой. Но это означает: ничто не значимо само по себе. Когда говорят, что нечто значимо для эпохи, духа времени или культуры, то тем самым фактически утверждают, что в эту эпоху это считалось значимым, или истинным, или бесспорным, или очевидным. Прилагательное "значимый", исключая этот факт, не имеет особого значения. Тем самым универсальный релятивизм не нуждается более в истории. А от этого историзма - прямой путь к простому всеядному релятивизму. Следующий этап пользовался структуралистской идеологией, громкими заявлениями относительно того, что в обычном смысле знание истории сколь невозможно, столь же и бесполезно, а позднее и откровением, по которому всякий смысл, обнаруженный нами в прошлом, есть не что иное, как наш собственный, навязанный нами этому прошлому смысл. Ни один текст сам по себе не имеет смысла - за исключением, быть может, текстов тех авторов, кто говорит: ни один текст сам по себе не наполнен смыслом. Между прочим, это удобная теория, поскольку освобождает нас от чтения: что бы мы ни читали, мы не читаем фактически ничего.

Исторический человек, следовательно, совершил в определенном смысле самоубийство и в определенной мере возродился, а именно - как человек нигилистический. Где мы находимся теперь, на исходе столетия, со всей нашей неуверенностью по отношению к истории, нашим недовольством ею и нашей тоской по истории? Неужели и в самом деле победил тот исторически обоснованный, но затем лишенный истории нигилизм и релятивизм, от которого еще в начале нашего столетия предостерегал Гуссерль?

Утопический образ мыслей после столь многих ужасающих разочарований, кажется, пускает пузыри. И все меньше людей верит в то, что существует средство, способное привести нас в рай, в котором будут удовлетворены все потребности человека, а все его пороки исчезнут. Напротив, стало ясно, что нам придется затрачивать все больше и больше сил, труда и денег для устранения причиненного нами же вреда, для предотвращения экологических катастроф и на разрешение демографических проблем. Утопическая вера в благо намерения истории осознана на спаде.

Релятивизм, напротив, - освобожденный от своего "исторического происхождения", - находится, кажется, в добром здравии. В своей популярной, широко распространенной в мире форме он утверждает, что в нашем распоряжении нет абсолютных критериев оценки для сравнения друг с другом отдельных форм цивилизации, догматов веры, норм и что поэтому в равной степени оправдано все, что относится к цивилизации: рабство столь же хорошо, как и свобода, во всяком случае ни одно из этих двух явлений в осязаемом смысле "не лучше". Теоретически более совершенный, проработанный релятивизм прагматического толка ссылается на идею согласия и утверждает, что все в порядке, если мы способны добиться согласия, а о дальнейшем волноваться не придется.

Этот релятивизм особенно связан с американским менталитетом. Здесь, может быть,

уместно указать на его отличие от немецкого духа. Американский дух говорит: рабство у нас никто не защищает; на самом деле было бы удивительно, если бы нашелся кто-то, кто стал бы говорить, что в рабстве ничего дурного нет, что оно явление нормальное и что-де очень жаль, что от него отказались. То есть нам просто достаточно констатировать, что по поводу злого начала рабства господствует полное согласие.

Гильом ван дер Графт

Сентябрь

*Огромно солнце; протупают звезды;
и день к концу на цыпочках идет,
печальным вздохом оглашая воздух,
пока ко тьме на суд не попадет.*

*Все глуше осень, лишь заката сполох,
и сумерки все гуще и темней,
и сеть созвездий с сетью веток голых
сплетается чем дальше, тем верней.*

*Но далеко до осени матерой -
еще сентябрь не потерял свой вид,
как женщина, во взгляде у которой
еще звезда падающая горит.*

Необычная рождественская песнь

*Европа! Тебе сталоном
Любви был когда-то Зевес;
Другой овладел твоим лоном -
и было известье с Небес.*

*Зачатое Благо таилось,
сокрытое десять времен,
но лоно твоё отворилось -
и тайное просится вон!*

*И вот он, конец симбиоза
небесной крови и земной, -
и небо, как алая роза,
кровавой горит пеленой.*

*И Благо усильем единым
нутро материнское рвет -
как будто неведомым клином
расперло твой круглый живот.*

*Кто ж слушает вопли Дитяти,
прорвавшие потную тишь?
Родившая Бога, о Мати,
без сил на спине ты лежишь.*

*Не думая, не ощущая,
лежишь ты с утробой пустой;
но миру о мире вещая
на солнце горячей трубой,
будя, поднимая, смущая,
архангел летит над тобой.*

Рождество, 1950

Перевел С. Степанов

Немецкий дух, однако, подобным тезисом не удовольствуется. Немецкий дух как бы говорит: одного согласия мало. Я желаю знать, действительно ли это самое рабство - зло, а не только знать, что о нем думают люди. В противном случае, когда говорят: "Рабство - зло", и в самом деле ничего более не имеют в виду, чем только то, что большинство людей в том или ином обществе думает, что оно - зло. Это уравнение противоречит, однако, тому, что люди действительно хотят сказать; когда я говорю: "Рабство - зло", я хочу сказать, что рабство само по себе - зло, а не то, что так думают другие люди или большинство этих людей. Далее это уравнение предполагает, что рабство сегодня есть зло, но злом не было в прошлом, когда считалось нормальным явлением. Но люди, которые боролись с рабством, делали это, потому что были уверены, что рабство есть зло, что оно противоречит человеческому достоинству, какой бы консенсус в обществе ни господствовал, и без этой убежденности отменить рабство никогда бы не удалось. А посему немецкий дух желает знать, что есть добро и зло, что действительно, а что нереально, что истинно, а что ложно. Он проявился в традиции Канта и Гуссерля; он просочился даже во Франкфуртскую школу, которая никогда не теряла надежды на то, что можно вновь обрести освобожденный от случайностей logos, который сообщает нам действительно связующие правила как мышления, так и оценки.

Исторический человек стал несостоятельным, возможно, уже умер, но его потомок, человек обобщенного релятивизма, живет и процветает. Различные особенности нашего времени могут гипотетически объяснить, почему он столь жизнеспособен. Одна из них - это все пронизывающий дух популярного scientизма, который отрицает все, что не исчисляется в зримых благах; и в этом прагматическом смысле различие между добром и злом, как и между истинным и ложным, по подобным критериям представляется бессодержательным. Другая причина - неприятие идеологического фанатизма, будь то религиозного или светского толка, человеконенавистнические результаты которого мы так часто могли наблюдать в нашем столетии. Это достойное похвалы отражение фанатизма кажется, однако, лишь попыткой завуалировать другой образ мыслей: релятивизм удобен, потому что скрывает наше безразличие, которому мы хотим дать хорошее имя, словно нет разницы между фанатизмом и стремлением к истине, словно нигилизм - надежная защита от фанатизма.

Имеются, следовательно, причины, почему исторический человек появился на свет и почему он умер - но он не остался без потомства. Перед лицом ослабления религиозной веры, как и веры в мудрую и неизменную природу, наша культура учинила суд над историей, которому еще можно доверять, чтобы не капитулировать перед пустотой нигилизма. Но это избобретение оказывается слабее сил культуры, от которых оно должно нас защитить. Историзм превратился в релятивистское безразличие и оставил нас в том самом духовном вакууме, который обещал заполнить.

Вакуум этот удобен, но терпеть его трудно. Люди всегда нуждались в вере в то, что мир можно не только завоевать, но и понять, и эта потребность относится к человеческому бытию. Поэтому в наш жестокий век мы теперь

становимся свидетелями различных попыток найти обратный путь, который приведет нас, возможно, к тому потерянному смыслу.

Но едва ли вероятно, что на этот путь нас выведет традиционный историзм, как если бы мы опять доверились истории, какая она есть фактически. Наблюдается скорее новая тоска по архаичному историзму. Несмотря на все разумные ожидания, потребность найти себя снова в родовой принадлежности, самоопределившись через национальные культурные ценности стала сильнее, не слабее. Какие опасности эта понятная потребность несет, когда перерождается в воинствующий шовинизм, нет надобности подчеркивать. А в первую очередь - вопреки разумным прогнозам - возродился поиск религиозного самоопределения. В смятении, в неуверенности, в которых мы живем, наше религиозное наследие кажется нам более надежной опорой, чем все другое.

На этой зыбкой основе нельзя, конечно, делать никаких проицианий. Но можно предположить, что обычная история в качестве основы бытия больше не жалец на белом свете и что вскоре начинающееся третье христианское тысячелетие, чтобы существовать и далее, попытается заново открыть свои архаичные религиозные корни.

Перевел Геннадий Каган

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО-92

ВИКТОРИЯ НЕКРАСОВА ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ

произведения 1974-1987-х годов в 4-х томах. - Издательство "Всемирное слово", - С-Пбг. - 1991-1992. Объем каждого тома - до 20 печ. листов с фотографиями, иллюстрациями и рисунками автора. Цена одного тома - 12 руб. Издание распространяется по подписке. Розничная продажа ограничена.

Петербургское книгоиздательство "Всемирное слово" предлагает читателям издание, которого до сих пор нет в СССР: произведения Виктора Платоновича НЕКРАСОВА (1911 - 1987), опубликованные после 1974 года в Париже, Франкфурте-на-Майне, Лондоне и Нью-Йорке отдельными книгами, а также в зарубежной периодике - журналах "Континент", "Время и мы", газетах "Русская мысль", "Новое русское слово" и др., которые и сейчас остаются практически недоступными для огромного большинства советских читателей.

Имя писателя Виктора НЕКРАСОВА, почти на пятнадцать лет исключенное из литературного обихода, тем не менее не забыто народом. Читатели нескольких поколений хорошо помнят знаменитую повесть "В окопах Сталинграда" (1947) - одну из лучших книг об Отечественной войне, переведенную на десятки языков в разных странах мира.

Талантливый русский писатель, фронтовик, награжденный многими орденами и раненный на войне, постоянный автор журнала "Новый мир" эпохи А.Твардовского, оказался "неудобным" во времена Хрущева, а затем и Брежнева. Смелая и независимая позиция писателя В.Некрасова, поддержавшего А.Солженицына, А.Сахарова, П.Григоренко и правозащитное движение на Украине, стала причиной неоднократных "проработок" его в партийной и литературной печати, гонений на его книги, домашнего обыска и других унижений, на которые обрекает художника тоталитарное общество.

В сентябре 1974 года, после исключения из Союза писателей, Виктор Некрасов выехал из СССР и поселился во Франции, в Париже. Еще через пять лет по правительственному указу он был незаконно лишен советского гражданства. Глубоко переживший и свою собственную драму - разлуку с родиной, с друзьями, с любимым Киевом, и несправедные гонения против лучших людей России, вытолкнутых в эмиграцию на протяжении 1970-80-х годов, В.Некрасов со свойственной ему открытостью проанализировал в своих книгах застойную политическую и культурную ситуацию, губительную для страны. Это направление мысли определяет во многом содержание первых автобиографических книг В.Некрасова, написанных и опубликованных на Западе - "Записки зеваки", "Взгляд и нечто", "По обе стороны стены". Его критика моральных устоев казарменного социализма, всевластия партократии, лицемерия и ханжества, уродующих сознание людей, - это знаменательный документ современной русской литературы, освобождающейся от состояния внутренней скованности и несвободы.

В.Некрасов любил повторять, что свобода передвижения и свобода мысли связаны между собой. Страстный путешественник, он блестяще описал свои многочисленные поездки по Европе, в Америку, в Австралию и Новую Зеландию, в Юго-Восточную Азию и Японию. Другой постоянный сюжет В.Некрасова - это его собственная жизнь, собственная биография человека современной эпохи, пережившего великие потрясения XX века и рассказавшего о них со всей неприкрытостью совестливого и чуткого художника.

В собранных вместе произведениях, которые теперь мы сможем прочесть ("Из дальних странствий возвратись...", "Саперлипопет или Если бы да кабы, да во рту росли грибы...", "Маленькая печальная повесть" и др.), проявились лучшие качества таланта В.Некрасова - его открытость, искренность, способность увлекательно рассказывать о своих путешествиях, о друзьях, о времени и о себе.

Последний том настоящего собрания ("Праздник, который всегда со мной") составят литературное эссе, очерки, рассказы и небольшие статьи из зарубежной периодики и архива В.Некрасова, которые никогда не издавались отдельной книгой. Вслед за Хемингуэем В.Некрасов оставил свое описание любимого им Парижа, где прошли не только поздние, но и детские годы писателя. Большой интерес представляют также литературные портреты и очерки близких В.Некрасову людей - деятелей литературы и искусства, архитектуры, науки, политики, правозащитного движения, с которыми он встречался в СССР, а затем и в эмиграции за рубежом.

В июне 1991 года автору повести "В окопах Сталинграда" должно было исполниться 80 лет. К этой дате, существующей для русской и мировой культуры, и приурочено первое четырехтомное издание произведений Виктора Некрасова, возвращающихся к соотечественникам из зарубежья.

Состав издания по томам:

Том 1-й: Записки зеваки. - Взгляд и нечто.

Том 2-й: По обе стороны стены. - Из дальних странствий возвратись...

Том 3-й: Саперлипопет или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... - Маленькая печальная повесть. - Мраморная крошка. - Девятое мая. - Мама. - Виктория. Повести и рассказы.

Том 4-й: Праздник, который всегда со мной. Эссе, литературные очерки, воспоминания, статьи.

Заказы на коллективную подписку (не менее 5-ти комплектов) для организаций, библиотечных коллекторов и клубов любителей книги направлять по адресу:

198216, Санкт-Петербург, Ленинский проспект, 127, магазин №63 "Родина".

Справки по телефону: 255-94-25.

Странно, что так мало англичан считают себя европейцами. Когда семилетним канадским мальчиком я впервые ступил на платформу вокзала Виктория, я понял, что я в Европе. Пахло Европой: угольным дымом паровозной топки. Вудбайном в зубах у носильщика, сладким корицевым чаем в вокзальном ресторане и холодным лондонским гуманом, от которого блестели мостовые и тускло желтели во мгле фары такси. И теперь, когда я живу в Англии, она сохраняет привлекательность тем, что это европейская страна, где я нахожусь в среде родного языка: Англия для меня - лишь лоскут пестрого одеяла культур Европы.

Но англичане продолжают утверждать, что они - не часть европейского одеяла. Англия была первой страной в Европе, где возник имущий класс свободного крестьянства; первой страной, создавшей гражданское право; она первая совершила переход от абсолютизма к парламентской демократии; и сейчас это последняя страна, которая с трудом пробивается в постиндустриальное будущее. Англия никогда не станет частью Европы, говорят мне, потому что у нас исключительная история.

Всякий европейский национализм апеллирует к сознанию исключительности своей истории, и всякий национализм зашорен провинциальным самолюбием, но англичане в своем чувстве исключительности сильно обставили остальных хотя бы по части упрямства. Хотя, казалось бы, Англия вправе гордиться тем, что она воплощает собой, в сущности, скорее европейские, чем собственно английские ценности - свободу, терпимость, разум, уважение прав человека и равноправие, - англичане кичатся масовым почитанием курьезных местных обычаев, например, монархии, а также психологической особенностью, которую Зигмунд Фрейд называл "нарциссизмом непринципиальных отличий", - склонностью к любовному преувеличению всякого исчезающего отличия Великобритании от европейского стереотипа.

Эти различия - особенно в политической культуре - становятся все менее и менее весомым основанием для того, чтобы чуждаться в стороне от Европы. В сороковых и пятидесятых годах, когда Франко и Салазар сидели в своих дворцах и неслерной походкой приближалась к свосму концу

Четвертая Французская Республика, желание англичан давать континенту уроки демократии еще было простительно. Однако с установлением политической стабильности в Пятой Республике во Франции и перехода Греции, Португалии и Испании в демократический лагерь у англичан остается все меньше причин считать свой остров образцом политической умеренности на окраине континентального деспотизма и политической истерии. Государству, не имеющему современного Закона о правах и

Несмотря на эти признаки конвергенции, большинство англичан по-прежнему резко отделяют свою культуру от европейской. Но теперь словарь отчуждения поставлен с ног на голову. Можно было бы заняться самовольным перечислением того, что в Англии делают лучше, чем на континенте, - но вместо этого англичане невравстенически сосредоточились на особенностях своего экономического и социального поражения. Говоря языком завистливых сравнений, который так часто подминает под

Михаил Игнатьев

нарциссизмом. Новое британское чувство исключительности, то есть исключительной некомпетентности, безусловно, не шаг вперед по сравнению с прямо противоположным образом самих себя: что англичане все делают лучше. И тот, и другой одинаково ограничены и интрвертны.

Точно так же, как страдающий депрессивным психозом вырывается из нисходящей спирали, осознав, что депрессия - это личный крах, постигший не только его, так и британскому обществу не мешало бы осознать, что многие его проблемы актуальны и для европейских соседей. Наши общие экономические проблемы - это симптомы более глубокого культурного неблагополучия. Со времен войны Европу постоянно преследовал страх, что история обходит ее стороной. Европа сопротивлялась деколонизации в пятидесятых годах, боясь утратить свою роль центра мировой культуры. В восьмидесятых европейскую мысль, как призрак, преследует боязнь, что ось мировой цивилизации перемещается с атлантических на тихоокеанские берега. Вслед за сдвигами в экономике происходят сдвиги в культуре. Венеция, потеряв империю, стала музеем. Фернан Бродель, великий французский историк, которому принадлежит идея о смещении оси европейской экономики от Средиземноморья к Амстердаму, Лондону и Гамбургу, в одном из своих интервью выразил обеспокоенность тем, что с превращением Лос-Анжелеса, Тайпая, Сингапура, Гонконга и Токио в центр мирового экономического порядка европейская культура сделается музейной. Европу ждет та же участь, на которую она некогда обрекла свои колонии: участь импортера культуры и источника насмной рабочей силы, обслуживающей технический потенциал других народов. Экономическое соревнование с американцами и Дальним Востоком - в конечном счете соревнование культурное, и опасения, которые оно вызывает, затрагивают, в сущности, национальное самосознание: достаточно ли мы хорошо работаем, обладаем ли мы по-прежнему национальным единством, необходимым для коллективных проявлений культурной и экономической воли? Именно в этом контексте борьба Великобритании за сохранение жизнеспособной экономики обретает свое истинное историческое и культурное значение - вот

ЕВРОПА

Акта о свободе информации, есть чему поучиться у Европы, и в большей степени, чем ему позволяет собственная кичливость.

С 1918 по 1960 год англичане, пожалуй, имели основания противопоставлять корректность и толерантность своей общественной жизни нередко братоубийственным социальным раздорам в Европе. Но за тридцать лет экономического кризиса возможности "государства всеобщего благосостояния" примирять социальные противоречия сократились: английское общество сегодня в целом более жестко и конкурентно, чем поколение тому назад. Во многих отношениях это хорошо - поскольку корректность в излишней степени опиралась на почтительность, - но в любом случае новая общественная культура периода Тэтчер, когда личная выгода стала чуть ли не единственным средством достижения общего блага, как никогда раньше приближена к немецкому или американскому культурному стереотипам.

себя публицистику, Англия стала-таки более европейской, но в худшем смысле: в соответствии с непререкаемым и часто неверным предположением, что любая продукция Боша, Брауна или Фиата заведомо лучше того, что производят Остин, Хувер или ДЭК.

Возможно, зависть - неизбежный этап изживания в себе избытка имперского самолюбия. Завистливое сравнение - это болезненная терапия самоусовершенствования. Общества, которые не испытывают зависти или даже отчаяния, глядя на успехи соседей, не борются со своими недостатками. И все же завистливое сравнение с континентом скорее усугубило, чем облегчило английскую болезнь, корень которой - провинциальный эгоцентризм. Экономический упадок, при котором выросло уже целое поколение, породил рефлексивную общенациональную полемику, отмеченную всеми признаками депрессивного психоза, особенно характерным для него

почему стоит бороться за экономическую жизнь на этом острове: не затем, чтобы Великобритания осталась уютной "старой Англией" американских туристических буклетов, но чтобы вместе со всей Европой она защищала все то лучшее, на чем стоит Европа.

Нет причин полагать, что европейские государства не сумеют приспособиться к мировой культуре, экономический центр которой находится вне их границ. Столкновение Европы с экономической и культурной экспансией Америки свидетельствует о том, насколько гибко и изобретательно способна реагировать Европа. Американское влияние не подорвало культуры европейских стран, а стало основным источником их обновления. Увлечение английских рабочих блюзами, музыкой кантри, вестернами и Элвисом Пресли породило международную культурную индустрию современного рок-н-ролла. Пристрастие французов к американскому кино не только породило новую волну во Франции, но и открыло глаза целому поколению американцев от Скорсезе до Коппола на достижения собственного кинематографа. Нравнодушие итальянцев к американскому привело к появлению спагетти вестерн, а в новом немецком кино чувство мучительной зависти к американской энергичности и прямолинейности сочетается с использованием бесспорно европейской стилистики.

Таким образом, вопрос национального самосознания англичан перерастает в вопрос о том, как Европа отвергает участь музейной культуры, воспринимая формы мировой массовой культуры и накладывая на них тот отпечаток, который делает английские телесериалы, свитера Бенетон, автомобили БМВ, костюмы Армани и плащи Берберри паролем дизайна и качества.

Если Европа славитя во всем мире своими лучшими товарами, то она может вновь прославиться и качеством политической культуры. Родина религиозных войн и политического фанатизма, Европа сполна познала высокую моральную цену догматизма. В результате трагического столкновения Европы с собственными фанатизмом, религиозностью и националистическим ражем возник прагматический, скептический и светский гражданский характер или общественный темперамент. Современная европейская ментальность, для которой твердость убеждений едва не обернулась саморазрушением, стала самой деидеологизированной, самой скептической и наименее догматичной в мире. Ни в

одном европейском обществе светская религия успеха и религия фундаментализма христианского не занимают столь центрального места, как в американской культуре. Ни одно европейское общество - даже советские столпники - не придерживается доктрины коммунистического спасения. Может быть, поэтому европейские общества менее безжалостно относятся к неудачам, более терпимо - к различиям, в большей степени приемлют неоднозначность и неопределенность, чем империи, обрамляющие Европу с обеих сторон.

В третьем мире, сведенном сужденом религиозного фундаментализма, еще есть что сказать в защиту такой европейской светскости: не затем, чтобы удостоить европейского снисхождения тех, кто действительно имеет страстные религиозные или политические убеждения, но с тем,

чтобы поддержать в третьем мире тех, кто знает, что их собственные мучительные столкновения с Европой в ее худших проявлениях, с расизмом и империализмом не должны их отталкивать от Европы в ее лучших проявлениях: от традиций терпимости, уважения и равенства.

Былое европейское культурное мессианство быстро вытесняется постимперским европейским сознанием. В процессе борьбы за деколонизацию презрительное отношение поколения европейских интеллектуалов к европейским ценностям было закономерным. Однако этот период ненависти Европы к самой себе, как и следовало ожидать, закончился. Наступила эпоха, когда вновь стало возможно выступать под прежним европейским девизом "свобода". Некоторые левые французские ин-

теллектуалы пользуются европейскими традициями свободы для слепого догматического обличения Советской империи; другие, справа, - для защиты Европы как заповедника белой культуры, противостоящей культурам третьего мира у ворот Европы. Но призыв к свободе - по своей сути - не может превращаться в лозунг или боевой клич: это слово, которым живут, которым меряют собственные неудачи.

Открытием этой Европы духа, этой свободной Европы мы больше обязаны писателям Восточного блока, таким людям, как Милан Кундера и Дерд Конрад, чем кому бы то ни было в Западной Европе. Это они напомнили нам, если мы забыли, что Диккенс, Джойс и Шекспир в той же мере, что и нам, принадлежат Восточной Европе, это благодаря им мы осознали собственную зашорен-

У.Х. Оден

Летняя ночь

*Руки закинув, лежу на спине,
Вега горит далеко в вышине,
Июньский ночной небосвод.
Шепчутся листья, устав от тревог,
И замирают. Прямо у ног
Тихо луна встает.*

*К счастью, пространство и время смогли
Встретиться в этом кусочке земли,
Где я тружусь до рассвета,
Где для гостей есть купанье и луг,
Влюбчивый воздух и долгий досуг
Благословенного лета.*

*Вместе с друзьями сидим допоздна,
Завороженные тем, как луна,
Словно в таинственной сказке,
Медленно тянет соцветья из мрака,
И как всегда - уговоров морока,
Властные доводы ласки.*

*Позже в разлуке наступит пора
Вспомнить, как в ясные те вечера
Страх отлучался на час,
Горести, будто притихшие львы,
Руки лизали, приотстав из травы,
Смерть забывала про нас.*

*Нынче друзья далеко от меня
Спать улеглись после трудного дня,
Та же луна светит им -
Лекарям добрым, смешным балагурам,
Оригиналам, философам хмурым,
И толстякам, и худым.*

*Выше взошла, и Европа под ней,
Зданья похожие фабрик, церквей,
К тверди прижатые плотно.
В залах музейных стоит величаво
И, как мясник, созерцает лениво
Дивные наши полотна.*

*Ей, тяготеньем влекомой из тьмы,
Все на земле безразлично, а мы,
Выбрав влеченья свои,
В темных садах, где все дышит покоем,
Смотрим наверх и тихонько вздыхаем
В вечных терзаннях любви.*

*И нас, пожалуй, не трогает больше
Лук, что натянут в какой-нибудь Польше,
Зла и насилья размах.
Кто нам позволил, не скажем мы с ходу,
В доме английском вот эту свободу,
Эти пиры на лугах.*

*Скоро, прорвав, как плотину, уют,
Хлынут потоки и землю зальют,
И, возвышаясь над ней,
Смерти мгновенной предстанет оскал,
Чтобы за речками мир увидал
Дикую ярость морей.*

*Но, когда воды начнут отступать,
В черной грязи затрепещут опять
Стебли побегов зеленых,
И, задыхаясь на мокром песке,
Чудища вдруг различат вдалеке
Стук молотков оживленных, -*

*Радости наши, покой, тишину
Пусть нам никто не поставит в вину,
В них наша сила и щит.
Так сквозь ребячий ликующий зов
Слабый родительский хор голосов,
Не умолкая, звучит.*

*Пусть они нас сохранят до конца,-
И возбужденных народов сердца
Станут спокойнее биться,
Зла не держа на посаженных в клеть,
Лишь бы терпеньем своим одолеть
Быструю поступь тигрицы.*

Перевела Мария Карп

ность, мешающую нам понять, что европейская культура по-прежнему едина от Лондона до Варшавы, от Парижа до Праги. Защита Западом прав человека и свободы выражения в Восточной Европе - это не просто защита отдельных лиц, это защита единства самой европейской культуры.

В Германии, во Франции такое восприятие Европы - факт современного культурного сознания. Хотя Англия вступила в ЕЭС в 1974 году, ей еще предстоит вступить в Европу духа. Виновато в этом отчасти само ЕЭС. Происходящие в Сообществе процессы обескровили и отеснили на задний план идею европейской культуры, отчего слово "Европа" вызывает чувство убийственной скуки и ассоциируется только с раундами мрачных встреч министров в бетонных бункерах Брюсселя и Страсбурга. За изнурительными спорами о доле британского бюджета мы позволили себе забыть о том, что институты Сообщества существуют не просто как картель экономических интересов, а как основа и опора общеевропейской культуры. По сути спор о роли Великобритании в Европе не сводится к общей сельскохозяйственной политике, к тому, какой поворот маховика национальных интересов лучше всего совершить на переговорах во время следующей встречи министров. Это спор о природе самосознания, которое способна обрести Великобритания, вновь осознав, что она всегда была европейским государством. Пока что этот спор едва начался.

Перевела с английского
И. Нинова

КЛАУДИО МАГРИС. СРЕДНЯЯ ЕВРОПА: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ

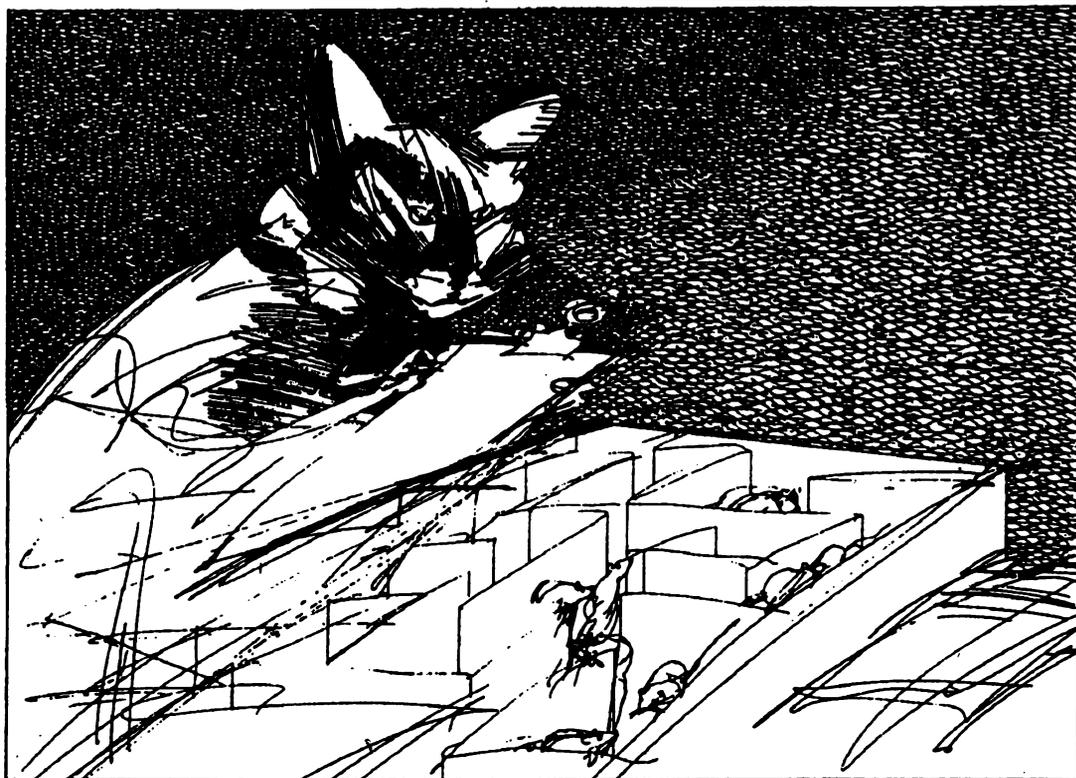
Известная немецкая писательница, приятельница Б. Брехта Мария Луиза Фляйсер однажды была удостоена шуточного титула: Бруно Франк назвал ее "обладательницей самого красивого бюста в Средней Европе". Возникает вопрос, какую географическую область имел в виду Бруно Франк? Вена, Прага, Загреб, Триест, Будапешт, Краков - с ними все ясно. Но как быть с Берлином? Или с Мюнхеном? С другими городами? Определить границы Средней Европы трудно - и не только границы. Когда говорят

Клаудио Магрис

милли были у противников немецкого национализма.

Урцидиль обнаружил имматериальное пространство, которое невозможно свести к какой-то однозначно определенной национальности. Его не назовешь ни немецким, ни немецко-австрийским, ни чешским, ни немецко-еврейским, ни как-либо еще. Это особый мир, и, вероятно, его идентичность состоит именно в том, что его невозможно определить однозначно, свести к той или иной однозначно определенной идентификации.

ПЕР МАРКАРД ОТЦЕН

о Средней - не о Центральной! - Европе, подразумевают некое единство, общность, которая неизменно сохраняется несмотря на значительные различия, моменты напряженности и конфликты. Вообще же следует отметить, что в понятие "Средняя Европа" вкладывается порой совершенно различный смысл - в зависимости от того, каким является подход: историко-политическим или же историко-литературным. Кроме того, с термином "Средняя Европа" срослись четкие и яркие коннотации и они находятся в явном противоречии с историей происхождения самого термина.

Иоханнес Урцидиль, друживший когда-то с Ф. Кафкой, в начале шестидесятых годов создал роман "Пражский триптих". Автор пишет в этом романе, вспоминая о детских годах, проведенных в сказочной Праге: "Я транснационален". Урцидиль открыл, что существует фантастическое имматериальное пространство, которое лежит "по ту сторону наций", где нейтрализуются и исчезают национальные различия. И это открытие сделано именно в те годы, когда злобой дня были побоища, происходившие между националистами-немцами и националистически ориентированными чешскими студентами Пражского университета, не говоря уже о ползучем антисемитизме. Между прочим, чешские фамилии зачастую носили как раз ярые враги чехов и, наоборот, немецкие фа-

Шипионе Златапер, писатель начала XX века, живший в Триесте, в книге "Il mio Carso"¹ (1912 г.) также пишет о сделанном открытии: он заметил, что совершенно не в состоянии однозначно в четких терминах определить свою принадлежность к какой-то одной нации и культуре. Для того чтобы определить эту принадлежность, Златапер прибегает к метафорам, косвенным нечетким пояснениям. Все дело в том, что он, Златапер, тем и отличается от других людей, что его национальная и культурная принадлежность не вмещается в рамки однозначных определений. Для той притягательности, которой обладает с недавнего времени Средняя Европа в глазах окружающих, а может быть, и для самой Средней Европы решающим моментом является именно ее неоднозначность, многомерность ее национальной принадлежности, невозможность охватить эту принадлежность каким-то одним термином. Несколькими годами ранее Петер Глотц выступил инициатором дискуссии о политике немецких социал-демократов в Средней Европе. Интересно, что П. Глотц упомянул при этом о своем происхождении из судетских немцев и почти буквально повторил приведенные выше соображения. И, разумеется, как это обычно бывает с мифами, выявление особенностей - в

¹"Мой Карсо" (итал.).

нашем случае они состоят в национальном многообразии средневропейской цивилизации - сплошь и рядом сопровождается опошлением мифа и превращением его в речевой штамп.

Бегая вместе с другими детьми по улицам Праги, И.Урцидиль в то же время ощущает, что живет в какой-то иной эпохе, что в нем пробуждается память прошлых столетий. "Надругательство над исторической памятью" - согласно доносу Ф.Ницше. В памяти мифа особое пространство, о котором пишет Урцидиль, ограждено от событий истории, пощажено ими. История - это нации и национальные столкновения, детство же есть переживание чего-то абсолютного, неистори-

циональности, прежде ощущавшие себя "австрийцами" осознают свою принадлежность новым отечествам, которые по большей части охвачены жестокой взаимной враждой. Гибель империи означает и конец былого офицерского братства, теперь эти люди готовы видеть врага в прежнем товарище, готовы стрелять друг в друга. Только полковой врач, еврей Грюн, ощущает себя вне отечества, ибо им утрачено отечество наднациональное.

Франц Кафка также оставил нам свидетельство о существовании этой наднациональной реальности, при этом он отнюдь не стремился к ее апологии. Кафка рассказывает эпизод из своей жизни. Еще до первой мировой войны ему однажды случилось ехать в

главой могущественной империи. По мысли Й.Рота, истинная верность поневоле проходит путь протеста и отчуждения. Нередко ревностная приверженность идее Средней Европы оборачивается банальной фразой, которая не имеет ничего общего с подлинным интересом к этому особому миру и его изучению.

В нынешнем возрождении Средней Европы доминирует суггестивное начало, атмосфера наднационального или многонационального. В основном здесь преобладает австро-славянская ориентация, при которой немецкому или австро-немецкому элементу уделяется меньшее внимание. Однако Й.Рот давно уже высказал мысль о том, что все на-

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ

ческого. Поэтому детство может быть и транснациональным, или иначе - наднациональным; детство находится под защитой того мира, в котором живет, мира, который в писательском, да и не только писательском воображении стал прибежищем для общечеловеческой универсальности индивида, зашитой перед лицом всемогущей истории.

В литературе множество примеров этого феномена - когда Средняя Европа воспринимается как область, где смешались всевозможные отечества, где принадлежность к тому или иному отечеству никогда не бывает постоянной. Так, у Франца Верфеля в поэме "Сумерки одного мира" (1936 г.) сущность особого мира Средней Европы состоит в некоем высшем абстрактном моменте, который связывает в единое целое все взаимно противоречащие компоненты и преобразует их многообразие в единство.

Роберт Музил в романе "Человек без свойств" гениально раскрывает идею существования абстрактных нематериальных уз: они не идентичны ни одной из частей этого особого мира, но связывают и скрепляют их и, следовательно, преобразуют многообразие в пестрое, но тем не менее единое целое. По определению Р.Музиля, австриец - это австро-венгр минус венгр. Стало быть, понятие "австриец" у Р.Музиля получает негативную дефиницию, в которой подчеркивается то, чем австриец отличается от представителей "чистых" национальностей, то есть от немца, хорвата, словенца, итальянца и др.

В драме Франца Тедора Чокора "Третье ноября 1918" (1935г.) показан роспуск одного из полков австро-венгерской армии в конце первой мировой войны. Империя Габсбургов рухнула, и внезапно офицеры различной на-

поезде вместе с офицером германской кайзеровской армии. Кафка обстоятельно объяснял, но так и не смог растолковать этому офицеру, кто же он по национальности. Пражанин, но не чех, еврей, но утративший связь с еврейской культурой, писатель, пишущий по-немецки, но не немец в истинном смысле слова. В этой сценке, которую Кафка обрисовал почти с юмором, отразилась проблема национальной принадлежности человека, который то и дело пересекает государственные границы и в то же время сам как бы олицетворяет границу - он как бы частица нейтральной полосы между двумя пограничными линиями, которые и разделяют, рассекают его и, вместе с тем, скрепляют, придавая ему цельность.

Разумеется, миф о наднациональном вызвал немало яростных возражений - у Гашека, например, или у Карла Крауса, который в грандиозной драме "Последние дни человечества" представил эту сложную сущность как гротескное вавилонское столпотворение и кровавый хаос.

Возрождение Дунайской цивилизации происходило на весьма разнородных основаниях. С одной стороны, интерес к подлинному, аутентичному побуждает людей заново открывать для себя ценности прошлого, с другой стороны, эти ценности зачастую опошляются, низводятся до уровня фольклора, интерпретируются в ностальгическом духе и превращаются в орудия политической борьбы. Йозеф Рот, один из крупнейших писателей того особого мира, о котором мы ведем речь, несомненно, был прав, когда объяснял, почему он может горевать об умершем Франце Йосифе: именно потому, что восставал против этого правителя, когда тот был

роды бывшей империи Габсбургов по праву могут называть себя австрийцами - кроме австрийцев-немцев. Эта мысль была высказана в те годы, когда уже набирал силу немецкий национализм, кульминацией которого позднее стал нацизм; Йозеф Рот, без сомнения, высказался таким образом потому, что видел необходимость полемики с немецким шовинизмом и считал, что в ней нужно использовать, в частности, и оружие мифа - преобразованного мифа.

Генезис средневропейской идеи и самого термина "Средняя Европа" свидетельствует об обратном. "Средняя Европа" появилась на свет как программа немецкого господства в Центральной Европе, что было показано Ардуино Аньелли. В середине XIX в. Фридрих Лист представил свое понимание термина "Средняя Европа" - это придунайские земли, в которых правят немцы или венгры, а прочие народы занимают подчиненное положение и, насколько возможно, должны быть ассимилированы. Другие политологи и экономисты, например, Брук и Лоренц фон Штейн, также говорят о необходимости немецкого господства в Средней Европе, допуская, впрочем, разнообразие форм немецкого владычества.

Всем этим политическим сценариям свойственно нечто общее - полемика против прусской политики "малых Германий" и прусского господства в Германии, изолировавшейся от Австро-Венгрии. По-видимому, дебаты о Средней Европе были связаны с другими спорами, а порой и подменяли их, мы имеем в виду поиск альтернативы одному из трех обсуждавшихся решений. Это решение в пользу создания "малых Германий", решение в духе великой Германии (в состав которой

входили бы и немецкие земли монархии Габсбургов) и, наконец, общегерманское решение, то есть создание комплекса государств на всей территории Австро-Венгрии, следовательно, и в землях славян, венгров и романских народов, при условии германской гегемонии.

Во всех политических проектах XIX века либеральные и государственные интересы сталкивались с необходимостью уважать не только культурные и политические особенности тех или иных наций, но и так называемые исторические права различных социальных и национальных групп, их состав, нравы и обычаи, соотношения сил между ними и внутри них. Все это существенно и для средневропейского узла проблем: пересечение, сочетание, порой запутанное и сложное переплетение притязаний народов на автономию - и в смысле действительных свобод, и в смысле вековых устоявшихся привилегий.

Юрист, противник Бисмарка Константин Франц (1817 - 1891) размышлял о возможности федеративного объединения народов, проживавших в придунайских землях до самого устья этой реки, то есть и на некоторых не заселенных немцами территориях. К.Франц выступил против существовавших в то время концепций о "малых Германиях" и о великой Германии, следовательно, он понимал единую наднациональную сущность Средней Европы. Но в то же время К.Франц был твердо уверен, что немецкая культура не может не играть в таком федеративном образовании ведущей роли. Таким образом, планы К.Франца противостояли идее современных национальных государств, которую воплощала прежде всего Франция.

В изданной в 1914 г. книге "Средняя Европа" Науман писал о возможности создания в Центральной Европе нового порядка под эгидой немцев. В 1937 г. выходит сочинение Генриха фон Србика, в котором автор ратует за общегерманскую оптацию. Србик хоть и не был расистом, но душой и телом был предан национал-социализму, немецкая цивилизация являлась для него синонимом христианского универсализма Священной Римской империи, эта цивилизация должна главенствовать над всеми государствами и подчинять свою чисто диктаторскую политику лишь высшим имперским ценностям. Србик много пишет о мирном сосуществовании и взаимном юридическом признании государств Центральной Европы, однако считает, что лучшим выразителем универсальной культуры может быть только немецкий народ.

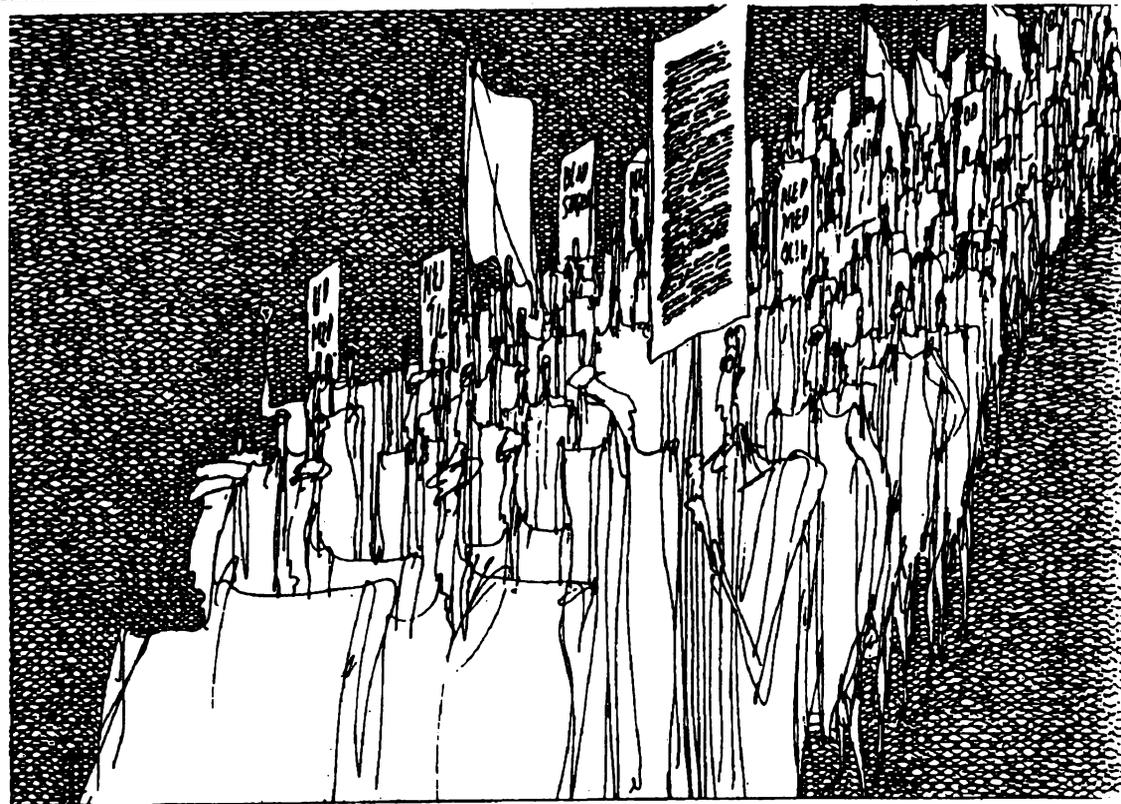
Между тем Србик не имел в виду расово-биологических факторов - он выступает в защиту смешанных браков и этнического взаимобмена, не забывает упомянуть и о собственных чешских корнях, хотя уже несколько поколений его предков были "германизированными". Функция носителей культуры, по Србику, может принадлежать лишь немцам, людям немецкой крови, все же прочие должны выбирать: либо благодаря германизации возвыситься до уровня немцев, стать немцами, как это было с предками самого Србика, либо остаться на вполне достойном, но в конечном счете более низшем уровне своей нации. Славяне могут стать немцами - так же, как некогда варвары могли стать гражданами Римской империи; только немецкая культура обладает, по мнению Србика, таким же превосходством над всеми прочими, какое

было у культуры греков и римлян. Совершенно очевидно, что механизм чреватого трагедией извращения немецкой национальной идеи был запущен национал-социализмом, кстати, во имя этой идеи Србик вступил в нацистскую партию. В остальном относительно Средней Европы, - имея в виду Центральную Европу, то есть центр, середину Европы, - первоочередную важность имеет вопрос: какая сила способна связать воедино разнородное многообразие этого особого мира. Несомненно, немецкая культура казалась единственным связующим звеном, общим для всех наций Центральной Европы, поскольку лишь немецкая культура вместе с еврейской могла выступить в качестве эле-

ментности до хаоса. Среднеевропейская традиция заявила о себе, например, в 1931 г. на лингвистическом конгрессе компаративистов в Будапеште; интересно, что она никоим образом не связывалась при этом с ностальгическими воспоминаниями о монархии Габсбургов, напротив, языковеды анализировали последствия немецкого натиска в сфере наднационального койнэ.

Культура и литература

Спустя значительное время после окончания второй мировой войны дискуссия о Средней Европе разгорелась вновь. Теперь "не-

мента наднационального единения.

Немецкий язык становился своеобразным эсперанто для народов Средней Европы, средством общения, которое функционирует независимо от этнических границ. Поистине наднациональным объединяющим элементом был немецко-еврейский симбиоз; трагедия Средней Европы состоит прежде всего в том, что симбиоз этот прекратил свое существование. Как - мы знаем: один его участник уничтожил другого. Попытка объединить разнородную среднюю Европу под началом немцев провалилась, немецкий элемент более не мог играть роль гаранта подобного объединения. Спрашивается, какой же элемент мог бы заступить на его место? Не следует забывать, что другой бесспорно наднациональный элемент, еврейский, если не полностью уничтожен, то чудовищно ослаблен. В 1986 г. Петер Глотц поднял этот вопрос на съезде СДПГ и предложил провести партийную дискуссию о стратегии социал-демократии в Средней Европе.

В истории отношений между немцами и другими народами Средней Европы достаточно глав - вспомним хотя бы о пражской литературе на немецком языке или о саксонцах Трансильвании, о швабах Баната, - в которых с особой остротой прочувствована "судьба немца на востоке", где смешение наций имело множество градаций, от амбива-

мецкая тема" полностью игнорировалась. В литературе Средней Европы и в так называемой "среднеевропейской уязвленности" теперь - вполне логично - начали усматривать нечто противоположное тому, что принесла история предшествовавших десятилетий. Политическая история Центральной Европы интерпретируется как сплошное извращение того, чем могла бы стать среднеевропейская культура, да чем она временами и была действительно, невзирая на искажения, деформации и насилие. Во всяком случае, вполне очевидна роль нацистского варварства, катастрофы, которая, несомненно, смыла своей волной и значение немецкой культуры для Средней Европы. Но и в отношении политики Габсбургов участники дискуссии о Средней Европе отнюдь не были склонны к восхвалению - если не брать в расчет новой оценки такого восхваления в противовес тем идеологическим искажениям исторической науки в духе ирредентистов², которые происходили в ряде стран, и если оставить в стороне фольклорно-ностальгическую идеализацию самой династии Габсбургов. Речь шла об изучении общего наследия, поскольку лишь осознав это наследие можно создавать единство Средней Европы, то единство, которое стараются найти и находят в историческом прошлом и которого, в сущности, никогда не было, - его предстоит создать. Генрих Майер

заметил, что понятие "Средняя Европа" это "семантический конфуз" - ведь в одних контекстах под ним понимают имперскую политику, а в других - культуру, которая бросает обвинение этой политике.

И этим, в частности, объясняется важнейшая функция литературы: литература является нам как истинное лицо истории, ее квинтэссенция, постоянно отрицаемая и предаваемая политикой, но речь всегда идет об истории, которая еще не осуществилась, которой только еще предстоит осуществление в будущем. Литература по определению есть царство воображаемого, того, что существует только в слове и, не являясь действительным здесь и теперь, ощущается нами как латентная сила. Воображаемое подобно куколке, из которой рвется наружу бабочка.

В зеркале литературы отразились две стороны единой истины: желание порядка и разоблачение беспорядка. Лет двадцать тому назад в литературе преобладала ностальгически преображенная картина упорядоченного мира Средней Европы, надежного "вчерашнего мира", по выражению Стефана Цвейга. В этом мире каждый человек знал, в чем его обязанности, и каждая вещь была на своем месте. Бумажная рука администрации, образ из романа Р.Музиля "Человек без свойств", и пересекающие восточные равнины трассы дорог, о которых с восторгом говорит Реццори, персонаж из другого романа Р.Музиля "Горностай в Чернополе", - вот лишь два примера метафорической интерпретации столь привлекательной идеи порядка. Для Йозефа Рота гибель среднеевропейской ойкумены означала распад системы ценностей, стандартизацию и стирание индивидуальных черт. Осиротевшее дитя Средней Европы и имперского государства, теперь оно было уже порождением самой жизни и тотального порядка.

Среднеевропейская цивилизация мечтала о гармоничной тотальной цельности, эта мечта покорила воображение множества людей вопреки трагическим коллизиям истории. Но, вероятно, именно страстная жажда гармоничной цельности и стала причиной того, что среднеевропейская цивилизация обвинила во всех несчастьях на распад действительности. Вдохновение тех лет было вызвано не образом особого пребывающего в идеальном порядке мира - его питала энергия, с которой культура этого мира обрушивалась на беспорядок и пустоту, воцарившись и в ее собственном, и в окружающем мире. Поэтому и Австрия, и вся Средняя Европа перестают быть "вчерашним миром", как его понимал Ст.Цвейг, и превращаются в "Метеостанцию для наблюдений за гибелью мира", если воспользоваться названием романа Карла Крауса. Именно в этой культуре организуется "параллельная акция", о которой пишет Р.Музиль в романе "Человек без свойств". "Параллельная акция" состояла в создании специального комитета, занятого поиском некой центральной идеи, которая могла бы послужить прочным фундаментом австрийской и - шире - всей западной цивилизации. Сформулировать эту идею так и не удалось. Но то была попытка культуры выяснить, в чем состоит высший принцип западной цивилизации, на какой фундаментальной ценности она покоится, и обнаружилось, что такого основания нет. Империя Габсбургов и вся Средняя Европа - это пустышка, реальность, лишенная основы, "повисшая в

воздухе". Среднеевропейская культура развенчивает западную цивилизацию как цивилизацию, не имеющую под собой основания, цивилизацию, в которой нет ни единства, ни порядка. Герман Брех создал символический образ старой Австрии - это пустая императорская ложа; такие ложи имелись во всех театрах Дунайской монархии, но император появлялся в них крайне редко, а то и вовсе не появлялся.

Существенным для среднеевропейской культуры была, по-видимому, не столько сама эта пустота, сколько ее осознание, то есть понимание нигилистического характера действительности и существовавших в то время форм знания. В эти годы снова пробуждается интерес к проблеме Средней Европы, теперь он в первую очередь связан с пониманием среднеевропейской культуры как творческой лаборатории современного нигилизма, в которой одновременно вырабатывалось и ироническое, но вместе с тем стойкое сопротивление нигилизму. Так же, как Австрия Роберта Музиля, Средняя Европа явилась "экспериментом мирового масштаба", и это обусловлено прежде всего тем, что ее рассыпчатая неоднородность ясно показала: за фасадом любой единой реальности скрывается множество противоборствующих элементов и непримиримые противоречия.

И не случайно в этой культуре наиболее интенсивно шло развитие таких наук, в которых, как в математике, с очевидностью выступает отсутствие собственных оснований, или, например, психоанализа, объектом изучения которого является плюралистичность человеческого "я". В своем первом романе "Смятение воспитанника Терлеса" Роберт Музиль пишет: "В переплетении мыслей все петли скреплены друг с другом, отчего целое и имеет такой естественный вид. Но никому не известно, где та первая петля, на которой держится все целое".

Элиас Канетти писал в автобиографической книге "Спасенный язык": "С этого возраста, то есть с десяти лет, моим догматом веры было и остается: множества личностей". Прийти к такому выводу, понять, что каждый есть "множество", мог бы "человек без свойств", подданный Франца Йосифа; "множество", то есть совокупность "свойств без человека", по выражению Р.Музиля, не имеющая объединяющего центра и в силу этого более современная особь по сравнению с другими людьми, - такой человек стоит на полпути: он все еще верен прошлому, но уже готов принимать будущее с его изменениями.

Среднеевропейская культура с непреклонной решимостью разбила все умозрительные картины единства, все масштабные синтетические философские системы. В обширных философских системах, таких, как идеализм или классический марксизм, всемирная история интерпретируется как свершение всемирного суда и установление ценностей - в среднеевропейской культуре ликвидирован разрыв между элементом системы и системой, которая этот элемент поглощает, якобы для его же блага. Этим объясняется, почему в ту пору, когда масштабные философские концепции переживали глубокий кризис, потрясший веру классического либерализма и классического марксизма в исторический прогресс, Италия и некоторые другие страны с таким воодушевлением восприняли идею Средней Европы.

Литература Средней Европы стала выразительницей недовольства людей ходом истории; воцарившись в культуре в конце шестидесятых годов, оно дискредитировало всякую веру в рациональное начало, как в истории, так и в современной действительности.

В этом смысле существует коренное различие между культурой Средней Европы и немецкой культурой, создательницей великих всеобъемлющих систем. Это различие ярко проступает в том, как восприняли Грильпарцер и Гегель феномен Наполеона. Гегель приветствовал его явление - это мировая душа, воплотившаяся в полководце верхом на коне, то есть историческая сила, в которой претворяется разум и высокие ценности. Грильпарцер же распознал в Наполеоне типичные черты современности, безоглядное разрушительное начало, воплощение всемирной истории, но не свершение всемирного суда.

Осознание кризиса всех масштабных систем, а равно и того, какими возможностями обладает культура, чтобы привести в мир единый смысл, обострило чувствительность современной культуры к проблеме принадлежности индивида, акцентировало уязвимость субъекта, увеличило ироническую дистанцию между той ролью, которую приписывают себе, и ролью, которую действительно играют на исторической сцене. В сознании современников среднеевропейская культура становится синонимом защиты всего маргинального, оттесненного на окраины, слабого и скромного против притязаний крупных синтетических образований, которым необходимо, чтобы индивидуальное приносилось в жертву во имя некоего общего.

В нашем столетии культура Средней Европы подвергла радикальной критике самую основу любой классической всеобъемлющей идеи единства - идею субъекта и субстанции. Субъект оказывается перед фактом, что он отнюдь не является объединяющим центром, в котором происходит синтез и иерархическое упорядочение противоречий, напротив, он видит, что представляет собой ничем не сдерживаемый хаос, в котором противоречия сталкиваются, пересекаются, смешиваются, но не исчезают. Выдающиеся писатели XX века возвестили о надвигающемся кризисе, они заявили о своем недоверии слову, которое неспособно выразить человеческий опыт или как-то организовать сплошной поток жизни,- об этом пишет лорд Чэндос в новелле Гуго фон Гофманстала "Письмо лорда Чэндоса Фрэнсису Бэкону". Писатели показали крах человеческого "я" - оно уже не может протянуть между собой и жизненным хаосом нити языка, оно расщепляется и преобразуется в пучок изменчивых чувств и представлений. Э.Мах провозгласил "обреченность" человеческого "я", которое, как пишет Р.Музиль, "теряет свою прежнюю значимость, значимость самодержавного правителя, отдающего распоряжения".

Культура Средней Европы воспринималась прежде всего как культура синтеза, которую Р.Музиль определил с помощью слов "точность" и "душа". Это - сознание, аналитически строгими научными методами оно постигает загадочные глубины души; это - целомудренная сдержанность, ей чужда скороспелая патетика; последовательность и честность не позволяют ей выходить из границ того, что установлено разумом, однако она

сознает, что за пределами этой области начнутся величайшие вопросы бытия, проблемы ценности и смысла жизни. Экономические труды Шумпетера и лингвистические сочинения Витгенштейна, - вот лишь два примера этой математической мысли, в них с иронией, но и с тоской, как и в романах Г.Броха, взгляд то и дело обращается к ускользающим от точного расчета явлениям и чувствам.

Средняя Европа воспринималась как культура иронии и меры, как великая стратегия самоограничения, глубокое понимание несовместимости интеллектуальной и социальной ролей, сознание кризиса, который переживает процесс идентификации; однако именно благодаря осознанию кризиса процесс идентификации приобретает ироничное осмысление и не прекращается в условиях кризиса. Средняя Европа - это культура писателей, и вообще людей, которые живут в кредит, не имея чем расплатиться, которые потворствовали глупости, либо мирились с ней как с чем-то неизбежным, роковым, и полагали, что в жизни осуществимы лишь "параллельные акции", не параллельные на самом деле никаким реальным акциям, что жизнь есть копия или репродукция утраченного оригинала.

Среднеевропейская и особенно австрийская цивилизация, в которой гениев сплошь и рядом считали болванами, и никогда наоборот, это цивилизация иронии, благодаря которой сдерживается задорно-самонадеянный порыв постмодернизма; "параллельная акция" - это не только диагноз, по которому мир не имеет основания, это еще и насмешка над теми, кто болтает вздор про "мир без оснований".

Средняя Европа как модель и метафора

Средняя Европа привлекла внимание и еще с одной стороны - как модель государственного правления. В данном случае Средняя Европа отождествлялась с монархией Габсбургов. Этот интерес - совершенно независимо от того, правильно или неправильно оценивалась при этом политико-организационная взаимосвязанность Средней Европы - метафорическими средствами отобразил протест против реальных и мнимых изъянов правления в отдельных государствах, в первую очередь это касается земель, некогда входивших в состав Австро-Венгрии. И в этом смысле название "Средняя Европа" предоставляет возможности самых различных толкований. Эти два слова выступают в роли стимула для движений диаметрально противоположной направленности. Например, в маленькой области Фриули-Венеция-Джулия к идее Средней Европы обращается и политическая организация реакционно-ностальгического толка, и организация более левой ориентации, чем даже коммунисты.

Итак, Средняя Европа становится метафорой. И в странах Восточной Европы, где были предприняты отчаянные попытки возродить среднеевропейское прошлое, это название также в основном сохраняет свой метафорический характер.

Многие литераторы и интеллигенты в странах Восточной Европы увидели в этом понятии возможность нового пути, противоположность той Европе, которая была созда-

на в соответствии с Ялтинскими соглашениями. Они увидели образ новой Европы, не поделенной двумя сверхдержавами, но сложившейся в силу логики, они увидели Европу автономную, расположенную - не в географическом смысле - в середине, между Востоком и Западом. В этой Европе слова "Восток" и "Запад" должны избавиться от того значения, которое они приобрели во времена холодной войны. По мысли Петера Глотца, Средняя Европа должна проводить политику диалога между Востоком и Западом. Кундера отмечал, что Средняя Европа имеет срединное географическое положение на восток политику. Средняя Европа лежит как бы на границе, но вместе с тем не имеет границ и потому становится знаком, метафорой бытия, образа жизни и чувства.

Книга Д.Конрада "Антиполитика" имеет подзаголовок: "Среднеевропейские медитации". По Конраду, Средняя Европа это метафора отказа от политики в смысле тотальной политизации всех и каждого, от присутствия государства и государственных интересов во всех сферах бытия - а такую возможность нельзя сбрасывать со счета, как на Востоке, так и на Западе. "Среднеевропейская уязвимость" означает для Д.Конрада необходимость защиты всего отдельного и особенного против от любых авторитарных всеобъемлющих планов. Средняя Европа у Конрада определенным образом напоминает тот особый транснациональный мир, о котором писал И.Урцидиль.

Наиболее оживленная дискуссия о Средней Европе развернулась в Югославии. Эта страна особенно восприимчива к среднеевропейской проблеме в силу своей нейтральной политической позиции, кроме того, югославам из-за многонационального состава населения страны весьма близки, например, такие проблемы, как шансы на сохранение среднеевропейского национального плюрализма. Не случайно именно в Югославии появился такой писатель, как Крлежа, - он и восстает против этого мира и вместе с тем создает притягательный его образ.

В 1986 г. был издан "Проект Средней Европы" Эрхарда Бузека и Эмиля Брикса. Средняя Европа - это обращение к прошлому, которое на Востоке носит антисоветский характер, а на Западе - антиамериканский, в центре же царит смятение. Средняя Европа - это принцип надежды, мнимая величина, метафора протеста, которая зиждется на традициях индивидуальности и защите прав каждого. Это жизнь "на границе", которая должна привести к отмене всех границ.

Пока люди остаются в черте нигилизма и постнигилизма, то есть пока культура не сумеет сформулировать новые ценности, до тех пор стилем среднеевропейской культуры, несомненно, будет оставаться великий оборонительный стиль кризиса, подобный стилю прежней Дунайской культуры, в которой вечно репетировали светопредставление, чтобы хоть как-то его отдалить: ведь пока идет генеральная репетиция, сам спектакль не начинается, пока конец света разыгрывается на сцене, можно прожить еще день - а это уже немало.

Урок Средней Европы, без сомнения, не прошел даром, он сказывается в ироническом отношении к исторической актуальности и прежде всего той, которая провозглашает себя единственно мыслимой реальностью и

требует, исходя из этого, чтобы мы устремились в ряды бойцов под ее знаменами.

Наследие и уроки среднеевропейской традиции можно, пожалуй, сформулировать, использовав высказывание моего друга Польди Бека. Я познакомился с ним случайно в Лодзи несколько лет тому назад. Польди Бек вручил мне рукопись своего эпического произведения объемом 16 страниц от руки. Не так давно это сочинение было издано. Называется оно "Книга наплевательства". В этом мини-эпосе Бек рассказывает о своей жизни, жизни еврея, которого преследовали и который пережил не одно крушение надежд. Написана "Книга" в форме трактата об искусстве наплевательского отношения к жизни, ее трагедиям и бедам. В одной из строф речь идет о следующем: некто в экипаже нагоняет автора и приглашает садиться и вместе ехать на праздник жизни. Автор в ответ говорит: "Езжай себе, я опоздаю или вовсе не приду". Быть может, этот проникнутый иронией, самоиронией и скромностью отказ представляет собой сентенцию о смысле среднеевропейской культуры, и она не менее глубока, чем многие другие звонкие максимы, получившие широкую известность.

Перевела Галина Снежинская

Шарль Добжинский

Город в огнях

*Урк надвое рассек тот мир, в котором
Путь через мост я памятью прошил,
Над черным опрокинутым простором
Я словно бы вторую жизнь прожил.
Мир стал другим. Париж - король бедовый,
Он царство променяет на мопед.
Двоится он Венецией бредовой -
Дома, решетки, парки, паранет.
Там - Ла Виллет, циклопа глаз-фонарик,
Жеода, пепельница великана,
Где ночь порою давит свой охнарик,
В канаве сгладив хаос океана.
Париж не спит, вытягивая тралом
Безумных рыб, роящихся в туннеле,
Где к Монпарнасу в ореоле алом
Выныривают рельсы, как форели.
Париж - письмо потомкам. Смысл в нем тот,
Что все меняется - язык и стили,
Родится Опера в тени Бастилии,
И песня человеку горло рвет.*

Перевела Майя Квятковская

Политическая география не всегда совпадает с географией общей. Пока стояла Берлинская стена и держались коммунистические режимы в Болгарии и в ГДР, эти страны называли Восточной Европой, поскольку они были включены в восточный блок и насильно отделены от Запада. Теперь, после освобождения этих народов, вновь призна-

Между Советским Союзом и Европой существует огромное противоречие. Возможно, оно "старше" Советского Союза, и зародилось еще в царские времена, когда Россию зачастую и не желали видеть частью Европы, а воспринимали лишь отдельно, саму по себе, противостоящую Европе как часть света, которую связывали с Азией и называли "азиатской". В России были круги, утверждавшие ее принадлежность к Европе, но были и такие, кто считал, что Россия это нечто совсем иное. И позднее, во вре-

ского образования - явление временное, а Восточная Европа и Азия в качестве географической реальности - величины постоянные. Рано или поздно они обязательно сумеют доказать, что они большие и более устойчивые реальности, чем Советский Союз. У того, кто не видит этого, ущербное зрение. Подобная близорукость может вызвать тревогу и даже стать опасной для политиков. Об этом свидетельствуют попытки некоторых государственных деятелей Запада спасти советскую империю от развала.

Ян Каплинский

за счет принимаемой им за образец Российской империи. Немецкий фюрер не подумал о том, что тем самым он подталкивает своих противников колонизировать Германию, если та проиграет войну и будет не в силах себя защитить. Так оно и случилось - разгромленная Германия потеряла часть своих восточных областей, которые были захвачены Польшей и Советским Союзом.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ется, что чехи, венгры и поляки располагаются на самом деле в Центральной Европе, в ее сердце. Географический центр Европы действительно находится на территории нынешней Литвы. Так что у Литвы есть основания считать себя государством Центральной Европы и добиваться признания себя в качестве такового. Почти полтора года, начиная с объявления независимости в марте 1990 года до признания ее независимости как со стороны Востока, так и Запада, Литва находилась на границе двух миров. То, что ее притягивало, находилось на Западе, а то, что отталкивало, - на Востоке. Акции советских властей против Литвы, призванные удержать ее в Союзе, привели к обратному: на самом деле способствовали углублению кризиса и развалу Союза после Августовской революции 1991 года.

Литва, то же самое можно сказать про Латвию и Эстонию, являются странами Центральной Европы. Но точно так же эти три страны, как и Белоруссию, Россию, Украину и Молдову, можно считать странами Восточной Европы. Тем не менее подобное географическое понятие по отношению к ним почти не употреблялось. В политической географии Восточная Европа простиралась до пределов Советского Союза. Деголлевская Европа от Атлантики до Урала - это красивая мечта; граница восточного блока разрезала Европу пополам, граница Советского Союза служила границей Европы. Борьба Прибалтики за независимость - это не просто борьба малых народов за их свободу, это нечто большее. Это была борьба за Европу, за то, чтобы находящаяся в прокрустовом ложе Советского Союза Восточная Европа стала сама собой.

мена коммунизма, до наших дней, советская идеология идентифицировала свое государство, человека и культуру, противопоставляя их Западу.

Это значит, что в России всегда были влиятельные силы, которые противились признанию географической реальности Европы, упрямо игнорируя наличие в географии Восточной Европы. В результате действия этих сил Восточная Европа до сих пор существовала скорее теоретически, чем практически, скорее как возможность, чем действительность. Хорошо охраняемая граница Советского Союза служила отрицанием целостности Европы и даже ее существования, потому что Европа не может быть сама собой, если из нее исключена территория от Восточной Пруссии до Урала. Советская власть зачастую противостояла реальности на любом уровне, будь то биология, где отрицалась наследственность, психология, где отрицалась психика, социология, где отрицалось общество, или география, где отрицалась значительная часть Европы. Мои казахские или узбекские коллеги непременно добавили бы, что отрицалась и Азия, и были бы несомненно правы. Ведь и Азию коммунисты пытались советизировать, "деазиатизировать".

В подобном контексте Советский Союз можно рассматривать как искусственное образование, которое долго препятствовало самостоятельности Восточной Европы и ее единству со своим континентом.

Вероятно, полезно научиться видеть вместо Советского Союза или рядом с ним нечто другое, что простирается в глубину прошлого или дали будущего - Восточную Европу и Азию. Советский Союз в качестве политиче-

ского образования должно было бы быть ясно, что прежний Советский Союз не в силах спасти ни Горбачев, ни Крючков, ни Буш. Если что-то и удастся спасти, то это Восточную Европу, Северную и Среднюю Азию. Сейчас, после победы Августовской революции, эти субконтиненты сами стали спасать себя, отогреваясь от большевистско-империалистической вечной мерзлоты, которая до недавнего времени простиралась от Чопа до Хабаровска на шестой части земного шара.

Советский Союз - наследник Российской империи, однако он не унаследовал лучшие ее черты - ни мощно развивающееся сельское хозяйство, ни движущуюся в направлении демократии политическую систему, ни культуру, которая становилась одной из самых богатых и интереснейших в мире. В развитии России была надежда на большое будущее, Советский Союз задержал это будущее, Российская империя осталась без современной исторической перспективы - осталась империей, которая удерживалась насильно и искусственно.

* * *

Адольф Гитлер в своем политическом завещании рассуждал приблизительно так: путь России к приобретению колоний гораздо предпочтительнее, чем у Англии или Франции. Заморские колонии находятся вдали от родных краев, и их не так-то просто присоединить к своей территории. Россия же расширяла колонии вдоль своих границ и тем самым прочнее привязывала их к себе. По словам Гитлера, подобная колониальная империя намного прочнее, и он возжелал для Германии того же самого, пусть даже

Разобщенность колоний и метрополий имеет свои позитивные стороны. Колониализм означает милитаризм и репрессии, в колониях нет демократического строя, в колониях демократическое развитие неизбежно отстает от метрополии, в них консервируются старые феодальные структуры, которые правящая власть поддерживает и дополняет своими военными структурами. Губернатор, высший чин в колониальной стране, назначается правительством метрополии, а не избирается местным народом.

Если колонии расположены вдали от метрополии, то политические структуры и правовое положение подчиненного народа может отличаться от тех, что царят в метрополии. Так, например, в начале XX века существовала большая разница между весьма демократическим государственным устройством в Англии, Франции или Голландии и государственным строем в колониях этих стран, где у поселенцев зачастую отсутствовали какие бы то ни было политические права и где власть принадлежала местным феодалам и чиновникам от метрополии.

В России же колонии и метрополия соприкасались, частично даже перекрывались. У них не было четких разграничений - ни административных, ни политических. Почти вся империя была поделена на губернии, а казацкие войска, созданные для того, чтобы удержать в узде народы покоренных колоний, использовались в качестве карательных сил и в самой России. Господствующие политические структуры в колониях, например, в Средней Азии, разумется повлияли на сохранение старых по-

литических структур и в европейской части России. Близость колоний благоприятствовала поддержанию политического консерватизма во всем государстве.

Россия почти во все времена вела войны в своих границах или поблизости от них, а это значит, что военное положение и военный дух распространялись и на других. Война на Кавказе, в Польше или в Маньчжурии имела более заметное влияние на обстановку в государстве, чем война французов на Ближнем Востоке на жизнь Франции, или военные акции англичан в Азии на жизнь Англии. Большая военная активность России создавала широкие предпосылки как для гражданской войны, так и для революции. По тем же причинам армия в России всегда была ближе к политике и легче политизирована

чем люди существенно отличаются друг от друга - это своим положением в иерархии власти - находятся ли они внизу, в середине или наверху.

Движение к цивилизованному обществу, весьма успешно наметившееся в начале XX века и в России, означало усложнение примитивных структур власти. Один центр заменяется несколькими, один начальник - группой руководителей, каковой может стать, например, парламент. Одностороннее подчинение заменяется структурой, где подчиненные тоже получают частицу власти, могут влиять на деятельность начальников, контролировать их.

Для тех, кто привык к простой иерархической структуре власти, подобное развитие представляется движением к беспорядку, хаосу и анархии. В советской

Итак, в России против нарождающегося демократического цивилизованного общества выступали две силы: с одной стороны - реакционные монархисты, с другой - революционеры-большевики (большевики из революционеров). И те, и другие добивались уничтожения цивилизованного гражданского общества и замены его обществом, основанным на простейших формах подчиненности военного типа, хотя философия тех и других отличалась. К тому же эти полярные силы между собой враждовали. Ни одна из них не отказалась в достижении своих целей от насилия, от военных акций против тех, кого считала врагом или Святой Руси, или пролетариата. Терроризм, ограбления банков, погромы, тайные убийства входили в арсенал борьбы за власть как у монархических "темных

банда грабителей получает в свое владение территорию и народ, а потом начинает ими управлять. Разумеется, это всего лишь один способ создания государства, но среди прочих - может быть, самый распространенный. Так, возникла, например, Франция (государство франков), Англия (государство норманнов), так возникла Римская империя. Так появилась и Советская империя, где большевики, как в свое время варяги или франки, подчинили себе земли одной разваливающейся империи.

Августин не рассказывает о том, что было известно уже китайцам, которые в III веке пережили эксперимент тоталитарного государства. А именно: государство, конечно, может начаться с военной диктатуры шайки грабителей, но оно не может в этом качестве существовать. Го-

И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

лась, чем, например, во Франции или Англии. Такое случалось, по крайней мере, трижды: во время декабристского движения, во времена Русской революции 1905 и 1917 годов и теперь снова, начиная с 1990 года.

Армия всегда таит в себе дух тоталитаризма. Тоталитарное государство - это милитаризованное государство, где царит военный порядок, военное, примитивное послушание и основанные на приказном порядке структуры власти. Последние - простейшие из всех возможных структур - представляют собою начальные формы власти, первую ступень в их эволюции. Можно повторить вслед за Мао-Цзедунем, что винтовка рождает власть, однако, развивая общество, власть не стоит на месте, она превращается в гражданскую власть, так сказать, цивилизуется.

Как в армии, так и в тоталитарном государстве, есть, как правило, один руководитель, начальник, диктатор, кому подчиняются все и кто не подчиняется никому. Порядок подчинения един и односторонен. Ни в армии, ни в тоталитарном государстве нет достаточной обратной связи, отсутствуют обсуждения, споры и голосования, исполняются только те распоряжения, которые отданы сверху. Нет и разнообразия, все подчиняется единому центру. Единственное,

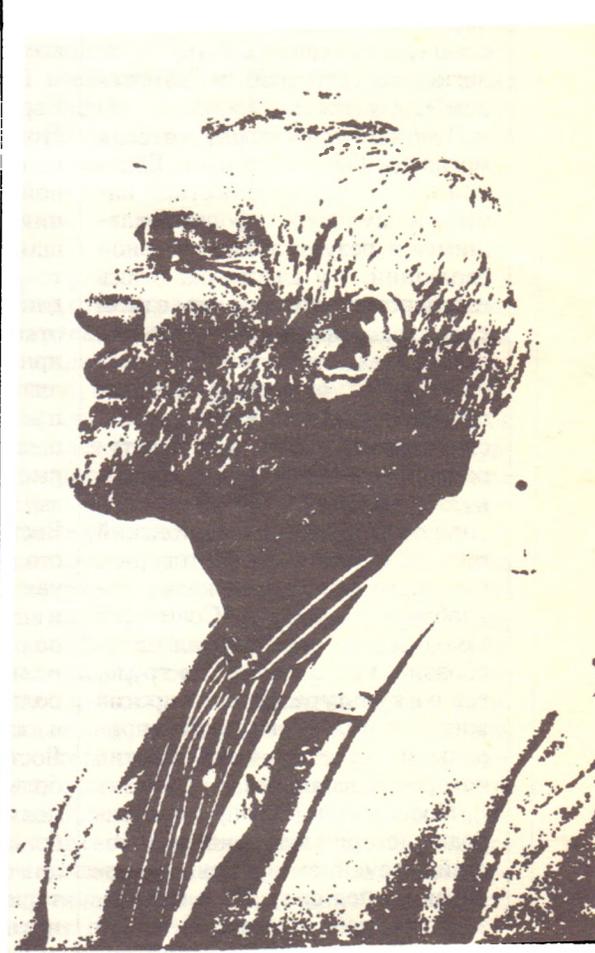
фразеологии в таком случае принято предупредительно-осуждающе говорить о самотеке и стихийности. Эти выражения свидетельствуют о представлении, что власть есть нечто внешнее, что это насилие, связанное с принуждением, то есть она отождествляется с односторонней властью, военной властью. Структуры власти, основывающиеся на многоподчиненности и децентрализации, не могут быть военными. И наоборот: в военной среде невозможно - за исключением небольших подразделений, особенно партизанских отрядов, - существование подобных структур.

В России начала века, где, как уже упоминалось, развитие происходило от тоталитарных к демократическим структурам власти, была сильна и обратная тенденция, которую, с одной стороны, представляли ультраконсервативные силы, полагавшие, что демократизация разрушит российскую монархию и приведет государство к краху, и с другой стороны - ультрареволюционные силы, считавшие, что демократизация - это дымовая завеса для буржуазных, эксплуататорских структур власти, которые нужно разрушить. Для того, чтобы их разбить, пришлось создать боевую организацию с военной структурой - партию. Такую партию большевикам удалось со-

сил", так и у большевиков.

Первая мировая война нанесла удар по еще не сформировавшемуся гражданскому обществу России, очень сильно демилитаризовав его. В борьбе за власть участвовали как правые, так и левые. Особую роль в победе большевиков сыграли военные. Поначалу они пытались сделать целое государство большим военным лагерем, государством "военного коммунизма", где и рабочие, и крестьяне находились бы в положении солдат, пополнив так называемые "трудовые армии". Осуществить это в полной мере не удалось, и власти вынуждены были пойти на компромисс с гражданским обществом и перейти к новой экономической политике (НЭП). Компромисс, однако, оказался недолговечным, и во времена Сталина Советский Союз на самом деле стал лагерем, который вернее было бы назвать тюремным или военным. Особой разницы между ними нет - в обоих случаях действуют структуры власти сходного типа.

Августин в V веке писал, что все государства возникли в результате того, что удачливая

государство можно покорить в седле военного всадника, но из такого седла им нельзя управлять. Нормальное развитие государства неизбежно ведет к более сложным структурам власти, прочь от тоталитарного государства.

Такой процесс происходил в царской России, где тоталитарные структуры и тоталитарное мышление были достаточно жизнеспособны. Захват власти большевиками остановил процесс и отбросил государство назад, к военно-феодалному началу. Возникла новая тоталитарная идеология. Общие принципы ее широко известны, внимания же заслуживает содержащийся в этой идеологии мессианский милитаризм, где древние персидские мотивы "о последнем решительном сражении и о власти, которая создаст новый мир", сливаются с милитаристской образностью во всех сферах. Писателей называли "работниками идеологического фронта", на обувных фабриках стояли "на трудовой вахте". За границей был враг, по отношению к агентам и прихвостням которого требовалось проявлять постоянную бдительность и которому следовало наносить ответные удары.

Вся эта идеология по сути была призвана сохранять архаичные структуры власти, и в значительной степени она добилась своих целей. Советский Союз на протяжении семидесяти лет вел борьбу с нормальной политической эволюцией, да и вообще с нормальностью и естественностью (следуя советской терминологии, со "стихией" и "самотеком").

Так на территории, которая могла бы быть восточной Европой - сложным сообществом наций и культур, сформировавшимся в результате длительной эволюции, - у власти оказалось государство, которое на самом деле стремилось уничтожить как нации, так и культуры, а через них и культуру вообще. Все, что провозглашалось особой советской (или пролетарской) культурой, превращалось в похороны культуры, даже в невольную пародию на культуру. Эстонский писатель Юхан Лийв говорил, что многообразие есть жизнь, однообразие - смерть. Советский Союз всегда предпочитал однообразие, как в жизни и в труде, так и в культуре. Боролся против жизни и культуры, против природы и естественности, против истории и эволюции.

Подобная борьба против природы, истории и ее закономерностей с течением времени становится не под силу даже партии, захватившей власть в самой большой и богатой империи мира. Эта партия не в состоянии избежать эволюции даже внутри себя, того, что и сама она меняется, начинает утрачивать свою примитивную организацию. Носители советской власти не могут бесконечно бороться с Восточной

Европой, потому что сами являются ее частью и подчиняются законам ее развития, хотя и не желают этого признавать. А это следует рано или поздно сделать.

Недавнее и нынешнее политическое развитие Советского Союза происходит в направлении европеизации, возрождения Восточной Европы, что, очевидно, поддерживалось и частью советской номенклатуры, находившейся у власти. Другая же часть все еще продолжала отчаянно сопротивляться восточной европеизации. Интересно, что в этой схватке против европейского пути развития открыто объединились как ультраправые, так и ультраправые, ортодоксальные коммунисты, монархисты и фашисты, которых объединяет безраздельная преданность зачаточным структурам власти, централизму, милитаризму и однообразию жизнеустройства от Днестра до Урала.

Я допускал, что им удастся еще раз добиться победы и восстановить Советский Союз в его изначальной первозданности, однообразии и чистоте. Но я не сомневался, что это могла бы быть лишь пиррова победа. Августовские события 1991 года подтвердили мою точку зрения и на несколько шагов приблизили всех нас к Восточной Европе.

Главное отличие Восточной Европы от Советского Союза состоит в том, что у нее нет единого центра, единой централизованной структуры власти и стремления ее установить. Нарождающаяся или возрождающаяся Восточная Европа остановила долго длившееся самоуничтожение, отказалась от принижности и признала себя таковой, какова она есть - субконтинентом, где проживает много народов и существует много обществ, которые образуют между собой союзы, федерации и конфедерации. Восточная Европа потенциально столь же богата и разнообразна, как Центральная или Западная, и вне всякого сомнения может исполнять в мировой экономике, политике и культуре такую же роль, что и Западная Европа. Как в культуре, так и в экономике Восточная Европа способна на большее, чем Советский Союз, в политике же она не является больше источником опасности для соседей и рассадником милитаризма, грозящим распространиться за пределы ее границ.

Самое большое государство Восточной Европы - естественно, Россия, но Россия, в которой после ликвидации тоталитаризма все больше внимания будет уделяться регионам и меньшинствам, часть из которых обязательно обретут независимость. Другое

большое государство Восточной Европы - Украина - впервые выступает в роли, которой она достойна по численности населения и ресурсам, если бы унитарный Советский Союз постоянно не препятствовал этому.

То же самое относится к Белоруссии, а также к Татарстану, и к Мари, и к Чувашии, и к другим нациям, чье существование миру предстоит еще осознать, которые долго пребывали в летаргическом сне и были приговорены в конце концов к исчезновению в черной дыре, именуемой Советским Союзом. Если задуматься, что дали мировой культуре такие малые народы, как ирландцы и исландцы, то есть основание спросить, что могут дать в будущем десоветизированные и возрожденные к жизни марийцы, татары, чувашаи и другие. Не станет ли распад Советского Союза, трансформация его в Восточную Европу и Азию таким же важным процессом, как разрушение Римской империи, из которой после замешательства и испытаний родились нынешние европейские нации - Франция, Германия и другие, родилась целая европейская культура во всем ее разнообразии и креативности. Станет ли Восточная Европа другой Европой? Осуществится ли мечта Де Голля, или граница между Востоком и Западом сохранится в Европе, хотя и без конфронтации? Возможно, существование этой границы важно для того, чтобы в Европе, как и во всем мире, не получила единоличную власть та культура, которая без конкуренции доминирует сейчас в Западной Европе и Северной Америке? Этой "американизированной" культуре нельзя противостоять цензурой и идеологией, однако можно - креативностью, тем, что дух человеческий, так долго сдерживаемый под давлением в Восточной Европе, сумеет создать нечто такое, чего мир давно ждет. Может быть, Канты, Лейбницы, Вольтеры и Шексперы будущего столетия уже родились или родятся на Украине, в России, в Татарстане или в Эстонии.

Перевела Нэлли Абашина

Николай Кононов

Железный Орфей

*Дыми, завод,
Ракита, гбни,
И гнись, осот,
В родильном гимне.*

*Звеня серпом,
По жниву зноя
Проводит гром,
- И все такое.*

*И словно язь,
Шепнув: "Ну как ты?" -
Плывет, лиась,
Орфей бестактный.*

*Вот он повис
В тенетах ночи,
Ей: "Give me please
Your hand", - бормочет.*

*Иди за мной,
My dear, двигай
Больной волной,
Вспотевшей, дикой.*

*Взглянуть слабо
На тьму изнанку:
Ведет рабо-
чий к нам крестьянку.*

*Над ними креп
Ночной размолот,
Мигает герб -
То серп, то молот.*

*На разве Му-
Хина хотела
В стальную тьму
Оттиснуть тело?*

*Полуприсев...
Ночь на излете,
Кошмарный сев
Когда начнете?*

*Где твой росток,
Орфей поющий?
Какой каток
Его расплющил?*

*И молот смял,
И серп подрезал...
Вот лира -
Жалкое железо.*

Вильнюс я знал лишь по рассказам Милоша, Конвицкого и Венцловы. И вот этот легендарный город передо мной - в трауре. Национальные флаги всюду приспущены и повязаны черными лентами. Дороги, ведущие к парламенту, и сам парламент заблокированы транспортом, автобусами, баррикадами. Вблизи башни телецентра то и дело проползают советские танки. Вокруг парламента толпы скандируют национальные и антисоветские лозунги. Много разорванных советских паспортов - это литовский ответ на решение Кремля.

В подземном этаже церкви Острой Браны¹ тело семнадцатилетнего юноши, застреленного в воскресенье. Навсегда останутся в памяти лица его родителей и друзей, заплаканная девушка и сведенные болью губы Кшиштофа Довгялло. В интервью для радио "Зет" об этом с волнением рассказал Анджей Целинский. Он же обратился к литовцам по ковенскому радио.

II

Советский сценарий был банален. Промосковские организации намеревались устроить митинг, протестуя против повышения цен, объявленного литовским правительством. Это должно было послужить началом дестабилизации. Остальное до удивления знакомо по советской интервенции в Будапеште, в Праге и Афганистане, по военному положению в Польше. Те же оскорбления и те же выдумки о группах населения, умоляющих Москву вмешаться, те же бредни о литовцах, якобы убивающих безоружный спецназ... И, наконец, та же модель организации коллаборационистского центра власти - некоего анонимного Комитета Национального Спасения, от которого отрешиваются даже лидеры литовской промосковской коммунистической партии. Янкевич, секретарь этой партии, и, кстати, поляк, усиленно подчеркивал в радиоинтервью, что не имеет ничего общего с деятельностью этого комитета.

Московское телевидение, единственное, какое можно было принимать в Вильнюсе, транслировало позорные выступления в Верховном Совете Язова и Пуго, министров обороны и внутренних дел. И вновь то же самое: во всем виноваты литовцы, литовское правительство, литовский парламент, "честолюбивые литовские политики". Язык явной лжи, откровенного хамства и имперского высокомерия сулит худшее: эти люди готовы прибегнуть к насилию. Варшавская газета "Трибуна" назвала их речи "компрометацией Язова и Пуго". Советским диссидентам стоит задуматься над мнением органа Социал-демократической рабочей партии Польши. Беседуя в коридорах литовского парламента с политиками и интеллектуалами, мы гадали с ними вместе: для чего затеяна эта игра?

С нами говорили искренне, как говорят с друзьями. И потому не приведу имен, расскажу только о том, что вынес из этих разговоров.

В литовской драме несколько разных планов. Первый и самый явный - это борьба за свободное и независимое государство. Малый ростом литовский Давид бросает вызов советскому Голиафу - вот образ здешнего самосознания в самом общем виде. У людей полная уверенность, что они завоеуют принадлежавшие им права. Называть это экстремизмом, сепаратизмом или политиканством - значит проявлять либо подлость, либо глупость.

Адам Михник Все опасаются предательства и провокации. Все рассчитывают на демократические силы в других республиках и в самой России, а также на международное мнение. Каждое слово поддержки для них как глоток свежего воздуха, впрочем, особых иллюзий они не питают.

Уход вновь назначенного премьер-министра литовского правительства рассматривался как "дьявольская игра". В телефонном разговоре Горбачева с Ландсбергисом усматривалось давление на литовский суверенитет. Любой факт давал основания для уверенности: борьба неотвратима. Неизбежность защиты пар-

ВИЛЬНЮССКИЕ СЦЕНАРИИ

Впрочем, у литовцев не было и до сих пор нет общего мнения о том, какой тактики придерживаться, как идти к независимости. Путем переговоров? Ища соглашения с Горбачевым? Или же наоборот: не обращать внимания на обстановку в Советском Союзе и на сложное соотношение сил и ежедневно и упорно твердить о свободе и независимости?

Таков внутрилитовский спор: есть ли смысл вести переговоры с Горбачевым и Москвой? Не было ли всякое предложение о переговорах заведомым обманом, раз финалом стала вооруженная акция спецназа, танки на улицах и кровопролитие? Чего хочет Москва: переговоров или стремится завлечь нас в ловушку? - спрашивают одни. Переговоры следовало начинать несколько месяцев назад, отвечают другие, когда наши исходные позиции были лучше. Надо учесть положение Горбачева. Он слаб, он находится под давлением военно-консервативного комплекса. Согласиться на немедленное провозглашение независимости Литвы - означает привести в действие механизм распада СССР. Держать под контролем этот стихийный и неуправляемый процесс никому не удастся. Это будет означать не только падение Горбачева, но и хаос по всей стране.

Правильно, отвечают первые, но эту империю, которая была тюрьмой народов, спасти все равно не удастся. В то время как игра Москвы рассчитана именно на спасение империи. И переговоры нацелены на то, чтобы внутренне расслабились, чтоб из нашей среды выдвинулись Кадары и Гусаки - предатели, избирающие трусливую капитуляцию и называющие это разумным шагом.

Все это накладывается на еще иной раздел сил: среди литовских руководителей есть "незапятнанные", но есть и старые члены коммунистической партии. К ним нет доверия, и отношения с ними напряженные. Одних подозревают в фанатизме и фундаментализме, других - в трусости и промосковских симпатиях. И, как это чаще всего бывает, обе стороны несправедливы, хотя по-своему правы.

ламенты была очевидна для многих молодых людей: вооружась металлическими прутьями, палками и бутылками с бензином, они образовали отряды самообороны. Однако иные уже задумались: что дальше? Как организовать нелегальную борьбу против оккупации? Мне пришлось немало рассказывать о подпольной "Солидарности" после введения военного положения. Слушали меня внимательно, но порой махали в досаде рукой: "Наш Язов - это не ваш благодушный Ярузельский".

IV

Они готовы на все, даже на самое худшее. Президент Витаутас Ландсбергис беседовал с нами в два часа в ночь с воскресенья на понедельник, он был в пуленепробиваемом жилете. Как всегда ироничный и остроумный, он находился тем не менее в напряжении, чувствовалась огромная усталость. Он не спал вот уже две ночи подряд, и бремя ответственности не убывало. Но он сам и его сотрудники мыслили трезво и предельно точно. Речь шла о воскресном соглашении трех прибалтийских государств с Россией, которую представлял Борис Ельцин. Тщательно анализировали внутрисоюзную ситуацию. Чего добивается Москва? - спрашивали они себя. Скоординированная ли это акция? Или, может, всего лишь так проявился конфликт между армией и КГБ, поскольку одна лишь армия брошена в акцию? А может, это первый шаг генеральского путча во всем Советском Союзе, имеющего целью задушить демократические преобразования? А может, элемент стратегического мышления советских маршалов, вчерашних союзников Саддама Хусейна? Тогда интервенция в Литве была попыткой заблокировать выступающие против Ирака защищающие Кувейт силы. И еще спрашивали: кто заплатит за все это? Язов или Горбачев?

Вопросов больше, чем ответов.

Приезжий из Польши видит Вильнюс в специфической перспективе. Он следит за литовской драмой через призму собственной памяти. Литовский парламент, каждую ночь ожидающий нападения, - не Гданьская ли это судовой верфь, где столько забастовочных ночей минуло в ожидании атаки? И вопрос: сражаться или искать компромисса? Честь или реализм? И где грань, отделяющая компромисс от компрометации?

Наконец, ситуация самого Горбачева: обвиненный своими бывшими сторонниками в предательстве коммунистической идеологии и интересов советского государства и в то же время лишенный влияния на общественное мнение, он прибегает к аргументу силы там, где сила аргументов оказалась бесполезной. Штыком можно размахивать, но сидеть на штыках неудобно.

В этой сентенции Наполеона заключена правда. И вывод из этого только один: несмотря на серию ощутимых на первых порах успехов, политика силы неизбежно приведет к поражению Горбачева. Жаль только, что за поражение придется расплачиваться простым людям, по которым станут стрелять московские десантники. Но завершится политика военного положения точно так же, как в Польше.

VI

В Вильнюсе поляка обуревают противоречивые чувства. Литовские руководители опасаются, как бы против них не разыграли "польскую карту". Опасаются, что, пользуясь неопределенностью положения, группы промосковски настроенных поляков объявят часть Литвы автономным образованием. Отсюда недоверие. Отсюда несправедливые упреки. Будем однако держаться правды: пан Высоцкий, председатель местного Совета в Солечниках, сделал в воскресенье позорное заявление корреспонденту ТАСС. Он сказал, что Ландсбергис вскоре не только лишится ореола национального героя, но и будет объявлен преступником. "Опасаясь, что среди коллаборационистов найдется немало поляков", - заявил мне один из видных представителей польского меньшинства в Литве. Это не был, увы, обособленный голос. Однако польские депутаты, такие, как Чеслав Окинчик и Медард Чобот недвусмысленно поддержали литовские стремления к независимости. Поддержал их и Ян Сенкевич, председатель Союза поляков в Литве. А это так важно, что голоса поляков в Польше и голоса поляков в Литве прозвучали ясно и в лад. Друзья свободы познаются в беде. Мы должны быть благодарны руководителям польской общественности на Виленщине. В критическую минуту они подтвердили, что лишь путем полной поддержки независимости Литвы они желают добиться всей полноты прав для поляков в Литве.

VII

Предвидеть, что будет в Вильнюсе, никто не в состоянии. Это поворотный пункт в общем процессе деструкции тоталитарного режима. Перестройка умерла на улицах Вильнюса. Новая динамика родилась на свет. Что

будет?.. Террор или же постепенный развал империи?

А может, и то и другое? Мы беседовали в Вильнюсе с самыми разными людьми. С литовцами, с поляками, с русскими. С великолепными людьми, которые глядели смертельной опасности в глаза. Все сходились в одном: возврат к коммунизму советского типа невозможен. Этот прекрасный и гордый город не склонит голову перед большевистскими политиками. Спротивление будет продолжаться. Вновь придет в город Милоша, Конвицкого и Венцловы - Свобода.

себя. Сверху был начат процесс, который привел к деструкции коммунистической системы. Этот процесс, особенно знаменитая "гласность", включил механизмы общественной активности и протеста. Во имя национальных и либеральных ценностей люди в России и республиках стали расправлять плечи и обрели собственный голос. В течение ряда лет Горбачев был полновластным лидером аппарата, при этом он последовательно ограничивал и ослаблял его компетенцию и его монополию на власть. Сейчас Горбачев на распутье. Аппарат видит в нем разрушителя системы коммунистической империи. Демократические силы в самой России и в республиках видят в нем последнего защитни-

VIII

Литва, вне всякого сомнения, явилась поворотным пунктом в процессе, названном перестройкой. По всей видимости, это конец процесса. "Nobel oblige"! Можно было предполагать, что Нобелевская премия мира толкнет к сохранению мира. Случилось обратное. Насилие - правда, зачастую не во всей своей последовательности - было применено в Литве и других балтийских республиках. Связь этого конфликта с событиями в районе Персидского залива очевидна. Как в 1956 году суэцкий кризис, так теперь кувейтский московское руководство использовало для реализации своей политики. Но тогда, в 56-м году, советским танкам удалось остановить развал империи. Что будет теперь?

Вернемся вновь к положению Горбачева. Этот невероятно популярный во всем мире - гораздо более популярный за границей, чем у себя на родине - политик с каждым днем теряет свой образ голубя мира. Спор о Горбачеве и его исторической роли будет наверняка весьма длительным. Невозможно также предсказать, как сложится дальнейшая судьба президента Советского Союза. Одно лишь можно сказать с уверенностью: попытка реформировать государство сверху исчерпала

ка этой империи.

Он очутился между двух огней. Его положение можно сравнить с положением Войцеха Ярузельского в ноябре 1981 года накануне того, как было введено военное положение. Ярузельский не мог найти тогда общего языка с силами демократии, а консерваторы в аппарате власти готовили дворцовый переворот.

Но Горбачев между двух огней дважды: с одной стороны имперские притязания советского государства, с другой - стремление к независимости республик. Его драма - типичные муки коммунистических реформаторов. Их падение наступает тогда, когда старая система уже демонтирована и они не в состоянии стать во главе созидателей нового порядка. Они то, чем были всегда: высушившиеся в будущее дети вчерашнего дня.

Был ли иной выход у Горбачева? Мог ли он избежать кровопролития на улицах Вильнюса и Риги? Мог ли устремиться вперед, избегая угроз, которые несет с собой неизбежный конфликт между консервативными структурами и свободолюбивыми стремлениями как отдельных личностей, так и народов? Ответить однозначно на этот вопрос затруднительно. Возможно, более ранний отказ от прибалтийских государств был бы решением

проблемы, но возможно также, это лишь ускорило бы тот кризис, свидетелями которого мы являемся.

События в Литве могут стать началом контрреволюции внутри империи, но они же могут стать началом новой фазы развала этой империи. Во время многотысячной демонстрации в Москве впервые проявились в небывалом масштабе силы русской демократии, которая считает, что демонтаж империи в ее интересах. Сколь велики эти силы, сколь хорошо они организованы, в какой мере готовы взять на себя ответственность за судьбу государства, судить еще рано. Существовало то, что мы встретились с новым феноменом. В момент развала империи жестокий черносотенный великорусский шовинизм откатывается назад. Тон русской жизни задают демократы. Это факт величайшего значения, ибо даже если сейчас русская демократия проиграет, она все равно станет неотъемлемым элементом русской традиции, навсегда делается фундаментом нового исторического и национального мышления русского народа.

Что дальше? Что ждет Россию и весь Советский Союз? Демонстративная отставка Эдуарда Шеварднадзе служит дурным предзнаменованием. Депутат полковник Алкнис, один из лидеров консервативных и националистических кругов, публично обвинил Горбачева в предательстве. Согласно мнению этих кругов, гражданская война в Советском Союзе и республиках неизбежна. На языке этого сценария первыми словами, формирующими конфликт, являются национальные споры. Сначала конфликт, потом кризис, потом хаос и в заключение диктатура.

Такую логику событий рисует себе последний защитник бастионов реального коммунизма. Так оно и может случиться в действительности.

Спасаящийся от отчаянья разум возлагает надежды на трезвый компромисс, планирующий демонтаж тоталитарной империи. Невелики шансы, и слаба надежда. Потому что все уже запоздало. Но как жить без надежды?

Мы, из Польши, смотрим на события в прибалтийских республиках с трепетом и ужасом. Нам кажется, там решается сегодня судьба европейской демократии. Мы не бескритичны ко всем тем голосам, которые оттуда доходят. Нас беспокоит рост ксенофобии и авторитарные тенденции. Но с такими угрозами могут успешно справляться лишь свободные люди в независимых государствах. И потому мы высказываемся за суверенитет республик, насильственным путем включенных в состав Советского Союза. Мы разделяем взгляд русских демократов: здесь пролагается дорога к свободной России.

1 февраля 1991 г.

Перевел с польского
Святослав Свяцкий

Поэль Карп

*Пока дрожит осенний Петроград,
Провидя мор и глад, пожар и стужу,
Я щель в своем режиме обнаружу
И выскользну наружу наугад.
Не разглагольствуя об общем благе,
Не доверяя истины бумаге,
Не отнимая времени у тех,
Кто, в городские не входя кошмары,
Спешит в ненастный вечер, строясь в пары,
Урвать доступных каждому утех.*

*Как сумасброд, я в несуразном бреде...
"Скажи: в бреду, - поправит грамотей, -
До гроба над грамматикой потей
И проводи с Шишковыми дни в беседе,
Исследуя, настала ли пора
Ребятам выходить в инженера,
А то пускай, как прежде, инженеры
Они себе зовутся и теперь..."
В эпоху нескончаемых потерь
Пристало рассуждать о чувстве меры.*

*Родной язык! Покуда не проник
Я в тайники твои весь до кровинки,
С тобой пребуду в давнем поединке,
А ты, как мой заведомый двойник,
Еще никем не признанный покуда,
Меня пытаешь ожиданьем чуда,
В котором мы с тобой сольемся вдруг
В едину плоть. Вот именно в едину!
И тут я, как всегда, тебя покину,
Хоть не лишусь к тебе простертых рук.*

*Да как же так? Куда ж без языка-то?
Иль невдомек, что весь ты только в нем,
Хоть не гуляешь с ним, как с кистенем,
Но он и есть последняя утрата,
Последняя... О том и речь идет,
Что для тебя язык и есть народ,
И родина, и дом, - все атрибуты,
Которые торчат над головой,
И, стало быть, он твой. Он - твой! Он - твой!
Покуда не уляжешься в гробу ты,*

*Покуда весь не вытянешься влать,
Как бы свершив с ним сызнова то дело,
Что перед этим вроде надоело...
Да только не твоя, голубчик, власть
В своей до света вековать квартире.
Звонят! Звонят: один, два, три, четыре...
Звонят, забыв приличие и стыд, -
И падаешь, сглотив язык до срока.
А на дворе осенняя морока,
И тот же самый дождик моросит.*

03.09.72

*Коль жизни, кроме страха,
Не будет впереди,
Давай чокону Баха
Мне на ночь заведи.*

*Заполни по старинке
Беспмятный провал:
Внимал бы я пластинке
И век не тосковал.*

*Не то что отпустило
Державшее сперва,
Но жизни не хватило,
А музыка жива.*

*Годов уже как триста
Покончен разговор,
А пальцы гитариста
Застряли до сих пор.*

23.09.74.

*Святой Лука, рисующий мадонну,
Евангелист и покровитель наш,
Оставил не портрет и не икону,
Но меж людей расположил пейзаж.*

*Река. Над ней Иоахим и Анна,
Христовы дед и бабка, смотрят вдаль.
Что было им открыто, что желанно,
Что недоступно и чего им жаль -*

*В писании не сказано. Едва ли
Возобновленный живописцем быт
По тщательности отделанной детали
Их страх или смятенье воскресит.*

*Они взирают вдаль, а мать божья -
На мальчика, а на нее - Лука.
Но правда здесь на правду не похожа,
Здесь даль - мала, а близость - велика.*

*В пространстве полотна, как бы возвысьсь
Над тем пространством, что падет во тьму,
Изобразил старинный живописец
Людей едва причастными к нему.*

*Все достоверно. Разве что предметы
И люди вместе с ними входят в связь,
В которой вдруг душевные приметы
Открыть другому можно не боясь.*

22.09.83

¹ Ворота древнего Вильнюса (Вильна).

² Преемница Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Петербург назван во имя апостола Петра. Петр, по народным представлениям, - ключарь, хранитель ключей. Город на противоположном конце реки всегда было принято называть "подушкой Петербурга", но под подушкой принято было держать именно ключи... И он назван был Петром "город ключ" - Шлиссельбург.

Петербург не только смотрел в Европу, он явился входом в нашу страну. Петербург основан не только на крайней восточной оконечности Балтики, но на западной части реч-

ва - это не река. Она не имеет своего речного режима: не разливается весной и не теряет своей глубины летом. Выступить и залить собою прибрежную часть города она может, но отступить от города, покинуть его - никогда. Всегда полноводная и щедрая Нева течет властно и царственно из месяца в месяц, из года в год: тысячу лет - со времени, когда здесь проходил основной европейский путь, связывавший Север Европы с Югом - путь "Из Варяг в Греки".

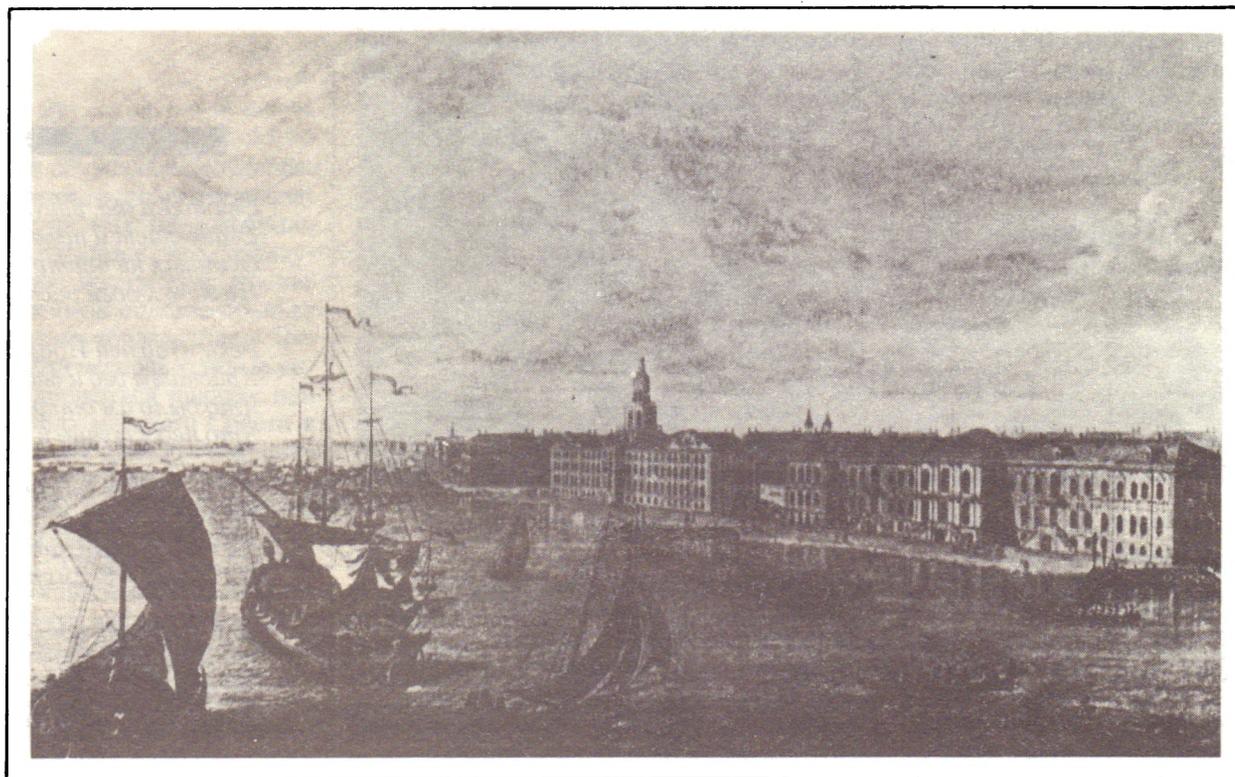
Примыкание водных пространств к берегам совершается в гигантском устье Невы на огромных протяжениях: Большая Нева и Малая, Большая Невка и Малая, множество рек, каналов, протоков. Это позволяет городу

Дмитрий Лихачев

Город сливается с пространствами воды не потому только, что вода стоит в нем высоко, но потому, что низкий уровень улиц и площадей - ровен и гладок, как поверхность воды. В сырую погоду под дождем или зимой под льдом и снегом реки кажутся площадями, а площади - реками. Большая Нева перед Биржей - площадь. Фонтанка, Мойка - улицы: улицы с плотно примыкающими друг к другу домами, сливающимися между собой как бы во вторые берега и кажущиеся поэтому глубокими каналами.

И еще одно: в городе как бы нет почвы.

ОКНО В ЕВРОПУ -

АКАДЕМИЯ НАУК И КУНСТАМЕРА

ных путей России. Обращенный лицом к Европе, Петербург держал за спиной Ладогу, Новгород, Онежское озеро и Белое море, Волгу...

Реки и моря были главными дорогами того времени. Именно поэтому такую важную роль в жизни страны играла вода, корабли, набережные, пристани.

Взгляните, как высоко стоит вода в гранитных набережных Петербурга: как в чаше, поднесенной к губам пьющего. Широкое водное пространство поит собою город и никогда не понижается в самое засушливое лето. Не-

не тесниться у берегов, а свободно располагаться по низким, удобным для выгрузки и погрузки берегам. Город примыкает к воде не только зданиями, но и площадями, садами. Целые острова заняты парками и садами, а площади в городе поражают и поражают всех видящих Петербург впервые. Основные дворцы не теснятся по улицам, а выходят на открытые пространства суши и воды. Правительственные учреждения, и в первую очередь Сенат и Синод, Двенадцать коллегий, Академия наук, крепость, Адмиралтейство обращены к Неве.

Ровная, строго горизонтальная почва замурована в булыжные мостовые, торцы, плиты известняка и гранита. Почва - под своеобразным "полом", в старину чистым и ухоженным. И упреки славянофилов городу в "беспочвенности" и искусственности его строения на болоте кажутся оправданными. Ведь и липы завезены по приказу Петра не из России, а из стран Прибалтики.

Но нет! Вода в Неве течет из России. В Ладогу она попадает по Волхову и Свири, а камни для мостовых обязаны были в первое время везти с собой все возы, приезжавшие в

Питер. А берега невоской дельты видели Ярослава Мудрого и Александра Невского...

Петербург - не мираж на болоте. Он утверждён здесь в устье России на века и тысячелетия. Он незыблем и неколебим.

Строили Петербург наряду с русскими иностранные архитекторы, в основном итальянцы: Растрелли, Кваренги, Росси, Ринальди, Лукини... Здесь, на обширных пространствах, архитектурный гений итальянцев вырвался на свободу. В Италии творческие усилия итальянских зодчих были зажаты между строениями трехтысячелетних традиций. Там, в Италии, было мало места, места неровные, реки маломощные. Чтобы познать итальянский строительный ге-

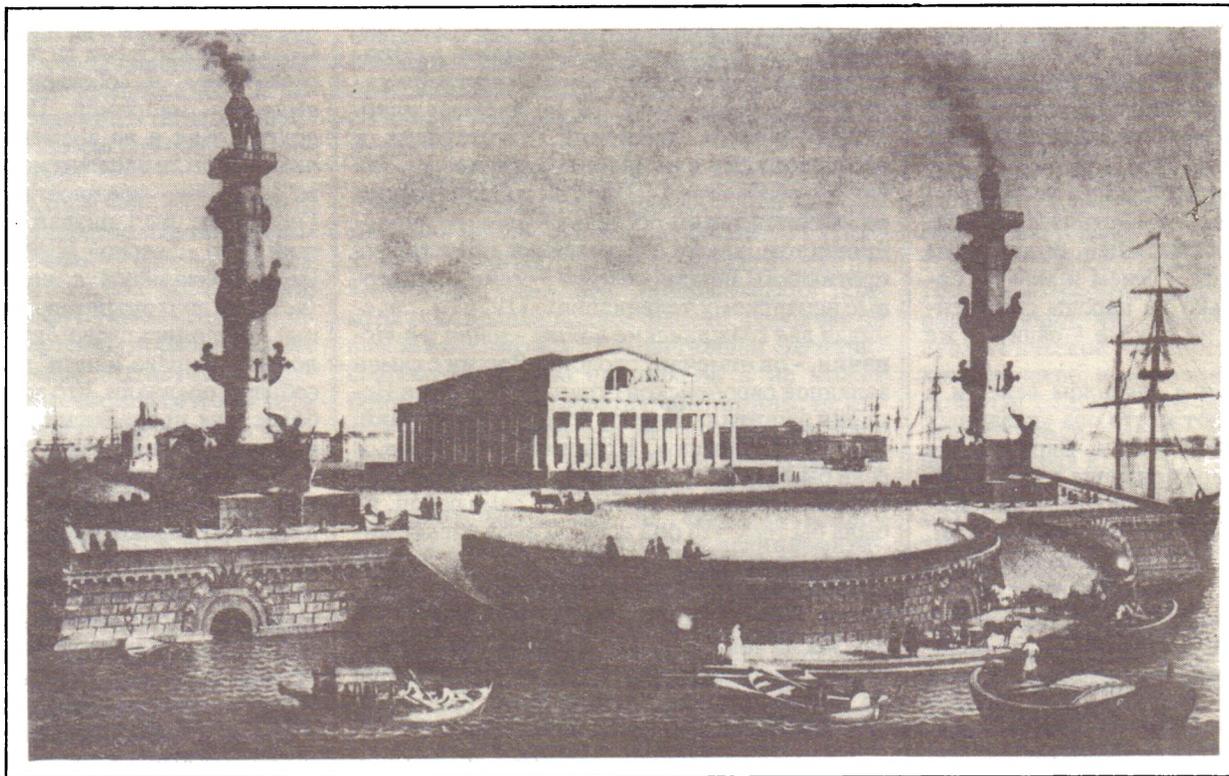
ральные колонны: символы владычества России над морями и реками. Друг против друга стоят дворец и крепость. Далее, ближе к морю, - Академия наук, Университет, Кунсткамера, храм малоизвестного святого Исаакия Далматского, ставший гигантом благодаря тому, что в день его памяти родился Петр.

И как бы для того, что утвердить свою незыблемость, Исаакий поднят над равниной сотнями гигантских колонн-монолитов из красного гранита, а перед Зимним дворцом поставлена самая большая в мире гранитная колонна-монолит. Красный гранит господствует в городе и как бы связывает его в единое целое: красные набережные обручами удерживают сушу. Под стать красному граниту

шой преступности, резкой противоположности красоты и безобразия. Прямые улицы и набережные - и вдруг среди них извивается змеей Екатерининский канал - "канавка", по "Преступлению и наказанию" Достоевского. Город Достоевского. Можно найти точку в старой Коломне, где канал Грибосодова виден и в конце улицы, и в ее начале. Это хаос, вступивший в город. Змея Екатерининского канала - та самая, которую давит копытом конь Петра на Сенатской площади. Давит, но раздавит ли до смерти?

Все, что бессмертно в городе, - уже бывшее. Все обращено к драгоценному прошлому: включая дворец, переставший быть дворцом, Адмиралтейство, переставшее управ-

ВРАТА В РОССИЮ

ний, надо побывать сперва в Риме, Флоренции, Вероне, а затем из Венеции приехать в Петербург, увидеть здесь ансамбли Растрелли и Росси и ансамбль ансамблей, который представляет собой Петербург. Но больше всего поражает Петербург тем, с каким монументализмом, рассчитанным на века, он построен.

Строения - дворцы, крепость, башни и два шпиля - обступают открытое пространство Невы со всех сторон. Поперек Невы царственно высится здание Биржи. Как две гигантские свечи у святилища, стоят Рост-

государственные здания в Петербурге были выкрашены темно-красным. Зловещий цвет оформлял город трагической красоты...

В Петербурге много неба. Не только пространства площадей и широкой Невы, но и уходящие вдаль перспективы прямых улиц всюду открывают небо.

Ключарь неба апостол Петр сторожит свой город, разделенный надвое. Может быть, именно сейчас Петр перестал пускать в рай. Рай только мерещится в Петербурге: в городе святинь, городе-саде. Но Петербург - это и город разрастающихся трущоб, самой боль-

леть морями и строить корабли, Петропавловскую крепость, переставшую быть и крепостью, и тюрьмой. А в центральной и древнейшей точке города - Петропавловском соборе, под шпилем, устремленным в небо, спят надгробия императоров. Их ровно столько, сколько мог вместить собор.

Лишь Нева продолжает свое царственное движение из прошлого в прошлое, развертывающая грандиозную панораму величия русской культуры XVIII - начала XX вв.

"У нас, русских, - две родины:
наша Русь и Европа..."

Ф.М. Достоевский

На протяжении нескольких столетий российской государственности одной из главных задач всех реформ было воссоединение с европейской семьей народов. Эта задача не была решена. Почему?

Основное содержание борьбы между сторонниками и противниками реформ в России во все времена - это столкновение между "западниками", которые мечтали о том, чтобы Россия вернулась в Европу и стала цивилизованным государством, и "изоляционистами", которые привыкли считать Россию уникальной страной, неважно по каким причинам: то ли из-за ее "социалистического выбора", как сейчас, то ли из-за ее нехватных пространств и православной монархии, как в прошлом. Известно, что еще государыня Екатерина II в письмах к французским просветителям указывала на необходимость сохранения просвещенной монархии в России, поскольку иным способом управлять столь огромной страной невозможно. Впрочем, в любой изоляционистской идее - явно или скрытно - содержалась также идея мессианская: именно России судьбой уготовано принести миру свет новой жизни благодаря ее особой вере - в православного бога или в идеи Маркса-Ленина, также обожаемых. Все равно: Москва - третий Рим, а четвертому не бывать. К тому же, приобщение к новому раю на земле Москва коммунистическая, продолжая традиции самодержцев, была готова осуществлять и силой - огнем и мечом, направленным не только на народы собственной империи, но и на другие - ради их же "блага".

В нашей стране и в прошлом веке, и в XVIII, и теперь имеют место оба указанных течения общественной мысли. Европейская ориентация была выражена еще в реформах Петра I, а также в деятельности таких всемирного значения гуманистов, как Пушкин, Герцен, Чаадаев. В "Философических письмах" Чаадаев писал: "...Обособленные от всемирного развития человечества, мы ничего не восприняли из преемственных идей человеческого рода. Между тем именно на этих идеях основывается жизнь народов; из этих идей вытекает их будущее, исходит их нравственное развитие. Если мы хотим занять положение, подобное положению других народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода". И еще из "Апологии сумасшедшего": "Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истинной".

Да и Герцен звоном своего "Колокола" заставил соотечественников оглянуться на чудовищные дикости российского общества, именно в этом видя свой патриотический долг. Не были слепы в своей любви к "немытой России" ни Пушкин, ни Лермонтов, страдавшие в "стране рабов, стране господ".

В наши дни западническая ориентация тоже жива. Ее исповедуют сторонники свободной экономики и парламентской демократии. Она всегда существовала, несмотря на жестокие репрессии, в движении диссидентов и правозащитников, получила продолжение в деятельности групп содействия выполнению решений Хельсинкской конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе. Европейская ориентация выражена в деятельности первой за 70 лет советской власти парламентской оппозиции - Межрегиональной депутатской группы. Особенно ярко западная, а точнее, глобальная ориентация воплотилась в воззрениях и поступках академика Сахарова, говорившего о необходимо-

Галина Старовойтова

и других стран Восточной Европы, в СССР после подавления мятежей 20-х годов не было реального массового сопротивления тоталитарной власти, и в условиях всеохватного контроля государства над поведением и мыслями своих подданных был возможен только этот вариант - реформирования сверху. Начался он обычным способом аппаратного манипулирования. Пришедший к власти Горбачев вслед за андроповской командой понял не только то, что "так жить нельзя", но и то, что дальше так жить не удастся: нефtedоллары были уже проедены, наш культурный отрыв

РОССИЯ И ЕВРОПА:

сти конвергенции Востока и Запада: "... плюралистическое развитие - это часть того процесса конвергенции, которую я рассматриваю как кардинальную дорогу развития человечества".

Существует и другая солидная традиция общественной мысли, представленная в XV - XVI веках видными деятелями православия, в XVII - XVIII веках - столпами русского боярства, в XIX веке - славянофилами, а сегодня наиболее ярко проявляющаяся в творчестве А.И. Солженицына. (Я не касаюсь здесь патристических движений, тяготеющих к неосталинизму и национал-социализму, так как это особая тема) Правда, и Солженицын не является таким последовательным изоляционистом, каким его пытаются представить противники западного пути России. В интервью испанскому телевидению (1976 г.), сравнивая две гражданские войны - нашу и в Испании, - он отмечает сходство России с самой западной европейской страной: "Россия и Испания защитили Европу от двух нашествий: Россия от монголов, Испания - от мавров, и если бы не Россия и Испания, то современная Европа, очевидно, не была бы сама собой, не была бы тем, что она есть". Таков взгляд писателя со стороны, когда у него на Западе появилась возможность увидеть новые горизонты. Солженицын пришел к своим выводам после того, как на Тихоокеанском побережье Америки "увидел, как эти два влияния на другой стороне земного шара сошлись - испанское с юга, русское через Аляску".

В наши дни "изоляционисты" - это не только защитники социалистического пути развития, но и те наши соотечественники, которым трудно согласиться поменять свою "уникальность" на абстрактный "европейский дом", где им грозит участь бедных и провинциальных родственников. Поэтому, как бы мы ни стремились к консенсусу, опыт показывает, что достижение его в стране с раздвоенной ориентацией довольно проблематично. Более того, конфликт может развиваться до угрозы гражданской войны, за которой маячит призрак диктатуры. Вспомним отчаянный жест Эдуарда Шеварднадзе: возможность августовского военно-коммунистического путча 1991 года он предсказал еще в декабре, когда и многие демократы, и Президент окоченели в бездействии.

Как известно, перестройка началась в верхах властных структур. В отличие от Польши

от мировой цивилизации увеличивался, а главное, появились первые признаки невозможности дальнейшего соперничества "на равных" в сфере военного противостояния. (Вскоре после войны в Персидском заливе это стало очевидным всему миру.) Горбачев привел к власти свою команду и постепенно одного за другим убирал с политической арены изоляционистов в верхних эшелонах. Правда, временами он делал уступки и консерваторам, и собственным пристрастиям, выдвигая, например, Полозкова, Янаева и других. Как и во времена Хрущева, новым лидером были введены новые "ключевые слова": период, предшествующий правлению Горбачева, был назван "застоем", следующий этап - "весной перестройки", "построением социализма с человеческим лицом" (кстати, знакомый лексикон пражской весны), появились слова: "гласность", "права человека", "права нации" и т.д. Последующие события показали, что во многом это были не более чем пропагандистские фигуры, фигурный листок на могучем теле тоталитаризма.

В среднем звене властных структур никакой перестройки не произошло. ...Мне часто публично задают вопрос у нас и на Западе: предвидел ли Горбачев, во что выльется начатая им перестройка? Вероятно, Горбачев не предполагал, что вслед за инициированной сверху реформой начнется мощное народное движение снизу, требование реальной демократии, суверенизация всех республик, поддерживаемая народами, их населяющими, - в сущности, революция снизу. Вспомните бедного Людовика XVI, который прошел похожий путь в 1789 году: создал Генеральные Штаты, увеличив почти вдвое представительство третьего сословия, то есть тех, кто пробился в жизни не благодаря своему происхождению, а исключительно силу способностей и труда; впоследствии депутаты третьего сословия объявили себя сначала Национальным, а потом Учредительным собранием, попытка разгона которого вызвала народное восстание. Король назвал взятие Бастилии 14 июля мятежом, а это было началом Великой французской революции. Наши верхи тоже предпочли бы считать все происходящее лишь мятежом. Особенно трудно осознать новую историческую реальность генералам. Да и Горбачев, сочетавший в своем лице и Президента СССР, и Генерального секретаря ЦК КПСС, оказался в нелегком

положении. Вначале эта "двойственность" была необходима для осуществления реформ и удержания власти, но впоследствии он попал в плен к институтам старого режима, и было не очень ясно - то ли они манипулируют им, то ли он их возглавляет. Ультиматум Бакланова-Язова и Крючкова, предъявленный Президенту 18 августа, накануне путча, и последующая трехдневная изоляция в Форосе показали яснее ясного, куда ведет такая политика. Расплачиваться за нее пришлось прежде всего народу, сорвавшему планы заговорщиков.

В своей Нобелевской лекции Президент СССР говорил о вхождении всего Советского Союза в Европейское сообщество: "Но европейское пространство от Атлантики до Урала мыслится нами не как замкнутая система, поскольку оно включает в себя Советский Союз, раскинувшийся до берегов Тихого океана..." Здесь есть неточность, типичная подмена понятий. Выступая на международных

в апатию и безнадежность. Одним словом, российские демократы могут спасти положение, если будут проводить свою собственную внешнюю политику, которая заодно будет служить обратной связью и корректировать ошибки во внутренней политике. Времени почти не осталось. Миф о том, что стоит победить демократическими силами в Советах, и они быстро приведут народ к процветанию, к сожалению, развеялся. Безумно тяжело управлять посттоталитарным государством, когда причины общего кризиса старой системы не устранены.

Запад, лидеры всех демократических партий должны организовать широкое международное движение за союз западной интеллигенции с российскими "западниками".

Бывший президент США Ричард Никсон, опять посетивший в 1991 году СССР, заметил: "Наши интересы заключаются в том, чтобы Советский Союз, сегодня больной житель Европы, выздоровел и мирно трансфор-

практически во всей Европе, а также в Северной Америке доминирует идея конвергенции на базе общечеловеческих ценностей, прежде всего ценностей демократии.

Я бы назвала три фундаментальных принципа "азбуки демократии", которую мы осваиваем: 1) демократия означает, что власть политической системы или отдельных лидеров может быть изменена путем свободных выборов, и только таким путем; 2) демократия означает реализацию политической воли большинства, но: 3) демократия в то же время означает существование для меньшинства возможности открыто бороться за власть.

Попытка использовать механизмы демократии для удержания вместе республик разваливающегося Союза была сделана во время референдума в марте 1991 года. Однако шесть республик не участвовали в нем, еще две (Украина и Казахстан) внесли серьезные изменения в формулировку вопроса референдума. Тем не менее их ответы были "приплюсованы" к общим итогам референдума. Даже при этих условиях лишь 58% от включенных в списки для голосования высказывались за сохранение Союза, причем референдум провалился в Москве, Ленинграде и столице Урала - Свердловске, а также в ряде других важных центров.

Безусловную готовность к вступлению в "обновленный" Союз проявили шесть "мусульманских" и всего две "христианских" республики: Россия и Белоруссия. Украина еще раздумывает. Шесть "христианских" республик (среди них четыре наиболее западные в географическом смысле) отказались от подписания Союзного договора. Причем этот факт приветствовался со стороны представителей исламских народов. Например, член Народного фронта Азербайджана Гамид Хериши заявил, что рассматривает СССР как дуалистическое государство: мусульманско-христианское, или, точнее, тюркско-славянское. Он считает, что поэтому мусульманские республики не обсуждают даже возможности выхода из СССР, так как для них это был бы выход из тюркского единства. А вот выход христианских республик им выгоден, так как это усилит влияние мусульманских республик в Союзе.

Если будет заключен такой договор, то и России, и Западу необходимо осознать, что Советский Союз станет тогда совершенно другим государством. Может быть, в новых обстоятельствах будет достаточно оснований перенести столицу Союза, например, в г. Алма-Ата? Не случайно на Третьем съезде народных депутатов СССР возникла необычная ситуация, когда впервые в истории нашей страны представитель тюркоязычного народа Н. Назарбаев был выдвинут на пост Председателя Верховного Совета СССР.

Вполне возможно, что при новой расстановке сил идея общеевропейского дома при вхождении в него СССР должна была бы трансформироваться. И это делает еще более важным вступление России в европейское сообщество.

Многие автономии, входящие в состав России, являются мусульманскими или буддийскими. Существуют разные точки зрения на проблему их государственности. Например, Татарстан претендует на статус союзной республики. Я думаю, что в решении этого вопроса применимы общегуманитарные принципы самоопределения народов, зафиксированные в Международных пактах о

ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

европейских конференциях, в Европарламенте мне тоже доводилось высказывать эту очевидную мысль, но в отношении России. Именно Россия и другие бывшие союзные республики должны стать субъектами европейского сообщества, а не распадающаяся последняя в мире империя.

Два основных фактора могут обеспечить единство любого государства: общий экономический рынок и общность идеологии. Оба этих фактора сегодня исчезают в СССР. Как сказал экономист Павел Бунич, сегодня, когда наш огромный советский корабль терпит крушение в бурном море, все народы стараются пересечь в маленькие лодки и отогнать их подальше от того места, где корабль пойдет ко дну. Хотя они понимают, как трудно будет преодолеть море в одиночку.

У всякой власти могут быть следующие опоры - это, во-первых, доверие; во-вторых, интерес, например, экономический; в-третьих, сила, которая основана на страхе. В Советском Союзе почти отсутствуют экономические стимулы для работы в условиях обесцененного рубля. Как известно, нет и доверия - рейтинг центральных органов власти, включая Президента СССР, Верховный Совет, чрезвычайно низок, в ряде регионов - менее 10%. Значит, остается только сила, только страх. Но выросло новое поколение, у которого нет страха. (В начале XIX века, в эпоху либерализации при Александре I, современники отмечали, что успело вырасти "непоротое" поколение дворянства, давшее России декабристов)

Российский президент, напротив, завоевал доверие людей, особенно после героической защиты Белого дома, открывшей новые перспективы для демократического обновления России и всей страны. Однако и Ельцин не держит пока в своих руках среднее звено этой цепи власти - экономику. Овладеть ею - главная задача ближайших шагов внутренней российской политики.

Поддержка российских реформы, Запад мог бы обеспечить по крайней мере передышку, необходимую для того, чтобы накормить, одеть и обустроить народ, не дать ему власть

мировался в современное демократическое общество. Это также отвечает интересам всего мира, так как демократические нации представляют меньшую опасность для своих соседей и являются более надежными партнерами".

Накануне лондонской встречи он, как и Збигнев Бжезинский, проявил глубокое понимание процессов, происходящих в СССР, заявив: "Если быть не по-дипломатически кровожадным, советская экономическая политика потерпела полное фиаско. Горбачев не в силах отказаться от взрастившей его марксистско-ленинской философии и не может понять две основополагающие истины: не может быть компромисса между командно-административной экономикой и свободной экономикой; не может быть частного предпринимательства без частной собственности". Впрочем, обычно такая недипломатическая откровенность свойственна только бывшим политикам.

К сожалению, с точки зрения некоторых деловых людей Запада, наша борьба за ценности демократии порой выглядит наивной. Это происходит по двум причинам: с одной стороны, зачем бороться за демократию, если ее существование само собой разумеется? Как писал П. Чаадаев, "идеи долга, справедливости, права, порядка составляют атмосферу Запада; это - больше, нежели история, больше, чем психология: это - физиология европейского человека". С другой стороны, иногда мы слышим, что главное - это стабильность, что модель, которая существовала при Пиночете, создавала весьма эффективные условия для развития экономики, равно как и на Тайване при Чан-Кай-Ши, что не слишком много демократии и в Южной Корее, переживающей экономическое чудо, что своеобразное понимание демократии в Японии не помешало ей выдвинуться на роль второй сверхдержавы в мире, и т.д. Следствием такого подхода является отождествление сохранения статус-кво и стабильности, в частности - сохранения Союза в прежних границах, даже если этот статус-кво будет опираться на военную силу. И все же сегодня

гражданских и политических, а также о социальных и культурных правах человека, принятых ООН в 1966 году. Право народов на самоопределение - общечеловеческая ценность, которая выше идеи целостности государства. Сегодня все хотят защитить свое право на сохранение и развитие своей национальной культуры, на построение гражданского общества, основанного на собственных духовных традициях. Очень точно выразил эту мысль Чингиз Айтматов: "Сегодня каждая нация хочет быть не только сытой, но и вечной".

Андрей Дмитриевич Сахаров недаром писал о Соединенных Штатах Европы и Азии, учитывая сложную психологию, сложное историческое и культурное наследие страны. Российская Федерация формировалась иным путем, нежели Советский Союз в целом. Известно, что СССР был сформирован из разных государств путем их добровольного присоединения или завоевания, но так или иначе это договорное образование. Что же касается Российской Федерации, то процесс ее образования был другим. Россия создала свои автономии конституционным путем, т.е. объявив государствами некоторые территории, населенные определенными народами. Я надеюсь, что вновь обретенная российская государственность сумеет защитить этнические традиции входящих в нее автономий. Россия не будет препятствовать осуществлению автономиями своего права на самоопределение, но этот процесс должен быть введен в конституционные рамки, ограниченные тремя условиями: 1) историческая принадлежность той или иной территории конкретному этносу, 2) современное этническое большинство и 3) проявление воли народа к самоопределению, к изменению своего статуса, причем надо узнать путем референдума волю всего населения, а не только коренного.

Выступая в Страсбурге с докладом об архитектуре будущего европейского здания, я изложила свою точку зрения на возможность интеграции СССР в Европу и в связи с этим на смещение глобальных акцентов. Традиционное противостояние Восток - Запад, социализм - капитализм - уже не является актуальным. Кажется, линия противостояния смещается в другом направлении, она становится более горизонтальной: Север - Юг. Я имею в виду этнокультурное противостояние европейской духовной христианской традиции и традиций широко понимаемого юго-восточного мира. Первый сигнал такого противостояния - война в Персидском заливе. Данное противостояние связано не только с иной религиозной и культурной традицией, но также с демографическими, социально-экономическими, политическими проблемами и, возможно, станет основным содержанием XXI века.

Сегодня Советский Союз меняет свои ориентации во внешней политике. В частности, ставятся под сомнение еще недавно считавшиеся бесспорными региональные стратегические доктрины на Ближнем Востоке. Когда в свое время Эдуард Шеварднадзе отчитывался как министр иностранных дел на Верховном Совете СССР, я задала ему вопрос: почему мы все время выбираем себе друзей типа Ясира Арафата, Каддафи, чья политика связана с терроризмом, Саддама Хусейна? Кто автор этой доктрины? Почему мы все время делаем ставку на исламский социализм? Не связано ли это с ориентирами во

внутренней политике Советского Союза? Не придут ли звезда и полумесяц на смену серпу и молоту, ведь это означало бы серьезную внутреннюю трансформацию СССР?

Изменения на мировой политической арене происходят с невероятной быстротой, и ход событий во многом уже определяется соотношением политических сил в России и других республиках, а также деятельностью республиканских лидеров. Весной 1991 года Борис Ельцин обратился с посланием к участникам Всемирного совещания по текущим мировым проблемам. Этот конгресс проходил в Амстердаме под названием "Глобал Пэнел" (что-то вроде Большого Президиума). Тогда Председатель российского парламента заявил:

"Сегодня Россия стремится стать нормальным открытым окружающему миру демократическим и правовым государством. Мы благодарны тем, кто конкретными делами, советами и помощью вносит вклад в развитие обновленной России. Это инвестиции в прочность нового миропорядка, которые исключают агрессию и холодную войну".

Избрание Бориса Ельцина на пост Президента России стало решающим фактором, изменившим позицию руководства западных стран. Быстрее всех "перестроился" Белый дом. На другой день после выборов Ельцина Джорж Буш пригласил его посетить США с официальным визитом. После переговоров с Президентом России Президент США заявил, что отныне Вашингтон будет проводить два параллельных политических курса в отношении нашей страны: Союз и Горбачев - с одной стороны, Россия и Ельцин - с другой займут самостоятельное и равнозначное положение в политических планах администрации США. В свою очередь Ельцин сказал, что позицию России и факт избрания ее первого Президента в США "правильно понимают как победу демократии".

Это создает благоприятные условия для возвращения России в цивилизованную семью народов и становления ее не только объектом, но и субъектом международных отношений, при этом во внешней политике у нас нет иного пути, кроме вхождения в общеевропейский дом.

Россия - одна из двух стран в мире (вторая - Турция), которая одновременно расположена в Европе, и в Азии. В менталитете народов и правителей России на протяжении веков боролись эти две тенденции - европейская и азиатская. Г.Вернадский предлагал считать Русь не восточной окраиной Европы, а западной окраиной Азии. Вроде бы разница небольшая, если говорить на языке географии. Исходя из принципов культурного релятивизма, мы признаем равноценность европейской христианской культуры, а также исламской, индуистской, японской. Могло случиться и так, что Россия тяготела бы к великим культурам Востока с их изысканной духовностью. Этого, однако, не произошло. Что же нас так привлекает в Европе?

Думаю, что в этом вопросе главенствующую роль играет следующий факт: европейская традиция признает приоритет личности и гражданского общества, тогда как азиатская ориентация, как это принято считать, означает приоритет ценностей государства с его строгой иерархией и субординацией. Говоря о вхождении России или Союза в общеевропейский дом, именно это и следует иметь в виду.

Как известно, родиной личных свобод, которую можно трактовать как один из аспектов гарантированной в правовом государстве гражданской свободы, считается Англия. Именно в этой стране в результате победоносной борьбы с абсолютизмом был принят знаменитый Habeas Corpus Акт.

Что же касается прав личности в России, то, как писал русский юрист Евгений Тарновский в 1906 году: "Россия и личная свобода - это два прекрасных незнакомца, которые до сих пор не видались друг с другом и ничего друг о друге не знают". Только сегодня Россия провозгласила приоритет личности над государством и постепенно втягивается в орбиту мировой демократии.

И хотя демократические ценности родились в Западной Европе, а также в Америке, народы Восточной Европы, преодолевающие наследие тоталитарных режимов, сегодня более чувствительны к нарушениям прав человека или прав национальных меньшинств.

Участвуя вместе с народами Восточной Европы в утверждении новых форм демократии, мы обязаны также помнить, что Европа подарила миру не только великие достижения цивилизации и культуры, но и две разновидности тоталитаризма: национал-социализм и социализм большевистского толка. Это тоже наше общее горькое наследие, за которое мы вместе несем ответственность перед мировой историей.

Необходимо отметить, что КПСС в отличие от фашистской национал-социалистической партии не прошла через покаяние. В период денацификации в ФРГ каялась вся партия. Более того, ее членам было запрещено занимать ведущие должности в государстве; четырнадцатисерийный фильм о деяниях нацистов показывает каждому новому поколению школьников, чтобы избежать угрозы неонацизма. Речь идет именно о покаянии, а не о коллективной ответственности, так как принцип коллективной ответственности противоречит принципам уважения прав человека.

Народы России не приемлют пиночетовской или чанкайшистской модели эффективной экономики. Путь к свободной экономике для нас, в России, немислим без демократии и защиты прав свободной личности.

Но не только наши измученные феодальным социализмом страны стремятся в Европу. Европа для всех - символ просвещенности, прогресса, социальной и культурной продвинутости. В повестку дня ставится вопрос о создании в будущем европейского экономического пространства. Сегодня в ЕС стремятся вступить Австрия, Швеция, Норвегия, Финляндия.

Период разделения Европы закончился или заканчивается. Устраняются многочисленные барьеры, оставленные второй мировой войной и противостоянием двух блоков. Новая будущность рисуется в контурах европейской конфедерации, идея которой принадлежит Франсуа Миттерану. Создание конфедерации связывается прежде всего с совместным осуществлением ряда конкретных проектов, например, по защите окружающей среды, энергетическому обеспечению, развитию дорожно-транспортных коммуникаций и культурных связей, включая свободное передвижение людей. Эти вопросы будут рассматриваться Советом по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейским сообществом, Европейской Ассоциацией свобод-

ной торговли, Российским Банком реконструкции и развития Европы и другими европейскими структурами, как существующими, так и вновь создаваемыми.

Намереваясь вступить в европейский дом, мы должны четко представлять себе, что мы имеем в виду, когда говорим об объединенной Европе. Что входит в определение этого понятия? География, тип культуры или уровень развития? Эти вопросы беспокоят не только нас. Я знаю, как ревниво в парламенте многих стран обсуждаются проблемы вступления в общеевропейский дом. С одной стороны, уже ведется детальное обсуждение способов унификации разных сфер жизни, приведения их к единым европейским нормам. Так, например, в некоторых подкомитетах финского парламента обсуждаются проблемы вроде перехода на стандартную общеевропейскую аварийную сигнализацию в лифтах. С другой стороны, многих волнует проблема сохранения этнической идентичности народов, их самобытности. Особенно это беспокоит народы Восточной Европы. Об этом говорил Вацлав Гавел: "Тоталитарная система, которая долгие годы господствовала в наших странах, кроме всего прочего отличалась тенденцией все сделать одинаковым, уравнивать, унифицировать, ради чего последовательно подавлялась всякая самобытность народов. Начиная со структур государств и кончая звездами на крышах - все было одинаковое, импортированное из Советского Союза".

Есть и другие проблемы, например, нежелание потерять традиционный нейтралитет при вступлении в общеевропейский дом.

Нередко задают вопрос и о том, кто же имеет право принимать решение о включении (или исключении) в европейское сообщество? И вообще, можно ли принять или не принять в Европу? Я считаю, что вряд ли правомерно избирательно причислять те или иные регионы, те или иные страны к европейскому континенту. Европа раскинулась от Северного моря до Средиземного и, как считали до последнего времени, от Бреста на Атлантическом океане до Брест-Литовска на границе с СССР. Позднее границы Европы отодвинулись до Урала и Закавказья, по линии Кумо-Маньчской впадины и дальше по Черному морю. Но на самом деле она уходит гораздо дальше на восток и тянется до Владивостока и Камчатки, ведь плоть и дух России, ее менталитет не может быть разделен Уральским хребтом.

В России всегда географическая идея преваляровала над исторической, может быть еще и потому, что особое значение для российского самосознания имело ощущение огромных пространств. Президент Банка развития и реконструкции Европы Жак Аттали заметил, что география является наиболее существенным и очевидным результатом истории. Очевидно, что география тесно связана с историей и в других странах Европы. Например, Восточная Европа - понятие скорее политическое, чем географическое. Жителю Праги надо отъехать всего на 400 километров к востоку, чтобы оказаться в первой западной столице - Вене. Когда-то была Центральная Европа, но после Ялты перестала существовать. Восточная Европа - синоним еще недавно существовавшего советского блока. Происшедшие в этих странах перемены и происходящие в них процессы говорят еще об одной победе географии над полити-

кой, восстановлением центрально-европейской преемственности.

История образования национальных государств в Европе прошла три стадии. В ходе первой - уже сложившиеся нации, народы: французы, испанцы, португальцы и другие оформились в национальные государства. Во второй - населенные одним и тем же народом более мелкие общности слились в единое государство - Германия, Италия. В третьей фазе новые национальные образования возникли в результате распада империй: Австро-Венгрия, Османская империя.

СССР является сегодня последней империей в мире. Долгое время у нас, да и на Западе была надежда, что эту империю не постигнет судьба всех ее предшественниц - великих империй прошлого. Но теперь мы видим, что и нас охватил процесс деколонизации, причем наша империя имеет ряд особенностей. Наши колонии расположены не за морями и океанами, как это было у Британии, Франции или Голландии, - они расположены на сопредельных территориях. Это обусловило большое этническое перемешивание, и сегодня внутри Советского Союза 60 миллионов человек - одна пятая всего населения - проживает не в границах своих национальных республик, а за их пределами, в том числе 25 миллионов русских, живущих вне России. Вторая особенность нашей империи в том, что метрополия - сама Россия - является не более богатой, чем ее колонии. Напротив, ее природные ресурсы истощены еще больше, чем ресурсы других республик. Оказавшись во власти тоталитаризма, Россия понесла огромные человеческие жертвы. Можно сказать, что она является одновременно и метрополией Союза, и колонией его имперско-тоталитарного центра.

В начале века Россия была "слабым звеном в цепи империализма", по выражению Ленина, и именно поэтому, как учили нас теоретики марксизма-ленинизма, здесь произошла "социалистическая революция". Кстати, публицист Андрей Нуйкин высказал свою точку зрения на эту теорию: "Случайно ли ни одна нормально экономически и социально развитая страна добровольно так и не включилась до сих пор в дело "социалистического строительства"? Увы, "строительство социализма" оказалось последним и решительным боем, который попробовал дать свободному предпринимательству и набирающей силу буржуазной демократии не способный с ними конкурировать на мирной ниве феодализм".

Порой кажется, что процессы, происходящие в разных частях Старого Света, находятся в противоречии. На Западе усиливаются интеграционные тенденции, а на Востоке продолжается фрагментация. На самом деле идет движение с разных полюсов, но в пределах одной и той же шкалы. В Западной Европе - это движение от стадии суверенных государств, которые добровольно делегируют часть своего суверенитета общеевропейским структурам, к более цельной интегрированной общности. На востоке - в Чехо-Словакии, Югославии, СССР - мы имеем дело с отказом от унитарных государств, которые превращаются в федерации или конфедерации с меньшей степенью интегрированности. В итоге мы, наверное, сойдемся на середине этой общеевропейской шкалы. Процесс по результатам своим будет примерно одинаков, хотя сейчас и кажется, что векторы дви-

жения, направленные навстречу друг другу, - противоположны.

Хотелось бы надеяться, что в XXI веке границы между суверенными государствами в том содружестве республик, которое придет на смену нынешнему Союзу, и в остальной Европе станут вполне условными и не будут препятствовать экономическим, культурным, человеческим связям в общеевропейском доме - доме, построенном на всем пространстве от Бретани до Камчатки.

Когда эти заметки были уже набраны, был совершен и провалился антиконституционный переворот, ставивший своей целью остановить и обратить вспять естественноисторические процессы, которые развиваются на территории бывшего (теперь уже - бывшего!) СССР. Однако, результат оказался обратным: путчисты подписали смертный приговор последней в мире империи. В итоге некоторые республики обрели полную независимость, другие стали субъектами формирующей конфедерации. Это должен быть союз дружественных государств, которые неразрывно связаны общей экономикой, наличием языка межнационального общения, человеческими связями, определенными элементами психологии, пусть даже психологии homo soveticus. Разумеется, проблемы интеграции новых суверенных государств в мировое сообщество и его отдельные структуры теперь уже выглядят по-иному и заслуживают нового анализа. Однако какие-то выводы можно сделать уже сейчас.

Первые недели после путча показали, что демократические процессы в стране и в особенности в России получили необходимое ускорение. Внешняя "двухъярусная" политика, осуществлявшаяся раньше де-факто, получила юридический статус. Мужественное сопротивление россиян доказало всему миру необратимость демократических реформ, существование левоцентристской коалиции и неприемлемость для России пиночетовской модели экономического развития. Ново-Огаревская формула изменилась: вместо "9+1" - "N+0". Во всем мире произошло усиление влияния демократически избранного Президента России Бориса Ельцина. После переворота, в финале трагедии, многие маски были сорваны, и стало ясно, кто есть кто. Но загадки все же остались, и самая большая из них - это Горбачев. Кто он? Согласится ли он с почетной ролью английской королевы? Неизвестно. Несомненно только то, что изменение политической линии Президента СССР явилось еще одним результатом неудавшегося путча.

По завершении Пятого и, видимо, последнего Съезда народных депутатов СССР, по сути дела объявившего о своем самороспуске и переходе к конфедеративному устройству государства, Горбачев согласился сфотографироваться на память с парламентской оппозицией - своими бывшими политическими противниками, членами Межрегиональной депутатской группы (МДГ). С этой символической точки начался отсчет нового исторического периода.

Москва, 6 сентября 1991 года.

У историков нет еще возможности анализировать фактуру события, называемого ныне военно-коммунистическим переворотом 19-21 августа 1991 года. Сейчас черед прокурорского и парламентского расследований. Как это часто случалось и ранее - следователь будет предшествовать исследователю. Только временное расстояние между

жу 1965 года в Индонезии, когда была сделана кровавая попытка перевести страну на чисто коммунистический путь. Но там были свои резкие особенности. Во-первых, у Индонезии не было коммунистического прошлого. Во-вторых, за спиной исполнителей - элитной воинской части и прокоммунистических молодежных формирований - стоял сам глава государства, президент Сукарно. А подавлен мятеж был именно антикоммунистическими силами армии.

решающую роль сыграли верные правительству строевые части и в первую очередь артиллерия. То есть конфликт разрешился внутри государственной структуры. Первичным же фактором, определившим крах мятежа 19 августа в Москве, было "мнение народное", не оказавшее ни малейшего влияния на исход событий в Стамбуле.

Неправомочные сопоставления - не просто игра ума. Они ложатся в основу ложных систем, формирующих массовое мировосприятие. Мы рискуем ока-

Яков Гордин

в железную диктатуру, здесь - быстрое движение в сторону демократии.

Смысл любого переворота определяется не его сюжетной схемой, а направлением исторического вектора. Характеристика переворота зависит прежде всего от того, куда устремлена сумма усилий его деятелей - в прошлое или будущее.

Победа Корнилова была нереальной - опыт Краснова и Кры-

ОТ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ДО МАРШАЛА ЯЗОВА

ними на сей раз окажется невелико.

Но и сейчас уже можно сказать, что, несмотря на кажущуюся и действительную нелепость в исполнении, трагикомические черты и результат, обратный задуманному, заговор и переворот 19 августа есть значительное событие российской истории, наполненное глубоким и мрачным смыслом.

Данное же сочинение - всего лишь попытка рассмотреть некоторые общие аспекты этого события и включить его хотя бы в прилизательную систему.

Типологическая классификация государственных переворотов требует основательной работы на материале разных стран и периодов. А здесь придется ограничиться несколькими примерами, только намечающими подобную классификацию.

Конечно, соблазнительно просто ввести события 19-21 августа непосредственно в современный контекст подобных событий по внешнему сходству - сопоставить путч Язова-Крючкова-Пуго с путчами Франко, Пиночета, греческих "черных полковников". Но близость во времени еще отнюдь не гарантирует убедительности и правомочности сопоставления. Если говорить о XX веке, то московский путч ближе к прокоммунистическому мяте-

И уж если говорить о близких сюжетных моделях, то, отступив почти на два века, можно вспомнить яростный конфликт султанов-реформаторов в Османской империи первой трети XIX века с корпусом янычар. Янычары, традиционная элита турецкой армии, пользующаяся многочисленными привилегиями, сделавшись неэффективной в военном отношении, катастрофически отстав от боевого уровня европейских армий, пыталась удержать военную и политическую систему страны в неизменном состоянии, ибо реформы делали ненужным ее собственное существование. Союзником янычар было фанатичное духовенство - хранитель "идеологической стабильности". Эта упрощенная схема вполне совпадает с упрощенной же схемой событий 19-21 августа - безнадежно устаревшие военно-полицейские структуры, подталкиваемые коммунистическими фундаменталистами, попытались "подморозить Россию", вернуться к положению, которое можно охарактеризовать как ложную стабильность.

Но сопоставление это оказывается убедительным только при заведомо упрощенных схемах. Сопоставимы здесь сюжетные модели, но не сами исторические механизмы событий. В разгроме восставших янычар в 1826 году

затягиваясь перед лицом новой мистификации.

Едва ли не самым популярным ныне становится сравнение мятежа Язова-Пуго-Крючкова с корниловским мятежом. "Предыдущую попытку военного путча в нашей стране совершил генерал Корнилов 74 года назад", - пишет в "Известиях" от 29 августа Отто Лацис. Либеральный коммунист странным образом был, что Октябрьская революция, последовавшая за корниловским выступлением, была именно вооруженным переворотом, совершенным силами нескольких тысяч солдат, матросов и красногвардейцев. Переворотом, предопределившим вооруженный разгон законно избранного Учредительного собрания, установление вооруженной диктатуры и смерть демократии.

Сопоставление с корниловским мятежом лежит на поверхности и подогревается формальным сходством - генералы во главе движения, явное попустительство главы государства (там Керенский, здесь Горбачев), самоубийство исполнителя - генерала Крымова, резкая активизация политических процессов после провала мятежа. Но по сути путч 19 августа и мятеж Корнилова - антиподы. Отсюда и диаметрально противоположные последствия провала. Там - прыжок

мова показал, что в армии нет сколько-нибудь значительных сил, готовых подавлять революционный Петроград. С фатальным однообразием отобранные части, брошенные на столицу, таяли, не достигнув ее окраин. Но при этом совершенно очевидно, что вектор корниловского движения был направлен вперед - в будущее.

Здесь нет возможности анализировать сложные обстоятельства выступления генерала Корнилова, но можно сказать, что ни Корнилов, ни близкие к его позиции генералы (Алексеев, Деникин) не собирались реставрировать самодержавие. Тесные контакты людей из окружения Керенского с Корниловым и его окружением были вполне естественны. Конечным результатом гипотетической победы Корнилова могла стать конституционная монархия с перспективой развития в кадетском варианте. Есть свидетельства, что руководство партии конституционных демократов участвовало в подготовке корниловского выступления. Член ЦК партии В.А.Оболенский писал: "Милюков недвусмысленно давал понять, что в той фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено, что спасти Россию от анархии может лишь

восная диктатура... Милюков представлял себе первую стадию этой диктатуры в виде двуумвирата Керенского и Корнилова... От речи Милюкова у меня сложилось впечатление, что он уже вел тайные переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку."¹

Милюков был убежденный сторонник парламентской демократии и непримиримый противник самодержавия. Таким образом, при внешнем сходстве, сходстве тактическом, стратегические цели путча 19 августа и

лы могли на какое-то время выйти из-под контроля - но только на время. И теперь мы прекрасно понимаем, что этот невозможный в реальных условиях семнадцатого года путь был истинным путем России и что движение по нему прервалось на семь десятилетий.

Негативная же задача Корнилова формулировалась просто - не допустить дальнейшего скатывания влево, к анархии или захвату власти большевиками, то есть максимально антидемократической диктатуре. Не следует

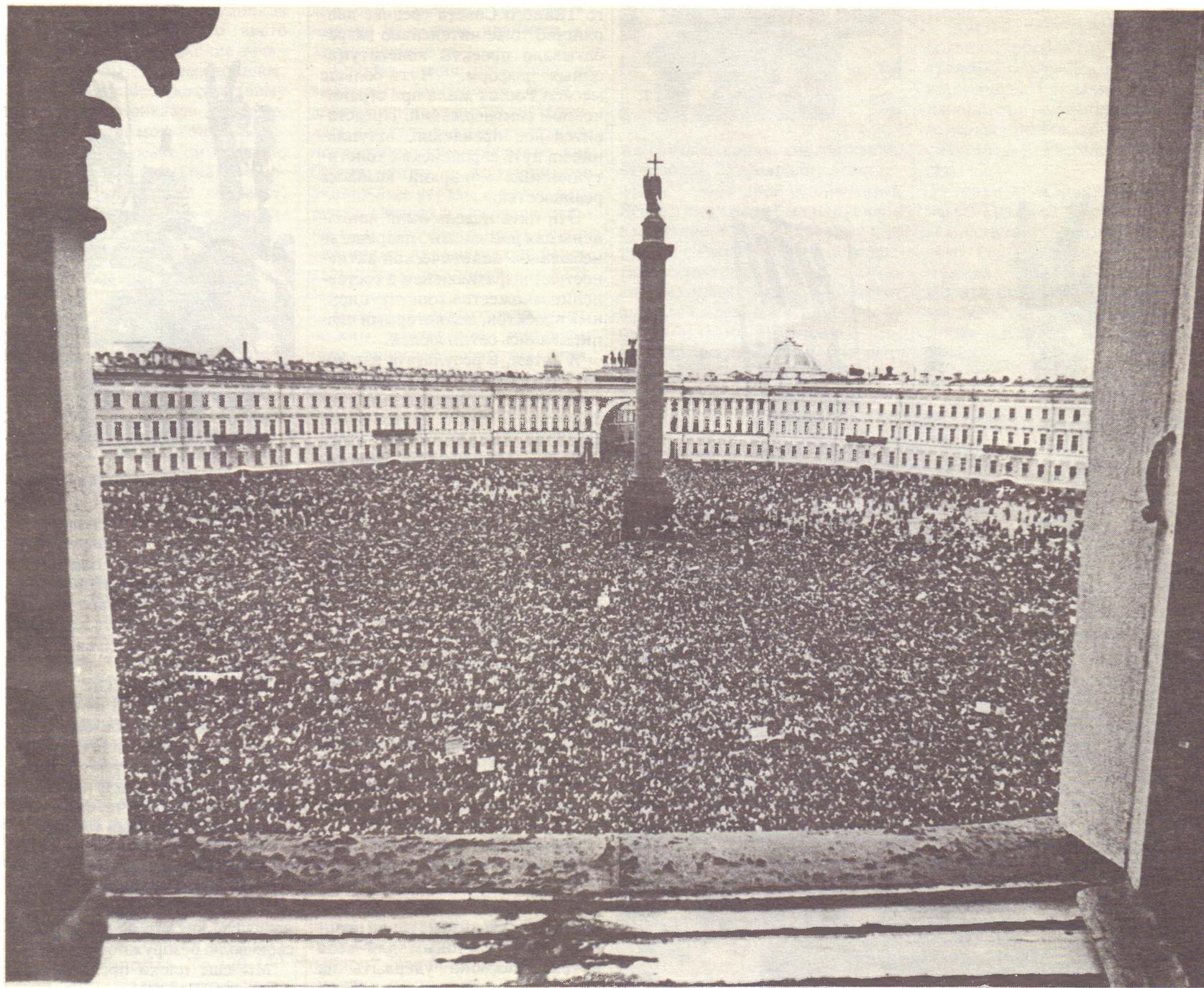
статься ясным аналогом путча 19 августа. Более того, 19 августа 1991 года была сделана попытка повторить - не по деталям, а по сути - путч 25 октября 1917 года. И потому поражение сегодняшнего путча оказалось столь катастрофично для системы, базировавшейся на победе Октябрьского восстания.

Вектор победоносного переворота 25 октября в отличие от вектора провалившегося корниловского мятежа, равно как и от вектора неудавшегося восстания 14 декабря, был направлен в про-

нашей страны. Но это - грубая ошибка.

Если трезво взглянуть на протяженные, а не нарубленные мелкими эпохами процессы нашей истории, то станет ясно, что результаты переворота 25 октября были контрреформами по отношению к Великим реформам 1860-х годов. Великие реформы с отменой крепостного права, новыми принципами судопроизводства, военной реформой, экономическим, хотя и далеко не полным, раскрепощением сильно травмировали государствен-

АЛЕКСАНДР СПИЦЫН. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ ИЗ ОКНА ЭРМИТАЖА. 20 АВГУСТА 1991 ГОДА

корниловского движения - диаметрально противоположны. В одном случае это - погребение демократии и возвращение к военно-бюрократической модели, в другом - спасение демократии и реформирование этой модели.

Разумеется, при захвате Петрограда правомонархические си-

также забывать, что и Керенский, и русский генералитет ориентировались прежде всего на союзников - демократические государства Антанты, которым вовсе не нужно было восстановление в России скомпрометированного самодержавного режима.

Что же касается Октябрьского переворота, то именно он и явля-

шное. И это прежде всего теснейшим образом связывает события 25 октября и 19 августа.

На первый взгляд, провалом мятежа верхушки КПСС, в которую входили и министр обороны, и председатель КГБ, и министр внутренних дел, завершился коммунистический семидесяти-четырёхлетний период истории

ную систему, запущенную Петром I. Они, в случае естественно-го развития, должны были привести к ее коренной трансформации. Система с биологическим упрямством старалась не допустить этого. Грубые усилия власти провоцировали яростное раздражение снизу, крайним проявлением которого был террор на-

родовольцев, а затем эсеров, и революционное движение вообще. Крестьянские бунты и рабочие восстания 1905 года были полусознанными попытками подтолкнуть процесс необходимых реформ. Февральская революция, стимулированная военным изнурением России, увенчала противостояние страны и системы.

Октябрьский переворот дал возможность после переходного периода 20-х годов вернуться к петровским государственно-экономическим принципам. Верну-

реформ и особенно после 1905 года. Вернулось всевластие бюрократии, усиленной мощным партократическим слоем. Вернулась рабская подчиненность печати, добившейся в предшествующее полувековье значительной свободы.

Вернулась под иной идеологической маской военно-бюрократическая машина, для которой страна была сырьевой базой.

Государство снова стало целью, а народ - средством.

Мы должны понять, что 19 ав-

русских патриотов, верных державе и церкви.

Если помнить все вышесказанное и идти в глубь истории, то нас не удивит и сопоставление переворота 19 августа 1991 года с переворотом 25 февраля 1730 года.

Когда в январе 1730 года умер император Петр II, группа вельмож, реально возглавлявших государство и армию, пыталась провести конституционные реформы, ограничившие самодержавие и наметившие представительное правление. Параллельно с действиями вельмож Верховного Тайного Совета среднее дворянство тоже интенсивно разрабатывало проекты конституционных реформ. Чуть больше месяца Россия жила при ограниченном самодержавии. Представительное правление, вступление на путь европейских конституционных монархий казалось реальностью.

Эти пять недель были наполнены для российского дворянства небывалой политической активностью, выразившейся в составлении множества конституционных проектов, под которыми подписывались сотни людей.

А затем, в результате заговора, составленного несколькими генералами и бюрократами, государственными и церковными, заговора, поддержанного гвардейским офицерством, конституционные реформы были пресечены в самом начале.

Историческое воздаяние последовало немедленно. Страна получила не столько массовый, сколько психологически травмирующий своей мелочностью и гнусной причудливостью террор, национальное унижение, углубление социального неблагополучия, - и снова вступила на тот путь, который привел в конце концов к 25 октября и 19 августа.

Лидеры антиреформистского заговора 1730 года спасали военно-бюрократическую модель государства, уже доказавшего свою пагубность для России.

Лидеры заговора 1991 года спасали ту же, реанимированную большевиками модель.

Есть одна страшная закономерность - страну, идущую неорганичным, пагубным для себя путем, способно удержать на этом пути только насилие. Но в истории существует явление, которое можно назвать "инстинктом самосохранения больших общностей". Вопреки нелепым представлениям идеологов, русская история нового времени до 1917 года была менее кровава, но по-своему не менее мучительна и психологически дискомфортна как для народа, так и для образованного слоя. Россия полу-

инстинктивно, но постоянно защищалась, пытаясь свернуть с пути, ведущего к катастрофе. Беда наша в том, что мы недурно изучили и представили людям историю сопротивления образованного слоя - то, что мы и понимаем под историей освободительного движения, но оставили в полумраке неуклонное, упорное сопротивление основной массы народа - крестьянства, сопротивление, принимавшее самые разные формы: массовых побегов, отказа от уплаты податей, ежегодных - во всех губерниях -

АЛЕКСАНДР СПИЦЫН. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ 20 АВГУСТА 1991 ГОДА

убийств помещиков и приказчиков, разбойного движения, наконец, взрывов пугачевщины - вплоть до разгула ненависти и насилия в 1905 и 1917 годах.

Ленин и Сталин отнюдь не были безумцами. Чтобы вести страну по пути, пагубность которого она ощущала, нужен был безжалостный террор.

Ужас гипотетической победы путчистов 19 августа не в самой этой победе, а в неизбежных долгосрочных последствиях. Чтобы удержать страну на том же трехсотлетнем пути, что и пытались сделать лидеры путча, фатально необходим был новый террор.

Что же помешало людям, располагающим, казалось бы, абсолютной силовой властью в стране, во всяком случае в столице, навязать, как это не раз бывало, свою волю безоружному народу?

Мы еще плохо представляем себе реальную расстановку сил в армии 19-21 августа. Но совершенно ясно, что невыполнение приказов мятежников командирами частей КГБ и десантных войск, равно как и нейтралитет бронетанковых дивизий, не говоря уже о переходе на сторону ВС РСФСР нескольких танков и бронетранспортеров, были вызваны не столько высоким демократическим сознанием военных,

лось крепостное право в колхозном варианте, экономически еще более жесткое, чем классический его вариант. Вернулась одновременно с этим милитаризация страны и абсолютная ориентация экономики на армию. Вернулось в удешевленном виде влияние секретной полиции, существенно потесненной после Великих

густа пыталась взять реванш не просто коммунистическая система, существовавшая последние десятилетия, но трехсотлетняя громада военно-бюрократической империи. Отсюда естественный союз имперских коммунистов и имперских шовинистов. Отсюда попытка партократов и генералов выступить в качестве

сколько явились реакцией на народное сопротивление, без которого это сознание могло и не реализоваться в поступки.

Два старших офицера группы "Альфа" в анонимном интервью программе "Вести" ясно сформулировали главную причину, по которой их подразделение готово выполнить любые самые жесткие приказы, отказалось штурмовать российский Белый дом. Эта причина - скопление перед резиденцией ВС РСФСР безоружных, но решившихся стоять насмерть людей, среди которых могли оказаться родственники, друзья, знакомые сотрудников спецподразделения. Это чисто человеческое соображение не остановило бы профессионалов, привыкших к беспрекословному выполнению приказов. Для того, чтобы ведущие мотивации их поведения столь резко сместились, понадобился принципиально новый психологический контекст. Этот контекст возник как чрезвычайно высокая стадия длительного процесса - многовековой концентрации энергии сопротивления военно-бюрократическому мироустройству, всего лишь разновидностью которого является военно-коммунистическая модель.

Толстой считал, что историческое движение дает результаты лишь тогда, когда масса дифференциалов истории, миллионы индивидуальных волей оказываются единоподобными. Нечто подобное произошло 19-21 августа. При этом совершенно справедливо говорят о бездействии в роковые дни большинства граждан России, Москвы, Ленинграда. Но ведь нигде не возникло и массового движения в поддержку путча. Это чрезвычайно симптоматично - дееспособная часть населения либо оказалась против путча, либо соблюдала нейтралитет.

Это и есть нормальная политическая жизнь. Даже во время гражданской войны в вооруженной борьбе участвовало безусловное меньшинство населения. А если бы не насильственные мобилизации с той и другой стороны, то количество бойцов было бы еще в несколько раз меньше. Практическая борьба - удел авангарда общества. Те 120-150 тысяч ленинградцев, что вышли на улицы 20 августа, - и есть общественный авангард Ленинграда-Петербурга.

Владимир Максимов в "Известиях" от 3 сентября сокрушенно констатировал: "Дело свободы защищало лишь активное меньшинство. Причем в основном состоящее из молодежи. По самым оптимистическим подсчетам, вокруг Белого дома сгруппирова-

лось около ста тысяч человек, это более чем из восьми миллионов москвичей!" Но, во-первых, больше половины москвичей - дети и старики. Во-вторых, если в Москве нашлось порядка ста тысяч человек, готовых рискнуть головой ради свободы, не сулящей в обозримом будущем особых материальных благ, - значит дело прочно.

Путч потерпел отнюдь не военное поражение. В ночь с 18 на 19 августа сила была на стороне путчистов. Они не прибегли к крайним мерам в Москве (Крым далеко, Горбачева рано или поздно они надеялись уговорить) именно из боязни крайнего же противодействия.

Отсюда явная установка на видимость законности. Воля к действию мятежников растворилась и увязла в новом политико-психологическом контексте, как бронемашин с растерянными экипажами увязли в толпе баррикад. Отсюда непоследовательность и нерешительность действий таких привыкших к решительности учреждений, как КГБ, МВД...

Новым политико-психологическим контекстом, насыщенным энергией сопротивления, объясняется решимость другой стороны - защитников демократии.

Утром 21 августа перед Ленсоветом группа молодых людей - от 20 до 30 лет - обсуждала план борьбы с возможной атакой БТР и танков. Дело даже не в профессионализме этого обсуждения - все они служили в армии, водили БТРы, прекрасно знают их слабые стороны. Дело в том, что стояло за этой спокойной, жесткой беседой. Их политическое мировосприятие энергично сформулировал тридцатилетний рабочий: "Красные без крови не уйдут. В России полстраны обученных, знаем, куда патрон закладывать. Надо создавать народное ополчение, вооружаться. Красные без крови не уйдут".

За несколько месяцев до этого утра высокопоставленная дама из Ленинградского обкома, выступая на партсобрании одного из вузов, сказала: "Если для защиты социализма понадобится гражданская война, мы на это пойдем". Это было ложью. Противники партократии оказались готовы взять в руки оружие. Партократы - нет. И не потому, что на одной стороне сплошь трусы, а на другой - храбрецы.

В 1730 году сторонники конституционных реформ, среди которых были два фельдмаршала, Долгорукий и Голицын, формально контролировавшие оба гвардейских полка, не решились прибегнуть к силе. Сторонники

же самодержавия, совершившие переворот 25 февраля, действовали с безоглядной решимостью. Вектор их усилий был направлен в прошлое, путь, на который они толкали Россию, был в перспективе катастрофичен, но политико-психологический контекст оказался органичен для них. И князь Михаил Михайлович Голицын, прославленный храбрец, герой Лесной, Полтавы, Гренгама, не решился ничего предпринять. Он дышал чужим воздухом.

Клубень, из которого растут две главные линии российских переворотов, - вооруженный переворот 1689 года, когда молодой Петр I и его энергичные соратники вырвали власть у правительницы Софьи и князя Василия Голицына, с его либеральными замашками и мечтами о представительном правлении. "Весь корень русской жизни сидит тут", - сказал о Петровской эпохе Толстой. Отсюда пошла переворотная традиция, к коей принадлежат перевороты 1740 и 1741 годов, когда гвардейские гренадеры сбросили Бирона и отдали власть Брауншвейгскому семейству, а затем сбросили Брауншвейгов и возвели на трон Елизавету. Сюда же относятся захват престола Екатериной II, убийство Павла I. В этой же традиции две отчаянные, но неудачные попытки: 14 декабря 1825 года и корниловский мятеж.

При всей несомненной разнице эти два последние события роднит главная задача - не допустить кровавый демонтаж государства снизу. Все перечисленные деяния удачно или неудачно пытались реализовать одну из тенденций Петровской эпохи - стремление к динамичному и целесообразному реформированию страны. Другое дело, что плоды даже удавшихся перево-

ротов погибали, столкнувшись с косностью и коварством военно-бюрократической системы, запрограммированной тем же Петром.

Вторая линия - перевороты 25 февраля 1730 года, 25 октября 1917 года и 19 августа 1991 года. То, что последний путч, истинный наследник двух победоносных переворотов, провалился, свидетельствует не о дилетантизме его организаторов, - пусть этой идеей тешат себя другие дилетанты, - но исторической изжитостью почвы, по которой могла бы, не пробуксовывая, пройти бронетехника.

Инстинкт самосохранения большой общности - народа - трансформировался в осознание исторической реальности и реализовался в решимость активного меньшинства, общественного авангарда. Все встало на свои места.

Эпохи не кончаются в одночасье. Границы их размыты, они захлестывают одна другую. Поэтому рецидивы 19 августа возможны, хотя и маловероятны. Но это будет в любом случае конвульсии умирающей эпохи. Эпохи от Петра I до маршала Язова.

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Париж. YMCA-PRESS. 1988. С.538.

В 1858 году исполнилось давнее желание французского писателя - повидать Россию. 23 июня он приехал в Петербург и остановился в особняке Г.А.Кушелева-Безбородко, мецената и беллетриста. У Кушелевых собралось много литераторов, там Дюма свел знакомство с Д.В.Григоровичем, А.К.Толстым и Л.А.Меем. Григорович познакомил Дюма с Н.А.Некрасовым и супругами Панаевыми.

Петербург радушно встретил французского писателя: по свидетельству И.И.Панаева, Дюма пользовался в России почти такой же популярностью, как во Франции.

Дюма провел в Петербурге полтора месяца, потом поехал в Москву. Далее он предпринял путешествие по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани, а затем через Кизляр и Баку добрался до Кавказа и лишь в марте 1859 года возвратился во Францию.

В результате поездки по России Александр Дюма написал обширный цикл очерков, еженедельно выходивших в свет в его журнале "Монте-Кристо". По увлекательности эти очерки соперничали с главами-фельетонами его знаменитых романов. Потом они вошли в объемистые тома "От Парижа до Астрахани" и "Кавказ".

Французские читатели проявили к этим книгам огромный интерес: за три года они выдержали три издания. В 1861 году писатель дополнил книгу "От Парижа до Астрахани" несколькими главами и опубликовал под новым названием "Путевые впечатления. В России".

Предлагаем вашему вниманию очерк Александра Дюма "Правая рука царя". Перевод на русский язык осуществлен по последнему изданию, предпринятому в Париже, в издательстве "Эрмани", в 1960 году.

ГЕРБ ГРАФА АРАКЧЕЕВА

ПРАВАЯ РУКА ЦАРЯ

Главной целью Наполеона, добивавшегося встречи с императором Александром на Немане, было желание воспользоваться своим влиянием на благородную и чувствительную натуру царя, чтобы вместе с ним окончательно разгромить Пруссию и Великобританию и решить вопрос о разделе мира.

Пруссия оказалась бы ослаблена, утратив свои владения к востоку от Эльбы и в Польше; могущество Англии уменьшилось бы из-за потери Индии; Австрия стала бы второстепенной державой, потому что лишилась бы Испании и Венгрии, а значит, и двадцати трех миллионов подданных.

Замысел был грандиозный; Александр охотно согласился с ним.

Александр Дюма Мы знаем, какова была конечная цель, - посмотрим, какими средствами можно было достигнуть этой цели.

Император России обязался покончить с Пруссией, Наполеон - с Австрией; он решил воспользоваться первым же случаем, чтобы объявить войну императору Францу. Все были уверены, что этого случая не придется ждать долго. Наполеон захватил Вену и овладел рекой Дунаем. Все это было в 1809 году. После сражения при Ваграме он легко мог выполнить взятые на себя обязательства, но Александр не сдержал своего обещания. Вот почему Наполеону необходимо было установить свое господство над Дунаем. Император Александр послал сорок тысяч солдат к Волге, приказал им пересечь Каспийское море и высадиться в Астрабаде. Наполеон велел переправить на судах сорок тысяч солдат по Дунаю - с

тем чтобы они пересекли Черное море и вслед за тем, поднявшись вверх по Дону, достигли станицы Пестковской. В этом месте Волга протекает всего в восьмидесяти верстах (двадцати льс) от Дона. Совершив два марша, сорокатысячное войско французов прибыло в Царицын на Волге.

В Царицыне стояли суда, на которых ранее русские солдаты были переправлены в Астрабад; французы на этих судах направились к месту сосредоточения войск. Там Наполеон, этот новоявленный Александр Македонский, приняв командование, начал осуществлять завоевание Индии. Это удалось бы сделать сравнительно легко с помощью восставших племен.

Можно себе представить, что случилось бы с Великобританией в наше время, если бы к восставшим племенам присоединились сорок тысяч русских и сорок тысяч французов! Представьте себе, что случилось бы со Вселенной, если б Александру и Наполеону удалось осуществить проект раздела мира.

Но не такова была воля Божья! Царь не

сдержал слово, данное императору. Гигантский план рухнул еще при Наполеоне. Франция и он сам были погребены под обломками павшей Империи...

Наполеон стал пленником и был увезен умирать на Святую Елену, погруженный в мысли о прошлом; Франция обрела хартию, стала свободной и устремила взор в будущее. Бог, несомненно, был прав.

В 1822 году открылся конгресс в Вероне. То был союз монархов против народовластия.

Из-за принятых на себя обязательств Александр отказался присутствовать на этом конгрессе. Он объявил, что отвечает за Россию. Вот что произошло вскоре.

Потемкин командовал Семеновским полком, вторым гусарским полком в России, созданным Петром I вслед за Преображенским. Потемкин отменил там телесные наказания

и пользовался в силу этого исключительной любовью в полку.

Знаменитый Аракчеев, о котором мы еще расскажем в этом очерке, сместил полковника, назначив на эту должность Шварца - своего рода немецкого капрала, который восстановил в полку систему наказания шпицрутенами. Полк восстал. Меттерних узнал об этом восстании раньше самого императора, - в тот день, когда австрийскому дипломату передали эту новость, император Александр повторял свою обычную фразу: "Я отвечаю за Россию!"

- Потому что ваше величество не знает, что происходит в стране, - ответил австрийский министр.

- Как так, я не знаю, что происходит в моей империи? - воскликнул Александр.

- Не знаете, ваше величество, потому что, увлеченный карбонаризмом, второй по значению полк восстал и намеревался расстрелять своего полковника.

Меттерних еще не успел произнести эти слова, как прибыл курьер, вручивший императору депешу, извещавшую его о том, что он узнал из уст Меттерниха. Человек чувствительный, Александр был поражен известием; он присоединился к конгрессу, и была объявлена война против кортесов, означавшая войну против свободы. Русские патриоты, считавшие его главой либерального движения, недоумевали, почему после того, как император разделал их взгляды, и в особенности после того, как он выразил свои убеждения в письме к князю Кочубью, он мог так предать их. Но вскоре сомнения рассеялись: Александр запретил масонство и различного рода союзы. Император не только нарушил клятву, но к тому же стал преследовать либеральные идеи.

В то время в России официально существовало многолюдное общество, имевшее своей целью прогресс, воспитание, народное образование. Это общество, открыто проповедовавшее свои взгляды, отныне стало тайным. На ос-

нове его образовались две организации, названные Северным обществом и Южным обществом. Умеренные деятели вступили в Северное общество и признали своим руководителем Никиту Муравьева. Южное общество состояло из решительно настроенных людей, они признали своим главой Пестеля. Деятели Северного общества преследовали цель свержения самодержавия, Южного - казнь монарха.

В то время, когда были основаны эти союзы, другое несчастье, глубоко огорчившее его, постигло императора Александра. В течение пятнадцати лет он имел титулованную любовницу, госпожу Нарышкину. У них была дочь - Софья, которую монарх обожал; сама императрица питала к ней глубокое нежное чувство. Поистине то был изумительный цветок, и, как цветок, она погибла от зимней стужи: простудилась в Швейцарии во время посещения ледника Розенлов

и умерла от воспаления легких. Жуковский, тот самый, что находился подле умиравшего Пушкина, написал в честь этой обожасмой девочки наиболее изумительные в его поэзии стихи.

Впад в мрачное состояние духа вслед за смертью несчастной княжны, уже считавшейся невестой графа Шувалова, император перестал заниматься государственными делами, поручив ведение их некоему злому гению по фамилии Аракчеев.

Постоянно вокруг престола монарха рыщут львы, стремящиеся, как сказано в Евангелии, схватить жертву. Им обязательно нужно кого-нибудь сожрать, если не народ, то императора.

Граф Аракчеев представлял собою одного из таких львов; он поставил перед собой цель вызвать ненависть к царю, если последний не избрет иной метод правления. Сын мелкого помещика, он полностью реорганизовал артиллерию и основал военные поселения; это был неглупый, но необыкновенно жестокий человек. Все перед ним трепетали. Говорят, что только генерал Ермолов не боялся ему возражать. Ермолов чуть не заплатил за это своею карьерой. Досадно было бы из-за какого-то Аракчеева потерять такого человека, как Ермолов.

Ермолов - это генерал, который в пятый раз захватил основной редут погибшего при нем генерала Коленкура; он не покинул позиции даже тогда, когда пали в бою все канониры, а их орудия были заклинены. В дальнейшем нам представится случай поговорить об этом ветеране Империи, который еще жив и постоянно проживает в Москве, в своем небольшом деревянном доме. Однажды, когда Ермолов был артиллерийским офицером, Аракчеев нашел, что его лошади плохо вычищены.

- Слушайте, известно ли вам, что авторитет офицера зависит от того, как выглядят его кони?

- Да, генерал, - ответил Ермолов, - я знаю,

что в России репутация людей зависит от животных.

Так же, как герцогу Ришелье, который никому не отдавал предпочтения, избивал соотечественников и иностранцев, случилось и Аракчееву плохо обращаться со своими фаворитами - будучи сам фаворитом, он, естественно, имел своих - но обращался с ними так же плохо, как и со всеми другими.

Среди фаворитов Аракчеева был сын одного пруссака, ласкей, которого его хозяин произвел в чин генерала, подобно тому как граф Кутайсов получил титул графа, пожалованный ему Павлом I. Однажды, во время торжественного парада в Новгороде, которым командовал генерал Клейнмихель (так звали фаворита Аракчеева), один из маневров прошел неудачно. По окончании парада Аракчеев вызвал к себе Клейнмихеля и при всех офицерах объявил:

A handwritten signature in cursive script, reading "А. Аракчеев". The signature is written in dark ink on a light background.

- Ты мне жаловался, болван, что тебя не уважают, а я надел тебе на плечи новые эполеты. Ты мне говорил, что тебе не оказывают почестей, а я прикрепил тебе на грудь орден Святого Владимира... - И тут Аракчеев сорвал с него шляпу и, ткнув его в лоб, прокричал: - Сюда я уже ничего не могу пристроить. Это уж дело Господа Бога. Кажется, Господь Бог смотрел в другую сторону, когда ты появился на свет! - Затем, отвернувшись и пожимая плечами, он в последний раз обозвал Клейнмихеля дураком.

Майор Р., желая отомстить Аракчееву за его жестокие выходки, скучая в военном поселении, куда он был сослан, придумал себе развлечение: создал армию из гусей и индюков и, проявив терпение и волю, обучил их становиться в строй. Услышав команду "стройся", птицы выстраивались с такой же точностью, как взвод солдат. На возглас "здорово, ребята!" - это типичное приветствие генерала, когда он принимает парад, - они отвечали "га-га-га!" и "кулды-кулды!" - эти гоготания по созвучию довольно точно повторяли общепринятые ответы солдат: "Здравия желаем, ваше сиятельство".

Аракчеев узнал, чем на досуге занимается майор. Он тотчас предпринял поездку к месту военного поселения и внезапно нагрянул к майору. Тот спросил графа, нужно ли построить войска для смотра.

- Не стоит, - сказал Аракчеев, - я прибыл на смотр не солдат, а гусей и индюков.

Майор понял, что погиб, и мужественно проглотил горькую пилюлю. Он вывел своих ополченцев из ограды и строго приказал им построиться. Следует заметить, что смысленные птицы сразу поняли, перед кем они имели честь повиноваться. Никогда в прошлом они так четко не становились в ряд и никогда столь рьяно не отвечали на приветствие командира. Аракчеев щедро наградил майора лестной похвалой. А в завершение речи приказал ему направиться со своей "армией" в крепость и обязал коменданта тюрьмы кормить майора поочередно то гусятиной, то индейкой, до тех пор пока несчастный не съест всю свою армию.

На двенадцатый день майор почувствовал такое отвращение к мясу своих учеников, что решил лучше умереть голодной смертью, нежели соблюдать установленный режим, и объявил голодовку. На четвертый день голодовки Аракчеев, предупрежденный, что майору грозит смерть, соизволил его простить.

В Новгородской губернии Аракчеев владел великолепным имением Грузино; то был подарок императора Александра, который одаривал его деньгами и оказывал ему всяческие почести. Подобно всем ограниченным людям, Аракчеев обладал величайшим даром устанавливать строгий порядок, никем не нарушаемую дисциплину. Позади своего дома он приказал разбить сад с клумбами, устроенными друг против друга и выравненными по линейке. На каждой клумбе была указана фамилия дворецкого, обязанного ухаживать и беречь насаждения. Если хоть один цветок был подломан, а на траве оставался чей-то след, то дворецкий, смотря по тому, насколько были испорчены клумбы, подвергался наказанию двадцатью пятью, пятьюдесятью, стами ударами розги. Этой экзекуцией руководила Настасья. Настасья не приходилась Аракчееву ни женой, ни любовницей, то была его "баба". Он нашел эту волчицу в одной из своих деревень и соединился с ней.

Слезы и крики наказуемых доставляли наслаждение этой женщине. Аракчеев, который был в курсе всех государственных дел, не принимал никаких решений, не посоветовавшись с ней, она была полновластной хозяйкой и оказывала на него неодолимое влияние.

В народе распространилась молва, что эта дьяволица в облике женщины всецело завладела Аракчеевым. Однажды кучер и повар графа, в отчаянии от постоянных злодеяний временщицы, - сестра повара была засечена до смерти, - решили, что бы с ними потом ни случилось, избавить землю от этого чудовища. И вот ночью, когда граф был в отъезде, они убили Настасью.

Аракчеев, узнав об этом, пять дней и пять ночей не выходил из дома, испуская не рыдания, не крики, а душу раздирающий рев, слышимый в другом конце дома. Когда же он вышел, все его люди разбежались по сторонам. Глаза его налились кровью, лицо было мертвенно-бледным. Так как

дворовые не хотели выдавать виновных, сделавших то, что каждый из них много раз мечтал сделать, все они были высечены кнутом, так что двое или трое умерли, не выдержав экзекуции.

Император Александр написал графу по поводу смерти этой женщины следующее: "Успокойся, друг мой! Ты нужен России: она оплакивает твоего верного друга, плачу и я, думая о твоём несчастье".

Глубокая нежность Александра к этому выскочке казалась тем более странной, что Аракчеев наводил ужас даже на двух братьев императора - великих князей Николая и Михаила. Он заставлял их являться каждое утро в десять часов в свой деревянный дом на Литейном проспекте и там принимал их после младших офицеров, заставляя ждать приема по два часа. Несомненно, он не знал, что Константин отрекся от наследования престола и что императором станет Николай. Так или иначе, но, заняв трон, Николай I тотчас уволил Аракчеева в отставку.

И тот, покидая государственный пост, словно парфянин, направил в императора последнюю стрелу. Он оставил ему в наследство своего адъютанта Клейнмихеля. Для того чтобы этого добиться, Аракчеев, якобы поссорившись с Клейнмихелем, в приказном порядке уволил его в отставку. Быть изгнанным Аракчеевым служило для Николая хорошей рекомендацией. Новый император попал в ловушку и поручил Клейнмихелю ту же должность, которую он занимал при Аракчееве. Когда временщик узнал об успехе своего замысла, несмотря на преклонный возраст, он громко расхохотался и сказал: "Теперь даже если он вышлет меня в Сибирь, я отомстил ему!"

Аракчеев удалился в Грузино, свое поместье. Там он изводил крестьян и, как феодалы средневековья, грабил путешественников, проезжавших по выстроенному им мосту. За каждый проезд он требовал плату - десять копеек. Как-то молодой младший лейтенант, отправлявшийся в отпуск, счел этот налог злоупотреблением и, перейдя мост, отказался платить мзду. Когда его привели к Аракчееву, младший лейтенант сказал, что не признает плату законной; к тому же во время отпуска ему платят по двадцать пять копеек в день, а в законе не предусмотрена выплата десяти копеек за проезд через мост, и поэтому он решительно отказывается платить, а если он, лейтенант, не прав, то Аракчеев может пожаловаться не него высшему начальству. При Александре этот лейтенант поплатился бы за свой ответ, но это произошло при Николае.

Аракчееву пришлось удовлетвориться лишь тем, что он пригрозил младшему лейтенанту кулаком со словами:

- Когда я приду к власти, тогда держись, негодяй!

А младший лейтенант, щелкнув пальцами, возразил ему: - Я не слишком верю в воскресение Иисуса Христа. но твердо убежден, что Аракчеев никогда не воскреснет.

Тем дело и кончилось. Времена Аракчеева прошли.

Подготовил текст и перевел М.Трескунов

The Feldenkrais® Method Vienna 92

International Professional Training Program

Educational Director: Dennis Leri/San Francisco

to begin in July 92 - please contact

Feldenkrais-Studiengesellschaft, Bennogasse 8
A-1080 Wien, T. 00 431/40 28 640

СТЕНА И КНИГИ

*He whose long wall the wandring
Tartar bounds...*
Dunciad, II, 76¹

Как-то раз я прочел, что человек, распорядившийся возвести чуть ли не бесконечную китайскую стену, был тот самый Первый Император Ши Хуан-ди, который приказал сжечь все книги прежних времен. То, что оба эти грандиозные деяния - пятьсот ли камня, защищающего от варваров, и жестокое уничтожение истории, то есть прошлого, - исходят от одного человека и каким-то образом являются его символами, неожиданно обрадовало и взволновало меня. О причинах этого будет сказано в конце заметки.

С точки зрения истории, в этих мерах нет ничего таинственного. Современник войн Ганнибала, Ши Хуан-ди, император династии Цинь, завоевал шесть царств и уничтожил феодальную систему; возвел стену, потому что стены служат защитой; сжег книги, потому что к ним обращались его противники, чтобы восхвалять правителей древности. Сжигать книги и воздвигать укрепления - общий удел правителей, необычен лишь размах Ши Хуан-ди. Ряд синологов именно так и считает, но мне чудится в событиях, о которых идет речь, нечто большее, чем гиперболизация заурядных распоряжений. Привычно огордить сад или цветник, но не империю. И глупо было бы утверждать, что самое обычное для народа - отречься от памяти о прошлом, мистическом или истинном. К тому времени как Ши Хуан-ди повелел начать историю с него, история китайцев насчитывала три тысячи лет (и в эти годы жили Желтый император и Чжуан-цзы, Лао-цзы и Конфуций).

Ши Хуан-ди изгнал свою мать за распутство, в этом суровом приговоре ортодоксы видят только жестокость; Ши Хуан-ди, возможно, стремился уничтожить все прошлое, чтобы избавиться от одного воспоминания - о позоре своей матери. (Не так ли один царь в Иудее приказал перебить всех младенцев, чтобы умертвить одного.) Эта догадка заслуживает внимания, но ничего не говорит о стене, другой стороне мифа. Ши Хуан-ди, по описаниям историков, запретил упоминать о смерти, он искал эликсир бессмертия и уединился во дворце, где было столько комнат, сколько дней в году. Эти сообщения наводят на мысль, что стена в пространстве, а костер во времени были магическими барьерами, чтобы задержать смерть. Все вещи хотят продлить свое существование, писал Барух Спиноза, возможно, Император и его маги полагали, что бессмертие изначально и что в замкнутый мир тлению не проникнуть. Возможно, Император хотел воссоздать начало времени и назвал себя Первым, чтобы в самом деле быть первым, и назвал себя Хуан-ди, чтобы каким-то образом стать Хуан-ди, легендарным императором, изобретшим

письменность и компас. Он, согласно "Книге ритуалов", дал вещам их истинные имена; и Ши Хуан-ди, как свидетельствуют записи, хвастался, что в его царствование все вещи носят названия, которые им подобают. Он мечтал основать бессмертную династию; он отдал приказание, чтобы его наследники именовали себя Вторым Императором, Третьим Императором, Четвертым Императором и так до бесконечности.

Я говорю о цели магической, и мне кажется, что сооружение стены и сожжение книг не были одновременными действиями. Это (в зависимости от последовательности, которую мы предпочтем) даст нам образ правителя, начавшего с разрушения, от которого он затем отказался, чтобы оберегать, или разочарованного правителя, разрушающего то, что прежде берег. Обе догадки полны драматизма, но, насколько мне известно, лишены исторической основы. Герберт Аллен Джайлс сообщает, что прятавших книги клеймили раскаленным железом и приговаривали строить нескончаемую стену - вплоть до самой смерти. Эти сведения допускают и другое толкование, которому можно отдать предпочтение. Быть может, стена была метафорой; быть может, Ши Хуан-ди обрекал тех, кто любит прошлое, на труд, столь же огромный, как прошлое, столь же бессмысленный и бесполезный. Быть может, стена была вызовом, и Ши Хуан-ди думал: "Люди любят прошлое, и с этой любовью ничего не поделаешь ни мне, ни моим палачам, но когда-нибудь появится человек, который чувствует как я, и он уничтожит мою стену, как я уничтожил книги, и он сотрет память обо мне, станет моей тенью и моим отражением, не подозревая об этом". Быть может, Ши Хуан-ди окружил стеной империю, осознав ее непрочность, и уничтожил книги, поняв, что они священны или содержат то, что заключено во всей вселенной и в сознании каждого человека. Быть может, сожжение библиотек и возведение стены - действия, таинственным образом уничтожающие друг друга.

Несокрушимая стена, сейчас и всегда бросающая свой узор теней на землю, которые мне никогда не увидеть, сама - тень Императора, приказавшего почтительнейшему из народов сжечь свое прошлое; быть может, заинтересовавшая нас мысль далека от вероятных догадок (возможно, это противопоставление созидания и разрушения в огромном масштабе). Обобщая этот случай, мы можем сделать вывод, что все формы обладают

Ewigkeit¹

*Хочу кастильским выразить стихом
Ту истину, что со времен Сенеки
Завеяна латынью нам навеки,
О том, что червь заполонит наш дом.
Хочу восславить трепетную персть,
Расчет холодный и анналы смерти;
Извечной госпожи побед не счесть
Над всей тщетою, что гинет
в круговерти.*

*Но нет. Все, что из глубы бренной ила
Благословлял я прежде без прикрас,
Не властна вымыть никакая сила;
Обволокнется вечностью тотчас,
Едва исчезнув, все, что было мило:
Закат, луна и этот поздний час.*

¹ Вечность (нем.)

Хорхе Луис Борхес

смысл сами по себе, а не в предполагаемом "содержании". Это схоже с мыслью Бенедетто Кроче, а Патер уже в 1877 году утверждал, что каждое искусство стремится быть музыкой, которая не что иное, как форма.

Музыка, ощущение счастья, мифология, лица, на которых время оставило след, порой - сумерки или пейзажи хотят нам сказать или говорят нечто, что мы не должны потерять; они затем и существуют; эта близость открывения, возможно, представляет собой явление эстетическое.

"ОН БРОСИЛ ВСЕ, ЧТОБЫ СОЗДАТЬ КНИГУ И ЛАБИРИНТ"

Судьбе по нраву повторения, варианты, переклички - в биографиях людей, философских системах, поэтических метафорах. Чем значимее то или иное явление, тем вероятнее его повторяемость. Великий аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес (1899 - 1986) не только был убежден в этом, но свое назначение видел в том, чтобы выявлять эти сцепления и переклички. Через все его творчество проходит идея об ограниченном числе историй, идей, метафор. И назначение человека и культуры в целом - без конца пересказывать их заново, на свой лад, со своей, новой, интонацией. "Историй всего четыре, - писал Борхес в 1972 году, когда за плечами его были тысячи прочитанных книг и сотни прозаических и поэтических "вымыслов". - И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их в том или ином виде". Своя неповторимая интонация при произнесении вечной метафоры - уже в этом, согласно Борхесу, - подвиг поэта и его неоспоримая победа.

Как человек является неким повторением, неточной копией, эхом своего отца, деда, предка, так и книга, образ, метафора - суть отголоски уже бывшего в культуре. Философия эха в культуре - одно из основных открытий аргентинского писателя. Поскольку культуру хранит и продолжает прежде всего письменность, эхо реализуется переводами (адаптациями, переложениями, интерпретациями) - из эпохи в эпоху, из цивилизации в цивилизацию, из религиозной доктрины в литературу, из творческой индивидуальности в творческую индивидуальность.

Жанр новелл-эссе или эссе-новелл, созданный Борхесом, - это синтез тех двух более привычных жанров, через которые он как художник прошел до этого: интеллектуальной поэзии и литературного обзора в журнале. Для "тотального поэтического эффекта", которого он, по его собственному признанию, добивался, подходит лишь малая прозаическая форма, особенно самая малая - 1-3 страницы, а в лирике - сонет. Рассказы Борхеса построены по законам научных исследований и подчинены их логике, эссе подчинены логике художественного творчества и построены по законам сюжетной прозы. Трудно сказать, что на первых порах воспринималось как большая неожиданность, как не просто догадаться, чему суждено оставить более глубокий след в истории литературы. При всей кажущейся вторичности, литературности, элитарности творчества Борхеса, оно удивительным образом смыкается как по своим внутренним закономерностям, так и по занимательности, по способности увлекать не слишком искушенного читателя, с такими популярными жанрами, как детектив и фантастика. Пожалуй, особенно неожиданным оказывается применение законов детективного жанра в литературно-критической и философской эссеистике. В творчестве Борхеса - биофила-детектива - нас ждет встреча с философскими загадками библиофильского сыска. Открытие писателя состояло в том, что он применил законы и методы детектива и авантюрного романа к книговедческим штудиям с культурологической перспективой.

В сущности, Борхес при всей обманчиво-скромной оценке собственных достижений ("Хвалиться принято собственными книгами. Я же горжусь прочитанными") попытался совершить и совершил невозможное - создал мировую культуру в миниатюре. Если представить себе, что от всех письменных памятников всех цивилизаций и религий мира не уцелело ничего, то только по его творчеству можно получить о них достаточно емкое и яркое представление. Хотелось бы также надеяться, что и о Борхесе - поэте и прозаике - читатель сможет получить представление по одному сонету и одной прозаической миниатюре.

Перевод и послесловие
Всеволода Багно

¹ Тот, чья длинная стена сдерживает кочевников-татар... Дунсиада, II, 76

ГДЕ ВЫ БЫЛИ?

- Где вы были?
- Кто? Я?
- Да, да, вы! Где вы были?
- Где я был?

Комдив-раз - командир первого дивизиона - пытается Колю Митрофанова, командира группы.

- Я был на месте.
- Не было вас на месте. Где вы были?

Лодка только прибыла с контрольного выхода перед автономкой, и Колюня свалил с корабля прямо в ватнике и маркированных ботинках. Еще вывод ГЭУ¹ не начался, а его уже след простыл.

- Где вы были?
- Кто? Я?
- Нет, вы на него посмотрите, дитя подзаборное, да, да, именно вы, где вы были?
- Где я был?

Колюша на перекладных был в Мурманске через три часа. Просто повезло юноше бледному. А в аэропорту он был через четыре часа. Сел в самолет и улетел в Ленинград. Ровно в семь утра он был уже в Ленинграде.

- Где вы были?
- Кто? Я?
- Да, да! Вы, вы, голубь мой, вы - яхонт, где вы были?
- Я был где все.
- А где все были?

Шинель у Коленьки висела в каюте; там же ботинки, фуражка. Его хватились часа через четыре. Все говорили, что он здесь где-то шляется или спит где-то тут.

- Где вы были?!
- Кто? Я?
- ДА! ДА! ВЫ! Вы - сука, где вы были?!
- Ну, Владимир Семенович, ну что вы, в самом деле, ну где я мог быть?

- Где вы были, я вас спрашиваю?!

За десять часов в Ленинграде Коля успел: встретить незнакомую девушку, совершить с ней массу интересных дел и вылететь обратно в Мурманск. Отсутствовал он, в общей сложности, двадцать часов.

- Где вы были, я вас спрашиваю?!!
- КТО? Я?
- Да, сука, вы! Вы, кларнет вам в жопу! Где вы были?
- Я был в отсеке.

Комдив чуть не захлебнулся.
- В отсеке?! В отсеке?! Где вы были?!!!

Я ушел из каюты, чтобы не слышать эти вопли Венского леса.

1988

¹ ГЭУ - главная энергетическая установка

"РАССТРЕЛЯТЬ!"

Утро окончательно заползло в окошко и оживило замурованных мух; судьба считывала дни по затасканному списку, и комендант города Н., замшелый майор, чувствовал себя как-то печально, как, может быть, чувствует себя отслужившая картофельная ботва.

Александр Покровский

Его волосы, глаза, губы-скулы, шея-уши, руки-ноги - все говорило о том, что ему пора: либо удавиться, либо демобилизоваться. Но демобилизация, неизбежная, как крах капитализма, не делала навстречу ни одного шага, и дни тянулись, как коридоры гауптвахты, выкрашенные шаровой краской, и капали, капали в побитое темечко.

Комендант давно был существом круглым, но все еще мечтал, и все его мечты, как мы уже говорили, с плачем цеплялись только за ослепительный подол ее величества мадам демобилизации.

Дверь - в нее, конечно же, постучали - открылась как раз в тот момент, когда все мечты коменданта все еще были на подоле, и комендант, очнувшись и оглянувшись на своего помощника, молодого лейтенанта, стоящего тут же, вздохнули и уставился навстречу знакомым неожиданностям.

- Прошу разрешения, - в двери возник заносенный старший лейтенант, который, потоптавшись, втащил за собой солдата, держа его за шиворот, - вот, товарищ майор, пьет! Каждый день пьет! И вообще, товарищ майор...

Голос старлея убаюкал бы коменданта до конца, продолжайся он не пять минут, а десять.

- Пьешь? А, воин-созидатель? - комендант, тоскливо скучившись, уставился воину в лоб, туда, где, по его разумению, должны были быть явные признаки среднего образования.

„Скотинизм“, подумал комендант насчет того, что ему не давали демобилизации, и со стоном взялся за обкусанную телефонную трубку: слуховые чашечки ее были так стерты, как будто комендант владел деревянными ушами.

- Москва? Министра обороны... да, подожду...

Помощник коменданта - свежий, хрустящий, только с дерева лейтенант - со страхом удивился: так бывает с людьми, к которым на лавочку, после обеда, когда хочется рыгнуть и подумать о политике, на самый краешек подсаживается умалишенный.

- Министр обороны? Товарищ Маршал Советского Союза, докладывает майор Носотыкин... Да, товарищ маршал, да! Как я уже и докладывал. Пьет!.. Да... Каждый день... Прошу разрешения... Есть... Есть расстрелять... По месту жительства сообщим... Прошу разрешения приступить... Есть...

Комендант положил трубку.

- Помощник! Где у нас книга расстрелов?.. А-а, вот она... Так... фамилия, имя, отчество, год и место рождения... домашний адрес... национальность... партийность... Так, где у нас план расстрела?

Комендант нашел какой-то план, потом он полез в сейф, вытащил оттуда пистолет, передернул его и положил рядом.

Помощник, вылезая из орбит, затрясся своей нижней частью, а верхней - гипнозно уставился коменданту в затылок, в самый мозг, и по каплям наполнялся ужасом. Каждая новая капля обжигала.

- ...Так... планируем мероприятие - расстрел... участники... так, место - плац, наглядное пособие - пистолет Макарова, шестнадцать патронов... руководитель - я... исполнитель... Помощник! Слышь, лейтенант, сегодня твоя очередь. Привыкай к нашим боевым будням! Расстреляешь этого, я уже договорился. Распишись вот здесь. Привести в исполнение. Когда шлепнешь его...

Комендант не договорил: оба тела дробно рухнули; впечатлительный лейтенант просто, а солдат - с запахом.

Комендант долго лил на них из графина с мухами.

Его уволили в запас через месяц. Комендант построил гауптвахту в последний раз и заявил ей, что, если б знать, что все так просто, он бы начал их стрелять еще лет десять назад. Пачками.

1984

Капитан II ранга в отставке. 20 лет отслужил в Северном подводном флоте (12 автономных плаваний). Публиковался в журналах "Октябрь", "Волга", "Литературной газете", "Часе пик", "Воднике". Готовится к изданию его книга "Марлизонский балет".

ЛИЦА:

Король.
Старый мельник.
Христиан } его сыновья.
Андрей }
Петруша }
Кот.
Людоед.
Косари.
Жнецы.
Придворные.
Принцесса.

ДЕЙСТВИЕ 1-е

У входа в мельницу. Дверь, у двери стол и табуретки. Видны колеса, ручей, запруда. За ручьем луга и рощи. Андрей и Христиан за столом играют в карты. Петруша сидит на пороге.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Христиан. Бью дамой!
Андрей. А мы ее по усам!
Христиан. А мы тузом!
Андрей. А мы козырем!
Христиан. Твоя взяла. Везет тебе, как утопленнику.
Андрей. Ничего, ничего! Раз утопленник, значит висельником не буду. А утопленники нам сподручнее: мельница у нас водяная.
Христиан. Открываю коронку. (Поет.)

Наше дело водяное:
Мельница, плотина.
Собралась в ковчеге к Ною
Всякая скотина.
Кто получше - потонул,
Кто похуже - спасся.
Если я тебя не вздул,
Так зачем же драться.

Петруша. Братцы, вы бы не так орали, батюшка помирает, кажется, заснул.

Андрей. Знаем мы, как он помирает. Три года слышим уж это.

Христиан (поет во все горло).

Акулинина мать
Собралась помирать.
Помереть не померла,
Только время провела.

Петруша. Постойте-ка. Кажется, он закашлялся. Ничего не слышно из-за вашего галденья.

(Кот выбегает из двери прямо играющим под ноги.)

Андрей. Кот еще этот каторжный тут суется. Чтоб тебя.

Христиан. Брысь, нечистая сила.

Петруша. Уж и животное вам помешало. Пойдем, Васька, я тебе дам рыбки головки.

(Уходит с котом в двери.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Андрей. Тебе сдавать.

Христиан. Не хочу больше. Сегодня не везет мне, а когда судьба задом к тебе повернулась, ее не переупрямишь.

Андрей. Как хочешь. Завтра отыграешься.

Христиан. Или совсем продуюсь.

Андрей. Верно сказано. Ты не дурак, хоть и братом мне приходишься.

М.Кузмин

Андрей. Тоже воздухом дышать желают.

Петруша. Сядьте здесь, батюшка; тут вам будет удобно, ниоткуда не дует, речку видать, солнышко светит.

Старик. Спасибо, Петруша. Все ты обо мне хлопчешь, а я скоро помру.

Петруша. Зачем так думать, отец, вы еще долго будете жить, работать, пример нам давать.

Старик. Больше, чем положено, не проживешь.

Андрей. Правильно.

Старик. Ах, и вы здесь?

Христиан. Здесь? куда же нам идти из собственного дома?

Старик. Скоро уж совсем будет вашим собственным.

Андрей. Дай-то Бог.

Петруша. Братцы!

Старик. Оставьте их, Петруша, в покое. Скоро все узнаете, как я о вас позаботился, как наградил вас за уход и ласку. Не долго ждать.

Петруша. Полно, батюшка, живите сколько хотите. Кто вас торопит?

Старик. Торопить меня никто не торопит, да долго заживаться самому неохота. Как говорится, "чужой век заживать".

Андрей. Правильно.

Старик (вдруг строго). Что такое правильно?

Андрей. Отцовские слова, говорю, что правильны. Старость - не радость. И в Писании сказано: "Труд и болезнь". Куда лучше ввремя на тот свет отправиться. И здесь никто не торопит, и туда не опоздаете, как заблаговременно-то померете.

Старик. Наглый ты человек! что ж это такое. Где моя палка? куда палку мою девали?

Христиан. Вы, папенька, напрасно сердаете. Братец не иначе как в рассуждении, как почтительный сын, изволили высказаться.

Старик. О-хо-хо! тяжко мне. Подымите меня,дохнуть нечем.

Христиан. Это, конечно, последнее дело, колидохнуть нечем.

Петруша. Тише. Батюшка отходит...

Старик. О-хо-хо! Спасибо, Петруша... Вот тут в кармане... воля моя. Что это солнце-то померкло?

Петруша. Солнце светит по-прежнему.

Андрей. Не иначе как в глазах помутнело. Это бывает...

Христиан. Как помирать пора.

Старик. Боже мой... Боже мой... зачем? (Умирает.)

СКАЗКА
ДЛЯ КУКОЛЬНОГО
ТЕАТРА
в 3-х действиях

КОТ В САПОГАХ

Текст и музыку
сочинил М.Кузмин
1923

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Выходит старик, его поддерживает Петруша.

Андрей. Вот и наши ханжи ползут.

Христиан. Смотреть тошно.

(Молчание.)

Петруша. Помр.

Андрей. Царство небесное.

Христиан. Горячий был человек. От горячности и помер. Чудак!

(Петруша опускает старика в кресло.)

Петруша. Бесчувственные вы люди!
Андрей. Коли ты чувствительный, пошарь по карманам, где там завещание-то.
Христиан. Лестно послушать.
Петруша. Ищите сами.
Андрей. Испугал, подумаешь. И сами найдём.
(*Достаёт бумагу.*)

Христиан. Вслух читайте, братец.
Андрей. Обязательно. (*Читает.*) Ну, в начале ерунда, как полагается... "во имя"... "в здравом уме"... "возлюбленным детям"... вот. "Мельницу со всеми принадлежностями старшему сыну моему Христиану, огород, корову, осла и лошадь среднему сыну Андрею, младшему же сыну Петруше завещаю кота Ваську. Аминь". Слышали? (*Смеются.*)

Христиан. Ну, Петруша, награди тебя покойник за услуги.

Андрей. И поделом, не подлизывайся.

Христиан. Старик-то не дурак был. Очень рассудительный человек.

Андрей. Я так полагаю, братец, что нам разъезжаться незачем; вместе будем дело вести. Люди свои, друг друга не обидим.

Христиан. Конечно, братец. Еще хотел я вам предложить. Объявить, что у покойного батюшки много долгов оказалось, что пустил он нас по миру. Может, тогда его на казенный счет похоронят, как нищего. Зачем же нам зря тратиться.

Андрей. Конечно. (*К Петруше*). Ну, а ты, Петруша, забирай свои пожитки и своего кота, да на нас не пеняй. Место очисти. Бог даст, мы женимся, лишних комнат не будет, - не в чулане же тебя держать. Неприлично. От соседней попреки пойдут. Ты не обессудь.

Христиан. Ты теперь отрезанный ломоть.

Андрей. Вот именно. Занятие ты себе всегда найдешь. Умный человек не пропадет.

Петруша. Дайте мне хоть день повременить, с батюшкой проститься.

Андрей. Дальние проводы - лишние слезы. Отправлялся бы лучше сегодня.

Христиан. Конечно, чего канитель разводите.

Андрей. Мы люди деловые, говорим по-просту. Ты на нас не сердись, сам должен понимать.

Петруша. Я понимаю, собраться мне не долго.

Христиан. Разумсется. Рубашка да перемывашка - вот и все. Хлеба тебе дадим. Погода хорошая. Пройдешься за милую душу. И там место найдешь.

Петруша. Дай-то Бог.

Андрей. Конечно, найдешь. Хороший человек никогда не пропадет. Ну, прощай, Петруша, не поминай лихом.

Петруша. Прощайте.

(*Братья уходят и уносят тело отца.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Петруша.

Петруша. Что мне делать? куда идти? Отец, отец, как ты мог поступить так несправедливо? Братья тебя ненавидели, ждали твоей смерти, и ты им все добро отказываешь, а мне в наемшку кота оставил. Я ли тебя не лелеял, ходил за тобой, всякое желание исполнял! Боже мой, Боже мой! что мне с этим

котом делать? Навязать камень да в реку бросить? Самому нечего есть, да его еще корми.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Кот в обыкновенном виде подходит и мяукает.

Петруша. Что мяукаешь? и ты не рад, что достался голому хозяину? или понял, что утопить тебя хочу, бедная животинка?

(*Кот трется.*)

Петруша. Что ты мурлычешь, что ласкаешься, утешить меня хочешь? чувствуешь, что у меня горе. Куда зовешь? смешной зверь: прибежит, отбежит, опять прибежит, словно зовет куда. Чего ты мечешься?

Кот. Курлы, мурлы, курлы, мурлы.

Ах, Петруша простота,

Не гони меня, кота.

Верь мне, лучшего наследства

Не найдешь ты по соседству.

Петруша. Что это? Мельница шумит, вода бежит, ветер деревьями шлестит? Кот, кот, уж не ты ли это говоришь? Может быть, ты кот ученый?

Кот.

Ты, Петруша, слез не лей,

Собирайся веселей.

Если хочешь, помоги,

Да достань мне сапоги.

Петруша. Ну, так и есть! Кот разговаривает. Вот забава-то. Хоть прибыли от него мало, зато затейник, наверное. Только про какие сапоги ты бормочешь?

Кот. Сапоги, обыкновенные сапоги.

Петруша. Да вон там отцовские старые стоят, бери их, если есть нужда.

Кот.

Поемотрим: впору или нет.

Удивлю я целый свет.

(*Ускакивает в дверь.*)

Петруша. Забавный зверь! зачем ему понадобились сапоги?

(*Кот появляется в новом виде и кланяется почтительно.*)

Что за притон? Неужели это - мой кот? Я думал, какой-нибудь важный барин. Мое почтение.

Кот. К вашим услугам. Вы думали, я обыкновенный кот, который таскает рыбу с плиты, забирается в кринки с молоком, охотится на мышей и спит под печкой. Нет, я кот совсем особенный, как видите, и вы со мной не пропадете. Я верный ваш слуга, но на первых порах вы должны меня слушаться. Я вас выведу в люди. Клянусь честью.

Петруша. Слушаться тебя! вот занятный котик. Чего ты так задаешься?

Кот. Прежде всего покинем эту хижину и злых необразованных людей; они - не компания для вашего благородия.

Петруша. Благородия? ха-ха-ха!

Кот.

В эти глупые места

Не вернемся уж сирота.

Калачом нас не заманишь

И в другой раз не обманешь.

Что нам мельника изба?
Подарит дворец судьба!
И, по правде, счастлив тот,
Кому достался умный кот.

Петруша. Вот так затейник! не терпится идти. Ну, идем, идем.

Оба.

И, по правде, счастлив тот,

Кому достался умный кот.

ДЕЙСТВИЕ 2-е

Дорога. Луга и поля. Река. Вдали замок.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Петруша (*сидит на камне; маленький узелок рядом*). Куда это мы зашли? совсем незнакомые места. В замке этом, как говорят, живет людоед. И ходить-то мимо опасно, живо поймает да изжарит. Доведет меня до беды этот кот. Лучше бы поступил к братьям в работники, хоть кульки таскать. Хлеба по крайней мере досыта ел бы.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Входит Кот.

Кот. Что, хозяин, не весел?

Петруша. А с чего мне веселиться-то?

Кот. Да и горевать не с чего. Если бы у тебя были деньги, или именье, тогда я понимаю. А теперь ни у нас забот, ни у нас хлопот, ничего. Живем как птицы небесные. И воров не надо бояться.

Петруша. Да, хорошо тебе говорить. А зима придет, куда мы денемся? Листья осыпятся, птицы улетят, ветер тучи погонит, снег пойдет, по лесам волки забродят, а у нас ни дома, ни дров, ни шубы.

Кот. Э, какие разговоры не ко времени. До зимы еще далеко. Двадцать раз умереть поспеем.

Петруша. Разве что. Нет, напрасно я тебя стал слушаться. И бесстрашный ты какой. Тут же людоед живет. Встретит нас, живо в свой замок затащит, и поминай как звали.

Кот. Ну, это еще бабушка надвое сказала. Людоед, конечно, людей кушает, на то он и людоед, но ведь не всякого же человека он непременно съедает. Вот вы, скажем, едите говядину, но не на каждую корову набрасываетесь. Да, наконец, вам случалось, наверное, и кошками не брезговать, особенно как голод был, а я с вами живу и разговариваю, - и нисколько не боюсь, и вы меня не трогаете. Все это, хозяин, случай и именье обходиться. Пусть только меня к этому самому людоеду, так я так обойдусь, что еще неизвестно, кто кого съест.

Петруша. Хвастунишка ты, кот, как я посмотрю.

Кот. А как я посмотрю, так вы - мокрая курица. Надо быть веселым, обходительным, находчивым, тогда все пойдет как по маслу. Брали бы пример хоть с меня. Ведь я опять у короля был.

Петруша. Опять дичь ему носил?

Кот. Так точно. Настрелял куропаток - и во дворец. Сначала меня дальше кухни пускать не хотели. Дичь принесли и деньги выслали. Но я прегордо от денег отказался и сказал, что это королю подарок от князя Ка-рабаса, то есть от вас.

Петруша. От меня? Ты, кот, с ума сошел. Какой же я князь, какой Карабас? Я - несчастный Петруша, сирота, у меня ни кола ни двора. Зачем же ты такое выдумываешь?

Кот. Потом узнаете, сами же мне спасибо скажете.

Петруша. Увидим. Ну, что же дальше?

Кот. На этот наш разговор является сам король. Расспросил обо всем, поудивлялся, какие мы щедрые и благородные господа, и звал вас к себе в гости.

Петруша. Меня? у меня и платья-то нарядного нет.

Кот. Все будет, не извольте беспокоиться, положитесь на меня, только не мешайте мне.

Петруша. Я мешать тебе не буду, но смотри: откроются твои плутни.

Кот. "А если, - говорит, - твой хозяин такой важный, что не хочет к нам в гости первым ехать, я за ним сам с дочерью заеду!"

Петруша. С дочерью? да куда же он поедет? у нас дома нет.

Кот. Не беспокойтесь. Дом найдется. Вон, видите замок? Это и есть наш дом.

Петруша. Так ведь там людоед живет!

Кот. Теперь людоед, а через час мы будем жить, чем мы хуже людоеда?

Петруша. Ты сам рехнулся, да и меня с ума сведешь.

Кот.

Не робей,
Воробей,
Дело обойдется.
Коль с умом, -
Стол и дом -
Все у нас найдется.

А поедут они по этой самой дороге, прямо на нас наткнутся. Все устроено отлично, не беспокойтесь. Теперь раздевайтесь.

Петруша. Как?

Кот. ...раздевайтесь и полезайте в воду.

Петруша. Зачем? может, там глубоко.

Кот. Вы на середину-то не лезьте, у бережка. А я тут похлопочу. *(Толкает его к камышам.)*

Петруша. Господи! король с дочерью поедет, дом мой будет искать, а я тут голый в воде буду сидеть. На что это похоже!

Кот. Сидите, сидите.

Петруша. А сидеть-то долго?

Кот. Я свистну, когда вылезать. *(Петруша исчезает.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Кот. Ну, теперь за дело! *(Входят косари и жнецы.)* Эй, добрые люди, чьи вы будете?

Косарь. Как чьи? мы сами по себе, работаем, хлеб наживаем.

Кот. Я совсем про другое. Ну вот что, долго мне разговаривать некогда. Обещаю вам хорошее угощение, а если у вас кто будет спрашивать, чьи вы, - отвечайте, что вы люди князя Карабаса - и поля его, и луга его, и замок его. Поняли?

Жнец. Чего ж тут не понять.

Кот. Ну, чьи же вы люди?

Жнец. Князя Дурандаса.

Кот. Да не Дурандаса, а Карабаса. Карабаса.

Жнец. Ага, князя Карабаса, и поля его, и луга его...

Кот. Ну, отлично. Всего хорошего. Угощение за мною.

Косарь. Рады стараться!

(Кот уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Косари (поют на мотив "Чижика").

Целый день мы косим, косим,
Ничего себе не просим.
Скосим полосу, другую
Да скорей на боковую.

(Марш. Появляется портшез с королем и принцессой.)

Принцесса (из портшеза). Ах, сколько незабудок, остановитесь, остановитесь, я хочу собрать букетик!

Король. Что ты, душенька. Дома столько цветов в саду, а тут какими-то незабудками прельстилася.

Принцесса. Хочу! хочу! ах! ах! ах! букетик... ах! я умираю.

Король. Что с тобой поделаешь! остановитесь! высаживайте нас.

Принцесса (довольная). Букетик... соберу букетик...

Король (вылезая). Чего тут хорошего. Чистое поле, никаких зданий. Дует отовсюду... Дождик может пойти, разбойники напасть.

Принцесса (бежит). Ах, цветочки... речка... домик там виден... Папенька, смотрите, жук ползет.

Король. А? жук, пускай его ползет...

Принцесса. Конечно, пускай его ползет... вы, папенька, очень добрый король, вас все должны любить.

Король. Этого тебе не понять. Собирай, знай, свой букетик, а я тут подремлю. *(К косарям.)* Чьи вы будете?

Косари. Так что люди князя Карабаса. И поля его, и луга, и замок его.

Король. Какого же это Карабаса? не слышал.

Принцесса. Как, папенька! а помните, от него такой смешной человек приходил, на кота похож и птиц всяких нам в подарок приносил.

Король. Да, да, да. Помню. Хороший, должно быть, человек, обязательный. Ну, работайте, работайте, Бог труды любит... Я тоже хорош: сам к этому князю Карабасу в гости еду, а и позабыл, как его зовут. А?

Принцесса. Вы очень добрый, папенька, где вам все помнить? вас все любят. А у меня букетик готов.

Букетик, букетик,
Букетик красота!
Охотник, охотник,
Похож ты на кота.

Кот (за сценой). Караул! Караул!

Король. Слышишь? кого-то уж потрошат. Я говорил, что разбойники.

Кот. Ай, ай! ай! Держите их.

Король. Еще нас, пожалуй, примут за разбойников.

Принцесса. Вы очень добрый, папенька, конечно, вас примут за разбойника. "Букетик, букетик, букетик красота".

Король. Да замолчишь ли ты. Тут нужно притаиться, а она распевает.

Принцесса. Притаиться?! вот весело-то! Бу...

Король. Тсс... *(Прячутся.)*

Кот (вбегает и мечется). На помощь! караул! на помощь! держите их!

Принцесса. Да это слуга господина Карабаса!

Кот. Ай! ай! ай! *(Натыкается на короля.)* А, ваше величество. *(Кланяется.)*

Принцесса (выскакивает и вытаскивает короля). Да, это мы. А вы думали, что разбойники? Мы едем к вам в гости и остановились цветов нарвать. Я собираю, папенька сидит, вы кричите, мы залезли и сидим, вы кричите, я вижу - это вы, и вышла. Можно в прятки играть. А вы думали, что разбойники.

Кот. Ай, ай, ай!

Принцесса. Но что случилось! вам хвост прищемили?

Кот. Какой там хвост! мой хозяин, князь Карабас, в ожидании Вашего величества вздумал искупаться, не находя в этом ничего непристойного.

Принцесса. Купаться! вот интересно-то! где же он купается?

Король. Душенька, не перебивай его, а то он спутается.

Кот. Не извольте беспокоиться, я не спутаюсь. Князь изволил скинуть шитый золотом кафтан, шелковый жилет, голубые бархатные штаны...

Принцесса (прыгает). Голубые бархатные штаны!!

Король. Душенька, прекрати!

Кот. ...и погрузил воспаленные от зноя и вполне естественного нетерпения увидеть вас члены в прохладные волны. Все обещало безмятежное и невинное удовольствие. Как вдруг неизвестные злоумышленники, вооруженные с головы до ног, полные черных и преступных замыслов...

Король. Как говорит! прямо заслушаешься. Я тебя назначу в придворную газету писать о пожарах...

Принцесса. Папенька, не перебивайте его, а то он спутается...

Кот. Не извольте беспокоиться, не спутаюсь... бросаются на драгоценную собственность князя, и вмиг вместо вороха тончайших принадлежностей туалета остается пустое пространство, покрытое дикой и девственной травой. Я пускаюсь за ними вслед, но разве может один безоружный, хотя бы и одушевляемый лучшими чувствами человек угнаться за тридцатью вооруженными злодеями?

Король. О пожарах, о пожарах!

Принцесса. Папенька.

Кот. Я перебегаю от места происшествия к несчастному моему господину, находящемуся в полубессознательном состоянии, то зываю к помощи, то пробую организовать погоню, то предлагаю необходимые услуги страждущему, мысленно подводя итог убыткам, и наконец счастливый случай моим взорам открывает ваше почтенное присутствие... Мысли мои проясняются, сердце преисполняется упованием и преданностью, лучшие надежды снова оживают.

Король. Спасибо, голубчик, утешил. Не язык у тебя, а золото. Где же твой несчастный хозяин?

Кот. До сих пор сидит в воде. Извольте видеть? *(Раздвигает камыши.)*

Принцесса. Ах, какой он беленький да хорошенький! Папенька, папенька, достаньте его.

Король. Принцесса, прекратите ваше волнение. *(Коту.)* Закройте печальное зрелище. Что же теперь делать? не может же он все время торчать в воде, как поплавок.

Кот. Но выйти в таком виде при вас. Он не смеет.

Король. Конечно, конечно. Еще бы он посмел вылезти голым. Пошлите в замок за новым платьем.

Кот. Осмелюсь доложить. Дальность расстояния, отсутствие свободных людей, непереносимость увидеть Ваше величество...

Король. Да, это - канитель. Ну вот что. Я взял с собою на случай дождя второй костюм, пусть примеряет. Окажется впору - так буду очень рад. Если немного широк, это ничего.

Кот. Слушаюсь, Ваше величество. (*Берет узелок и уходит.*)

Принцесса. Господин Карабас, одевайтесь поскорее, я очень хочу с вами познакомиться.

Король. Душенька, не кричи так. Это неприлично. Сейчас он придет сюда, тогда и поговоришь.

Принцесса. Да вот они уж и идут. В воде он все-таки был как будто лучше.

(*Входит Кот и Петруша, богато одетый.*)

Король. Ну что, впору оказалось?

Кот. Как по мерке.

Король. Очень рад. Значит, я уж не такой толстый, как говорят враждебные державы.

Кот. Клевста, сушая клевета...

Король. Рад с вами познакомиться. Мы о вас много слышали. Это дочь моя, принцесса Елизавета. Можете звать ее Лизой.

Петруша. Ваше величество, столько доброты... я не заслужил... Принцесса Елизавета...

Принцесса. Лиза, Лиза!

Петруша. Принцесса Лиза...

Король. Ну, после поговорим. Теперь в путь. (*Коту.*) Указывай нам дорогу в замок.

Петруша (*Коту*). Но ведь нас всех сожрет людосд.

Кот (*Петруше*). Не бойтесь. (*Королю.*) Ваше величество, разрешите мне побегать вперед, все приготовить для встречи. Дорогу вам укажет сам князь Карабас.

Король. Ну беги, действуй.

Принцесса (*Петруше*). Вы любите незабудки, господин Карабас?

Король. После, после наговоритесь. В путь!

Кот.

Тра-та-та, тра-та-та.

Отправляйтесь, господа.

Не будет жаловаться тот,

Кому служит умный кот.

ДЕЙСТВИЕ 3-е

Зала во дворце Людоода. Камин.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Людоод. Плохи мои дела. Прежде по три-четыре человека в день съедал, а теперь в три недели еле-еле какую-нибудь заваливающую ногу добудешь. Все проведали о том, что я здесь живу, и избегают даже близко подходить, а прежде сами в рот лезли. (*Стук в двери.*) Кто там? может, какая пожива?

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Входит Кот.

Кот. Имею честь кланяться.

Людоод. Здра«вствуй, здра«вствуй!

Кот. Я с господином Людоодом имею удовольствие разговаривать?

Людоод. Да, так меня прозвали, но это одни наговоры. Мало ли чего не выдумают. Я никого не см.

Кот. Воздухом питаетесь?

Людоод. Почти что. Так, картошки сварю, травку пожую - и сыт. Много ли человеку нужно.

Кот. Совершенно верно. Но также говорят, что вы - знаменитый волшебник и очень ученый человек.

Людоод. Это больше на правду похоже.

Кот. Будто вам ничего не стоит обратиться в какого угодно зверя, в предмет, во что угодно.

Людоод. Так, так.

Кот. Я большой ваш почитатель, хотел бы поступить к вам в ученики.

Людоод. В ученики? да ведь вы, если я не ошибаюсь, кот?

Кот. Положим, что кот.

Людоод. Где же вам вынести такую ученость, какая у меня? У вас голова треснет.

Кот. Мне бы немножечко поучиться, чтобы мыши меня больше уважали, больше ничего. С вами я и не думаю сравниваться.

Людоод. Так чего же ты хочешь?

Кот. Да вот мне все не верится, что вы можете в одну минуту обращаться во что угодно.

Людоод. Я тебе сейчас покажу. Ну, во что ты хочешь, чтобы я обратился: в слона, в гору, в шкаф, в крокодила, во льва?

Кот. Если можно, во льва. Все-таки он мне родственником приходится, не так страшно.

Людоод. Во льва так во льва, - мне все равно. Ну смотри:

Фундры, Мундры, Кундры, дреф -

Пред тобою грозный лев.

(*Обращается во льва. Рычит, бегают. Кот залезает на камин и мяукает.*)

Кот. Довольно, довольно. Верю. Прошу вас, перестаньте.

(*Людоод опять делается Людоодом.*)

Людоод. Что, испугался, котиска-трусика? А говорил - родственник.

Кот. Очень интересно, весьма. Но вот что я хочу спросить у вас. Вы только в больших и страшных зверей можете обращаться или также в маленькие предметы? В маленькие, по-моему, гораздо труднее, тоньше работа требуется.

Людоод. Одинаково. В бабочку, мушку, паутинку, во что угодно.

Кот. А мышью вы могли бы сделаться?

Людоод. И мышью могу. Так мышью?

Кот. Пожалуйста, сделайте одолжение.

Людоод.

Фундры, Мундры, Кундры, фишь.

Пред тобой скребется мышь.

(*Обращается в мышь. Кот за ней гонится, ловит ее и давит.*)

Кот. Вот и капут. Кончен бал. Нет больше Людоода. Только бы он не вздумал у меня в животе опять великаном делаться. Посмотрим, что у него тут наготовлено. Все человечьи руки да ноги, носы маринованные, пупки сушеные, запасливый был мужик. Только гостей наших угощать этим нельзя. Нужно что-нибудь придумать. А они как раз уже и жалуют. Милости просим. Добро пожаловать.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Входят Король, Принцесса, Петруша и саита.

Король. Очень я доволен. Замок у вас отменный, князь Карабас, хоть бы мне так в пору. И вообще вы мне очень нравитесь.

Принцесса. И мне тоже.

Король. Вы человек обходительный, находчивый, почтительный, я бы не прочь...

Принцесса. И я тоже.

Король. "И я тоже!" Ты всегда, душенька, выскакиваешь и сама не знаешь чего. "И я тоже", а что такое "и я тоже"?

Принцесса. И я тоже не прочь.

Король. От чего не прочь-то?

Принцесса. Я не знаю.

Король. В том и дело. Грамматике тебя плохо учили. Я не прочь был бы породниться с вами.

Принцесса. Я то же самое думала, только не могла сказать так складно, я не такая умная.

Петруша. Ваше величество... право, я недостойн...

Кот. Вы с ума сошли! разве можно отказываться.

Петруша. А где Людоод, кстати?

Кот. У меня в животе.

Король. Так как же вы надумали?

Петруша. Отец и благодетель!

Король. Значит, согласен?

Кот. Еще бы не согласен! он онемел от радости.

Король. Лиза тебе по душе?

Петруша. По душе.

Принцесса. И мне тоже...

Король. И тебе Лиза по душе?

Принцесса. Нет, мне Петруша.

Кот. Ура! кричите ура!

Король. Пускай они сначала поцелуются.

(*Петруша и Принцесса целуются.*)

Теперь кричите ура.

Все. Ура!

Король. Свадьбу справлять будем у меня во дворце. А этот заново отремонтируют, пока мы будем ужинать.

Все. Ура!

Петруша. Ну, кот, спасибо тебе. Ты - верный друг и советник. И покойный папенька знал, что делал, когда тебя в наследство мне оставил. Теперь живи на покое, каждый день по две кринки молока и по дюжине мышей велью тебе выдавать.

Кот. На покой я не очень хочу. Позвольте мне по-прежнему служить вам верой и правдой.

Принцесса. Он будет мне букетики собирать.

Все. Ура!

Король. Дома переговорим. Теперь в путь. Все. Ура!

Король. Ты, кот, иди вперед.

Кот.

Тра-та-та. Тра-та-та.

В путь обратный, господа.

Воистину счастливцев тот,

Кому достался умный кот.

Конец.

БЫЛ ЛИ РАЗУТ "КОТ В САПОГАХ"?

Общепринято, что домыслы, или, выражаясь по-научному, гипотезы, опираются на доподлинно известные факты. Занявшись историей создания и дальнейшей судьбой пьесы М.А.Кузмина "Кот в сапогах", являющейся переложением для детской кукольной сцены одноименной, пришедшей в Россию из далекого XVII столетия сказки Шарля Перро, - мы временно законсервировали все изыскания в ситуации, когда фактам удобнее опереться на не поддающийся проверке домысел, нежели нести гипотезу на своих плечах.

Итак.

Пьеса публикуется нами впервые по беловому автографу: ИРЛИ. Р.1. Оп.6. №325. Л. 1-36.¹ Следовательно, считаем неперменным долгом поблагодарить заведующую Рукописным отделом ИРЛИ Т.С.Царькову за позволение ознакомиться с оригиналом рукописи, которую, кстати, до нас с момента ее поступления в собрание Пушкинского Дома в 1957 г. не увидел ни один исследователь. Прежним владельцем кузминского автографа была художник и режиссер кукольного театра Л.В.Яковлева-Шапорина.²

Согласно авторскому списку работ М.А.Кузмина в составе его рабочей тетради начала 1920-х годов, и пьеса, и музыка к ней, доселе неизвестная, были написаны в июле 1923 г.³

Судя по такому косвенному признаку, как наличие подготовленного Кузминым перечня кукол и костюмов, необходимых для постановки, подле текста пьесы, "Кот в сапогах" был сочинен если не на заказ, то в обоснованной надежде на скорое сценическое воплощение. Список этот выглядит так:

"Куклы для "Кота в сапогах".

Андрей⁴ (маркиз Карабасс).

- костюмы
1. бедный
  2. придворный
  3. Голая фигура до пояса (в воде).

Кот.

Король.

Дочь его.

Людоед.

- 1) Лев.
- 2) Мышь.

Косцы (?).

Жнецы (?).

Придворные (2).

Карета с лошадьми или портшез.

Кучер. Лакей.

Или 2 носильщика.⁵

И действительно, пьеса-"сказка" "Кот в сапогах" готовилась в 1923 г. в Кукольном театре при ТЮЗе. Об этом

сообщал корреспонденту петроградской газеты руководитель ТЮЗа А.А.Брянцев накануне предстоящего сезона: "Репертуар первых постановок Кукольного театра составлен из следующих пьес: "Жар-птица" в обработке С.Маршака и Е.Васильевой, "Колобок" в обработке Е.Данько, "Петушок - золотой гребешок" - Н.Пятницкой и "Кот в сапогах" - М.А.Кузмина. Все эти пьесы монтируются заново, репетиции идут полным ходом. <...> Открытие сезона театра Юных зрителей и Кукольного театра назначено на 29 сентября".⁶

Однако дальнейший поиск приводил исключительно к недоумениям. Во-первых, позднейшие (1958-1961) воспоминания А.А.Брянцева не содержали никакой информации о кузминском "Коте в сапогах", не говоря уже о постановке этой вещи, - тогда как более ранние режиссерские работы мемуариста и организатора ТЮЗа с пьесами Кузмина "Счастливый день, или Два брата" (Мастерская Передвижного театра, 1 января 1919 г.) и "Соловей", по Г.-Х. Андерсену, (ТЮЗ, 17 апреля 1922 г.) были в них освещены.⁷ Во-вторых, все без исключения перечни постановок ТЮЗа и Кукольного театра при нем (сезоны 1923-1924 гг., позднее Театр марионеток) указывали на отсутствие искомой. В 1923 г. следующей после нового спектакля 6 мая ("Цирк Фокса" Е.Васильевой и С.Маршака вкупе с "Похищением Мелузины" Л.Яковлевой) значилась премьера 9 декабря, когда был представлен "Петушок - золотой гребешок" Н.С.Пятницкой.⁸ В-третьих, хранил молчание историк ленинградского ТЮЗа Дж.Шейл, явно не располагая сведениями о сценической истории кузминского "Кота в сапогах".⁹

Оказался не лишенным любопытства и тот факт, что в режиссерском журнале ТЮЗа за 1923 г., который педантично велся Брянцевым начиная с 23 февраля, мы обнаружили вырванную вторую половину: записи "оборвались" на 10 июня.¹⁰ Более того - информация об интервью, некогда данном корреспонденту "Красной газеты", практически повсеместно выпала из библиографии в различного рода биографических материалах основателя ТЮЗа.¹¹

Между тем пятнадцать лет спустя после неосуществленной постановки кузминской пьесы, автор которой благополучно скончался естественной смертью в условиях городской больницы весной 1936 г., "Кот в сапогах" все-таки был поставлен на сцене ТЮЗа. Новый "Кот" не походил ни на сказку Перро, ни на пьесу немецкого романтика Л.Тика, ни на самобытную вариацию Кузмина. В версии тюзовских артистов, также и драматургов Л.Ф.Макарьева и С.А.Дилина (Виноградова) он стал типично социалистической окрошкой, годной в пищу разве что единомышленникам Павлика Морозова. Вскоре последовало издание своеобразной адаптации беззащитного Перро, и в предвещающей текст заметке Брянцев скрепил обновленный сюжет своим авторитетом, адресовав в назидание советским детям преступный пример опозтированного царевубийства: "В "Коте в сапогах" Макарьева и Дилина действие, привычно развивающееся

сначала, получает затем неожиданный оборот и новое звучание благодаря найденному авторами смелому сюжетному ходу. Достигается это простой перестановкой событий, приводящей короля к гибели через людоеда, а людоеда - через кота. В самом деле, - то, что людоед поедает людей, знала и старая сказка; то, что людоед может превращаться в любого зверя, даже в мышонка, - тоже знала старая сказка. Но что людоед посмеет наброситься на короля, - этого старая сказка никогда не предполагала".¹²

Как не ожидал столь противоестественного хода событий и М.А.Кузмин, ожививший старую сказку Перро для погруженных в детство марионеток. "Верьте, куклы могут жить, - уверял поэт маленьких зрителей, - двигаться и говорить, - могут плакать и смеяться; но на все же свой есть час, и живут они без нас, а при нас всего боятся".¹³

В час убийства и плагиата - боятся нас самих.

¹ Авторские сокращения имен действующих лиц перед произнесением ими реплик и сокращение слова "явление" ("явл.") в публикации не учтены. Написания сакральных терминов с использованием строчных букв приведены в соответствии с традиционной нормой. Цифровые и словесные обозначения порядковых числительных унифицированы.

² Справка хранителя Рукописного отдела ИРЛИ Л.Н.Ивановой. Л.В.Яковлева-Шапорина известна и в качестве постановщика пьесы Кузмина "Рождество Христово. Вертеп кукольный" в Студии детского и кукольного театра (премьера 12 апреля 1919 г.). См. ее воспоминания: Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр 1917-1921. Л., 1968. С.288 (публ. Л.Г.Шпет).

³ ИРЛИ. Ф. 172. №319. Л.111. Ср. свидетельство художника Д.И.Митрохина: "Сейчас меня очень занимает постановка в кукольном театре "Кота в сапогах". Сценарий пишет М.Кузмин. Мне хочется как можно веселее сделать эскизы декораций, костюмов и кукольных головок. Это - первый мой опыт в театральном деле и очень меня интересует" (письмо к П.Д.Эттингеру от 12 июля 1923 года // ГМИИ. Ф. 29; цит. по: Книга о Митрохине. Статьи. Письма. Воспоминания / Сост. Л.В.Чага. Подгот. текста и примечания И.Я.Васильевой. Л., 1986. С.139-140).

⁴ Явная описка Кузмина. Должно быть: Петруша.

⁵ ИРЛИ. Р.1. Оп.6. №325. Л. 37. Эта "шпаргалка" была, похоже, составлена для Д.И.Митрохина, который, как указывают современники, выполнил эскизы декораций и костюмов для кукол к готовившейся постановке (см.: Корнилов П. Жизнь и творчество Д.И.Митрохина // Рисунки и гравюры Д.И.Митрохина 1908-1925 г.г. Каталог выставки. Казань, 1925. С.30; Воинов Всеволод. Д.И.Митрохин // Дмитрий Исидорович Митрохин. К 30-летию творческой деятельности. Каталог выставки. Л., 1933. С.16). Если на выставке 1925 г. в казанском Центральном музее ТССР было представлено шесть акварелей-эскизов к "Коту в сапогах" (см.: П.К.Корнилов). Список выставленных работ Д.И.Митрохина (1908-1925 г.г.) // Рисунки и гравюры Д.И.Митрохина 1908-1925 г.г. ... С.39; акварель "Кот в сапогах" предоставлена на выставку П.Е.Корниловым, о чем см.: Там же. С.41), - то на выставке 1933 г. в

Государственном Русском музее демонстрировалось двадцать эскизов к пьесе (см.: Дмитрий Исидорович Митрохин... С.42).

⁶ Детский театр. (А.Брянцев о предстоящем сезоне Государственных театров "Юных Зрителей" и "Кукольного") // Красная газета. Веч. вып. 1923. №211. 5 сент. С.3. Письмо Л.В.Яковлевой-Шапориной к Кузмину от 18 октября 1923 г. косвенным образом указывает на задержку в работе над спектаклем (ИГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. №456. Л. 2. Сообщено П.В.Дмитриевым, которого, пользуясь случаем, благодарим за ценные советы по теме нашей заметки).

⁷ См.: Брянцев А.А. Воспоминания. Статьи. Выступления. Дневники. Письма / Сост., ред., вступит. статья А.Н.Гозенпуд. Комментарии А.А.Брянцева и А.Н.Гозенпуд. М., 1979. С.27-99.

⁸ Музей ТЮЗа. Папка 24. №37. Принесим искреннюю благодарность хранителю Музея А.А.Файниченко за предоставление материалов. См. также отчет о деятельности ЛенТЮЗа с 19 сентября 1921 (момента основания) до 1 сентября 1929 г.: ЦГАЛИ (СПб). Ф. 334. Оп.1. №1. Указание биографа Кузмина Дж.Мальмстада на то, что "пьеса «Кот в сапогах» оставалась в репертуаре в течение многих лет", является ошибкой. См.: Malmstad John E. Mixail Kuzmin: a Chronicle of His Life and Times // Кузмин М.А. Собрание стихов. [Т.] III. Munchen, 1977. P.269.

⁹ Shail George. The Leningrad Theatre of Young Spectators, 1922-1941. Diss. Vol.1. «N.Y.», 1980. Впрочем, еще П.Корнилов, характеризуя оставшуюся "без применения" работу Д.И.Митрохина для кукольного театра, сообщает: "Постановка театра не состоялась, и все работы остались достоянием папки мастера" (Корнилов П. Жизнь и творчество Д.И.Митрохина... С.30).

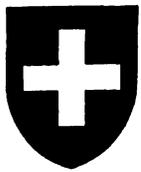
¹⁰ Музей ТЮЗа. Папка 24. №45.

¹¹ Там же. Папка 21.

¹² Народный артист республики, орденосец А.Брянцев. «Предисловие» // Макарьев Л. и Дилин С. Кот в сапогах. Сказка в трех действиях с прологом. Л.; М., 1940. С.5.

¹³ Пастушка и трубочист. Сказка Андерсена, инсценированная для детского театра, в 4 картинах. Пролог к сказке. Написан М.Кузминым // Игра. 1918. №1. Ч.2. С.2.

Публикация пьесы
и послесловие
А.Г.Тимофеева

ЛИКИ ШВЕЙЦАРИИ

В этом году Швейцария отмечает свою 700-ю годовщину. История Вильгельма Телля - миф. Да и клятва трех швейцарцев на равнине Грютли, скорее всего, тоже миф. Но подписанный "в первые дни августа 1291 года" договор, объединивший лесные земли (Waldstat-ten) Ури, Швиц и Унтервальден, - документ безусловно подлинный. Поэтому есть все основания полагать, что именно от него следует вести отсчет. На официальной церемонии 10 января в Беллинцоне, с которой начался юбилейный год, Жан Старобински произнес вступительное слово, которое мы здесь помещаем. Автор просит напомнить читателям, что перед нами не эссе и не исследование, а именно текст небольшой речи.

Договор 1291 года обновляет и укрепляет существовавшие ранее узы: он провозглашает их незыблемость "на вечные времена". Этот текст - не только основополагающий юридический документ: это великое свидетельство о природе отношений между людьми и о том, каким образом слово, начертанное, скрепленное подписями и печатями, становится делом. Человек жесток, и необходимо преодолеть жестокость - об этом знали люди, жившие в 1291 году, и из этого своего непосредственного знания они не побоялись сделать выводы.

Но жестокость нельзя победить, закрывая на нее глаза: чтобы справиться с ней, следует принять все надлежащие меры. Чтобы выстоять против жестокого набега, contra impetum malignum, чтобы оказать сопротивление, нужно прежде всего объединиться. Но жестокость, обращенная на своих, ничуть не менее опасна, чем угроза извне. Участ-

ники договора 1291 года сообщают меры против убийц и поджигателей. Они предвидят, что между тремя коммунарами могут возникнуть споры, замешанные на корысти. Такие распри нельзя выносить на суд чужаков. Чтобы предотвратить кровопролитные междоусобицы, надле-

ж уважать особенности соседа. Этот опыт воплотился в институтах, которые, быть может, не должны служить образцом для слепого подражания, но зато могут указать верное направление, а значит, и подать надежду другим людям. Федерализм, несомненно, жизнеспособная система. Об-

ДОГОВОР 1291 ГОДА

жит обращаться к посредничеству, к сеньяральному судам. ("Если между конфедератами возникнут какие-либо разногласия, самые разумные должны вмешаться и уладить распрю судом".) Принцип был провозглашен - теперь предстояло долгое ученичество в мучительных испытаниях, уготованных историей. В прошлом Швейцарии нет ничего идиллического. Не удалось избежать ни злоупотреблений, ни раздоров. Но принцип местного суда выстоял. Сегодня в Европе все еще вспыхивают межэтнические конфликты, в мире не складываются оружия региональный и племенной национализм. А швейцарцы постигли трудное искусство жить вместе,

в этом, в числе прочих, убедительно говорил Дени де Ружмон.

На знаменитой картине Иоганна Генриха Фюсли изображены трое швейцарцев, окваченных безотчетным великим порывом: их воздетые руки символизируют легендарный акт основания, но прежде всего в них воплотилось воззвание к Богу, которое стоит в начале договора. Однако в тексте договора не забыто о том, что люди, даже те, кто приносит клятву, оказываются слабыми, греховными существами, когда приходит пора сдержать данное слово. Сам текст проникнут отвагой и одновременно удивительным смирением. Нет никакого противоречия в том, чтобы сохранять сми-

Жан Старобински

рение и вместе с тем напрягать все силы, стараясь преградить путь захватчику.

На исходе средневековья, во время войн или при поминовении павших в битвах (например, при Земпахе или Арбеде), кучки мужчин и женщин, перебираясь из деревни в деревню, твердили Великую Молитву; в согласии с духом христианства она начиналась со слов покаяния. В одном из переводов "Grosses Gebet der Eidgenossen"¹ читаем: "Первым делом каждый, обратясь на себя самого, должен признать свои грехи и дурные деяния, кои он совершил против Бога, и принять твердое решение остерегаться греха и случаев согрешить".

В этих словах покаяния, в этом confiteor я вижу не просто меру предосторожности, призванную обеспечить покровительскую высь. Как у царя-псалмопевца Давида, отвага покаяния в грехах здесь неотделима от отваги в битве. Это и признание ограниченности и несовершенства человеческой природы, это и готовность не полагаться исключительно на свое собственное суждение. И, говоря о битве, я подразумеваю не только вооруженные схватки, которыми отмечены первые века Швейцарского союза; я имею в виду этот великий план, все это предприятие с его огромным размахом. Не повиноваться исключительно собственным желаниям, признавать, что за свои поступки следует держать ответ перед другими или перед Другим, - вот, несомненно, лучшее определение понятия ответственности. Слова Великой Молитвы полезно запомнить наизусть. Ведь гордыня уготовила нам двойную ло-

¹ Великой Молитвы конфедератов (нем.). Цит. по кн.: Peter Ochsenbein, Das grosse Gebet der Eidgenossen, Franke Verlag, Berne, 1989.

вешку: во-первых, самодовольство, для которого в немецком языке имеется такое удачное слово *Selbstgefälligkeit*: это лень духа, которая заключается в том, что человек верит, будто тщательнейшим образом исполнил все, что от него требовалось, так что и говорить больше не о чем. А вторая ловушка есть чувство злорадной требовательности к другим, по-немецки очень точно обозначаемое словом *Selbstge-rechtigkeit*: это позиция, присущая вестнику несчастья, который почитает себя чистым и безупречным, поскольку сообщает другим об их оплошностях. Обе эти позиции, равно ошибочные, свойственны сообществам, достигшим известного благоденствия. Обе оказывают парализующее воздействие, обе они - роскошь, ведущая к гибели. По сути, это два разных способа, позволяющих нам уклониться от ответственности. Я мечтаю о том, чтобы наша страна не застыла ни в благодушии, ни в злобе. Чтобы ей достало отваги на высокие притязания, но при этом чтобы она не позабыла о добродетели смирения. Ведь смирение необходимо для того, чтобы нам захотелось превзойти самих себя, чтобы мы стремились в повседневной нашей жизни и в законах все полнее соответствовать требованиям этики и общих интересов в широком их понимании.

Позволю себе утверждение, что истинная политическая свобода, доступная наибольшему числу людей, есть достояние тех обществ, которые признают, что каждый отдельный человек вовсе не должен иметь возможность делать все, что ему заблагорассудится, и полную вседозволенность не следует возводить в закон. Но в том чувстве меры, в тех узаконенных ограничениях, в том отказе от произвола, которые диктуют нам уважение к ближнему, не следует видеть ограничение свободы! Нет, решительно, за примерами подавления личности и добровольного рабства в истории XX века я обратился бы не к Швейцарии!

В Великой Молитве с волнением читаем одну из последних просьб: "Хотим также помолиться за тех, кто повсюду улучшает дороги и тропы на свой счет, а также вкладывает в это свой труд, как духовный, так и телесный, и кто верно служит общей пользе".

Другой вариант перевода добавляет: "и кто любит справедливость".

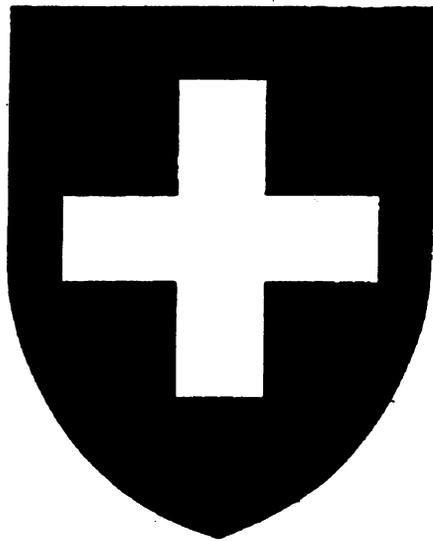
Да, восславим неприметный доблестный труд тех, кто улучшает тропы и дороги! Я думаю и о высокогорных тропинках, и о дорогах, по которым идут палом-

ники. Я думаю обо всех основных стезях, о которых заботятся люди во имя общей пользы: о древних путях для мулов, проложенных в Альпах, путях, через которые осуществлялся обмен между Севером и Югом, вдоль которых неизбежно возникала череда укрепленных феодальных замков, охранявших эти пути. Один из таких замков высится перед нами и сегодня.

Те, кто улучшал тропы и дороги, вращали на пользу Цизальпинской Европе и Италии (вместе с ее восточными партнерами) могучие оси торговли и культуры. В первую очередь мне на ум приходят немецкие и фламандские художники, путешествовавшие в Венецию или в Рим, когда они замечали первые отсветы полуденного солнца на отрогах Альп, в сиянии пиков и водопадов. Эти дороги часто тянулись вдоль больших рек, водоразделы которых берут начало в

цев. Навстречу - из Франции, из Фландрии, из Италии - шел поток искавших убежища "ради дела веры". Эразм переселился в Бале, семья Эстеньнов в Женеву. Гугеноты, еретики приезжали с тем, чтобы основать и привести к процветанию новые области промышленности. Швейцария XVII века была создана иностранцами, - утверждает английский историк Гуго Тревор Роупер. Те годы, когда дороги закрылись перед теми, кто спасался от близкой смертельной опасности, оказались для страны годами невзгод.

Великая Молитва, как мы видели, вкладывает в строительство дорог буквальный смысл; но она подразумевает также и смысдуховный (*geistlich*), неотделимый от понятий великодушия и справедливости. Эта идея великолепна: по-моему, она выражает самую вдохновляющую задачу, какую мы можем сегодня

самой сердцевине нашего альпийского массива. Те, кто расширил и укрепил эти древние пути, готовили Швейцарию к роли страны-посредницы, страны-убежища. Во времена гуманистов то были дороги, по которым бродяжничали школяры, отправлявшиеся ради изучения книжной премудрости во все стороны Европы: среди них был юный козопас из Валлиса Томас Платер. Не забудутся и имена тех, кто пустился в путь, чтобы обрести дом в чужих краях: это архитекторы и штукатуры из Тессина, кондитеры из Энгадина, из Брегенца. По тем же дорогам уходили, в душе надеясь на возвращение домой, солдаты, состоявшие на службе у иностран-

перед собой поставить. Эта задача включает в себя воспитание, культуру, развитие профессий, относящихся к сообщению и связи, к приему приезжих, благотворительность. Сегодня дороги и тропы, в духовном смысле, - это и науки, и их изложение на языке разума (столь часто подвергавшегося клевете), которое усердно развивают наши высшие школы. Это и искусство, и свободный полет воображения, оскудение которого обеднило бы нас. А есть и тайные дороги и тропы, которыми каждый молча пробирается в глубь себя. Мне хотелось бы, чтобы и современные люди могли сказать, что они также участвуют, каждый в меру своих скромных сил, в проклады-

вании новых дорог, в наведении новых мостов. Если я провозглашу настоятельную необходимость дальнейшего совершенствования в возможно большем числе областей, не упрекнут ли меня в том, что я исповедую идеалы избранничества? Но ведь маленькая страна должна возмещать тесноту своих земель ценностью свершений. Избранничество, если уж на то пошло, состоит в том, чтобы как можно полнее развивать силы, заключенные в каждом из нас, но не для того, чтобы кичиться своим превосходством над окружающими, а чтобы укреплять свои связи со всем человечеством. Солидарность сама по себе столь драгоценна, что оправдывает жертвы, которые мы ради нее приносим другим людям. Но я знаю: "развитый" мир живет по законам материальной цивилизации, которая не всегда поощряет лучшее в человеке. Правда, она допускает одно весьма похвальное исключение, поощряя спортивный дух, прекрасное самообладание и выдержку, которые, пусть односторонне, но все же способствуют человеческим свершениям.

Сегодня, в конце XX века, наши жизни зависят от решений, от которых мы не в силах уклониться, и неизбежно вписываются в перспективу всего земного шара. Но путь ко всему человечеству начинается у нашего порога, у нас под ногами, на улицах наших городов, на наших вокзалах. Он начинается всякий раз, когда мы устремляемся к вершинам, когда шагаем по тропам, по обочинам которых растут клевер и коростянка, когда перебираемся через ручей по мосткам, которые смастерил дорожный рабочий, когда здороваемся с незнакомым прохожим. И если пойдем туда, куда приглашает тропа, нам не понадобится много времени, чтобы заново обнаружить (и всегда это бывает словно впервые), что мы - хранители драгоценной доли мировой красоты. Нынче мы как никогда чувствуем, как уязвима эта красота. Великая Молитва упоминала о любви к справедливости. Так отнесем же по справедливости к пшеничному полю, к винограднику и фруктовому саду, к лесу и леднику, - ведь они наши первые собеседники; и только тогда мы поймем, как подарить больше дружбы дальнему миру, как ответить ему и послать ему знак, которого он наверняка от нас ждет, знак нашего деятельного участия и общей заботы о мире между людьми.

Перевела Елена Баевская

Кантон Во - знаменитое место в Швейцарии. За спиной - Юра, одна из альпийских гряд, впереди - старый Леман, Женевское озеро, а на противоположном берегу - уже Франция, Савойя. Здесь, под Лозанной, в небольшом городке Монтрё, родился в 1895 году воуазец, прославивший своими песнями не только родные места, но и всю франкоязычную Швейцарию.

Воуазцы - народ степенный, медлительный, но себе на уме; они растягивают слова и немного шепелявят; они недолюбливают со-

ревушки с остатками крепостей, террасы с крохотными виноградниками, одно существование которых говорит о постоянном труде, передающемся из поколения в поколение местным крестьян. Неподалеку от Монтрё в деревне Сен-Сафорен сохранился винный погребок, где не раз пели Жюль и Юрфер и в котором осталась атмосфера их песен: старый камин, над которым расположились двузубчатые мотыги, по углам - бочки с вином, а на деревянных балках - бутылки с этикетками местных вин. Над стойкой - корзины для сбора винограда, хлеб, цепочки копченых колбасок. И повсюду - бутылки с фамилиями виноделов: Бовар и Шевали, Косси и Детра, Лежере и Пенже...

Михаил Яснов

*Ведь Рейн течет, границы множи,
По разным странам колеся,
А вот у нас и вправду - вся
Веножа!*

*Сказать по совести, ей-ей,
Сыщи-ка дело потрудней,
Чем вслед за ней брести по кручам!
Она петляет целый день
Вдали от щедрых деревень,
Там, где винца мы не получим.
Как будто маятник часов,
То вправо прынет из кустов,*

ЖАН ВИЛАР - ЖИЛЬ

сдей-женевцев и не упускают возможности над ними подтрунить.

Национальный характер вошел в плоть и кровь песен Жана Вилара, который в тридцать семь лет взял псевдоним Жиль и почти полвека выступал под этим именем, как говорили современники, "между Сеной и Веножей", маленькой речкой его родных мест.

В тридцатые годы на всю Францию прогремел дуэт "Жиль и Жюльен", который создали Жан Вилар и молодой исполнитель Аман Мэстр. После того как дуэт распался, Жиль вернулся в Швейцарию, в Лозанну, и открыл кабаре "Солнечный удар": здесь суждено было родиться многим его антивоенным песням, разошедшимся по всей стране. После войны Жан Вилар снова отправился в Париж - его кабаре "У Жилия" на целое десятилетие стало приютом для многих французских шансонье, авторов и исполнителей песен. Здесь родился еще один знаменитый дуэт, "Жиль и Юрфер", Жан Вилар и Альбер Юрфер, который просуществовал до 1976 года, когда Жиль покинул сцену.

"Мой учитель навсегда", - говорил о Жиле Жак Брель. "Можно сказать, что Жиль - прародитель сегодняшних авторов-исполнителей, - отмечал Жорж Брассенс, - он первый, когда это еще никому не удавалось, решительно создавал по-настоящему отличные песни". "Вы знаете ту нежность, которую я испытываю к Вам, и те чувства, которые мне всегда доставляет общение с Вами", - писала Жиле Эдит Пиаф, в исполнении которой всемирную славу обрела песня Жилия "Три колокола".

Последние годы жизни Жиль провел на родине, снова окунувшись в атмосферу "двух миров" своего детства - залитых солнцем холмов и виноградников, крестьянского труда и мира богатых иностранцев, облюбовавших для отдыха воуазский берег Женевского озера.

Лозанна, знаменитый замок Уши, гостиница "Англетер", где в июне 1816 года жил Байрон и писал "Шильонского узника"; гостиница "Бо-Риваж", в которой окончил свои дни Жорж Сименон; отель "Палас" в Монтрё, где жил Набоков... И тут же - маленькие де-

*То влево ринется... И что же?
То буйным ражем утомит,
То вдруг миражем поманит
Веножа!*

*Едва приметна и скромна,
Вам уголок найдет она
В местечке тихом, глуховатом,
Открыв террасу ли, карниз,
И вдруг опять - порыв, каприз -
И пережат за пережатом!
Вдали приметив рыбака,
Она спешит, неглубока,
Но взбудоражена до дрожи,
Оповестить форель - и вот*

И ЕГО ПЕСНИ

Воуазским фамилиям Жиль посвятил отдельную песню, как и многим деталям и приметам местной жизни: деревенским праздникам и виноградникам, историческим местечками и узким улочкам, озеру и горам. А стихи о речке Веноже прозвучали в авторском исполнении в последний раз в сентябре 1979 года, на празднике швейцарской песни.

Веножа

*На свете есть один кантон,
Вином и солнцем напоен:
Стада на пастбищах зеленых,
Озера живностью полны,
Ледник Ловушка Сатаны -
И тот в нем есть на горных склонах.
Но вот, приняв лукавый вид,
Женевец колко говорит:
"Ах, извините, что тревожу,
Но разве реки есть у вас?"
Не знает этот папуас
Веножу!*

*Веножа! Горная река,
Она совсем невелика,
Зато поит родные кроны.
У нас - и устье, и исток,
А у женецев - видит Бог! -
Лишь крохотный кусочек Роны.
Кто пел о Рейне "Наш он весь!" -
Признаться, зря лелеял спесь:*

*Та исчезает в блеске вод
Веножи!*

*"Холодный север не по мне,
Но мне достаточно вполне
Побывать на воуазском солнце.
Ах, но меня, простите, ждут..."
Бежит и вьется там и тут,
Глядишь - и с зеленью сольется.
И, нежную лелея связь,
Лицом к Савоие обратясь,
На деву пылкую похожа,
Летит, чтоб, источая страсть,
В объятья Лемана упасть,
Веножа!*

*И вот могу наверняка
В конце заметить, что река
И впрямь по праву - воуазка:
Ей в равной степени порой
Присущи буйство и покой,
И безмятежность, и опаска.
Плеснуть воды в стакан вина
По вкусу многим, но она
Водой полным-полна; вино же
Всегда в чести в кантоне Во -
И просит ей плеснуть его
Веножа!*

Перевел Михаил Яснов

Я из Швейцарии, из страны, которая называет свой народ государем, правителем, из страны, в которой граждане могут решать многие, да почти все, вопросы референдумом; например, в ближайшее время в Швейцарии состоится голосование по поводу упразднения армии - мало кто ее любит, многие ее ругают, почти все загодя убеждены, что упразднена она не будет; это ясно заранее, но если случайно ее все-таки упразднят, то взамен немедленно создадут другую армию и устроят другой референдум.

И все-таки за границей уже прослышали о том, что народ в Швейцарии имеет возможность упразднить армию - а борьба за демократические права во всем мире является серьезным делом, ибо демократия несет людям справедливость.

Лично я в этом убежден: это убеждение - моя собственная утопия; и пускай я, будучи швейцарцем, имею перед глазами оскорбительный в своем цинизме пример неработающей демократии - "все-таки" тут по меньшей мере притянута за уши - и все-таки я в этом убежден.

Для меня крушение демократии нисколько не является доказательством того, что демократия не может работать, точно так же как крушение социализма ничуть не убеждает меня в том, что социализм не может работать.

Крушение демократии?

Слышу возражения моих сограждан-швейцарцев: "Ведь мы богаты, чертовски богаты, а значит, наша демократия делает успехи: мы принадлежим к властителям мира" - и я не знаю, что мне им ответить, моим согражданам, не знаю: к великому сожалению, так оно и есть в этой стране, в Швейцарии, потому-то я и не знаю, что мне им ответить. Будь Швейцария более праведной страной, она бы должна была быть победнее; обладай она чувством солидарности, ей бы следовало отказаться от своего богатства - неужели мне так и сказать моим братьям-швейцарцам, и разве они, мои сограждане, меня поймут?

Нет, не поймут: ведь все они убеждены в том, что богатство - это наше национальное достижение, которое дано нам только потому, что мы лучше других, изощреннее других, что нигде за границей так не могут.

Мне кажется, что "заграница" - чисто швейцарское понятие. Когда швейцарец отправляется путешествовать, он едет не в Германию, не во Францию, не в Италию, а прежде всего и главным образом за границу. Для швейцарцев на свете существуют только две страны - своя и "заграница". Только в швейцарских газетах можно увидеть два однородных подзаголовка: "внутри страны" и "вне страны".

С таким мышлением нельзя быть европейцами. Для Швейцарии Европа - не более чем геогра-

фическое понятие, ни к кому и ни к чему - ни к Гитлеру, которому мы поставляли оружие, ни к уничтожению евреев, которое мы поддерживали, пускай и пассивно. Никто не в силах нам доказать, что мы имели ко всему этому какое-то отношение, потому что у нас есть алиби - наш нейтралитет.

Мы - мирная страна (по общему мнению), поскольку в нашей стране не велось военных действий во время обеих мировых войн. Мы на войне отсутствовали - или, вернее, война у нас дома не

НАШ НЕЙТРАЛИТЕТ

фическое понятие, отнюдь не политическое, да и весь мир для этой Швейцарии тоже не более чем географическое понятие, быть может, еще экономическое, но только не политическое. Потому что мир имеет место только за границей.

И этим наша страна обязана роковому и лживому понятию "нейтралитет".

В детстве мне никогда не удавалось постичь, почему все страны в мире не могут быть нейтральными, мне никак не удавалось постичь, почему нейтральными не были молодая в то время Федеративная Республика и молодая ГДР: ведь у всех стран есть только министерства обороны, все страны только о том и толкуют, что их армии предназначены исключительно для обороны (попутно спросим - от чего им обороняться?).

Почему не все страны нейтральны? И почему шведский, австрийский и швейцарский нейтралитет так различаются между собой?

Потому что нейтралитет - избрание Венского конгресса 1815 года - не что иное, как самое настоящее мошенничество.

Я могу это пояснить только на примере Швейцарии.

Мы не входим в ООН, потому что мы - нейтральная страна. Мы не можем участвовать в Общем рынке, потому что мы нейтральная страна. Нам нужна мощная военная промышленность, мы стали приводным ремнем международной торговли оружием, потому что мы - нейтральная страна.

Мы - нейтральная страна, а потому мы ни при чем.

Нейтралитет - наше алиби, а алиби дословно означает - доказательство отсутствия.

Нейтралитет - это доказательство нашего отсутствия; мы не

присутствовала, поскольку мы с удовольствием принимали в ней участие в качестве получателей прибыли. Кроме того, я помню, как в моем детстве говорили: "Теперь, во время войны" - у нас тоже была война, только она была не здесь.

Еще я помню, как во время войны мы играли в футбол на главной улице - машин было так мало! А потом приехал на велосипеде полицейский, я до сих пор помню его имя, а звали его Камилл Хузи; он обругал нас и сказал, что играть в футбол на улице запрещено, а напоследок пригрозил нам: "Погодите, сорванцы, вот наступит мир!"

Тогда нам грозили миром. Мне никогда в жизни не забыть, как в детстве мне здесь, в Швейцарии, грозили миром.

Так обстоят у нас дела и поныне - мне кажется, что пример Швейцарии послужил уроком всему свету: "Война? Пожалуйста, только не здесь!"

Война в Никарагуа, в Ливане, в Афганистане - только не здесь, причем я сейчас имею в виду не русских и не американцев.

Я по-прежнему говорю о швейцарцах. За последние месяцы я по всему свету слышал, как именно швейцарские политики и швейцарские генералы энергично предостерегали против разоружения - потому что без войны нам, швейцарцам, станет не нужна армия, потому что у нас ведь есть алиби, но нам при этом тоже хочется иметь дело с оружием и вооружением, а значит, в качестве алиби нам нужна армия.

Алиби означает доказательство отсутствия - кто отсутствует, тот и не виноват. Швейцария держится по отношению к Европе так, будто она ни в чем не виновата; кто не виноват, тот вообще ни при чем. Не знаю, являют-

Петер Биксель

ся ли европейцами французы, итальянцы, поляки, венгры, но мы, швейцарцы, никакие не европейцы: Европа для нас - это всего лишь зарубежная география.

Мы, швейцарцы, стали специалистами по невинности. Это одно из возможных следствий стасорокалетней прямой демократии. Ни один политик ни за что не отвечает: народ проголодал, и дело с концом, и никакая оппозиция невозможна; в крайнем случае, можно потребовать нового голосования.

Если возложить вину на многие плечи - на

множество совершенно равнодушных плеч, - то оказывается, что все невиновны, все нейтральны, словом, все отсутствуют.

Я пишу это не для того, чтобы разбранить свою страну. В моей Швейцарии можно жить, можно заниматься политикой - я делаю и то, и другое.

Я только хочу предостеречь от примера Швейцарии.

Слишком много в мире людей, для которых Швейцария - утопия, мечта; на самом деле это не так.

Народные права - замечательная штука, к которой стоит стремиться. Но власть народа без просвещения ничто. И ни политическая пропаганда, ни предвыборная борьба, ни страсти вокруг референдумов не заменяют просвещения.

Просвещение никогда не вытекает из демократии - но демократия должна вытекать из просвещения; до этого нам здесь, в Швейцарии, еще очень далеко.

И ни один швейцарец не верит в то, что политические беженцы приезжают в нашу страну оттого, что слышаны о свободе и мире, царящих в нашей стране. Нет, швейцарцы убеждены, что всех привлекает только наше богатство. Это вполне убедительно доказывает, какого мнения придерживаются швейцарцы о политике Швейцарии. Гражданские права и либеральные идеи замесило процветание.

Я предостерегаю против швейцарской утопии.

Верю только в просветительскую утопию, верю в сопротивление.

Перевела Елена Баевская

Более чем за сто лет до того, как Гуса посадили в Готлибене и сожгли в Констанце, аргауец Рудольф фон Габсбург со своими швейцарцами двадцать восьмого августа тысяча двести семьдесят восьмого года нанес под Дюрнкрутом-на-Маршфельде поражение Оттокару Второму из Богемии, которая в 1526 году уже почти на четыре столетия подпала под господство Габсбургов, самой удачливой швейцарской семьи за рубежом, возвращению которой на родину мы сопротивлялись изо всех сил, - достаточно вспомнить Моргартен и Земпах. Если крах старого швейцарского союза в 1798 году привел к возникновению нового швейцарского союза, то из первой мировой войны 1918 года родилась современная Чехословакия. Оба государ-

Фридрих Дюрренматт

беснование политических преступников и страдания героев принадлежат истории с того момента, как человечество себя помнит. Хотя пятидесятые годы были злым временем, однако подобные времена в истории человечества выпадают частенько. Эти годы так или иначе можно было отнести к таким, или, по меньшей мере, с ними сравнить. Тем или иным образом они напоминали об истории. Я не рискнул бы утверждать, что в это время ничего не происходило, что это время не ведало событий. Основополагающий, программный документ политической власти, которая была установлена в Чехословакии после советского вторжения в 1968 году, назывался "Уроки кризисных лет". В этом было что-то символическое: эта власть действительно извлекла уроки. Она

ОБ АБСУРДНОСТИ ШВЕЙЦАРИИ

ства являются результатом поражения. Мы - собственного, а Чехословакия - поражения Австро-Венгрии. Затем пришел Гитлер. Когда великие державы в 1938 году бросили Чехословакию на произвол судьбы, в Бернском монастыре состоялся благодарственный молебен. Она не сопротивлялась, Судеты были оккупированы, и чуть позже Чехия была превращена в протекторат, а Словакия - в вассальное государство.

Возникает вопрос: стала бы в подобном положении сопротивляться Швейцария? На этот вопрос ответа нет. Она никогда не была в подобном положении. Для чехов оно стало катастрофой, достаточно вспомнить Лидице. Им пришлось работать на Гитлера, а евреев убивали в газовых камерах. На нас никто не напал, но и нам тоже пришлось работать на Гитлера. А евреев, которых мы к себе не пустили, тоже убили в газовых камерах. После войны Чехословакия пала жертвой Сталина и политики его преемников. Вслед за ГДР и Венгрией и в этой стране насильственно предотвратили попытку сделать коммунизм человечным и реформировать его.

Вы, Вацлав Гавел, писали об этом в Вашем эссе "Свершающееся при тоталитаризме": "В пятидесятые годы в нашей стране имелись огромные концентрационные лагеря, а в них - десятки тысяч невинных людей. А на молодежных стройках суетились при этом десятки тысяч энтузиастов новой веры, распевая песни строителей новой жизни. Людей пытали и казнили. В трагических обстоятельствах люди бежали через границу, скрывались, и в довершение всего слагались оды в честь генерального распорядителя. Президент республики подписывал смертные приговоры своим ближайшим друзьям, и тем не менее - чудеса да и только - его можно было порой встретить на улице. Пустословие идеалистов и фанатиков,

уяснила себе, что может произойти, если чуть-чуть приоткрыть ворота для плюрализма взглядов и интересов: возникнет угроза ее собственной тоталитарной сути. А уразумев это, она отказалась от всего, кроме самосохранения. Все механизмы прямой и косвенной манипуляции жизнью начали чуть ли не самопроизвольно перерастать в неизвестные доселе формы. Ничего не следовало более оставлять на волю случая.

Последние девятнадцать лет в Чехословакии могут служить почти эталоном зрелой или поздне-тоталитарной системы: революционная мораль и террор сменились затхлостью неподвижности, осмотрительностью, обеспечивающей алиби, бюрократической анонимностью и бездуховным стереотипом, единственный смысл которых состоит в том, чтобы все в большей мере становиться тем, что они есть. Беспомощная энтузиастов и стоны страдальцев отзывались. Беспорядочное надло шелковые перчатки и переселилось из пресловутых камер пыток в меблированные конторы бюрократов. Президента республики можно увидеть, если повезет, только за пуленепроницаемыми стеклами его машины, когда он, окруженный полицейским конвоєм, спешит в аэропорт, чтобы радушно встретить полковника Кадафи. Поздняя тоталитарная система опирается на столь рафинированные, сложные и могучие инструменты манипуляции, что нет необходимости в убийцах и убитых, и еще менее требуются ей ретивые создатели утопий, своими мечтами о будущем возбуждающие беспокойство. Понятие "реально существующий социализм", которое эта эра придумала для самой себя, указывает, кому в ней нет места: мечтателям".

И если Вы, Вацлав Гавел, теперь, в качестве главы государства, в Вашей новогодней речи 1990 года, несколько подробнее коснулись содержания Ваших грез и добавили: возможно, вы спросите, о какой республике я мечтаю? - то я вам отвечу: о самостоятельной, свободной, демократической, экономически процветающей и вместе с тем социально справедливой республике, которая служит человеку и поэтому надеется на то, что и человек ей послужит. О республике

разносторонне образованных людей, потому что без них не может быть решена ни одна из наших проблем, будь то человеческая, экономическая, экологическая, социальная или политическая, - и ведь многие швейцарцы также мечтают о том, чтобы жить в подобной республике, в определенной мере в той мечте, о которой говорите Вы, Вацлав Гавел. Однако действительность, в которой швейцарцы предаются мечтам, другая.

Как драматург, дорогой Вацлав Гавел, Вы запечатлели в Ваших пьесах, многими критиками причисляемых к театру абсурда, действительность, в которой Вы жили до того момента, пока не рухнул политический догматизм. Для меня эти пьесы не абсурдны и не бессмысленны, - это трагические гротески, ибо гротеск есть выражение парадоксальности, нелепости, которая возникает, когда какая-нибудь сама по себе разумная идея, и в частности идея коммунизма - разве можно представить себе более справедливую форму общества? - претворяется в действительность, - ведь и раннее христианство было в сущности коммунистическим, а что получилось из христианства? Благодаря человеку все становится парадоксальным, смысл преобладает в бессмыслицу, справедливость - в беспорядке, свобода - в неволе, потому что человек сам является парадоксом, иррациональной рациональностью.

Таким образом, Вашим трагическим гротескам можно и Швейцарию противопоставить в качестве гротеска: как тюрьму - разумеется, совсем иную тюрьму, чем те, в которые бросали Вас, дорогой Гавел, - как тюрьму, в которую улизнули швейцарцы. Поскольку все за пределами тюрьмы развалилось и поскольку лишь в тюрьме они уверены, что на них не нападут, швейцарцы чувствуют себя свободными, более свободными, чем все другие люди, свободными в качестве острожников в остроге своего нейтралитета.

Есть, правда, одна загвоздка с этой тюрьмой - в том, что надо доказывать, что это не тюрьма, а оплот свободы, ведь при взгляде снаружи тюрьма - она и есть тюрьма, а ее обитатели - арестанты, а кто арестован, тот несвободен: свободными для внешнего мира считаются только тюремщики, ведь, не будь они свободны, они были бы арестантами.

Чтобы разрешить это противоречие, арестанты ввели всеобщую повинность тюремщика: каждый арестант, являясь своим собственным тюремщиком, утверждает свою свободу. У швейцарца тем самым есть диалектическое преимущество, поскольку он свободен, являясь одновременно и арестантом и тюремщиком. Тюрьме не нужны стены, поскольку ее арестанты - сами тюремщики, и себя сами охраняют, а поскольку тюремщики - свободные люди, они с целым миром и промем себя провоцируют дела, да еще как!

Но поскольку, с другой стороны, они арестанты, они не могут вступить в ООН, и Европейское экономическое сообщество тоже доставляет им немало хлопот. Кто живет диалектически, испытывает психологические трудности. Так как тюремщики тоже арестанты, они могут заподозрить, что они не тюремщики вовсе, а арестанты, или более того - просто свободные люди, отчего тюремная администрация и приказала завести дело на каждого, кого заподозрили в том, что он чувствует себя арестантом, а не свободным, и поскольку в этом она заподозрила многих, то накопила гору дел, которая при ближайшем рассмотрении оказалась горной цепью дел, и за каждой горой дел появлялась новая гора. Но поскольку всю эту горную цепь дел следовало использовать лишь если бы на тюрьму напали, а на нее никогда не нападали, то тюремщики, узнав о делах, которые на них заведены, вдруг ощутили себя арестантами, не свободными людьми, они почувствовали себя так, как совсем не хотелось бы тюремной администрации. Но чтобы вновь почувствовать себя свободными, то есть тюремщиками, а не арестантами, арестанты потребовали от тюремной администрации разъяснений относительно того, кто все эти дела завел. Но поскольку горная цепь заведенных дел была огромна, администрация пришла к заключению, что все они возникли сами собой.

Там, где отвечают за всё все, никто не отвечает ни за что. Страх перед тем, что и в тюрьме не безопасно, произвел на свет горную цепь дел. Страх не беспричинный. Кому не захочется быть заключенным, если именно в заключении обретаешь свободу? И такая тюрьма стала притягательна для всего мира, многие пытаются в нее угодить, что им позволя-

ют, если у них хватает денег. Свобода, в конце концов, драгоценна, а если, чего доброго, безопасностью тюрьмы, которая положена лишь свободным арестантам, норовят воспользоваться неимущие, им указывают на дверь. Тюремной администрации не позавидуешь. С одной стороны, слишком мало свободных арестантов, чтобы поддерживать чистоту в тюрьме, в ее роскошных камерах и коридорах, и чтобы до блеска чистить решетки, так что приходится впускать в тюрьму тех, кто просто ради заработка ее ремонтирует, реставрирует и поддерживает на ходу, тех, на кого другие арестанты, которые хоть и тоже зашибают деньги, однако, являясь свободными, смотрят сверху вниз, как на арестантов, на лишенных свободы. С другой стороны, во всякой тюрьме кого-то стерегут, но если арестанты в качестве тюремщиков сами себя стерегут, начинает казаться, что тюремщики стерегут еще что-то, а не только себя самих. И крепнет мнение, что собственный смысл тюрьмы состоит в том, чтобы защищать не свободу арестантов, но тайну банка.

Как бы то ни было, тюрьма процветает, и ее дела настолько переплетены с окрестными делами, что нарастают сомнения, тюрьма ли это вообще. Не стала ли она лишь тюрьмой-призраком? Чтобы подтвердить ее реальность и тем самым существование тюремного начальства, это начальство тратит миллиарды швейцарских франков на тюремщиков, которых содержит под арестом, и на все более современное оружие, которое, понятно, устаревает, и вынуждает покупать сверхновейшее, не беря в расчет, что война означала бы гибель всего, что хотят защитить.

Администрация позволяет себе жить утопией, будто стратегия Нибелунгов и в техническом мире нарастающих катастроф способна обеспечить абсолютную безопасность, вместо того чтобы признать, что именно швейцарская тюрьма могла бы рискнуть оставаться без тюремщиков, что ее арестанты не арестанты, а свободные люди, и тогда, разумеется, Швейцария стала бы уже не тюрьмой, а просто частью Европы, одним из ее регионов, на которые, собственно говоря, Европа уже и начинает распадаться, вопреки шоку германского объединения.

Вот так тюрьма обрела дурную славу. Она усомнилась в себе. Администрация, которая пытается все законодательно регулировать, утверждает, что никакого кризиса в тюрьме нет, что арестанты свободны, покуда остаются неизменно преданными тюремной администрации арестантами, между тем сами арестанты держатся того мнения, что тюрьма переживает кризис, поскольку арестанты не свободные люди, но арестанты, и эта внутритюремная дискуссия вносит лишь смуту, потому что тюремная администрация намеревается отпраздновать семисотлетний юбилей со дня так называемого основания тюрьмы, невзирая на то, что тогда тюрьма была не тюрьмой, а устрашающим разбойничьим гнездом. Вот мы и не знаем, что нам праздновать: арест или свободу. Отпразднуем арест - арестанты ощутят себя арестантами, а отпразднуем свободу, - тюрьма станет ни к чему. Поскольку мы не осмеливаемся жить без тюрьмы, мы как-нибудь опять отпразднуем нашу независимость, ибо в независимой тюрьме нашего нейтралитета никому извне не разобраться, под арестом ли мы, или на свободе.

Войны и оккупации, даже и сопряженные с большими жертвами, которых я никому не пожелаю, все-таки можно пережить, - Ваша страна, и не в последнюю очередь Вы, дорогой Гавел, доказали это, тогда как мы, швейцарцы, своим сопротивлением, которое ничем не было проверено, ничего не доказали и не доказываем. Странное чувство, дорогой Гавел, охватило меня, когда я писал эту речь, и охватывает теперь, когда я ее держу. Многое меня смущает в этом чувстве, ибо слишком велик соблазн злоупотребить Вами для доказательства того, что наш западный мир в порядке, что нет ничего более великого, чем свобода...

Политика и у нас переродилась в экономику, ее вопросы - это экономические вопросы. Где следует вмешаться государству, где не следует, где дать дотацию, а где ее не давать, что обложить налогом, а что нет? Заработная плата и свободное время определяются в ходе переговоров.

Мир грозит стать опаснее войны. Чудовищная, но не циничная сентенция. Наши улицы стали полем битвы, наша атмосфера насыщена ядовитыми газами, наши океаны - нефтяные лужи, наши пашни отравлены пестицидами, третий

мир разорен пострашней, чем некогда Ближний Восток крестоносцами. Неудивительно, что теперь он нас шантажирует. Не война, мир - отец всех вещей. Война возникает оттого, что не совладали с миром.

Мир - это проблема, которую надо решать. У мира есть фатальное свойство содержать в себе войну. Движущей силой свободной рыночной экономики является конкурентная борьба, экономическая война, война за рынки сбыта. Человечество взрывается, как вселенная, в которой мы живем, мы не знаем, что будет, когда на земле будут жить десять миллиардов человек. Для функционирования свободной рыночной экономики первое условие - свобода. Возможно, для функционирования плановой экономики таким условием позднее станет справедливость, возможно, эксперимент марксизма начался слишком рано.

Что может сделать отдельный человек? Что же? - спрашиваете и Вы, Вацлав Гавел. Отдельный человек - понятие конкретно. Государство, учреждение, экономические формы - понятия абстрактные. Политика имеет дело с общим, не с конкретным, имсущим отношение к действительности, но должна обращаться к отдельному человеку, чтобы становиться действенной. Человек более иррационален, чем рационален. Чувства действуют на него сильнее, чем его разум. Этим пользуется политика. Только так можно объяснить победное шествие идеологии в нашем веке, обращение к разуму бесплодно, особенно если тоталитарная идеология выступает под маской разума. Отдельный человек должен различать между человечески невозможным и человечески возможным.

Общество никогда не может быть справедливым, свободным, заботливым, а лишь становится более справедливым, более свободным и более заботливым. То, чего смеет требовать отдельный человек, и не только смеет, но и должен, это то, чего требовали Вы, Вацлав Гавел, - права человека, хлеб насущный для каждого, не утопии, а вещи сами собой разумеющиеся, атрибуты человека, знаки его достоинства, права, которые не насилуют отдельную личность, а способствуют ее совместной жизни с другими людьми, права, как выражение терпимости, правила общения, если выразить это в общих чертах. Лишь права человека - это права его сущности, всякая идеологическая революция нацелена на их устранение и требует нового человека. Кто только его уже не требовал!

Дорогой Вацлав Гавел! Ваша задача как президента совпадает с задачей Вацлава Гавела как диссидента. Глубокоуважаемый господин президент! Вы здесь среди швейцарцев. Швейцарцы Вас приветствовали, швейцарский федеральный президент Вас принимал, бывший член швейцарского федерального совета произнес Вам хвалебную речь, ну и я, швейцарец, тоже немного поговорил, ибо в Швейцарии любят поговорить. Что же мы за люди такие - швейцарцы? Судьба оберегла нас и от позора, и от славы. Но это не зловещее предзнаменование. Платон рассказывает в конце своего "Государства", что после смерти душа каждого должна избрать себе жребий на новую жизнь: "Душе Одиссея совершенно случайно достался последний жребий, и вот она подошла, чтобы его вытащить. Но, вспомнив прежние свои невзгоды, она отказалась от всякого тщеславия и долгое время странствовала в поисках безбурной отшельнической жизни, чтобы в последний момент где-то обнаружить таковую, ту, которой другие пренебрегли. И обретя ее, душа Одиссея сказала, что, достанься ей право на первый жребий, она поступила бы точно так же и с радостью избрала бы именно это". Я уверен, что Одиссей избрал бы жребий быть швейцарцем.

Перевел Геннадий Каган

На исходе минувшего года у меня в Ленинграде гостила переводчица из Швейцарии. В один из вечеров мы отправились в театр на спектакль по пьесе Фридриха Дюрренматта "Визит старой дамы". Незадолго до начала спектакля разнеслась весть о кончине автора. Один из крупнейших драматургов нашего времени, он умер от сердечного приступа за несколько дней до своего семидесятилетия... Скорбная весть подвигла меня к воспоминаниям о встрече, что произошла во время пребывания в Цюрихе, в декабре восьмидесят девятого года. Я был приглашен в Швейцарию издательством "Диогнос" по случаю перевода моего романа...

Главный человек в издательстве - Даниэль Кель - смотрел на меня с хитрой улыбкой. Какой еще сюрприз готовил мой добрый покровитель?! Отличный номер в гостинице, что в самом центре Цюриха, нескучные "суточные", поездка в Женеву с пребыванием в городках с трепетными названиями: Люцерн, Берн, Лозанна...

- Вы не забыли: сегодня в три встреча с Дюрренматтом, - проговорил Даниэль, заранее радуясь моему восторгу.

- О..., - я в признательности прижал руки к груди. - Я не осмеливался вам напомнить.

Честно говоря, я - лукавил. Вообще-то до недавнего времени я полагал, что Дюрренматт - это из литературы прошлого. Мне казалось, что Мастер покинул бранный мир много лет назад. Он и еще Макс Фриш... Легенда! В памяти возникла стародавняя афиша Ленинградского театра комедии с акимовским спектаклем "Физики". Я едва тогда удержался, чтобы не ляпнуть: "Как?! Он жив?!" Тем самым наверняка бы обидел славного Даниэля, который считался личным другом мэтра и выпустил в своем издательстве альбом рисунков, сделанных рукой Дюрренматта. Солидный, просторный альбом. Резкие, обнаженные изображения каких-то полулюдей, в бреду затуманенного разума, отдаленно напоминающие фантазии Сальвадора Дали...

- Вам крепко повезло, - продолжал Даниэль. - Господин Дюрренматт приехал в Цюрих из своего укромного городка встретить жену. И я попросил повидаться с вами. Вы, вероятно, большой везунчик.

Я согласно кивнул - что есть, то есть.

- Главное мое везенье - это знакомство с вами, - дипломатично ответил я.

Отель "Европа", в котором остановился Дюрренматт, затерялся на опрятной улице Дуфурштрассе, неподалеку от оперы. Смуглый привратник в униформе небесного цвета с золочеными галунами напоминал шоколадный батончик в голубой упаковке. Наверняка югослав, подумал я, зная, что югославы занимают не последнее место в списке эмигрантов, нашедших прибежище в Швейцарии, хотя известно, что получить законную крышу в этой игрушечной стране довольно сложно. Привратник оказался югославом и провел меня в бар. Почему-то отель "Европа", как мне показалось, был весьма неравнодушен к Азии: фарфоровые слоны, бронзовые индусские танцовщицы, буддийские символы... За узорным стеклом перегородки, у овального столика, придерживая на весу

чашку, сидел Дюрренматт. Как я его узнал? То ли память извлекла из своих тайников фотографический образ, некогда виденный на снимках, то ли привратник дал понять... Нет, все иначе. Сам Дюрренматт признал во мне человека, приехавшего из России. Есть в облике наших людей нечто узнаваемое во всем мире.

Опустив чашку и не пряча выражение скуки, Дюрренматт подался мне навстречу, выпрямляя фигуру. Не торопясь, долго. И когда наконец выпрямился, то оказался высоким, большим, рыхлым. Мягкое лицо без излишней растительности, которое нередко называют "бабьим", защищали элегантные очки, придающие простым чертам "западное" вы-

Бросив пробный камень мимо цели, я заскучал. А тут еще переводчик попался неуклюжий - вспоминал слова, зарываясь в паузы, словно в камыши.

Дюрренматт мрачно водил пухлыми белыми пальцами по кромке чашки. Как я узнал позже, сухость мэтра объяснялась тревогой за жену: рейс, которым она возвращалась откуда-то из Африки, задерживался, а тут кругом смутьяны-террористы. Я же расценивал подобное отношение незначительностью своей персоны в глазах классика. Кстати, касаясь этой темы: меня изумляет равнодушие западных деятелей искусства и литературы ко всему тому, что "идет" с Востока. Из современников обычно выплывают имена Симо-

Илья Штемлер

путают с великим физиологом? Казалось, одиозные имена писателей-диссидентов, прошедших достойно тяжелейшие испытания, лишенные Родины и публикуемые на Западе, для них... пустой звук. Хлопают глазами, смущенно покашливают, но не знают. Как-то беседовал я с тележурналистом, ведущим рубрику литературы и искусства популярного американского канала телевидения: кого он знает из русских писателей. Все те же имена - Толстой, Чехов, Достоевский, Солженицын...

"Но вы живете в одном городе с нашим

ВИЗИТ К СТАРОМУ МАСТЕРУ

ражение. Дряблый подбородок уходил в растегнутый ворот полосатой сорочки, покрытой вельветовым поджакотом кофейного цвета.

Два молодых человека, сидевшие у стойки бара, резво сползли с высоких сидений - фотограф и переводчик, присланные любезным Даниэлем, не могли заставить себя ждать. Я облегченно вздохнул, - никак не привыкну к тому, что нахожусь в стране, где обязательность есть образ жизни...

Дюрренматт перенес чашку на расположенный в глубине зала столик. Наконец-то все расселись, подшучивая над неловкостью первого знакомства. Я передумал записывать ход нашей беседы, ни к чему, я не собирался публиковать что-либо о встрече, а блокнот связывает. Пожалуй, это первое, с чего тронулся наш разговор. Дюрренматт тоже заметил, что он не вел систематических дневников, не хватало терпения, а теперь жалеет. Иногда что-то записывает, да так, безделицу...

Я давно обратил внимание, что люди, которым я раскрывал свой метод работы над материалом, выражали почтенное изумление: "Как? Прежде чем сесть за стол, вы сами профессионально работаете?" - "Да, - не без кокетства пояснял я. - Работал. И таксистом, и продавцом, и проводником поезда, и архивистом в архиве", - и, честно говоря, мне эти обыгрывания поднадосли, но разговор обычно выстраивался. И на этот раз мне хотелось произвести впечатление. Однако мое откровение не вызвало у мэтра любопытства. Наоборот, он брезгливо поджал губы. Если писатель описывает жизнь своих героев через свою личную, это, на его взгляд, признак определенной творческой узости. Конечно, надо хорошо знать то, о чем пишешь. Но для того, чтобы описать смерть, не стоит умирать самому...

нова, Эренбурга и Солженицына. Или вдруг неожиданные личности, о которых ни я, ни мои знакомые никогда не слышали. Скажем, некий Павлов. Кто такой? Писатель! Может,

известным писателем, изгнанным из страны, активно переводимым у вас!"

Тележурналист страдальчески морщит лоб - нет, впервые слышу эту фамилию. Вот

Бродский - да! Лауреат Нобелевской премии. Бродского... Джозефа, он знает, правда, не читал, но слышал. А того, кого вы назвали... извините. Америке он не известен...

Что это?! Снобизм эстетов, комплекс патрициев? Или элементарное невежество? Мы-то многих их знаем, куда менее одаренных, чем те, кто составляет наши прославленные имена. Знаем даже имена тех, которых у них на родине, на Западе, и слыхом не слыхивали. А мы вот знаем, переводим, читаем. Или у нас, в отличие от комплекса патрициев, комплекс плебеев. Вопрос духовности или бездуховности уже не обсуждают - заполненные людьми театры, музеи, библиотеки Запада говорят сами о себе. Ответ один: им неинтересно то, что происходит у нас, в то время как нам интересно то, что происходит у них. Вот и весь ответ. Годами мы раздувались в своем спесивом самолюбии, а в итоге они протягивают нам руку помощи. Может быть, настоящею искусству и литературе не может быть у экономически отсталого народа? На голодный желудок можно создать обозленную политизированную эстетику, суженную до сиюминутных проблем, эстетику, жаждущую политических перемен, как залог экономического преобразования. Тогда как же быть, скажем, с Достоевским? Да, круг разорвался. Есть о чем подумать...

И мы об этом говорили в тот декабрьский день в кафе отеля "Европа". Тема меня встревожила. Я сторонник литературы обнаженного драматизма, в основе которой лежит неустроенная жизнь, полная противоречий и злого бунта. А умозрительная "полусонная" эстетика, уходящая в глубину человеческого подсознания, расплывчатая драматургия, вялый сюжет, который строится на искусственных коллизиях, меня не захватывает. В таком случае как же быть, скажем, с романами Кафки или Джойса, принятыми не только элитарной читательской средой. Однако авторы этих романов были люди житейски обездоленные и неустроенные. Да, и Кафка, и Джойс уходили в искусственный мир, прячась от невзгод окружающей жизни, но делали это с таким блеском и талантом, что надуманность исчезала, казалась реальной и узнаваемой. Стало быть, все зависит от степени одаренности...

Дюрренматт оживился. Тема его захватила. И мы довольно увлеченно ее тормозили. Но, разгоняясь, спотыкались о переводчика, нетерпеливо пережидая медленный и, как мне казалось, не совсем точный перевод. А мой собеседник в это время мне представлялся добродушным притворщиком. Он все понимал куда лучше меня и лишь снисходительно допускал к беседе на правах сердечного хозяина.

К Дюрренматту приблизился портфель и что-то учтиво произнес. Круглое лицо мэтра расплылось в улыбке, закручивая на упругих щеках глубокие детские ямочки. Он кивнул и тронул тяжелой ладонью мое колено. Оказывается, самолет, в котором летела супруга классика, благополучно приземлился и оснований для беспокойства больше нет.

- Понимаю, - произнес Дюрренматт повелевающим тоном. - Вы меня тоже относите к эстетствующим писателям, живущим в башне из слоновой кости.

Добрая весть из аэропорта оказалась моей союзницей, и мэтр решил поведать о своем детстве, видимо, не очень уж устроенном. Он родился в семье протестантского пастора, в

патриархальной швейцарской деревне. Но вовсе не пуританской. Ни один сельский праздник не проходил без участия отца писателя. А особенно его деда, поэта и актера. "И, между прочим, что мне и удавалось в пьесах, так это изображение массовых сцен", - с удовольствием проговорил Дюрренматт.

- Кроме массовых сцен вам еще кое-что неплохо удавалось, - неуклюже польстил я.

- Может быть, - согласился мэтр. - Хотя, знаете, первую свою премию я получил вовсе не за успехи в литературе...

- А за живопись, - бестактно вставил я, вспомнив подаренный моим добрейшим издателем альбом рисунков Дюрренматта.

- Верно, - мэтр подозрительно посмотрел на меня и засмеялся. - Да, первую свою премию я получил на конкурсе детских рисунков "Календаря Песталоцци". Мне вручили часы. А художник Гуно Алье, член жюри, настолько был поражен моей самоуверенностью, что предрек мне судьбу полковника. Но он ошибся. В швейцарской армии я не поднялся выше рядового, а в жизни - выше писателя. Я писал аккуратно, по три страницы в день. Детективные романы, радиопьесы, новеллы. Писал увлеченно, подгоняемый честолюбием юности. Да и время было, как мне казалось, более спокойное, чем сейчас.

- Конечно, - кивнул я. - Если не брать в голову разгар пожара в Европе, то конечно.

- Да, да... Швейцария особая страна. Место, где скрещивались пути отчаяния Европы, развороченной Гитлером. Эмигранты, беженцы, перемещенные лица. Но молодости свойственен оптимизм.

"Да, - подумал я, - тем более когда в кармане швейцарский паспорт".

Всю нашу беседу я воссоздал по памяти, вернувшись в отель, в который раз проклинаю себя за легкомыслие, глядя на скучающий без дела портативный диктофон...

Страсть к литературе сделалась единственным смыслом жизни Дюрренматта. Особенности человеческого поведения, проявившиеся в мировой войне, настолько ужасали сознание, что природу его многие писатели искали в какой-то необъяснимой метафизической субстанции человека. Все это требовало сжатой динамической формы изложения. Этому, по мнению Дюрренматта, отвечала именно драматургия. Перечитывая впоследствии пьесы Фридриха Дюрренматта, я поражаюсь согласию в них двух совершенно противоположных приемов - гротеска и бытовизма. И еще решение абсурдной ситуации каким-то посконным реалистическим методом, узнаваемым в каждой детали, в каждой реплике. И это ощущение органично переплеталось с впечатлением от личности автора. Всемирно известный драматург, один из самых ярких писателей второй половины нашего века, представлялся мне тогда дядюшкой, которого я знал всю жизнь, которого встречал в городской круговерти - и в наших нескончаемых очередях, и на случайной скамейке в саду, и за доминошным столиком во дворе...

Мне вспомнилась встреча с Эренбургом, в далеком 1963 году. Суровый, тощий старик с редкими седыми волосами над старушечьим лицом, Илья Григорьевич мне казался холодным и неприступным. Его ирония, смешанная с сарказмом, задевала меня, тридцатилетнего молодого человека, только выпустившего свой первый роман. До паники оробевшего от близости столь легендарной

личности. Впрочем, у Ильи Григорьевича тогда было достаточно оснований для дурного настроения, он уже видел, как подмерзает оттепель. Не в пример Дюрренматту, у которого жена благополучно вернулась из далекого путешествия и вот-вот нагринет на тихую Дуфурштрассе, что приютила скромный отель и это кафе с сытыми фарфоровыми слонами по углам.

- Господин Дюрренматт сказал, что больше он пьес не пишет, - переводчик выжидательно глядел на меня.

Мэтр кивнул, подтверждая истину персвода.

В ответ на мой удивленный взгляд Дюрренматт засмеялся добродушно и широко, встряхнул головой. На просторном глянце обширного лба отразились блики гаснущего дня.

- Драматургия, как и поэзия, требуют большего энергетического запаса, нежели, скажем, проза или эссеистика, или критика. Писатели, сохранившие энергетическую силу, продолжают работать в поэзии или драматургии до преклонного возраста. А я, как видите, мешок с разными хворями, - шутиливо продолжал Дюрренматт. - Так что мне пришлось заняться другим жанром. Сейчас я занялся исследованием процесса творчества. Механизмом возникновения образов художественных произведений. Очень увлекательная затея... Кстати, первый том уже вышел в свет.

- Мне кажется, обращение писателя к подобной теме не что иное, как подведение итогов, - буркнул я невпопад. - Свообразный творческий хоспис... А вы с таким юношеским нетерпением ждете приезда своей жены.

- О да, - и Дюрренматт расхохотался. Дерзость ему пришлась по душе. Я заметил, что дерзость нередко вызывает если не уважение, то, во всяком случае, внимание. как ни странно. Я нередко этим пользовался.

- Хоспис, увы, весьма разумная, хоть и мрачноватая штука, - добавил мэтр и перевел разговор в другое русло. - Меня все больше и больше поражает стихия человеческого безрассудства. Весь мир находится во вражде. Тайной или явной, но во вражде. История ничему не учит. Безрассудство стало главной чертой человечества. И это ужасает. Особенно на фоне демографического роста... такое безрассудство ни к чему хорошему не приведет. Может быть, в этом есть свой зловещий смысл, не знаю. Какое-нибудь высшее предопределение. Возможно, эволюция человечества есть просто-напросто копия органической эволюции - от рождения к смерти. И вражда, которая толкает человечество в пропасть, не что иное, как своеобразная болезнь, раковая опухоль... Знаете, мне очень интересно все, что происходит в России. Возможно, именно оттуда начнут расплзаться метастазы всеобщей гибели. Или, наоборот, всеобщего благополучия, как отступление от болезни. Но Россия сейчас главная топка, которая определяет температуру мирового организма. Я очень внимательно слежу за тем, что происходит в России, многого не понимаю. Это очень славно, что мы с вами встретились, вы что-нибудь мне расскажете...

И я, по меру своего разумения, старался рассказать о том, что происходит сейчас в моей стране. Понимая, что общий обзор будет долог и поэтому расплывчат, я решил описать обычный день, скажем, день, ну...

проводника поезда, в должности которого я в свое время подвизался, преследуя дальнюю цель - написание романа. Я не ошибся. Жизнь страны, вмещенная в сарай на колесах, называемый вагон дальнего следования "Ленинград-Баку", со всеми своими проблемами: социальными, национальными, экономическими, политическими - явилась моделью жизни всего государства. А учитывая, что в эту минуту вокруг отеля "Европа" раскинулась страна, состоящая из кантонов, подобных далеким советским республикам, страна, в которой два официальных языка - немецкий и французский, а граждане, люди многих национальностей, живут в мире, добре и взаимном согласии... Учитывая все это, рассказ мой принимал особое звучание. Мне нравилась эта страна, спокойная и добрая, нравился этот старый город, нравились Альпы, вершины которых легким абрисом угадывались в далекой предвечерней сутеме, на фоне синего неба. Нравился собеседник, мудрый, добрый, чьи голубые глаза остро смотрели на меня сквозь стекла очков...

Дюрренматт слушал не перебивая. Облик его выражал не любопытство, а сострадание. Он вытирал детский носик пыльным розовым платком, стоня со стеклов очков докучающую соринку, вздыхал, восстанавливая стиснутое дыхание, тербил толстыми пальцами чашку с остывшим кофе. А мой ветхий вагон продолжал громыхать на стыках изношенных рельсов, везя из Ленинграда в Баку тяжелейший груз проблем: от Нагорного Карабаха, через пустые полки магазинов, падение нравов и рост преступности, политическую нестабильность и коррупцию к полному развалу страны, занимающей шестую часть суши...

Потом мы пили теплый кофе с тортом. Воспользовавшись паузой и увлеченный моим рассказом фотограф. Он забегал вокруг стола, сыто заурчала видеокамера - журналисты старались не упустить случая, запечатлеть приезд в Цюрих живого классика. Дюрренматт не обращал никакого внимания на беготню вокруг стола.

- Вы, вероятно, увлекаетесь драматургией, - мэтр хотел подбодрить меня. - Ваш прием с вагоном очень... драматургичен.

Я пожал плечами. Да, когда-то я увлеклся драматургией, потом остыл. Надоело зависеть от всевозможных чиновников, ведающих воплощением пьесы в спектакль. В прозе как-то свободней дышится. Но особенно распространяться на эту тему я не стал, понимая, что мэтра можно ненароком и обидеть. Да и вряд ли он способен понять подобное, он, перед которым любой театр преклонит колени.

- Я долго молился драматургии, - проговорил Дюрренматт, словно угадав мои мысли. - Мое увлечение драматургией было гораздо сильнее всяких неурядиц, которыми полон театр. Писание пьес - упительный жанр литературы. Концентрация во времени острейших житейских ситуаций и создает критическую массу, вызывающую взрыв в душе... Возьмите, скажем, судьбу вашего президента Горбачева...

Я с любопытством вскинул глаза на мэтра, вот уж не полагал, что разговор повернет в такое направление.

- Чем не драматическая судьба? - продолжал Дюрренматт. - Человек, сформированный определенной средой. Человек, получивший огромную власть, которой он мог

пользоваться долгие годы... себе во благо. И вдруг - реформация. И такая сложная, непредсказуемая. Почему он бросился в этот омут? Жажда славы просветителя, этой самой упительной славы? Или - что более всего меня убеждает - человеческий порыв, совесть, какое-то особое внутреннее качество, которое можно определить как "воскрешение души". Это самое емкое понятие, свойственное почти каждому человеку. Но у многих оно погребено на дно, завалено всяким мусором - эгоизмом, честолюбием. А у некоторых... Если бы этого качества вообще не было, вряд ли выжила бы человеческая цивилизация... Возьмем заговор против Гитлера. Кто его совершил? Люди, пользующиеся особыми благами системы, созданной Гитлером. Но в них воскресла душа... В литературе нет более благородной темы, чем исследование подобного поступка. Потому как негативные проявления человеческой натуры лежат на поверхности, они всегда более эффективны для писания. Неспроста отрицательные герои получают ярче, живописней. Люди охотней читают криминальную хронику, нежели историю какого-нибудь благодеяния, в человеке побеждает сатана, животный инстинкт...

А вот исследование благородных порывов - сложная область. У меня есть старая пьеса "Ромул Великий". Это комедия. Комедия как жанр наиболее полно решает многие вопросы, которые ставит перед нами наша история. Вы знакомы с моей пьесой "Ромул Великий"? - И, заметив мой бегающий взгляд, Дюрренматт обронил как бы ненароком: - Ну, не имеет значения... Так вот, у императора Ромула есть единственная страсть - куры. Император ненавидит свою империю. Все его поступки направлены на разрушение империи, стоящей на курином помете. Преступную империю надо разрушить...

Я слушал мэтра, согласно кивая. Конечно, отталкиваясь от образа империи, созданного Дюрренматтом, можно было объяснить подобный порыв. Но, вероятно, он не совсем понимает, что происходит в гигантской стране, занимающей шестую часть суши. Он несколько идеализирует ситуацию, а я за время наших посиделок не мог донести всю сложность вопроса, да, признаться, и сам во многом не разобрался. И многие нынешние поступки Президента моей страны меня озадачивают. Одни я пытаюсь объяснить недоступной высокой политикой, а от других лишь разводил руками...

- Две вещи правят человеческими поступками: честолюбие и здравый смысл, - точно угадал мои мысли старый мэтр. - Все решает их соотношение... И еще! Это только кажется, что император повелевает империей. На самом деле наоборот - империя направляет императора, если, конечно, император умен...

Голос Дюрренматта умолк. Мэтр смотрел поверх меня. Я обернулся. В дверях стояла миловидная женщина. Накинутая на плечи рыжая шубка распахнулась, выпуская длинный желтый шарф, что тянулся концами к коленям. Джинсы, заправленные в дорожные сапоги, подчеркивали молодость. А лицо, загорелое, чуть скуластое, с короткой дерзкой стрижкой, мягко улыбалось. Рядом стоял чемодан, серый, в полоску, оклеенный яркими бирками авиакомпаний...

- Шарлотта?! - проговорил Дюрренматт, поднимаясь из плюшевого красного кресла.

Я видел, как густеют его голубые глаза, как порозовела бледная кожа лица. И весь облик, тяжелый, неуклюжий, преобразился, словно время вдруг начало необъяснимый обратный бег.

Спустя год после нашей встречи - это ж надо, день в день - старый Мастер скончался. Занятая проблемами страны, наша пресса почти не отметила этот скорбный факт.

Проживи Дюрренматт еще год, он многое бы узнал о стране, судьба которой его беспокоила. Он узнал бы о новых событиях в том же Баку, волны которых докатились и до Грузии, до Прибалтики. И потрясли сознание всех мыслящих людей. Неуверенность и страх, точно холод, проникли в коченящее тело империи. Интересно, как бы писатель теперь отнесся к теме императора и империи... А я, по истечении этого года, мог бы полнее рассказать старому мастеру о том, что происходит в моей Великой и Несчастной стране.

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО-92

Объявлена подписка на новый международный иллюстрированный журнал, "Всемирное слово", издающийся в Санкт-Петербурге.

Журнал знакомит читателей с лучшими публикациями международного журнала "Lettre internationale", издающегося на восьми европейских языках в Париже, Берлине, Мадриде, Риме, Белграде, Загребе, Праге и Будапеште.

"Всемирное слово" печатает в переводах на русский язык авторов со всех континентов, а также помещает на своих страницах оригинальные произведения литературы, публицистики и художественной критики, созданные в нашей многонациональной стране.

Журнал выходит раз в три месяца, четыре раза в год - зимой, весной, летом и осенью.

Цена одного номера "Всемирного слова" - 8 руб.

Стоимость одного номера по подписке - 7 руб; годового комплекта из четырех номеров - 28 руб.

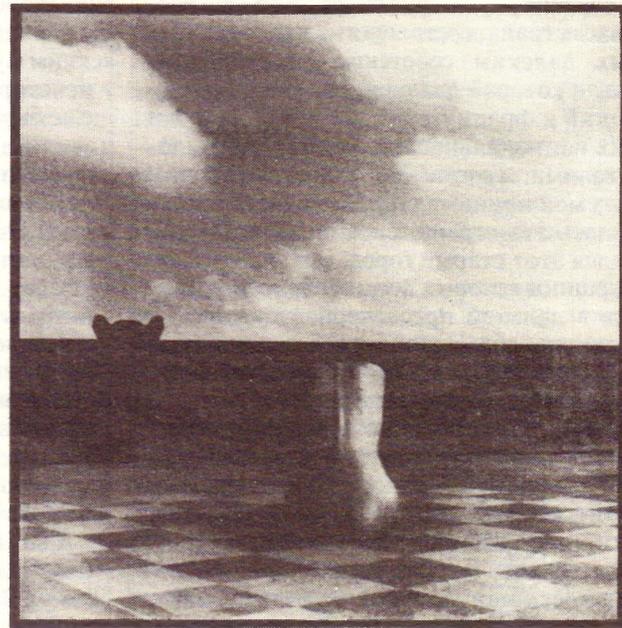
Если вы хотите получить концентрированное и разностороннее представление о культуре и искусстве, философии и политике, исторической и общественной мысли современного мира, а также о сложнейших общественно-политических, художественных и культурных процессах, совершающихся в СССР, подписывайтесь на журнал "Всемирное слово"!

Индекс нашего журнала по Всесоюзному каталогу периодических изданий на 1992 год - 78550.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях связи СССР, а также по заказам из-за рубежа.

Этот маленький дистиллированный рай придуман людьми. Придуман, сработан и выставлен для всеобщего обозрения. Трудно не гордиться такой хорошей работой; но еще труднее не подавать виду, что ты гордишься. Трудно первые 700 лет.

Сейчас, когда Швейцария подступает ко второй семистолетке своей Истории, все лучшее на ее земле давно уже стало привычным. Действующая модель вечной жизни работает "без травм и аварий".

ШВЕЙЦАРСКИЕ ФОТОГРАФЫ

ПЕТЭР МАУРЕР - швейцарец и фотограф - совершенно равновелик своей державе. Он - "отличник", отличник во всем, за что берется, а берется он почти за все. Интеллектуальный репортаж, социологический портрет, сюрреалистические изыски - всегда это мастер, всегда он узнаваем по той хронической сделанности, без которой искусство, увы, "летать не может".

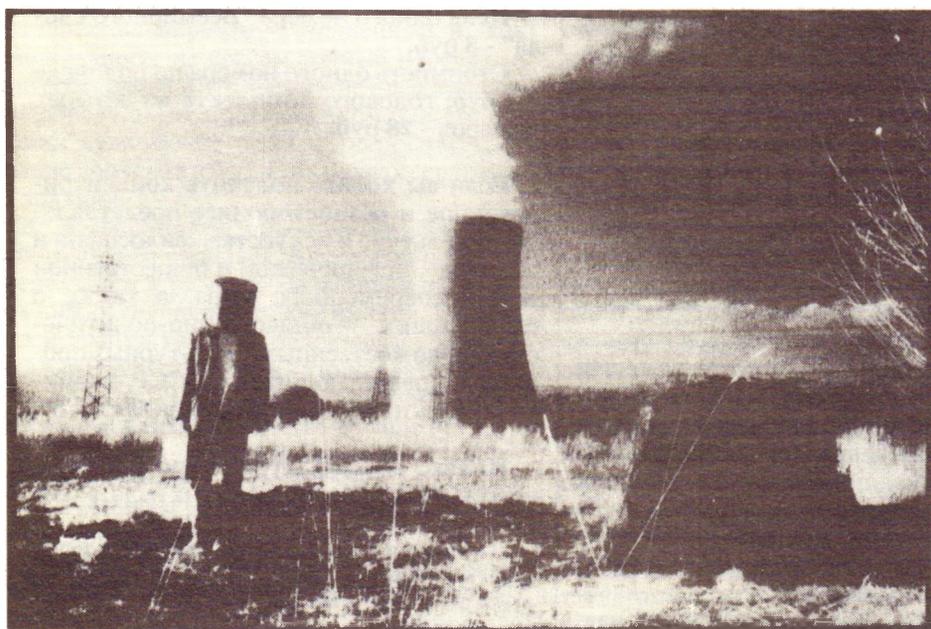
Итак, знакомьтесь: **ПЕТЭР МАУРЕР** - лауреат премии "Кодака" за 1989 год, житель крохотного горного швейцарского городка Дахсен.

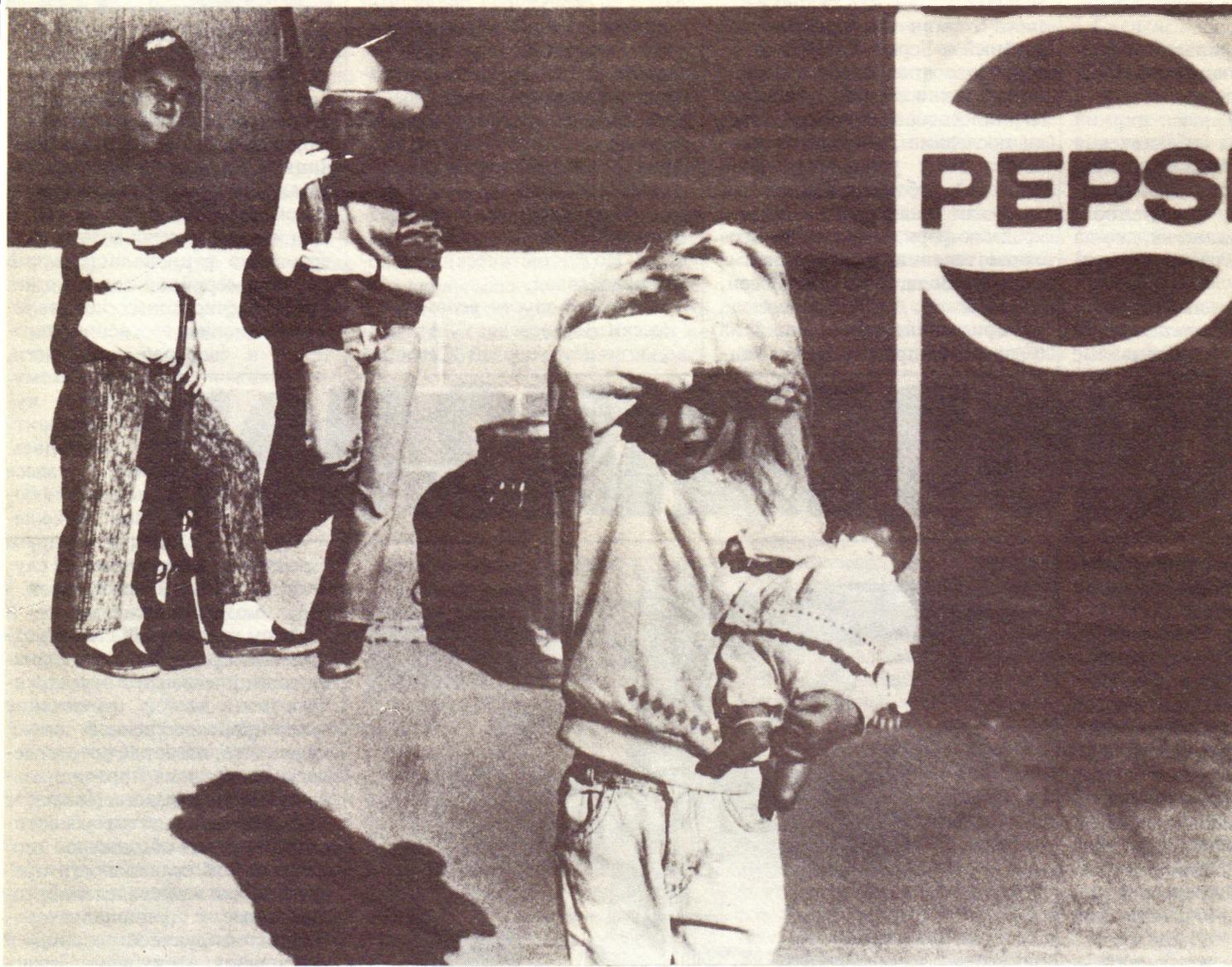
В швейцарском городе Бадене (не путать с немецкими близнецами) есть замечательная фотогалерея "Образ". Ее душа - **МАРТИН ЛЕНЕР**. Известнейший профи, ас рекламы и дизайна, он один из тех немногих, кто "холит и лелеет" фотографов и фотографию. Вместе с женой и коллегой Сюзанной они создали в швейцарской глубинке фотоцентр, куда съезжаются мастера и фанатики со всего мира.

Мартин Ленер сейчас много снимает "ню", но и здесь он прежде всего - фотограф: объект его съемки не плоть, а свет. Его серию "Торсы" я бы назвал, быть может, несколько претенциозно: "С точки зрения Ангела".

* С фотоработами Мартина Ленера вы можете познакомиться на с.60-61 нашего журнала.

ПЕТЕР МАУРЭР. ИЗ СЕРИИ "АВТОПОРТРЕТЫ" (1986)

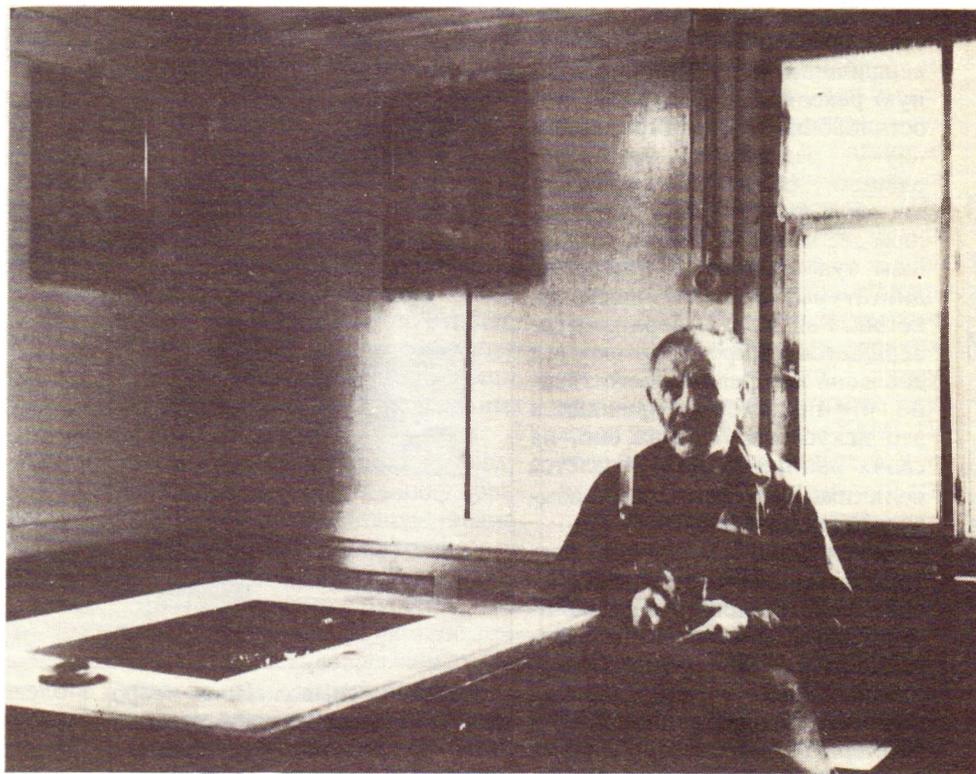

РЕНЕ МЕХЛЕР* - фотограф, который построил дом. Вернее, перестроил. Двухэтажный восемнадцатого века дом в деревеньке Цуцген превратился в музей-квартиру - Родченко? Малевича? Лисицкого? Сам хозяин в своих всегдашних черно-белых одеяниях охотно показывает свои работы: фотоавангард на металле, пластике, бумаге, вечернем небе.

В свободное от своих магических занятий время Рене Мехлер работает фотографом в одной из клиник Базеля и принимает участие в различных конкурсах. Последняя его победа - лучший проект памятника скрепке.

* С фотоработами Рене Мехлера вы можете познакомиться на с.63-65 нашего журнала.

Модернизм - это эпохальный стиль XX века. Такой термин для обозначения этого эпохального стиля напрашивался давно. Но он приобрел полное право гражданства, когда возникла формула: постмодернизм.

Каждый эпохальный стиль создается как ответ ментальности художника на новые, небывалые сдвиги, которые принесла эпоха. Такие стили, как правило, неоднородны. Неоднороден и модернизм. И рядом с такими стилями всегда остаются ниши для явлений, к ним не принадлежащих, даже противоположных.

Ментальность модернизма воплощена в двух противопоставленных друг другу, но в равной мере экстремальных и порой пересекающихся устремлениях. Одно - это тяга к иррациональному и к высвобождению от всех запретов, это - субъективизм, не останавливающийся ни перед какой парадоксальностью. Другое - это тяга к абсолютной рационалистичности, к безупречной геометрической правильности, тяга к безудержному техницизму.

Стоит за этими экстремальными устремлениями столь же экстремальное, безудержное, не предсказанное никакими прежними фантастами развитие действительности в мире. В мире, совершавшем одну индустриальную революцию за другой, безостановочно потенцировавшем науку, радикально преобразовавшем облик человеческой жизни и вместе с тем развязавшем две мировые войны, создавшем чудовищные тоталитарные диктатуры, осуществившем геноцид. Развитие модернизма совершается в мире, в котором все доведено до предела. Естественно, что пределов не признает и это искусство. А когда оно, на своих ранних этапах, создается великими мастерами, оно оказывается пророческим.

Оба рукава модернизма, экстремально иррационалистический и экстремально рационалистический, многообразно переплетаются. Уже в раннем модернизме, даже у его далеких великих предшественников (По, Бодлера), движение к урбанизму и техницизму отмечено фантастичностью.

Но главное, что характеризует ранний модернизм, - это эклетичность. Она была порази-

тельной. Если взять за точку отсчета термин die Moderne, созданный в Германии 1880-х годов (хотя вполне возможны и другие точки отсчета), то в нем сочеталось все новое, что принесли последние десятилетия прошлого века: увлечение новой техникой, урбанизм, социализм, анархизм, натурализм в его крайних формах, новые религиозные течения. Учителями выступают Золя, Толстой, Ибсен, Достоевский. А в 90-е годы сюда же присоединяются идущий из Франции импрессионизм и ниц-

лам и по структуре - подлинный модернизм, снабжались, например, пилястрами в виде фигур, типичных для древнего египетского искусства. Правда, возникли и более цельные системы: последовательный натурализм Арно Хольца в литературе, а в изобразительных искусствах "стиль юности", широко представленный, в частности, в графике. Но стилистический разноробой преобладал.

Много лет спустя, вспоминая о "России Достоевского", Ахматова упомянет в первой "Северной

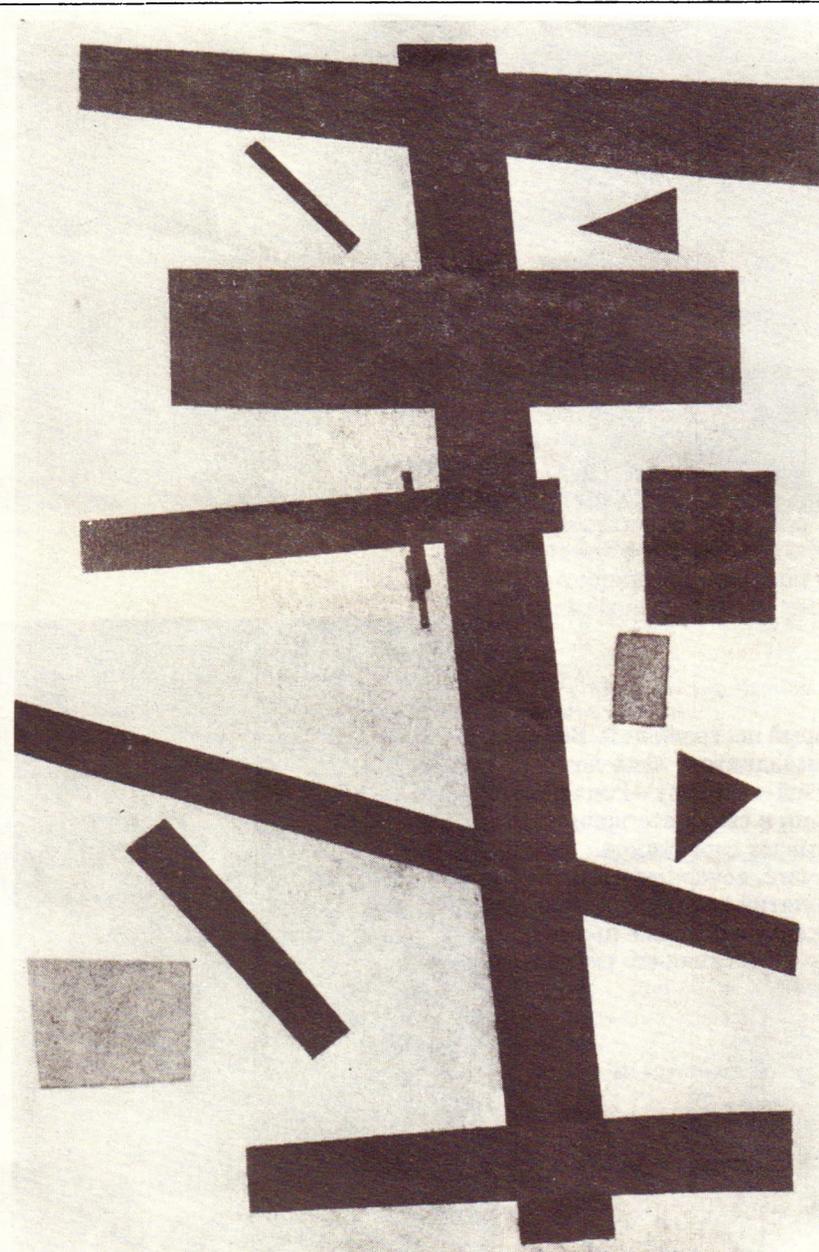
Владимир Адмони

ющими для искусства эпохи, в какой-то мере обособились. Техницизм полностью восторжествовал в архитектуре. Достаточно напомнить имена Корбюзье и Гропиуса. В музыке возник экстремально рационалистический принцип серийной композиции. Среди бесчисленных направлений в живописи явственное тяготение к сверхрациональности, вопреки всему, проявляют кубизм и абстрактная живопись. Вернее, здесь происходит любопытное наложение друг на друга

- конечно, лишь в отдельных случаях, в особых ответвлениях - обоих модернистских начал. В "Черном квадрате" Малевича отсутствие предметности и орнаментики превращает эту картину в некое чистое постижение суверенной внутренней жизни художника, делает ее произведением модернизма иррационально-субъективистского. Но вместе с тем реализация этого субъективизма в форме абсолютной геометрической правильности превращает его в произведение, сопряженное с рационалистически-технизмирующей линией модернизма. А в кубизме Пикассо, несмотря на радикальную нарушение естественных очертаний предмета, создается (вернее, сохраняется) в максимально "вывернутой" форме основной каркас предмета, как бы не упускаемая, в конечном счете, его суть. В различных сочетаниях эти черты проступают у бесчисленных представителей художественного авангарда XX века, хотя преобладают, пожалуй, произведения внегеометрического искусства, также выступающего в самых различных формах.

Особенно сложно развивается модернизм в литературе. Наиболее броское и фронтальное развитие происходит в поэзии. Действительность XX века заставляет ее отказаться от тех эстетических требований, которым прежде она подчинялась. В мире Гитлера и Сталина, в жестоком вареве мировых войн не остается места для принципов гармонии и упорядоченности. По мнению идеологов бунтарства 60-х годов, поэзия вообще оказывается невозможной в мире, который познал Освенцим. Но без искусства, без поэзии человечество все же явно немисливо. И поэзия продолжает существовать - несмотря на известную "заминку"

МОДЕРНИЗМ —

шеанство, символизм и неоромантика, декадентство всех видов. И все это относилось к Moderne. Все это было предмодернизмом. Процветала стилизация. В архитектуре здания, действительно предвосхищающие - по используемым материа-

элегий" Литейный, "еще не опозоренный модерном". Модерн был для Ахматовой воплощением эклектизма и безвкусицы.

В XX веке две основные линии модернизма, экстремальный рационализм и экстремальный иррационализм, - становясь реша-

на Западе в годы максимального подъема студенческих волнений. Однако ее форма перестраивается. В России, еще с самого начала века, путем создания новой, в той или иной мере диссонансной рифмы. На Западе путем победы свободного стиха. Диссонансная (так называемая "новая") рифма снимает или по меньшей мере ограничивает гармонию, свободный стих, также урезая гармонию - хотя бы в результате отказа от рифмы, - отменяет совершенную упорядоченность стиха.

та. И в кристальной фразе дан пророческий мир абсурда у Кафки.

Взаимодействуют обе основные линии модернизма и в высокой поэзии, но по-иному.

Уход из мира человеческих измерений в иррациональность совершается в форме становления новой метафизической картины мира. Наиболее развернутой в поэзии Элиота. А там, где выскальзывает из мира человеческих измерений Рильке (в "Дуинезских элегиях"), также намечается метафизическая ос-

читателем. Здесь нет непосредственного единения двух душ, писательской и читательской, как это должно было произойти у романтиков, не было и взаимопонимания двух сознаний (вернее, двух сознаний и двух чувств), как у реалистов.

Великие модернистские произведения существуют по всей логике независимо от оглядки на читателя. Для читателя они всегда задачи с неопределенным решением. Притом совсем не в том смысле, в каком многозначны - из-за богатства и широты изобра-

ужасу, а не к мудрой иронии. Скепсис в чистом виде, абсолютный нигилизм возникает в самых неистовых, но и самых внешних (и потому маргинальных) направлениях модернизма. Суть модернизма в отказе от обращения к душе, в потере живой человечности, в чистой монологичности. Между тем Сократа трудно представить себе монологомистом.

А к душе высокий модернизм вообще относился, скорее, отрицательно, во всяком случае с подозрением. Только экспрессионизм с его экстатической чело-

ПОСТМОДЕРНИЗМ

Но порожденная действительностью XX века ментальность поэта идет все дальше. Она не только полностью разбивает структуру стиха, но взламывает и языковые формы - формы предложения, формы словосочетания, формы слова. Субъектами литературы становятся отдельные звуки-буквы. Заново создаются новые слова, о значении которых можно только догадаться из их фонетического облика, из того ряда слов, в котором они стоят, из заголовка стихотворения, если он есть. В зами русского футуризма, в крайностях поэзии немецкого экспрессионизма, в распространившемся начиная с первой мировой войны по Европе дадаизме, в возникшем во Франции сюрреализме, в более поздней "конкретной поэзии" и в различнейших видах экспериментальной литературы фраза и слово всячески деформируются, служат материалом для различнейших, порой головокружительных построений. Царствует безумие, но такое безумие, в котором, как у безумия принца Гамлета, есть своя система. Своего рода упорядоченный абсурд.

И только естественно, что абсурд проникает и в другие литературные жанры и даже покоряет их. В наиболее завершенной форме это проявилось в драматургии, где в середине века расцветает драма абсурда, предвосхищенная "Сонатой призраков" Стриндберга и драматическими опытами обериутов.

В своих высших проявлениях (Беккет, Ионеско) драма абсурда создает проекцию на всю жизнь XX века. А одной из основ организации действительности в драме абсурда является включение картины иррационального мира в строго очерченную драматическую форму. Особенно у Бекке-

нова, повернутая, как и у Элиота, религиозно.

Но у каждой метафизической системы, даже самой приближенной и расплывчатой, проступает некий налет рационализма. Пусть сами системы - иррациональны. Любопытно, что для XX века именно "Дуинезские элегии" - вершина творчества Рильке.

Другой путь переплетения обоих потоков модернизма был дан в прозе Пруста. Как писал один критик в 1931 году: "Художественное произведение у Пруста не создается и не выбирается, а открывается, достается из глубины, заранее существуя в художнике, как закон его природы". Здесь описано иррациональное начало в творчестве Пруста, заставляющее вспомнить об интересе Пруста к Бергсону. Но конкретно осуществляется такое иррационально порожденное прустовское произведение в необычайно длинной и многословной фразе, в которой языковые связи не нарушены. И есть своя, особая гармония.

Критиком, чьи слова мы привели, говоря о Прусте, был Беккет.

Учитель Беккета, Джойс, нашел другой модернистский ключ к изображению непосредственного человеческого существования. Джойс показал его во всех подробностях, избрав в "Улиссе" для этого один день из жизни ничем не примечательного дублинца. Но сделан этот день у Джойса отображением извечных, мифологемных архетипов человеческой жизни. Роман строится на подспудных смысловых пластах, которые даны лишь намеками, иногда совсем смутными.

Так мы подходим к одному из главных свойств модернизма. Он находится в сложных отношениях с человеческим чувством - и с

жаемого мира, из-за множественности возможных здесь углов зрения - едва ли не все великие произведения мировой литературы. Как раз для самих создателей этих произведений - думаю, что по крайней мере в большинстве случаев, - их смысл был определен, или определены были границы смысловых колебаний. Просто фактически эти произведения несли в себе много больше, чем предполагали их авторы, - тем более, что они не могли знать: все новые и новые времена создадут все новые и новые возможные восприятия их творений. Между тем для модернизма, особенно наиболее далеко зашедшего модернизма, с читателем касаний не было. Модернистский художник строил свое произведение исходя лишь из своего ощущения, что то, что он дает, существенно и необходимо, отнюдь не думая о том, что огромное большинство тех, кто будет воспринимать произведение, не будут знать, как воспринять полученное.

Иногда основой модернизма рассматривается скепсис - радикальнейший скепсис по отношению ко всем предшествующим формам человеческого знания, человеческого духа и реальных форм человеческой жизни. В этом есть большая доля правды - особенно если иметь в виду иррациональную ветвь модернизма. Но модернизм в целом отнюдь не только скепсис. Перечеркивая превратившуюся в пустырь, пустошь, пустыню, пустынную землю, реальность современного бытия, великие модернисты ищут - пусть в еле намеченном прочерке - некую метафизическую сверхреальность, чаще всего глубоко окрашенную религиозно (Кафка, Элиот). Во всяком случае, они ближе к Кьеркегору, чем к Сократу, к проникновенному

вечностью был направлен к душе. Для других направлений модернизма душа была заранее скомпрометирована злоупотреблением ею в прежней (в частности, предмодернистской) литературе, возможно, даже усиливающимся охлаждением к Рильке было связано не только с его великолепной (и поэтому неприемлемой для модернизма) гармоничностью, но и с обращением к душе - даже душе вещей, что опять-таки было еще вполне возможно в предромантизме. Впрочем, в "Дуинезских элегиях" на передний план выходит ангел. Начиная с 30-х годов душа особенно резко перечеркивалась для модернизма (и не только для модернизма) отвратительной, ханжеской апелляцией к немецкой душевности у нацистов.

Модернизм либо выдвигал на передний план вещь, как бы опредмечивая человеческое, - недаром в 20-е годы в Германии возникло течение, именовавшее себя "новой вещностью" (Die neue Sachlichkeit). Либо модернизм разлагал душу на ее отдельные влечения и стимулы в их иррациональной изменчивости. Наиболее наглядно в сюрреализме и "новом романе". Этому, каждое по-своему, хорошо служили учения Фрейда и Юнга. Но дело было отнюдь не в этих учениях, а в самой внутренней направленности модернизма.

Впрочем, и вещизм, предметность проходит в XX веке несколько этапов, иногда еще далеких от модернизма. Поучительно, что под знаком обращения к вещи фронтально стоит русская поэзия 10-х годов, отходя от символизма. К вещизму, широко применяя прием рядоположного изображения самых различных явлений жизни, широко обращается и поздний Аполлинер. Крайне предметен, хотя и не отказы-

ваясь от поисков души, и зрелый Рилькс в "Книге картин" и "Новых стихотворениях".

Своими вершинными произведениями модернизм несомненно занял место в мировой истории искусства наряду с самыми выдающимися из ее образцов. Оставаясь в пределах литературы Запада, назовем здесь в первую очередь имена Пруста, Кафки, Джойса, Элиота, Беккета.

Но вот что любопытно - почти все они принадлежат к первым десятилетиям XX века - по сути дела, к его началу. Менее значительны в своей массе уже модернистские произведения 30-х годов, хотя они весьма многочисленны. Модернизм принадлежит к тем направлениям искусства, которые коренятся в пророческом даре, свойственном - в большей или меньшей мере - каждому подлинному художнику. Лишь более поздний модернизм

как бы подводит итог тому, что уже было отчетливо предьявлено жизнью. Но надо учесть и то, как могучи были исторические и духовные силы, воздействием которых осуществлялся XX век и которые отбрасывали перед собой густую тень.

Общим для модернизма в XX веке в его крайних проявлениях было отрицание многомерности искусства, а порой и многомерности речи. Впрочем, это было только естественно для искусства, уходящего от непосредственной человечности.

Однако как раз путь одномерности, при конденсированном, ультрашоковом ударе в одном определенном направлении, придавал проявлениям модернистского искусства огромную суггестивную силу, притом все возрастающую, - достаточно сравнить взрыв чувств экспрессионизма или ритмический напор фокстрота в первые десятилетия

века с ошеломляющим влиянием на массовую человеческую психику тяжелого рока в конце столетия.

И все это были отнюдь не прихоти чудаков и не манипуляции спекулянтов - хотя и чудаков, и спекулянтов здесь было предостаточно. И здесь сказывалась максимальная, доходящая до самоуничтожения экстремальность искусства, выразившая максимальную и тоже приближавшуюся к самоуничтожению экстремальность века.

В начале второй половины XX века в модернизме явственно ощущается дыхание эпигонства. Неизбежный итог этого - постепенное преодоление модернизма как стиля. В 60-х годах возникает термин постмодернизма.

Хотя появился он в литературной критике, нагляднее всего постмодернистские процессы происходят в архитектуре. Может быть потому, что архитектура наиболее непосредственно среди всех искусств была связана со сверхтехницизмом нашего времени. А пробуждавшийся у людей страх перед техникой, осознание глубины тех экологических проблем, которые сверхтехницизм принес с собой, почти фанатический антитехницизм зеленых - все это определило создание постмодернизма.

Но другого, цельного стиля для смены модернизма не выработалось. Постмодернизм в архитектуре начинает удивительно походить на ранний модернизм - своей вызывающей эклектичностью. Правда, он внес в строительство и немало нового: асимметрию, противоречивость, иррациональность. Оказалось, что разные стороны одного и того же здания могут принадлежать к разным стилям. У вполне европейских домов появляются крыши китайских пагод. Широко применяются архитектурные "цитаты": в кирпичной или цементной стене возникает прямоугольная ниша и в ней небольшой гранитный блок или фрагмент мраморной колонны. Вместе с тем за этим стоит - перекликаясь с зародышами тенденций к "новой человечности" в литературе - и стремление к тому, чтобы архитектуру очеловечить, сделать ее максимально приемлемой не только для внешних человеческих потребностей, но и для человеческой души. У огромных зданий вертикаль уравнивается горизонталью, прямоугольник все чаще сменяется кругом.

И все же пока что основное в этом зодческом многообразии - эклектизм. Постмодернизм точнее было бы назвать поздним модернизмом.

Сходство с ранним эклектичным модернизмом характерно для постмодернизма вообще. И в других видах искусства он в немалой мере варьирует различные модернистские течения - пусть в ослабленном виде. Возвращение к человеку и к вещи в их непосредственности как предмету художественного изображения только намечается - и часто в смешанном виде. Очень сильно скрывается влияние разных направлений религиозно устремленного искусства. И все шире становится использование в искусстве вещей, не предназначенных для этого, любых бытовых или производственных предметов. Но мы уже отметили, что на протяжении всего XX века были ниши, не заполненные модернизмом, хотя в той или иной мере соотносящиеся с ним. В литературе не выходили за пределы мира человеческих измерений и оставались верны человеческой душе, порой достигая предельной духовно-эмоциональной напряженности, писатели огромного звучания. Достаточно назвать такие имена, как Хемингуэй и Томас Манн, Антуан Сент-Экзюпери и Сэлинджер, или великую плеяду русских поэтов: Блока, Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Цветаеву. Поэтому надо внести оговорку к нашему исходному тезису. Модернизм действительно является эпохальным стилем XX века. Однако в XX веке не иссякала и великая литература, для которой эстетические принципы модернизма не были определяющими, хотя и задевали ее. Это были писатели, для которых в силе оставался диалог душ, прямое, порой даже жадное приобщение к вещам в их реальности.

И в этом, может быть, есть некое предуказание, каким станет подлинный постмодернизм - вернее, то искусство, которое действительно придет на смену и модернизму, и теперешнему постмодернизму. Делать такое предсказание в высшей степени опасно. Потому что, прежде всего, совершенно неизвестно, какой же будет действительность XXI века - впрочем, совершенно неясно и какой будет действительность 90-х годов.

Но мне кажется, что то новое искусство будет таким, в котором душа отдельного человека будет искать душу отдельного человека - и восприниматься ею. Что возникнет искусство, в котором снова сойдутся все виды смысла и все потенции того материала, которым пользуется художник. За этим искусством будет стоять твердость человеческой души. В стих вернется энергия, в живопись действительная многомерность

У.-Б. Йейтс

Богоматерь

*Любовь. И страх неборимой силы,
И молния, что слух пронзила,
И тесно в комнате от шума крыл.
Любовь и ужас, ибо я во чреве
Носила Бога сил.*

*За что избранницей небес я стала?
У очага я мир и радость знала,
Любила сад и мелкий водоем,
Где терпеливо женщины стирают,
Судача обо всем.*

*Рожденный в муках, кто он, мой ребенок?
Звезда какая грудь берет спросонок?
Как жить под бременем любви моей,
От коей дыбом волосы и холод
Пронзает - до костей?*

Он мечтает о небесном покрове

*Будь у меня небесный покров -
Парча, которую выткал свет,
Синий, туманный, темный покров,
Которым владеет мгла и рассвет,
Его расстелил бы у ног твоих.
Но есть у нищих только мечты.
Мечты расстелил я у ног твоих,
Ступай же легко - не порань мечты.*

Перевела Е. Дунаевская

красок и фигур, в музыку, не отменяя, а оттесняя дисгармоничность, великая гармония, соразмерная с божественной тишиной.

Такое движение искусства не вычислено мною с помощью рациональных соображений. Я ощутил это, совершенно неожиданно для себя, поздней осенью 1988 года. Завершая тогда работу над обобщающей книгой "Исторический синтаксис немецкого языка", которую я писал по-немецки, я весь погрузился в атмосферу этого языка. И произвольно меня потянуло к складыванию стихов на этом языке. Сначала к переводу моих русских стихов. А затем, когда несколько десятков русских оригиналов было в течение недолгого времени переведено, к написанию стихов немецких. И когда они стали возникать у меня, я вдруг заметил, что они несут с собой новую тему, какой в моих русских стихах не было. Эта тема сама собой сформулировалась как "новая человечность".

Лишь последующие события в Восточной Европе показали мне, что прокламирование в моих стихах, притом именно немецких, этой "новой человечности", возможно, не было чистой случайностью. Потому что в таком кардинальном изменении человеческого бытия, которое вскоре там свершилось, решающим были, конечно, экономические, политические, социальные процессы. Но если бы к этому времени не произошло какого-то сдвига и в ментальности народов этих стран, если бы в них не прозрела разгадка, хотя самая смутная, всей лживости того уклада, в котором они жили, не усилилось бы, пусть тоже лишь в самой смутной форме, стремление к свободе, революция на Востоке Европы тоже не могла бы произойти. Именно это, очевидно, и ощутилось мной в неясном виде, когда у меня возникли мои немецкие стихотворения о "новой человечности".

У меня уже прежде бывали дальние предчувствия о поворотах в социальной действительности и духовной жизни - и эти предчувствия меня не обманывали.

Конечно, "новую человечность" подстерегают еще бесчисленные угрозы. Вростание в новые условия, условия Западного мира, в рыночное общество, происходит с великим трудом. И чреватые не поддающиеся никаким рациональным предсказаниям угрозы, возникающие в Советском Союзе, зачинателе происходящих изменений, но теперь все более становящемся на путь жесткой имперской политики.

Но если взглянуть на будущее в более широкой перспективе, в рамках XXI века, то все же снова возникает вера в возможность создания "новой человечности" и ее искусства. Потому что после экологической волны в мире, которая превратилась уже в мощный поток, у самых различных людей, от элитарных до простых, стала крепнуть воля и к оздоровлению, к нормализации всего человеческого существования. Непредложно выяснилось, что самые прочные и благоприятные основы для нее дает демократия - подлинная, сбалансированная демократия, как она сложилась на Западе. Так что эпохальная линия развития человечества как будто уже намечена - если ее не прервет какой-нибудь безумец с ядерной бомбой в руке, - и она-то создаст расцвет того искусства, которое я здесь так неосторожно напророчествовал и которое окажется новым эпохальным искусством, искусством XXI века, сменившим эпохальное искусство XX века - модернизм.

Впрочем, путь к "новой человечности" сегодня потребует (и уже требует) бесстрашия. Нет ничего более трудного и изнурительного для художника, чем, раздвигая тысячелетиями накопленные пласты все усложняющегося мирового искусства, выйти к простоте непосредственного обращения души к душе, к мужеству прямо сказать о своем чувстве, не теряя уровень высочайшего искусства. Но так, только так и именно так окажется возможным превращение искусства - в первую очередь поэзии - в искусство подлинного диалога с читателем. И назовут это новое искусство не "новой человечностью", а как-нибудь совсем иначе. Но никак-то значения это не имеет.

Январь 1991 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЪЕЗДЕ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие россияне, писатели! Поскольку обсуждается устав, мне хотелось бы сказать два слова как человеку, не являющемуся членом Союза писателей, высказать свое непосредственное мнение по этому вопросу.

Мне всегда казалось и кажется сегодня, когда мы пытаемся измениться, пытаемся обновиться, что для писателя прежде всего важно не количество съездов, правлений, координаторов, председателей, секретарей, а сколько у него будет клубов писательских, сколько будет фондов, богатые ли это будут фонды, справедливые гонорары, литературные премии, сколько будет литературных журналов и газет.

Я думаю, что Союз, на мой непросвещенный взгляд, сегодня должен больше всего заботиться об этом. А творческая сторона, как хорошо сказал здесь Михаил Дудин, - это дело настолько индивидуальное, неповторимое, уникальное, что Союз писателей, я думаю, этим вообще не должен заниматься. Писатель - художник, и этим все сказано.

Несколько слов мне хотелось бы сказать, дорогие россияне, и о другом. В 1793 году Людовика XVI возвели на эшафот, он положил голову на плаху, и за несколько секунд до казни, когда голова Луи Капета скатилась в корзину, он поднял ее и спросил палача: "А что слышно об экспедиции Лаперуза?"

И действительно, может показаться, что это лишь загадка и тайна сознания. Дело совсем не в личности малосимпатичного короля. Смею вас уверить, что люди, в какой бы обстановке они ни находились, даже на последней черте, всегда думают о будущем. Я убежден, что если бы мы знали, что завтра наступит конец света, большинство из нас сегодня пошли бы сажать саженцы деревьев. Потому что некоторый оптимизм и жажда человеческой жизни, - самое главное, что заложено в нас, что свойственно личности, - в надежде на будущее.

И в этом смысле мне представляется чрезвычайно важным вот какое обстоятельство. Что мешает писателю быть настоящим писателем? Я думаю, что мешает политика, плохая политика. Так уж случилось, что на протяжении всех лет советской власти все Союзы писателей были литературным ведомством. Я сейчас назначен постановлением Верховного Совета республики председателем комиссии по приему архивов КПСС и КГБ. Я просмотрел документы, по которым ясно, что не только другие комиссары или министерства, но и само писательское корпоративное братство было самым настоящим бюрократическим ведомством, где все определялось сверху. Поэтому мне кажется, что одна из важных задач Союза - добиться творческой независимости от политики, хотя полностью от нее, в силу гражданственности человека, никто из нас полностью уйти не может.

В этом смысле мне хотелось бы сказать, что, решая свои профессиональные вопросы, мы должны видеть ту грозную опасность, которая нависает над нами, над обществом, над Россией. Она, может быть, пока не явная, не просматривается, но в действительности существует. Мастера словесности не имеют права забывать о ней.

За последнее время эволюция общественного развития в России прошла как бы несколько стадий. Большевизм потерпел поражение, особенно крупное в августе. Исторический маятник как бы сдвинулся к центру. Антитоталитарные силы, демократические силы получили наконец возможность осуществлять свои ре-

Дмитрий Волкогонов

формы, но это оказалось для них столь неожиданным, что они тоже впали в растерянность. К тому же, будучи в немалой степени некомпетентными, они делают свое дело слабо. Это чревато исключительно большой опасностью, так долго продолжаться не может, и если не будут приняты кардинальные меры реформаторского характера, то этот исторический маятник пойдет еще больше вправо, снесет их, эти хрупкие демократические структуры, и придет самый элементарный фашизм, вот тогда и наступит время жириновских. Мы не должны допустить такое развитие событий.

Я говорю об этом потому, что, как бы мы ни хотели уйти от политики, это сделать трудно, ибо мы все граждане нашего Отечества.

Здесь один из ораторов говорил о Лжи. Да, Ложь - это уникальное Зло. Мы долго жили во Лжи. Ни один писатель не может обойтись в своем творчестве без сферы морали или области истории. Нет ни одного произведения литературы, которое бы не касалось нравственных коллизий, так же мы не можем вырваться и из рамок истории, даже фантасты и то летают в будущее Истории. В этом смысле мне представляется исключительно важным, я бы сказал, чрезвычайно полезным - лучше изучать и знать собственную литературную историю, историческую летопись. Мы во многом посмотрим и на себя иначе, и на нашу историю, если будем больше знать о ней.

В последнее время у нас много говорят о Ленине. Я сейчас просматриваю документы, которые никогда не были опубликованы. Можно сказать, что 3724 документа "вождя" никогда не были опубликованы. Во многом именно те, которые делают портрет этого человека, оставившего наиболее глубокие вмятины на щите российской истории, наконец-то реальным, а не хрестоматийно-сусальным.

Задается вопрос, почему в течение семидесяти лет в "Полных собраниях сочинений" никогда не было этих произведений? Да потому, что эти произведения не работали ни на Ленина, ни на большевизм, ни на коммунистическую идеологию. Так и история советской литературы еще не вся нам введена и известна.

Все мы находимся сейчас в таком мучительном положении потому, что наступил настоящий переходный период. Он наступил именно сейчас, когда мы болезненно выскребаем из себя раба, догматику, когда мы пытаемся осмыслить свою многострадальную историю. Иногда при этом бывает полезно взглянуть на себя из будущего, из-за горизонта, пристально посмотреть на себя и на окружающий нас мир. И мне представляется, что наше время предстанет в этом случае перед нами временем смены эпох, когда из тоталитарно-бюрократического общества мы пытаемся перейти к цивилизованному, демократическому обществу.

Как советник Президента России, я просто обращаюсь с несколькими словами, которые он сказал российским писателям: "Мы просим, помогите прежде всего России своим талантом, любовью и верой".

И, заканчивая, я хочу сказать, что, базируясь в повседневные, мы прежде всего думаем о грядущем, достойном великого народа. Есть даже своеобразная тоска, если хотите, ностальгия, по этому грядущему. Настоящее никогда не завершено, а будущее всегда начато.

Спасибо.

Почтенные председательствующие и дорогие братья!
Прошу вас, не думайте, что я дал своему докладу столь зловещее название в приступе озорства. Я знаю, что многие люди ничего не желают слышать о смерти, быть может, есть такие и среди вас, и я ни в коем случае не хотел заманивать их на собрание, где им придется промучиться целый час. Кроме того, я мог бы изменить и вторую часть названия. Мой доклад мог бы называться не "Мы и смерть", а "Мы, евреи, и смерть", поскольку то отношение к смерти, о котором я хочу с вами поговорить, проявляем чаще всего и ярче всего именно мы, евреи.

Между тем вы легко вообразите, что привело меня к выбору этой темы. Это черед ужасных войн, свирепствующих в наше время и лишаящих нас ориентации в жизни. Я подметил, как мне кажется, что среди воздействующих на нас и сбивающих нас с толку моментов первое место занимает изменение нашего отношения к смерти.

Каково ныне наше отношение к смерти? По-моему, оно достойно удивления. В целом мы ведем себя так, как если бы хотели элиминировать смерть из жизни; мы, так сказать, пытаемся хранить на ее счет гробовое молчание; мы думаем о ней - как о смерти!

Разумеется, мы не можем следовать этой тенденции беспрепятственно. Ведь смерть то и дело напоминает о себе. И тут мы испытываем глубокое потрясение, словно нечто необычайное внезапно опрокинуло нашу безопасность. Мы говорим: "Ужасно!" - когда разбивается отважный летчик или альпинист, когда во время пожара на фабрике гибнут двадцать молоденьких работниц или даже когда идет ко дну корабль с несколькими сотнями пассажиров на борту. Особенное впечатление производит на нас смерть кого-нибудь из наших знакомых; если умирает известный нам Н. или его брат, мы даже участвуем в похоронах. Но никто бы не мог заключить, исходя из нашего поведения, что мы признаем смерть неизбежной и твердо убеждены в том, что каждый из нас обречен природой на смерть. Наоборот, всякий раз мы находим объяснение, сводящее эту неизбежность к случайности. Один умер, потому что заболел инфекционным воспалением легких - никакой неизбежности в этом не было; другой уже давно тяжело болел, только не знал об этом; третий же был очень стар и дряхл (вопреки напоянанию: "On meurt à tout âge"). Когда речь заходит о ком-нибудь из нас, евреев, можно подумать, будто ни один еврей вообще никогда не умирал от естественных причин. На худой конец, его залечил доктор, иначе он жил бы и поныне. Мы, прав-

да, допускаем, что рано или поздно всем придется умереть, но это "рано или поздно" мы умеем отодвигать в необозримую даль. Когда у еврея спрашивают, сколько ему лет, он бодро отвечает: "До ста двадцати осталось лет этак шестьдесят!"

Психоаналитическая школа, которую я, как вам известно, представляю, смеет утверждать, что мы - каждый из нас - в глубине души не верим в собственную смерть. Мы просто не в силах ее себе представить. При всех попытках вообразить, как все будет после нашей смерти, кто будет нас оплакивать и т.д., мы можем заметить, что сами, собственно говоря, продолжаем присутствовать при этом в качестве наблюдателей. И

лсты, экспедиции в дальние страны, опыты со взрывчатыми веществами. Нас при этом гнетет мысль о том, кто заменит матери сына, жене мужа, детям отца, если произойдет несчастный случай, - а между тем все эти предприятия необходимы. Вы знаете девиз Ганзы: "Navigare necesse est, vivere non necesse" ("Плывать мы обязаны, жить не обязаны"). Сравните его с еврейским анекдотом: мальчик упал со стремянки, и мать бежит за советом и помощью к раввину. "Объясните мне, - спрашивает раввин, - как еврейский мальчик попал на стремянку?"

Я говорю, что жизнь теряет содержательность и интерес, когда из жизненной борьбы исключена наивысшая ставка, то есть сама жизнь. Она становится пустой и пресной, как американский флирт, при котором заранее известно, что ничего не должно случиться, в отличие от любовных отношений в Европе, при которых обоим партнерам приходится помнить о постоянно подстерегающей их опасности. Нам необходимо чем-то вознаградить себя

МЫ И СМЕРТЬ

впрямь, трудно отдельному человеку проникнуться убеждением в собственной смертности. Когда он получает возможность предельно решающий опыт, он уже недоступен любым доводам.

Только черствый или злой человек рассчитывает на смерть другого или думает о ней. Мягкие, добрые люди, такие, как мы с вами, сопротивляются подобным мыслям, особенно если смерть другого человека может принести нам выгоду - свободу, положение, обеспеченность. А если все-таки случилось так, что этот другой умер, мы восхищаемся им чуть не как героем, совершившим нечто из ряда вон выходящее. Если мы враждовали, то теперь мы с ним примиряемся, перестаем его критиковать. De mortuis nil nisi bene, и мы с удовольствием допускаем, чтобы на его надгробии начертали малодостоверную хвалебную эпитафию. Но когда смерть настигает дорогого нам человека - кого-нибудь из родителей, мужа или жену, брата, сестру, ребенка, друга - мы оказываемся совершенно беззащитны. Мы хороним с ним наши надежды, притязания, радости, отвергаем утешения и не желаем замены утраченному. Мы ведем себя как люди из рода Азра, умирающие вместе с любимыми.

Однако подобное отношение к смерти накладывает глубокий отпечаток на нашу жизнь. Она обедняется, тускнеет. Наши эмоциональные связи, невыносимая интенсивность нашей скорби делают из нас трусов, склонных избегать опасности, грозящей нам или нашим близким. Мы не осмеливаемся затевать некоторые, в сущности, необходимые предприятия, такие, как воздушные по-

за это оскудение жизни, и вот мы обращаемся к миру воображаемого, к литературе, театру. На сцене мы находим людей, которые еще умеют умирать, да к тому же умереть могут только другие. Здесь мы удовлетворяем свое желание видеть саму жизнь, ставшую значительной ставкой в жизни, причем не для нас, а для другого. Собственно, мы бы ничуть не возражали против смерти, если бы она не полагала конец жизни, которая дается нам только один раз. Все-таки слишком это жестоко, что в жизни с нами может случиться то же, что в шахматной партии: один-единственный неверный ход может вынудить нас к признанию своего проигрыша, с тем, однако, отличием, что отыграться в следующей партии нам не удастся. В области вымысла мы находим то разнообразие жизней, в котором испытываем потребность. Мы умираем с одним из героев, но все-таки переживаем его, а при случае умираем еще раз с другим героем без малейшего для себя ущерба.

Что же меняет ныне война в этом нашем отношении к смерти? Очень многое. Наш договор со смертью, как я бы его назвал, перестает соблюдаться так, как прежде. Мы уже не можем упускать смерть из виду, нам приходится в нее поверить. Теперь люди умирают по-настоящему, и не единицы, а во множестве, подчас десятки тысяч в день. К тому же теперь это уже не случайность. Правда, может показаться, будто пуля случайно поражает одного и минует другого, но нагромождение смертей быстро кладет конец этому ощущению случайности. Зато жизнь, разумеется, снова становится интереснее, к ней возвращается полностью все ее содержание.

Здесь следовало бы разделить людей на две категории: тех, что сами участвуют в войне и рискуют собственными жизнями, следует отличать от других, которые остались дома и которым приходится только опасаться утраты близких, рискующих умереть от раны или болезни. Крайне интересно было бы, если бы мы обладали возможностью исследовать, какие душевные изменения влечет за собой у воюющих готовность к самопожертвованию. Но я об этом ничего не знаю; я, как и вы все, принадлежу ко второй группе, к тем, которые остались дома и дрожат за дороги им людей. По моему впечатлению, та апатия, тот паралич воли, что присущ мне так же, как другим людям, находящимся в том же положении, что я, определяются в большей степени тем обстоятельством, что мы более не в силах поддерживать прежнее отношение к смерти, а нового взгляда на нее еще не нашли. Быть может, нашей с вами переориентации будет способствовать попытка сопоставить два разных отношения к смерти - то, которое мы вправе приписать древнему человеку, человеку первобытных времен, и другое, то, что сохраняется в каждом из нас, но незаметно для нашего сознания таится в глубочайших пластах нашей душевной жизни.

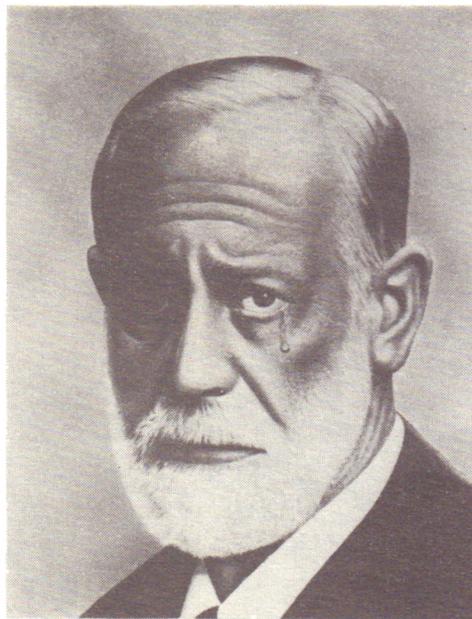
До сих пор я не сказал вам, дорогие братья, ничего такого, чего бы вы не могли знать и чувствовать так же хорошо, как я. А теперь мне выпадает возможность сказать вам нечто, о чем вы, быть может, не знаете, а также нечто другое, что наверняка вызовет у вас недоверие. Мне придется с этим смириться.

Итак, каким же образом относился к смерти первобытный человек? Его отношение к смерти было весьма примечательно и лишено какой бы то ни было цельности, но скорее даже противоречиво. Однако впоследствии мы поймем причину этой противоречивости. Человек, с одной стороны, принимал смерть всерьез, признавал ее уничтожением жизни и в этом смысле пользовался ею, но, с другой стороны, отвергал ее, начисто ее отрицал. Почему это возможно? Потому, что к смерти другого, чужака, врага он относился в корне иначе, чем к собственной смерти. Смерть другого не вызвала у него возражений, он воспринимал ее как уничтожение и жаждал ее достичь. Первобытный человек был страстным существом, свирепым и коварным, как звери. Никакой инстинкт, имеющийся, по общему мнению, у большинства диких зверей, не препятствовал ему убивать и разрывая на куски существо своей же породы. Он убивал охотно и не ведая сомнений.

Древняя история человечества также полна убийств. И сегодня древняя история в том виде, как ее изучают наши дети в школе, представляет собой, в сущности, череду геноцидов. Смутное ощущение вины, изначально присущее человечеству, во многих религиях воплотившееся в признании исконной виновности, первородного греха, представляет собой, по всей видимости, память о преступлении, за которое несут ответственность первобытные люди. Из христианского вероучения мы еще можем вынести догадку о том, в чем состояло это преступление. Если сын Божий принес свою жизнь в жертву, чтобы искупить первородный грех человечества, то, согласно закону талиона, предписывающему воздаяние мерой за меру, этим грехом было убийство, умерщвление. Только оно могло потребовать в качестве возмездия такой жертвы, как жизнь. А поскольку первородный грех был

виной перед Богом-отцом, значит, наидревнейшим преступлением человечества было, по всей видимости, умерщвление прародителя кочующим племенем первобытных людей, в памяти которых образ убитого позже преобразился в божество. В своей книге "Тотем и табу" (1913) я постарался собрать аргументы в пользу такого понимания изначальной вины.

Впрочем, разрешите мне заметить, что учение о первородном грехе не изобретено христианством, а представляет собой часть древнейших верований, которая долгое время сохранялась в подземных течениях разных религий. Иудаизм тщательно отодвинул в сторону эти смутные воспоминания челове-

чества, и, быть может, именно поэтому он лишился права быть мировой религией.

Давайте же вернемся к первобытному человеку с его отношением к смерти. Мы слышали, как он относился к смерти чужака. Его собственная смерть была для него точно так же невообразима и неправдоподобна, как ныне для любого из нас. Однако для него был возможен случай, когда оба противоположных представления о смерти смыкались и вступали между собой в конфликт, и этот случай имел огромное значение и был чреват далеко идущими последствиями. Речь идет о случае, когда первобытный человек видел, как умирает кто-то из его близких - жена, ребенок, друг - которых он любил совсем так же, как мы любим своих близких, потому что любовь - чувство ничуть не менее древнее, чем кровожадность. Так он убеждался на опыте, что человек может умереть, потому что каждый из тех, кого он любил, был частью его "Я", но, с другой стороны, в каждом из этих любимых была и частица ему чуждая. Согласно законам психологии, которые верны и поныне, а в первобытные времена власть их распространялась еще шире, чем теперь, эти любимые оказывались одновременно также и чужаками, врагами, вызывавшими также и враждебные чувства.

Философы утверждают, что интеллектуальная загадка, которую картина смерти загадывала первобытному человеку, понуждала его к размышлению и становилась отправной точкой любого его умозрительного рассуждения. Я бы хотел поправить и ограничить этот постулат. Не интеллектуальная загадка и не каждый случай смерти, но конф-

ликт чувств при виде смерти любимого и при этом все же чужого и ненавистного человека раскрепостил человеческую пылкость. Много позже из этого конфликта чувств родилась психология. Первобытный человек уже не мог оспаривать смерть, в своем горе он отчасти узнал на собственном опыте, что это такое, но вместе с тем он не хотел ее признавать, потому что не мог вообразить умершим самого себя. Тогда он пошел на компромисс: он допускал смерть, но отрицал, что она есть то самое уничтожение жизни, которого он мысленно желал своим врагам. Над телом любимого существа он выдумывал духов, вообразил разложение индивидуума на плоть и душу - первоначально не одну, а несколько. Вспоминая об умерших, он создавал себе представление об иных формах существования, для которых смерть - это лишь начало, он создавал себе понятие загробной жизни после мнимой смерти. Это дальнейшее существование было поначалу лишь расплывчатой, бессодержательной и пренебрегаемой добавкой к тому, которое завершалось смертью, оно еще носило черты убогости. Позвольте мне привести вам слова, в которых наш великий поэт Генрих Гейне - впрочем, в полном соответствии со стариком Гомером - заставляет мертвого Ахилла выразить свое пренебрежительное отношение к существованию мертвых.

*Любой ничтожнейший мещанин,
Живущий среди родных равнин, -
И тот блаженней стократ,
Чем я, усопший герой великий,
Что в царстве мертвых зовусь владыкой.*

И только позже религии удалось придать этому посмертному существованию достоинство и полноценность, а жизнь, завершаемую смертью, низвести всего-навсего до подготовки к нему. Затем, со всей последовательностью, жизнь была продолжена и в сторону прошлого: были придуманы предыдущие существования, второе рождение и переселение душ, и все это преследовало цель лишить смерть ее значения, состоявшего в отмене жизни. Весьма примечательно, что наше Священное писание не приняло в расчет этой потребности человека в гарантии его предсуществования. Напротив, там сказано, что Бога славят только живой. Я предполагаю - а вы безусловно знаете об этом больше, чем я, - что иудейская религия и литература, базирующаяся на Ветхом завете, по-другому относилась к учению о бессмертии. Но я бы хотел отметить и этот пункт в ряду прочих, воспрепятствовавших иудаизму заменить другие древние религии после их упадка.

У тела умершего любимого человека зародились не только представления о душе и вера в бессмертие, но и осознание вины, страх перед смертью и первые этические требования. Осознание вины произошло из двойственного чувства по отношению к покойнику, страх смерти из идентификации с ним. Такая идентификация с точки зрения логики кажется непоследовательностью, поскольку ведь неверие в собственную смерть не было устранено. В разрешении этого противоречия мы, современные люди, также не продвинулись дальше. Древнейшее требование этики, возникшее тогда, но важное и теперь, гласило: "Не убивай". Первоначально оно касалось любимого человека, но постепенно

распространилось на нелюбимых, чужих, а в конце концов и на врага.

Теперь я хотел бы поведать вам об одном странном факте. В некотором смысле первобытный человек сохранился донныне и предстает нам в облике примитивного дикаря, который недалеко ушел от первобытных людей. Теперь вам естественно будет предположить, что этот дикий австралиец, житель Огненной Земли, бушмен и т.д., убивает без всякого раскаяния. Но вы заблуждаетесь, дикарь в этом отношении чувствительней цивилизованного человека, во всяком случае до тех пор, пока его не коснется влияние цивилизации. После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой, к женам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнотойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в свое селение и увидеть жену, пока не искупит совершенных им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным. Вы скажете: "Да, дикарь еще суеверен, он боится мести со стороны духов убитых". Но духи убитых врагов есть не что иное, как выражение его нечистой совести по причине содеянного им кровопролития.

Позвольте мне еще немного задержаться на этом древнейшем требовании этики: "Не убивай". Его древность и категоричность позволяют нам прийти к одному важному выводу. Было выдвинуто утверждение, что инстинктивное отвращение перед пролитием крови коренится глубоко в нашей натуре. Набожные души охотно этому верят. Теперь мы с легкостью можем проверить это утверждение. Ведь мы располагаем прекрасными примерами такого инстинктивного, врожденного отвращения.

Давайте вообразим, что мы с вами находимся на юге, на прекрасном курорте. Там разбит виноградник с отменным виноградом. В этом винограднике попадают также и змеи, толстые черные змеи, в сущности, вполне безобидные создания, их еще называют змеями Эскулапа. В винограднике развешаны таблички. Мы читаем одну из них - на ней написано: "Отдыхающим строго запрещается брать в рот голову или хвост змеи Эскулапа". Не правда ли, вы скажете: "В высшей степени бессмысленный и излишний запрет. И без него такое никому в голову не придет". Вы правы. Но мы читаем еще одну такую табличку, предупреждающую, что срывать виноград запрещается. Этот запрет скорее покажется нам оправданным. Нет уж, давайте не будем заблуждаться. У нас нет никакого инстинктивного отвращения перед пролитием крови. Мы потомки бесконечно длинной череды поколений убийц. Страсть к убийству у нас в крови, и, вероятно, скоро мы отыщем ее не только там.

Оставим теперь первобытного человека и обратимся к нашей собственной душевной жизни. Как вы, вероятно, знаете, мы владем

определенным методом исследования, с помощью которого можем обнаружить, что скрытых от сознания, - это своего рода глубинная психология. Итак, мы спрашиваем: "Как относится к проблеме смерти наше бессознательное?" И тут выясняется такое, чему вы не поверите, хотя для вас это также не является новостью, поскольку недавно я вам это уже описывал. Наше бессознательное относится к смерти в точности так же, как относился к ней первобытный человек. В этом плане, как и во многих других, в нас по-прежнему жив первобытный человек в его неизменном виде. Итак, бессознательное в нас не верит в собственную смерть. Оно вы-

нуждено вести себя так, будто мы бессмертны. Быть может, именно в этом кроется тайна героизма. Правда, рациональным обоснованием героизма является мнение, что собственная жизнь может быть не так дорога человеку, как некоторые другие всеобщие и абстрактные ценности. Но, по-моему, чаще мы встречаемся с импульсивным или инстинктивным героизмом, который проявляет себя таким образом, словно черпает уверенность в известном кличе саперов: "Ничего с тобой не случится!" - и заключается, по сути, в том, чтобы сохранить веру бессознательного в бессмертие. Страх смерти, которым мы страдаем чаще, чем нам кажется, являет собой нелогичное противоречие этой уверенности. Впрочем, чаще он имеет не столь древний источник и происходит по большей части от чувства вины.

С другой стороны, мы признаем смерть чужаков и врагов и прочим им смерть, подобно первобытному человеку. Разница лишь в том, что мы не в самом деле насылаем на них смерть, а только думаем об этом и желаем этого. Но когда вы согласитесь с существованием этой так называемой психической реальности, вы сможете сказать: "В нашем бессознательном все мы и поныне - банда убийц.

В тайных наших мыслях мы устраним всех, кто стоит у нас на пути, всех, кто нас огорчает или обижает. Пожелание "Черт бы его побрал!", которое, являясь безобиднейшим междометием, так часто вертится у нас на языке, в сущности, означает: "Смерть бы его побрала!" - и наше бессознательное вкладывает в него мощный и серьезный смысл. Наше бессознательное карает смертью даже за пустяки; как древнее афинское законодательство Дракона, оно признает смерть как единственную меру наказания преступника, из чего следует определенный вывод: каждый ущерб нашему всемогущему и самовластному "Я" является, в сущности, *crimen laesae majestatis*. Хорошо еще, что все эти свирепые

желания не наделены никакой силой. Иначе род людской уже давно бы прекратился, и не уцелел бы никто - ни самые лучшие и мудрые из мужчин, ни самые прекрасные и очаровательные из женщин. Нет, не будем заблуждаться на этот счет, мы по-прежнему те же убийцы, какими были наши предки в первобытные времена.

Я могу рассказывать вам об этом совершенно спокойно, потому что знаю, что вы мне все равно не поверите. Вы больше доверяете своему сознанию, отвергающему подобные предположения как клевету. Но я не могу удержаться и не напомнить вам о поэтах и мыслителях, которые понятия не имели о психоанализе, а между тем утверждали нечто подобное. Вот только один пример! Ж.Ж.Руссо в одной из своих книг обрывает рассуждения, чтобы обратиться к читателю с необычным вопросом: "Представьте себе, - говорит он, - что в Пекине находится некий мандарин (а Пекин был тогда еще дальше от Парижа, чем теперь), чья кончина могла бы доставить вам большую

выгоду, и вы можете его убить, не покидая Парижа, и, разумеется, так, что никто не узнает о вашем поступке, простым усилием воли. Уверены ли вы, что не сделаете этого?" Что ж, я не сомневаюсь, что среди собравшихся здесь почтенных братьев многие с полным основанием могут утверждать, что они бы этого не сделали. Но, в общем, не хотел бы я быть на месте того мандарина и думать, что ни одна страховая компания не заключила бы с ним договор о страховании жизни.

Ту же неприятную истину я могу высказать вам в другой форме, так что она даже доставит вам удовольствие. Я знаю, все вы любите слушать шутки и остроты, и надеюсь, вас не слишком заботит вопрос, на чем основано удовольствие, получаемое нами от таких шуток. Есть категории шуток, называемых циничными, причем они относятся далеко не к самым худшим и не к самым плоским. Открою вам, что тайну таких шуток составляет искусство так подать скрытую или отрицаемую истину, которая сама по себе звучала бы оскорбительно, чтобы она могла даже порадовать нас. Такие формальные приемы по-прежнему вас к смеху, ваше заранее заготовленное мнение оказывается обезоружено, а потому истина, которой вы в ином случас

оказали бы отпор, украдкой проникает в вас. Например, вам знакома история про человека, которому в присутствии компании знакомых вручили траурное извещение, а он, не читая, сунул листок в карман. "Разве вы не хотите знать, кто умер?" - спрашивают у него. "Ах, какая разница, - гласит ответ, - в любом случае у меня нет возражений". Или другая, про мужа, который, обращаясь к жене, говорит: "Если один из нас умрет, я перееду в Париж". Это циничные шутки, и они бы не были возможны, если бы в них не сообщалась отрицательная истина. Как известно, в шутку можно даже говорить правду.

Дорогие братья! Вот еще одно полное совпадение между первобытным человеком и нашим бессознательным. И тут, и там возможен такой случай, когда оба устремления, одно - признать смерть уничтожением, а другое - отрицать ее существование, сталкиваются и вступают в конфликт. И случай этот для нашего бессознательного тот же, что и у первобытного человека: смерть или смертельная опасность, грозящая любимому человеку - кому-нибудь из родителей, супругу, брату или сестре, детям или близким друзьям. Эти любимые люди, с одной стороны, внутренне принадлежат нам, входят в состав нашего "Я", но, с другой стороны, они отчасти и чужие нам, то есть враги. Самым сердечным, самым задушевным нашим отношениям, за исключением очень немногих ситуаций, всегда присуща крошечная доля враждебности, дающая толчок бессознательному пожеланию смерти. Но из конфликта обоих стремлений уже рождается не понятие о душе и не этика, а невроз, который позволяет нам глубже познаться и с нормальной душевной жизнью. Изобилие преувеличенно нежной заботы между членами семьи покойного и совершенно беспочвенные упреки, которыми они сами себя осыпают, открывают нам глаза на распространенность и важность этого глубоко запрятанного пожелания смерти.

Не хочу далее рисовать вам эту оборотную сторону картины. Скорее всего, вы бы ужаснулись, и ужаснулись не напрасно. Природа и здесь устроила все тоньше, чем это сделали бы мы. Нам бы наверняка в голову не пришло, что такое соединение любви с ненавистью может послужить к нашей же пользе. Однако пока природа работает с таким противоречием, она заставляет нас все время будоражить нашу любовь и подновлять ее, чтобы защитить ее от таящейся за нею ненависти. Можно сказать, что прекраснейшие проявления любви существуют благодаря реакции против жала страсти к убийству, которое мы ощущаем у себя в груди.

Подведем итог: наше бессознательное так же недоступно для представления о собственной смерти, так же кровожадно по отношению к чужим, так же двойственно (амбивалентно) по отношению к любимым людям, как первобытный человек. Но как же далеко ушли мы с нашей культурной точкой зрения на смерть от первобытного состояния!

А теперь давайте мы с вами еще раз посмотрим, что делает с нами война. Она смыкает с нас позднейшие культурные наслоения и вновь выпускает на свет живущего в нас первобытного человека. Она снова заставляет нас быть героями, не желающими верить в собственную смерть, она указывает нам, что чужаки - наши враги, чьей смерти надо добиваться или желать, она советует нам переступить через смерть тех, кого мы любим. Таким образом, она колеблет наши культурные договоры со смертью. Однако войну упразднить невозможно. Покуда не исчезнут столь огромные различия в условиях существования разных народов и не прекратится столь сильное отталкивание между ними, до тех пор

будут и войны. Но возникает вопрос: не следует ли нам уступить и поддаться им? Не следует ли нам признать, что мы с нашим культурным отношением к смерти психологически жили выше, чем нам положено, и должны поскорее повернуть обратно, смириться с истиной? Не лучше ли было бы вернуть смерти в действительности и в наших мыслях то место, которое ей принадлежит, и понемногу извлечь на свет наше бессознательное отношение к смерти, которое до сих пор мы так тщательно подавляли? Я не могу призывать вас к этому как к высшей цели, поскольку прежде всего это было бы шагом назад, регрессией. Но наверняка она способствовала бы тому, чтобы сделать для нас жизнь более сносной, а ведь нести бремя жизни - долг всех живущих. В школе мы слышали политическое изречение древних римлян, гласившее "Si vis pacem, para bellum". Хочешь мира - готовься к войне. Мы можем изменить его сообразно нашим нынешним потребностям: "Si vis vitam, para mortem". Если хочешь вынести жизнь, готовься к смерти.

Перевела Елена Баевская

Перед нами лекция Зигмунда Фрейда, прочитанная в Вене 16 февраля 1915 года и опубликованная в газете "Ди Цайт" №30 за 1990 год. Цитируя Геббеля, Фрейд относит себя к "тому сорту людей, которые нарушили покой мира", что подтверждает и предлагаемая лекция. Для широкой публики тема смерти никогда не была желательным предметом обсуждения. Между тем проблеме смерти и отношения человека и общества к смерти Фрейд посвятил как фрагменты своих фундаментальных исследований ("Тотем и табу", 1913 г., "Я и Оно", 1923 г.), так и отдельные труды ("По ту сторону принципа удовольствия", 1920 г.). Ученый распространил законы повторения видового развития (филогенеза) в индивидуальном (онтогенезе) на сферу психической деятельности человека: в частности, в формировании отношения человека к смерти он увидел влияние глубоких мотивов, отмеченных у первобытных племен и современных примитивных народов. Им описана амбивалентность влечений к священному запрету (табу), в том числе и к табу властителей, табу врагов и мертвецов. Именно в свете психологического анализа этнографических и религиозных истоков амбивалентных чувств к смерти прочитана и эта лекция. В дальнейшем Фрейд развил и другую систему аргументов, объясняющих наличие у человека влечения к смерти. Он рассмотрел влечение к смерти сквозь призму энергетической целесообразности и увидел в нем своего рода "энергетическую яму", бессознательную тенденцию к

саморазрушению и возврату в неорганическое состояние. Такое толкование мы находим в последнем труде Фрейда "По ту сторону принципа удовольствия", где автор углубил метапсихологическую интерпретацию проблем жизни и смерти.

А.В.Пальчик

■ 17 июня 1962 г.

Уважаемый Адриан Владимирович!

Я давно вам не писала из-за дикой бестолочи и беспорядка, которым всегда сопровождается моя московская жизнь. Опухоль у меня рассосалась, лечили от туберкулеза. Очевидно, она действительно туберкулезная.

Я уже пять дней в Тарусе (ул. Либкнехта № 29 - Степиной; для Мандельштам) - устранилась на новом месте.

Напишите мне, что нового с вашей статьей - трудно вам приходится с редакционным ап-

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

С грудью у меня ничего не кончилось - вернее, все началось сначала. Я задержала отчет, потому что мне опять ее разрезали. Тьфу... Куда вы едете летом? Держите меня в курсе дел с книгой. И о составе я думаю: пусть снимают что хотят. Орлов опытный человек, а действительно важно, чтобы она вышла.

■ 3 октября <1962 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Устав от тарусской бездомности (этой зимой там уже совсем негде было жить, потому

Надежда Мандельштам

что вырвусь на несколько дней в Ленинград. Прочно вы сейчас здесь будете?

Первый рассказ Солженицына - "Случай на станции" - по-моему, потрясающий. Мне даже хочется позвонить ему. Я бы заставила его прочесть в обязательном порядке всех преподавателей школ и вузов. Но это бесполезно: они все равно не поймут. Они даже не сообразят, что играли (вместе со мной) некоторую роль в формировании этого положительного героя. Он точен абсолютно. Я его

ПИСЬМА А. В. МАКЕДОНОВУ

паратом? Много отгрызают? Не пали ли вы духом? Не падайте. Пришлете ли вы мне ее? Очень бы хотелось.

А что вообще с изданием? Не застопорило ли? Напишите.

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

Ваша Н. Мандельштам

■ 3 июля <1962 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Спасибо за добрую весть и за повторное приглашение. Но сейчас у меня как раз очень просто с комнатой: я сняла на лето дачу, где живу с приехавшим из Москвы братом. Сложность в общем неустройстве, которое еще связано с пропиской. Ведь я должна жить там, где прописана, чтобы получать пенсию. Прописана я в Тарусе, где летом очень дорого, а зимой негде жить. Права на площадь у меня нет нигде, потому что в лагере я не была, а заживаться мне нигде не давали - выкидывали при каждой бдительности со службы. В Москву вернуться мне не удалось (речь шла о прописке, а Сурков даже пробовал дать комнату, но, встретив сопротивление, раздумал). Я тогда ушла с работы в Чебоксарах, когда мне "дали" комнату, а от зимовок в диких условиях я уже лезу на стены... Вот приблизительно содержание моей бездомности, в которой никто мне помочь не может. Все по закону. Жалобы Анны Андреевны, по-моему, излишни.

Вы совершенно правы, что приспособливаете свою статью об О.М. к требованиям редакции. Самое главное, чтобы вышла книга. Вы помните, я даже беспокоилась, что вам трудно будет найти тот жесткий тон, который потребуется для выхода книги. Ради бога, найдите его. Но не выбрасывайте своих 6 листов; я уверена, что они вам еще пригодятся для будущей работы.

Пришлите мне все, что сможете. Мне очень интересно прочесть.

Надежда Мандельштам.

что заболел хозяин того дома, где я эти годы зимовала, и остался в Тарусе), я поехала на работу в Псков. Здесь тоже негде жить (мне сняли комнату на 2 месяца, плачу я, но хоть есть чем, и продолжают искать дальше). Пришлите мне сюда свою статью и напишите, что делается дальше. Неужели все нормально идет? Или, может, уже остановилось? Интересно, когда мне официально сообщат о том, что издается О.М.? Пишите: "до востребования", т.к. у меня по обыкновению нет адреса. Если я поработаю лет десять, я смогу купить дом в Тарусе. Привет Раисе Абрамовне.

Надежда Мандельштам.

■ 8 февраля 1963 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Приняла экзамены и сегодня еду до 17-го в Москву. Письмо получить успела. Думаю,

знала, потому что работала в школе с 38 года. И он кончился, несмотря на усилия педагогов. Во втором меня смущает, что цельность праведницы слишком целенаправленная. Я чаще видела слои и изрядный ум.

Как вам понравилась переписка Ермилова с Эренбургом? Ермилов смело признается, что он был сторонником террора. Так как он не дурак, ясно, что он тоже кое о чем молчит. Жена Вишневого - мне вроде родственница - восклицала, когда уводили ее друзей: "Опять предатели!" Дама она была вполне буржуазная. Меня она спросила: "Почему Ося написал эти стихи? Ведь он получил квартиру! Разве царь давал писателям квартиры?" Так разговаривал Лаврушинский переулком.

Если бы я могла запретить Ермилову упоминать имя О.М., я бы это сделала. Хотя это полезно. Но ручаюсь, что имя О.М. ему вставили в "Известиях".

Остановлюсь я в Лаврушинском (17 кв.47). В 19185, у брошенной жены Шкловского.

Хочу повидаться. *Н. Мандельштам.*

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

■ 12 апреля <1963 г.>

Адриан Владимирович!

Спасибо за добрые слова - "я к величаниям еще не привык"... Очень прошу вас - сообщите, если что будет с изданием (в ту или другую сторону - надо знать, а к плохому я привыкла).

Пришлете ли вы мне свою статью? Очень хотелось бы. Но это не в порядке "настороженности" - ее не было. Голос, которым вы говорите об О.М., сразу показался нам с А.А. очень хорошим. И для нас интересно то, что это новое. Наши современники, если они живы, уже не говорят - они немые. И среди них было много эстетов - их мы не любим и боимся. То, что пришли другие люди и слои людей, которым понадобились стихи, это огром-

ное счастье. Но молодые еще говорить не научились - эти мычат... Говорить очень трудно. Кроме того, я глубоко убеждена - это тот демократизм, который в крови, - что поэт это общее достояние и каждый судит о нем со своих позиций; самое главное - не свое, а чужое мнение. В этом тоже глубокое отличие от Пастернака.

Операции у меня сейчас не будет. Подтвердился туберкулез; от него не лечат. Курс - месячный. А после него решится, что нужно будет. Итак, все отложено на месяц. Если удастся избежать операции, буду в Тарусе в середине мая.

Сердечный привет Раисе Абрамовне.
Н.Мандельштам.

■ Конец апреля 1963 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Что-то вы умолкли? Что там с предисловием? Надо ругнуть старика О.М.? Ну и ругните...

На этот раз я приеду в Ленинград (буду на майские дни и захвачу еще дня 2). Надеюсь повидаться.

Привет Р.Абр.

Н.М.

■ Осень 1963 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Вы, вероятно, знаете, что книга О.М. опять "отложена" лет на десять, я думаю. Почему книга отложена, мне вполне понятно. Пастернак двинулся после письма вдовы наверх. Ее письмо передали - вся история последних лет так нашумела, что ее письма передают. Этой возможности у меня нет, и книга будет лежать годами, как уже лежала (8-й год)... Летом предлог был - статья. Какой сейчас? Если опять статья, не огорчайтесь. Статья здесь ни при чем. Если когда-нибудь книга выйдет, то именно с этой статьей. Дело, поймите, не в ней, а в Орлове, в Люсечевском (так он?) и т.д. ... И Орлов бы рад, только с гарантией, что все будет ему улыбаться, а Люсечевский ни при каких обстоятельствах рад не будет. На такое ему плевать... Вот и все...

27 декабря исполняется 25 лет со смерти О.М. ... Вспомните его в этот день.

Если вам не лень, вспомните и меня и черкните... (Псков, Главпочтамт, до востреб.).
Н.Мандельштам.

Привет Раисе Абрамовне.

Я написала это письмо главным образом для того, чтобы вы ни на минуту не думали, что задерживает предисловие, и чтобы вы не огорчились по этому поводу. Было время, когда во всем был виноват главный редактор... Потом он действительно упустил момент, но еще бабушка надвое сказала, что бы было, если бы не упустил.

■ 3 ноября 1963 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Спасибо за письмо... Но последовательность: Заболоцкий, Марина, промежутки, О.М. - и означает 10 лет... И в десять лет я не верю. Я уже много раз говорила, десять лет... А уже со смерти О.М. прошло 25 (27 декабря). А чего они добьются, не печатая О.М.? Это психология: прятать голову под крыло.

О людях, бывших с О.М. ... Я уже обследовала многих... Есть откровенные вруны. Зачем? Не знаю... Рассказы великой пошлости и поэтизации. За эти годы я собрала все реальное и сумела проанализировать мифотворчество. Кто приезжал к Волошиной? Если человек с реальным рассказом, он уже говорил со мной (скорей всего). Если мифотворец, естественно, он меня избегает. (Я не брезговала ими, чтобы отделить "тьму от света, брех от истины".) Картина в общих чертах ясна... Сама Волошина несет чепуху, - она принадлежит к такой литературной школе... Бог с ней... Большинство идиотских рассказов об О.М. идет из Коктебеля.

Работаю я, вероятно, последний год. Работать легко, а вот жить невозможно. Говорят, мне помогут уйти с работы - снимут кандидатскую зарплату. Ждут этого к 1-му января. Тогда уж я вернусь на пенсию. Но куда? Должно быть, в Тарусу.

Сердечный привет Р.А. Скажите ей, что хорошей шерсти не достать. Если будет, я куплю ей на кофточку (если она не раздумала) и напишу.

В Ленинград пока не собираюсь. Анна Андреевна в Москве, а дел у меня там нет. Псков очень красив. Древняя архитектура, смешавшись с деревьями и безобразными современными домами, создает поразительный эффект. Очень это утешает.

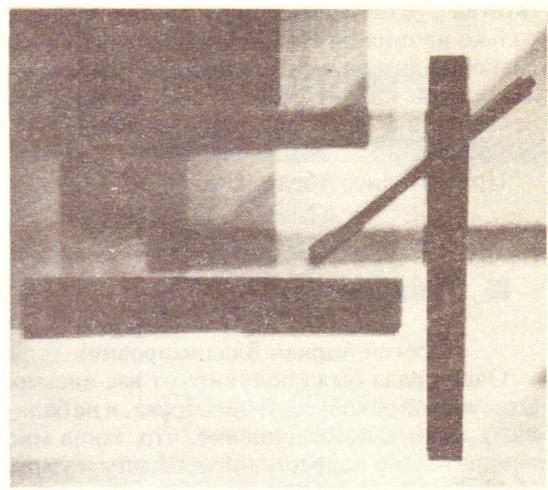
Не забывайте ... *Н.М.*

■ 11 декабря 1963 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Вы отчаянный оптимист - я уже это заметила. Письмо ваше меня таки тронуло. Но все не так просто. Зачем им печатать Мандельштама? Они так старались, а он нет. Где же теперь справедливость, что его сейчас будут печатать и читать, а их нет... Думаю, если спрашивали, кто подписывается на О.М., то чтобы сфальсифицировать сведения (очень неприятно было, что была массовая подписка) для иностранцев, скажем, и объяснить им, что такого поэта народ не хочет. А то иностранцы - нахалы. В Софии на съезде славистов 2 доклада об О.М. ... Нехорошо...

Однажды наверх я уже писала. Меня обступили друзья и утверждали, что О.М. не печатают из-за меня. Они заставили меня написать такое письмо, как вы мне предлага-

ете. Оно дошло до некоего Гая и там застряло. Гай вежливо откликнулся по телефону. В те же дни он подписал статью с Эльсбергом... Имя его отца я не слышала... Для того чтобы письмо передали, нужен не литературный западный скандал, как был с Пастернаком. После этого нельзя скрыть, что Пастернак поэт. Иначе можно...

Это не мой пессимизм. Я не пессимистка. Имя О.М. растет. Он свою работу делает. И я тоже. Это просто трезвая оценка положения. Люди, которые сейчас у литературного корыта, не хотят и не могут терпеть соперников. Им нужны условия охранительные, протекционная система, вроде высоких пошлин. Сурков один из них, хотя и гораздо литературнее и благороднее. Но он с ними спорить не станет. А Твардовскому дела до О.М. нет. Он анти-интеллигент. Свое дело он делает, и здорово делает. А в чужие мешаться не будет. Я уже думаю только о судьбе интеллигенции, и выводы у меня на сегодня очень оптимистические. *Н.М.* ...

Привет Р.А. Узнайте, что там была за подписка. Кое-кто из редколлегии клянется, что книгу выпустят скоро... Но это в частных разговорах, когда люди наступают с кулаками.

■ Февраль 25 1964 г.

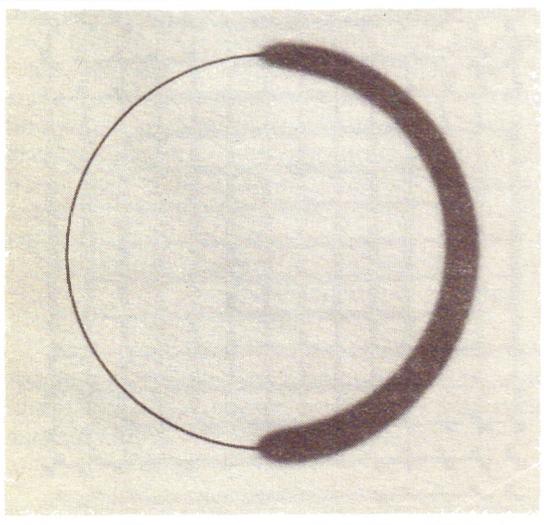
Дорогой Адриан Владимирович!

Спасибо вам за добрые письма. Я долго вам не отвечала, потому что была в Москве на каникулы (10 дней).

Вы пишете, что О.М. будет напечатан. Похоже. Но буду ли я к этому времени жива? Пока что книги нет 36 лет. Счастье, что он все же не забыт.

Сейчас я в плохом виде. Видно, нельзя вечно держаться. И я сдала внезапно и полностью. Убила меня история с Бродским. А.А. действительно высоко ставит его стихи. Мне они абсолютно чужды. Но он, по-моему, настоящий поэт. Это даже не значит, что он останется в литературе; поэтов больше, чем тех, кто остается. Предсказать это почти невозможно. Ведь был момент, когда всем казалось, что Городецкий останется. А был ли он вообще поэтом? А Бенедиктов? И с другой стороны - кто знал Анненского? Кто при жизни понимал Тютчева?

С Мандельштамом было так - многие ставили на него и клялись им; а сколько людей считали, что это бред... Все бытовки, например, из Союза писателей двадцатых годов... Или круги дореволюционного "Русского Бо-

гатства". Что можно знать, когда человек только начинает? Начинает Б. очень своеобразно, но думаю, что ему выбьют зубы прежде, чем он найдет себя. А смог ли бы Блок печататься в "Юности", живи он сейчас?

Н.М.

Привет Раисе Абрамовне.

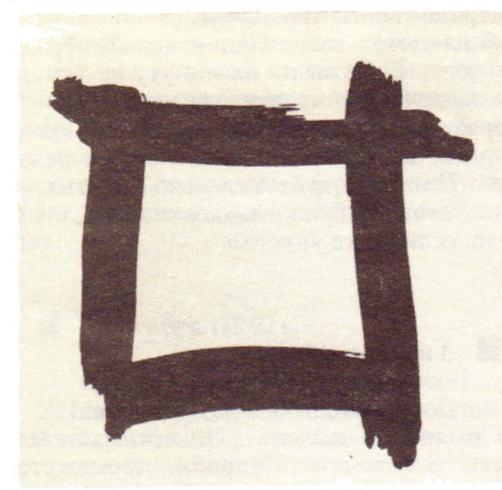
■ 30 марта <1964 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Очень рада была получить от вас письмо. Отвечаю на основном. Я не здорова, и не больна. У меня такое ощущение, что, когда мне окончательно надоеет, я просто лягу и умру. Иначе говоря, меня держит воля, которой больше не хочется жить. Вы пишете, что книга выйдет если не в 65, то в 66... Я слышу это давно от "Библиотски"... А положение между тем ухудшается. Это показывает история с мальчишкой. Здесь действовали силы нашего блаженного прошлого, преобразованные в инстинкты, в жажду разодрать что-то в клочья. Этим силам сейчас нет прямого выхода. Они подспудны, но действуют дружно, когда вырываются. Орлов все говорил, что он не печатает книгу из-за особого положения в Ленинграде. Я верю ему сейчас: в Москве совсем иначе, спокойнее и чище. Этой истории, мне кажется, в Москве бы быть не могло. Но, конечно, до идеала тоже далеко. Но где и когда был идеал? Только в ваших мечтах.

Чем мальчишка глупо себя вел? По Ленинграду были пущены слухи, компрометирующие его. Вплоть до альфонсизма и каких-то грязных фотографий. Их привозили в Москву, но там они не прошли. Но все же где-то наверху успели уверить людей, что даже стихи-то писал не он, а за него... Это здорово. Вы говорите, что его нельзя сравнивать с О.М., потому что другой масштаб. Во-первых, ему 24 года. Неизвестно, на что способен поэт, если он так начал в двадцать четыре года. А во-вторых, и это главное в моем понимании поэта (здесь есть элемент у меня, может, не рациональный, а чистой веры), это просто человек, и его судьба типична (и символична) для эпохи. Следовательно, не масштаб определяет (зачем нам табель о рангах?), а судьба и то, что в ней человеческого и - увя! - трагического. Так складывается жизнь, что эта символическая судьба трагична. Не сейчас, а давно и особенно на нашей земле. Может, именно потому, что в других странах поэзии не чувствуют, она проходит бочком. А у нас и у друзей, и у врагов отличный нюх. Сравнение с О.М., по-моему, не только законно, но и обязательно. Зачем же иначе бы жил О.М.?

Если мальчишка глупо вел себя тем, что не мимикрировал и не поступил на службу, как все, то и здесь у меня есть объяснение. Если бы он был способен на это, он бы не был поэтом. Поэт потому и человек, что он может быть только собой. Мало того, он мог усидеть в Москве, а не приезжать в Ленинград. Там бы его не тронули, и все бы постепенно уладилось. Но это неумение уходить от судьбы тоже характерно для этой человеческой породы. Ведь он знал, на что идет. Ничего не поделасшь... Вы, конечно, имеете право говорить, что выжить можно. Но опять-таки человек этой злосчастной породы вряд ли может, потому что он всегда и с диким упорством остается собой и не умеет находить выхо-

да. "Умно" вести себя могла я, но не О.М. Единственное, что люди вокруг него могут принять его за юродивого и быть добры к нему. Меня часто принимали за это самое и бывали добры (в деревнях, в рабочих семьях и в рабочей среде). Но кто-там собрался, как это выглядит и как они сохранили "ценности", т.е. в данном случае жалость к юродивым? Кто его знает, да, может, и не в этом дело...

Я впала в острый пессимизм, и мне стало очень трудно работать. Мне кажется, что я нахожусь в самом центре нашего будущего: мы выпускаем учителей, которые идут к детям. И это очень страшно. Это опять "о ценностях", о том, что и есть "культура". Какие "ценности" у моих студентов? Пора мне на печку... Кстати, сейчас немного иной состав студентов, чем был раньше. В прошлых вузах было много ребят из колхозов, и они отчаянно верили в науку и в знание...

В Москве что-то пробуют сделать, чтобы меня прописать. Моссовет уже дал разрешение. Но еще есть десять разрешающе-запрещающих инстанций... Так или иначе, с работы я уйду.

Как будто я вам изныла все что могла... Простите за пессимизм. Уеду я отсюда в начале июня. Как институтка, считаю дни.

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

Н.М.

■ 30 января <1966 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Пишу вам домой, потому что не знаю, куда вам писать.

Последнее ваше письмо про Ручьева (так его, кажется). Мне передал когда-то его рассказ и его адрес Слуцкий. Я ему написала, и он ответил.

Рассказ чистая липа, во всяком случае, в том виде, в котором передал мне Слуцкий ("на руках", урки и весь арсенал). Но я собираю и липу.

Ручьев один из тех людей, которые щедро пожертвовали О.Э. лишней годик жизни, чтобы сплести романтический рассказ "смерть поэта".

Последний вариант, дошедший до меня: умер при перевозке на Кольму. Похоронен по морскому обычаю - сброшен в океан.

Я думаю еще раз написать Ручьеву; может, на этот раз он мне ответит.

Нам явно надо повидаться. Когда вы будете в Ленинграде?

Я принимаю 7-го экзамен. С 9-го по 17 я в Москве. Вдруг вы тоже будете в эти дни в Москве.

Привет Раисе Абрамовне.

Н.Мандельштам.

■ Лето 1966 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Постараюсь ответить вам на ваш вопрос. Рада, что вы не расстанетесь с О.М.

1) Городецкий - редкий мерзавец, был, есть и будет. А.А. он называл "моя недоучка"...

2) Рождественский в своих мемуарах все про О.М. выдумал. Там нет ни одной цитаты, ни одного слова правды. Дрянью был, сю остался.

3) Зенкевич приличный человек, достоверный свидетель, хорошо помнит раннее прошлое. Как он сейчас, не знаю: стар. Он не отдалился и все время поддерживал отношения с А.А. Память О.М. хранит свято.

4) Жирмунский мало понимает в стихах, но человек высокого качества. С О.М. учился в Тенишевском. С ним - отношения хорошие. Очень хорошие. О.М. его очень ценил как филолога.

5) Остальные - Слонимский, Полонская, Гинзбург - младшее поколение (сверстников О.М. уже почти нет в живых). Встречи с ними были случайные. Помню, как-то были у Полонской. Берковский сюда же... Он умный. Лежнев приходил к О.М. за материалами для журнала. С сотрудниками журнала не встречались.

О периоде до 19-го года знает сейчас только Жирмунский и Зенкевич. Наш круг вымер.

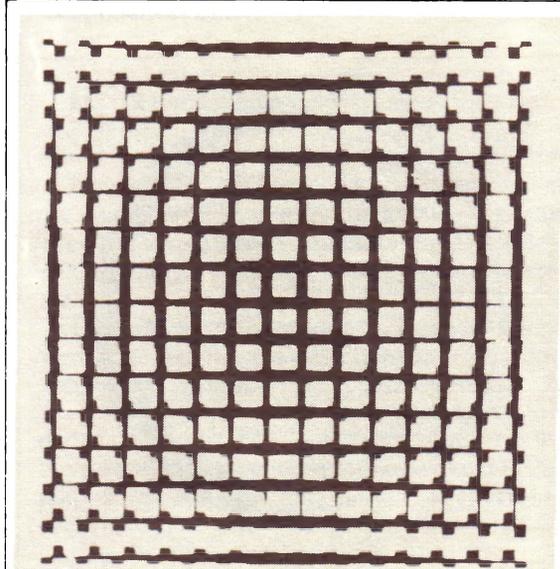
Лукницкий знал О.М. в 1925 году. Может что-нибудь вспомнить. Он человек довольно внимательный.

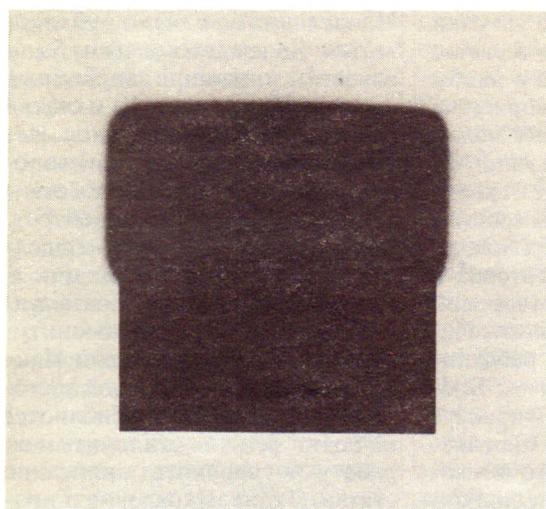
Вообще, в НЭП жили одинаково. В Москве. Вокруг были "младшие" - поэты и кое-кто из молодых прозаиков. Тот же Катаев - в Ленинграде Давид Выгодский. Б.Лившиц - их нет. Маргулис (погиб) - жива вдова - Иза Ханцин. Играла ему Скрябина.

Будете в Москве, заходите. Есть что показать. Я в Ленинград не могу - после смерти А.А. - нет на это сил.

Привет Раисе Абрамовне.

Надежда Мандельштам.

Напрасно вы остерегаетесь Л.Я. Гинзбург - она не виновата в том, что произошло. И не хотела этого делать из-за вас, но ее уговорили ради О.М. Она была бы вам рада.

■ 24 августа <1966 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Мне передали ваш совет... А что мне сказать о нем?

1. Моего письма не передадут.
2. Мои мотивировки никого не тронут - я могу сказать то, что говорят все вдовы: "У меня был такой гениальный муж!" Это весьма субъективно.
3. А если бы вовсе не было этой вдовы, у которой "маразм крепчал" и которую пора на Канатчикову?

Вероятно, поэт, который был ее мужем, никогда бы не напечатали... Логично?

Очень вас целую и хочу получить от вас весточку... (Таруса Калужской Либкнехта 29... Мне...)

Я бросила работу. В Москве меня прописали, но жить негде. Скоро мне будет 65, и я чувствую себя цветочком.

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

Надежда Мандельштам.

■ <1966 г.>

Милый Адриан Владимирович!

Рада была получить от вас весточку. Неужели вас только сейчас затоснило от разных форм?.. Меня всегда... Я лежу с плохой кардиограммой и жду от этого года только болезни. Номер с Орловым у меня есть, но прочесть его мне не захотелось. Громова пока у меня нет. Почему вы думаете, что ничто не помешает изданию Мандельштама? Предлог всегда найдется. Пока предлогом был Харджиев, потом вы, а дальше будет Лидия Яковлевна, или еще что-нибудь. Мне это тоже надоело.

Сердечный привет Раисе Абрамовне.

Надежда Мандельштам.

"Разговор о Данте" не вышел еще. В типографии я надеюсь получить экземпляры и пришлю вам.. А может, наоборот - придется вам доставить для меня? Так бывает.

■ 1 сентября <1967 г.>

Дорогой Адриан Владимирович!

Спасибо за письмецо. Я получила его на даче в Верее. 5 - 6 сентября возвращаюсь в Москву. Там на столе у меня лежат экземпляры "Разговора". Один из них - ваш. Но я с ужасом думаю о почте... Как это делается? Хоть бы достать конвертов... Пришлю, пришлю.

Хотела бы написать о вашем мнении Шаламову (т.е. о том, какие стихи вам понравились, а не то, что вы цените прозу выше - я тоже и гораздо выше), но ваш проклятый почерк... Боюсь напутать и обидеть моего тщеславного безумца Варлаама. Напишите ему вы. Он будет рад. Да поласковее: Москва А-284, Хорошевское шоссе №10 кв.2. Варлаам Тихонович. (Он уничтожил второе "а", но мы этого не допустим...)

Насчет тридцатилетия вопрос бы хорошо поднять (публично), но не беспокойтесь - этого не отметят. Ваш оптимизм вас не покидает... Ну ничего... Стерпим. И не то терпели...

Очень хотелось бы повидаться. В Ленинград я не хочу. Очень не хочу. После смерти А.А. это для меня невыносимо. Но, может, придется приехать. Тогда предупреджу письмом и позвоню.

Привет Раисе Абрамовне.

Н.Мандельштам.

А вдруг вы будете в Москве? Тогда дайте телеграмму, и я вам позвоню. Вот хорошо бы...

Марина Темкина

*Стихотворенье, город-государство,
Вселенную, чтоб жить, сооружу,
чтоб восходить и чтоб в Аид спускаться,
и воцарять, как нищий на пиру.*

*Хозяйствуем: пенька и жгут - "все в семью".
Для каждой сгнившей щепки свой учет
над океаном, что облапил землю
и тело вздыбившееся не отдает.*

*Им завладел необоримый Эрос,
подталкивающий, как изнутри
тем непочатым краем ритма древних,
что письменности знак изобрели.*

*Клокочет слог. Согласные дробятся.
Слои геологических пород
сродняются, сместясь, в другие братства,
как новый династический народ.*

*Дают - бери, присваивай и властвуй
простолюдинами словесных форм,
с мещанским гамом поддувая в раструб,
Иерихон напоминавший рот.*

Адриан Македонов

О ПИСЬМАХ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ И ПО ПОВОДУ

Предлагаемые для публикации письма Надежды Яковлевны Мандельштам представляют двойной интерес - и как документ, рассказывающий о важных событиях в жизни Мандельштама в сопоставлении с историей нашего общества, и как своеобразное литературное произведение - образец честной, вдумчивой прозы и душевного собеседования. Из писем ярко выступает и трагизм судьбы Мандельштама, и трагизм судьбы его вдовы, человека замечательного своей исключительной преданностью памяти и жизненному делу великого поэта. Ее выдающиеся личные и литературные качества в полной мере проявились и в письмах, и в воспоминаниях о Мандельштаме.

Необходимо некоторое пояснение истории этих писем и нашей переписки, многолетнего общения, перешедшего в настоящую дружбу.

Сначала поясню - как и когда возникла эта переписка. В 1962 году тогдашний главный редактор "Библиотеки поэта" Владимир Орлов заказал мне вступительную статью для предлагавшегося издания стихотворений Мандельштама, первого после многолетнего перерыва. И первого собрания, удовлетворяющего требованиям научного издания. Владимир Орлов не был поклонником Мандельштама, но все же отчетливо понимал, что необходимо издать его стихи, что нельзя дальше игнорировать его наследство. Эта инициатива Орлова выгодно выделялась на фоне тогдашних писаний наших официальных критиков и литературоведов о Мандельштаме. Большинство из них изображало Мандельштама упадочным или реакционным поэтом, на страницах ленинградского журнала "Звезда" ныне забытый всеми критик называл Мандельштама стихотворцем-декадентом. Были люди, которые писали о нем как о стороннике русского империализма или как агенте международной реакции. Всячески подчеркивали "чуждость" его русскому народу. И что особенно поразительно - Орлов не мог

поначалу найти в Ленинграде человека, который согласился бы написать вступительную статью к намечавшемуся изданию. Хотя было много людей, его чтивших, и хотя уже широко ходили по рукам машинописные копии его стихотворений. К тому времени я обратил на себя внимание некоторыми выступлениями на писательских собраниях против травли, продолжавшейся и после смерти Мандельштама. Для меня это было не только результатом многолетней любви к его творчеству, но и особым долгом по отношению к человеку, погибшему в сталинских лагерях. Мандельштам был уже официально реабилитирован, и тем не менее его стихи практически не печатались. Надо сказать, что среди членов тогдашней редколлегии "Библиотеки поэта" некоторые все же поддерживали необходимость издания его стихотворений, в их числе - Твардовский. Это было время пресловутой хрущевской оттепели, и я послал Твардовскому копии нескольких стихотворений Мандельштама с предложением опубликовать их в "Новом мире". Твардовский, однако, сказал, что не надо ограничиваться публикацией нескольких стихотворений, лучше подождать полной публикации его поэтического наследия. Тем более что и в это время прохождение через цензуру неопубликованных стихотворений Мандельштама представляло бы немалые трудности, несмотря на большой личный авторитет Твардовского. В этой ситуации Вл. Орлов и решил остановиться на моей кандидатуре в качестве автора предисловия. Я тогда был известен главным образом своими работами о Твардовском, Исаковском и других поэтах так называемой "смоленской школы".

Перед этим я через моего друга поэта Александра Гитовича познакомился с А.А.Ахматовой. Гитович был давним поклонником Ахматовой. Она ценила его как поэта и как мужественного младшего друга, который не только не прекратил с ней отношения во время травли, но всячески старался ее поддержать и подбодрить. Ахматова жила на даче в Комарове, которую к тому времени все же ей дали, - рядом с дачей Гитовича. Вполне понимая значение Мандельштама, Гитович был очень рад, что мне предложили написать вступительную статью для первого научного издания его стихов, и он посоветовал мне связаться с Ахматовой, а через нее и с вдовой Мандельштама, Надеждой Яковлевной, с которой Ахматова близко дружила. Ахматова высоко ценила

творчество Мандельштама и искренне считала его одним из величайших поэтов XX века.

Я написал большую статью объемом около четырех печатных листов и по совету Гитовича решил показать ее Ахматовой. Ахматова связала меня с Надеждой Яковлевной. И мы встретились, когда Надежда Яковлевна приехала в Ленинград именно в связи с подготавливаемым изданием стихов Мандельштама. Сначала это был разговор по телефону, но во время разговора у Надежды Яковлевны возникла некоторая надежда, что я напишу честное и грамотное предисловие. Эта надежда и отразилась затем в наших встречах с ней и в первых ее письмах ко мне. Затем Анна Андреевна и Надежда Яковлевна прочитали мою статью, и она им обоим понравилась. Вероятно, некоторое доверие ко мне объяснялось и моей биографией, биографией человека, также пострадавшего от сталинщины и к тому же занимавшего более или менее независимую позицию в литературных собраниях и дискуссиях. Теперь даже трудно представить себе, какова была степень напуганности литераторов, даже после начала хрущевской оттепели. Через Ахматову Надежда Яковлевна передала в помощь мне ряд сведений, тогда еще не опубликованных, о жизни и судьбе Мандельштама. Официальные рецензенты "Библиотеки поэта" В.М.Жирмунский и Павел Громов дали вполне положительный отзыв о моей статье. Вот и началась совместная работа. Со мной был заключен договор, работа была принята и даже частично оплачена. Редактором намечавшегося издания была одна из сотрудниц "Библиотеки поэта" И.В.Исакович, которая также вполне благожелательно отнеслась к моей статье. Но сразу же было выдвинуто требование сократить ее максимум до 2-х печатных листов. И мне пришлось дополнительно усердно над ней поработать. В процессе этой работы, начиная с середины 1962 года, и развернулась наша дальнейшая переписка и знакомство с Надеждой Яковлевной. Она предложила мне помогать всяческими советами. И в частности хотела, чтобы в своей статье я подчеркнул лояльность Мандельштама по отношению к советской власти, и в своем наброске своеобразного жизненного списка Мандельштама сама вставила сообщение о том, что Мандельштам считал себя "вольным другом большевиков". С другой стороны, она даже предупредила меня об опасности чрезмерных похвал Мандельштаму и совето-

вала идти на некоторые уступки требованиям увеличить в статье критические замечания о якобы слабых сторонах творчества Мандельштама. "Вы даже можете немного ругнуть его, лишь бы книга и предисловие скорее прошли в печать". Этим советом я не воспользовался. Прохождение моей статьи и подготовка к печати издания стихотворений Мандельштама затянулись. Некоторые из тогдашних работников и членов редколлегии "Библиотеки поэта" стали упрекать меня, хотя как будто с противоположных позиций, что я изображаю Мандельштама слишком "розовым". Но я не хотел изображать его "антисоветчиком" против его собственных взглядов и не хотел также ограничиться только формальным разбором стихов и оценкой их мастерства. Мне хотелось сопоставить путь Мандельштама с путями истории и всей нашей литературы. Это и привело к тому, что в редакции "Библиотеки-поэта", несмотря на положительные отзывы о моей статье, потребовали не только сокращения, но и изменения по существу некоторых оценок его пути и места в литературе. В письмах Надежды Яковлевны читатель увидит ряд ее опасений и предупреждений, тревог и советов в связи с возникшими сложностями.

В моем архиве сохранилось начало большого письма Надежды Яковлевны от 21 июня 1963 года (конец утерян), где она, в частности, пишет:

"Для меня не было неожиданностью, что Орлов опять откладывает. Он не хочет рисковать с этой книгой: О.М. не его поэт и не его человек. Это совершенно ясно. А в данной ситуации он делает самое простое - задерживает. Психологически понятно, но мне здорово надоело. Обидно, что не могу перенести в другое издательство..."

Вашу статью отправляю завтра с Амусиной (ее муж - автор нашумевшей книги "Находки "Мертвого Моря" - название не совсем так - но он историк-востоковед, и вы книгу, наверное, знаете). Они вам позвонят или занесут рукопись.

Теперь о вашей работе. Несомненно, это самое серьезное и глубокое из всего, что пока написано об О.М., включая, разумеется, и все, что пишут не у нас. У меня нет никаких возражений".

Под влиянием противоречивых оценок редакция стала требовать от меня таких изменений, с которыми я не мог согласиться. Тем не менее все же долго сохранялись надежды на лучшее будущее, тем более что некоторые отдельные стихотворения и работы

Мандельштама начали публиковаться. Надежде Яковлевне были известны тогдашние зарубежные издания Мандельштама и статьи о нем зарубежных критиков. Некоторые из них резко противопоставляли его советской действительности, а другие, наоборот, упрекали его в симпатии к идеалам Октябрьской революции и советского общества. Под влиянием политической конъюнктуры издание стихотворений Мандельштама с моей статьей застопорилось. Редакторы "Библиотеки поэта" решили отклонить мою работу и поручить написанию статьи Лидии Яковлевне Гинзбург, которая, конечно, хорошо знала и понимала творчество Мандельштама. И она написала другую статью, в которой постаралась обойти острые углы и ограничиться разбором главным образом формальных качеств и смысла отдельных стихотворений. Тем не менее статья Л.Я.Гинзбург о Мандельштаме также была отклонена редакцией. И в устных беседах с Надеждой Яковлевной, и в письмах мы продолжали активно обсуждать творчество Мандельштама. Помню, например, наши рассуждения о специфике поэтического и жизненного времени в лирике Мандельштама. Надежда Яковлевна знакомила меня и с теми стихотворениями, которые она сама тогда не решалась предложить в намечавшийся сборник (например, обличительное стихотворение о Сталине, о крестьянском голоде начала тридцатых годов, ряд антивоенных стихотворений и др.). Благодаря ей я прочитал малоизвестные страницы прозы Мандельштама и ряд его писем, в которых содержались высказывания о явлениях литературы и жизни. При этом Надежда Яковлевна проявила себя как глубокий интерпретатор творчества Мандельштама и его места в литературном процессе первой трети XX века. Она высказывала свои мнения и о других поэтах из окружения Мандельштама, в том числе так называемых "младших акмеистах". Любопытен нестандартный отзыв Надежды Яковлевны о Викторе Максимовиче Жирмунском, с которым Осип Мандельштам учился в Тенишевском училище. Следует добавить, что В.М.Жирмунский помог самой Надежде Яковлевне стать специалистом по немецкой литературе и получить определенную профессиональную базу. Горькое письмо было написано вскоре после смерти Ахматовой, эту утрату Надежда Яковлевна перенесла очень тяжело. Она читала разного рода воспоминания о Мандельштаме и осудила все по-

пытки создать о нем какие-либо легенды. В том же письме интересна оценка Бродского. Письма Надежды Яковлевны Мандельштам дают реальную картину ее собственной, столь трудно устроенной жизни.

"Последний вопрос, который вы затронули, - отвечала она мне в конце 1962 года, - это я и мое устройство. Я, разумеется, ни о чем не хлопочу. У меня всегда вызывал отвращение вид покойника, который сам себя хоронит. Или старухи, разрывающей вдовьи ризы с воплями о том, что за заслуги супруга ей тоже причитается кусок мяса. Этого я не собираюсь делать. И, наконец, на моем неустройстве тоже стоит штамп врмени. Были минуты, когда Сурков пробовал что-то сделать, но у него ничего не вышло. Кажется, когда я уехала в Псков, тоже что-то зашевелилось, но что именно, я не знаю.

В Пскове я снимаю комнату, но живу без прописки: хозяева не решаются прописывать жильцов - ведь их потом нельзя выселить. Это не принято. Но в общем все равно. Зато у меня есть, чем эту комнату оплачивать, а это очень важно. Ведь из пенсии это разорительно. Работать трудно - устаю не по возрасту. Вернувшись домой, лежу не вставая. Но на занятиях держусь еще. Работа только не та... Английский язык, а они и по-русски говорят слабо. Мыслей выражать не умеют. Да и мысли еще еле шевелятся. Вот как будто и все. Не забывайте".

В 1967 году Надежда Яковлевна дождалась публикации "Разговора о Данте". И подарила мне экземпляр этой книги. В письме по этому поводу она говорит и о Шаламове. Помню, что она очень ценила его прозу, меньше стихи. И хотела меня с ним познакомиться. Шаламов часто у нее бывал. Но затем она несколько изменила свое отношение к нему, когда Шаламов в печати отмежевался от публикаций своих произведений за границей. Тут очень характерная черта личности Надежды Яковлевны. С одной стороны, широта взглядов и особое отношение к людям, прошедшим через репрессии. А с другой стороны, высокий уровень требований к их моральным качествам.

В письме от 24 августа 1966 года Надежда Яковлевна сообщает, что наконец "в Москве меня прописали, но жить негде". "Скоро мне будет 65, и я чувствую себя цветочком".

Позже наша переписка прекратилась. А может быть, ее письма перестали мне доставлять. Во время поездок в Москву я продолжал с ней встречаться и обратил внимание на то, что она

стала центром притяжения многих людей разного возраста и самого разного профиля. В их числе были и Пинский, и Аверинцев, и много совсем молодых, которые за ней ухаживали и старались отводить от бытовых забот. Она все больше и больше болела, но сохраняла ту же энергию и силу духа. Она продолжала заботиться и о тех, кто тогда находился в заключении. Создала специальный фонд помощи им, и со всех приходивших брала некоторые денежные пожертвования в этот фонд. Так как в то время я был уже вполне "устроен" - по тем временам, то и с меня она попросила, но только 10 рублей. Она старалась очень дозировать свое внимание к людям. И писала уже свои воспоминания. Интересно, что сначала она мне их показывала с большими предосторожностями. Например, когда я жил в Переделкино, под Москвой, то она давала мне их почитать, но только на день, со строгим предупреждением, чтобы никто эти воспоминания, кроме меня и моей жены, не видел. Вероятно, все-таки воспоминания стали как-то распространяться, хотя мы с женой точно соблюдали все предосторожности. Но когда ей исполнилось 70 лет, она мне сказала: "Теперь, когда мне уже исполнилось 70 лет, я уже ничего не боюсь". И воспоминания, сейчас широко известные у нас и на Западе, стали широко распространяться. Начальство все-таки заинтересовалось ими, и как-то ее вызвали к какому-то прокурору. Но Надежда Яковлевна отказалась пойти и сказала - "если прокурор хочет меня видеть, то пусть придет ко мне". Больше ее не трогали, но фактически изолировали, так как письма к ней и от нее не доставлялись, а потом отключили и телефон. Мы могли общаться только устно во время моих поездок в Москву. И, конечно, она меня знакомила с вариантами своих воспоминаний, которые поразили меня своей художественной и публицистической силой. Вдова великого поэта стала большим прозаиком. И надо сказать, на Западе проза Надежды Яковлевны Мандельштам имеет большее распространение, чем стихи Осипа Мандельштама.

Она никогда не была особенно религиозной, как не был религиозен и Мандельштам. Но была христианкой, верила в высшие силы, и не случайно Мандельштам говорил о необходимости соединения эллинизма и христианства. Только в последние годы она стала очень религиозной, в комнате были иконы. Она регулярно общалась с православным священником и как-то сказала мне, что у нее общий духовник с

Солженицыным. Но каких-то непосредственных контактов с Солженицыным у нее, видимо, не было, хотя она всегда чтילה его огромный талант и личное мужество. Интересны были ее рассуждения о судьбе христианства и еврейской религии. Как и сам Мандельштам, она не сочувствовала иудаизму, хотя чтילה не только Новый, но и Ветхий завет. В Евангелии особенно выделял принцип любви и терпимости к людям и утверждения самости личности. Марксизм она считала неудавшимся отпрыском раннего христианства. Она была очень резка в своих оценках людей. И признавалась, что она плохая христианка, так как ей не хватает христианской терпимости. Но в то же время была внимательна и заботлива в отношении к каждому человеку, с ее точки зрения достойному вниманию.

Отмечу, что в конце 60-х годов она все же решила попытаться напечатать свои воспоминания и послала их в "Новый мир". Недавно опубликовано прекрасное письмо Твардовского ей по поводу этих воспоминаний. Он очень высоко оценил их гражданские, человеческие, художественные качества, но писал, что сейчас печатать их он никак не сможет, поскольку сам журнал уже висит на волоске. И действительно, это было накануне вынужденного ухода Твардовского и фактической ликвидации "Нового мира".

Твардовский как поэт был от нее довольно далек, хотя она соглашалась, что он представляет собой крупное общественное и литературное явление, и особенно ценила его деятельность редактора прогрессивного журнала. Но отношение Твардовского к Мандельштаму - это особая тема. Твардовский не все понимал в Мандельштаме, но все же поддерживал содержание моей статьи, которую я ему послал уже после появления статьи Гинзбург. Хотя он, конечно, все же не так высоко ценил Мандельштама, как я, но признавал, что и в его творческом пути Мандельштам сыграл в свое время большую роль, и он вспомнил, как в 1928 году со мной вместе читал и разбирал Мандельштама. Оговорив все же, что, по его мнению, я несколько преувеличиваю его значение.

"Воспоминания" Надежды Яковлевны Мандельштам и другие ее тексты уже стали особой, новой страницей и истории поэзии, и истории нашего общества, и истории русской художественно-документальной прозы, достигшей в обоих вариантах ее воспоминаний исключительных высот, хотя она сама признавала, что некоторые оценки отдельных

людей в этих воспоминаниях и общая оценка поведения русской интеллигенции были преувеличенно резкими. Замечательна концовка последнего варианта ее воспоминаний ("Я - Надс"), непосредственное обращение к основному герою и святыне ее жизни. До конца дней своих она продолжала работать над популяризацией, комментированием, толкованием великого поэта. В большом сборнике, недавно изданном в Воронеже, "Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама" очень важное место занимают ее воспоминания и ее интерпретации, истолкования его стихов, которые показывают опять-таки не только ее преданность памяти Мандельштама, но и глубокое понимание его творчества. Показывают ее собственный литературный и критический талант. Еще один ее талант!

Письмом в бутылке, адресованным неведомому собеседнику, назвал поэзию Мандельштам, и мне в двадцать лет казалось, что его стихи - это письмо, подобранное мною на морском берегу.

То же самое говорил на юбилейных торжествах в Москве американский исследователь Мандельштама Кларенс Браун: в 50-е годы в южном американском штате он, студент-славист, которому не с кем было поговорить о поэте, чувствовал себя счастливым, разглядывшим на мокром песке - бутылку.

содержательной, чем та, которой его удостоили, и при этом совершенно благополучной, во всяком случае - внешне".

Хорошо бы нам покрепче запомнить эти слова.

Когда утверждают, что Россия бескорыстно и страстно предана стихам, хочется сделать оговорку: больше всего в России любят биографию. Любят униженных и оскорбленных, т.е. сначала отдают человека на унижение и оскорбление, а потом умиляются им. До стихов же очень часто дело так и не доходит: все знают обстоятельства пушкинской дуэли, ей посвящены многочисленные исследования, она воспета в стихах и прозе, воспроизведена в кинофильмах и на живо-

Александр Кушнер

шрам на шее от веревки, вычерчивают траскторию пули...

Живи Мандельштам в цивилизованной стране, не погибни он в 47 лет, - как много бы он еще написал, как замечательно расцвел бы его дар! "Благополучная" судьба, "во всяком случае - внешне", о которой мечтала для него Надежда Яковлевна, благополучной была бы, разумеется, лишь относительно. Жизнь трагична по всему своему замыслу, тем более - жизнь поэта. Поэты, как маленькие дети на попечении легкомысленной няньки, умудряются в самые легкие времена

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сколько же было нас тогда? В многомиллионной России, может быть, несколько тысяч, да еще в остальном мире - чудаков сто.

В тридцатые, еще при жизни поэта, а затем в сороковые он был забыт, списан в историю литературы, зачислен в обоз. В действующих рядах военизированной поэзии пребывали совсем другие поэты. И дело не только в партийных требованиях к поэзии, политике государства, репрессиях и подмене живого литературного процесса официальным списком сталинских лауреатов. Ведь и на Западе в эмигрантских кругах, которым партийные установившие не могли ничего навязать, тем более - воспрепятствовать понять и оценить Мандельштама, сохранить хотя бы память о нем, - его поэзии было уготовано забвение. Читал ли его, например, Набоков в тридцатые-сороковые? Что мешало этому противнику расхожих мнений, противостоявшему мировой пошлости насмешнику, не побоявшемуся написать в 1937 году злую пародию на Цветасву, а в 1970-м - сравнить Пастернака с Бенедиктовым (пародия - тоже знак признания), вспомнить Мандельштама хотя бы в лекции о русской и советской литературе, прочитанной им в 1958 году в Корнельском университете? По-настоящему он прочел Мандельштама, по-видимому, лишь в шестидесятые годы.

Говорят, что поэзия выигрывает в тоталитарном обществе, что гонения и ссылки идут ей на пользу, что ее роль в обществе от этого только крепнет (не завидуют ли поэты на Западе нашим огромным тиражам?). Не сами ли Мандельштам сказал как-то своей "нищенке-подруге", ей и себе в утешение: "Ну где еще ты найдешь страну, в которой за стихи ссылают?" Существует соблазн поддаться такому примиряющему с действительностью соображению.

Но Н.Я.Мандельштам, размышляя о судьбе поэта, оспаривает это мнение: "...страдания не обогатили, а только уничтожили его... Ему, в сущности, не дали созреть - он принадлежал к медленным людям - и он созрел на ходу. Голос пробивался не благодаря удушью, а вопреки ему... Судя по динамической силе, которая была заложена в Мандельштаме, он не нуждался в тюрьмах, ссылках и лагерях, чтобы заработать себе биографию. Она могла оказаться гораздо более

писных полотнах. Убийство поэта - наш национальный миф, вообще поэт - наш Геракл, наш Прометей, Тезей и конечно же Орфей, только растерзанный не вакханками, а властью. И то сказать, убитых и замученных, кончивших жизнь под пулей и в петле у нас немало: Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Маяковский, Есенин, Цветаева, Клюев, Мандельштам...

Поэты, умершие своей смертью, такого интереса не вызывают: Баратынский, Жуковский, Тютчев, Фет, Анненский, Кузмин... Кузмину не повезло: умер в 1936 году в ленинградской больнице. Доживи он до 37-го года - и его посмертная слава была бы так же велика, как слава Ахматовой, угодившей под партийное постановление.

Но спросите у нашего среднего читателя из "племени пушкинovedов", ценителя "белозубых стишков", что он знает из Пушкина? И вы почти наверняка услышите выученные в детстве строки про лукоморье, дуб зеленый, чудеса на неведомых дорожках (о том, что это вступление к поэме "Руслан и Людмила", уже многие не знают: поэму они не читали), да еще два-три стихотворения, в том числе "Я помню чудное мгновенье..." "Это стихотворение, может быть, самое "натянутое", "сделанное", холодное в безыскусно-горячей, ошеломительной лирике Пушкина, стало в глазах большинства эталоном поэтической искренности то ли благодаря романсу Глинки, то ли - воспроизведенному во всех биографических книгах пышногрудому силуэту мимолетной пушкинской пассии - Анны Петровны Керн, которую он так жестоко предал в письме к своему приятелю, назвав "Вавилонской блудницей".

"Десятую заповедь", "В. начале жизни школу помню я...", "Полководца", "Элегию", "Воспоминание", "Не дорого ценю я громкие права..." вам не назовут, можете проверить.

Биография прочно заслонила поэзию, ее делеют, облизывают, смакуют подробности.

Нет уж, лучше не поставлять таким любителям поэзии "кровавой пищи", обойтись без биографии.

Появился даже особый, детективный уклон в биографическом жанре: еврейский заговор - вот истинная причина гибели Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина... Принимают к фотографиям, рассматривают

перемазаться в такой беде, что ее хватает с избытком для самых горестных и сокрушительных стихов. А кроме того, настоящий поэт опережает свое время и те возможности понимания стихов, что отпущены даже самым отзвучившим его современникам.

Поэзия Мандельштама потому и не была прочитана при его жизни не только в России, но и на Западе, и была воскрешена одновременно и там и здесь лишь к середине пятидесятых, что забежала далеко вперед, оторвалась от самых передовых читателей.

Что касается прижизненного громкого успеха, то он подозрителен и нередко бывает обречен на будущий пересмотр и равнодушие.

Сказав все это, я перехожу к сегодняшним дням и столетнему юбилею. Сто лет - вот более или менее точная мера прочности поэтической репутации. Автор мертв, о своей славе не знает, ему, по всей видимости, все равно.

Другое дело, что при жизни он знал себе цену. Но, как смиренно говорит Батюшков в стихах у Мандельштама: "Я к величаньям еще не привык..."

Да и всегда найдутся громкоголосые, не сомневающиеся в себе, готовые кого угодно заслонить. "Весь шрифт идет на них, вся пленка, весь лимит". Вот и жена Иннокентия Анненского, лучшего нашего поэта начала века, говорила: "Кеша - гений". Увы, гений при жизни смог издать только одну книгу, на устах у всех были Брюсов, Бальмонт, Сологуб...

Автор мертв, ему, по всей видимости, все равно. И очень хорошо, если все равно. Потому что, загляни Мандельштам еще лет шесть-семь назад в нашу "Литературную газету", он не нашел бы там своего имени, ну разве что одно или два упоминания - в подшивке за весь год. На "фамилии чертовы", звучащие "криво, а не прямо", в газете существовала процентная норма. И это происходило на фоне страстной любви к поэзии Мандельштама уже тысяч и тысяч читателей в стране, не удовлетворенных куцем изданием его стихов в "Библиотеке поэта", на фоне жадного интереса к мемуарной прозе Н.Я. Мандельштам, расцвета "мандельштамистики" (прошу прощения за ужасное слово) во всем мире.

Не буду здесь рассказывать о Мандельштамовских чтениях и симпозиумах, начавшихся задолго до юбилея, проходивших и в Бари, на берегу "зеленой Адриатики" в 1988 году, и в Цюрихе в 1989-м, и в Москве в 1989-м, о прекрасных работах многочисленных учеников школы К.Тарановского и у нас, и за рубежом. Конечно, человек, любящий поэзию Мандельштама, может обойтись и без них, а все-таки кто, если не они, поможет понять ему, что "кривые картавые ножницы" в стихах о Франции картавы не только потому, что таков лязг кривых металлических ножниц, но и потому, что он, этот звук, напоминает французское произношение (Г.Левинтон), что имя Франсуа в стихах "Как будто в корень голову шампунем мне вымыл парикмахер Франсуа" связано с Франсуа Вийоном, у которого есть два стихотворения о парикмахере (Ральф Дутли), что в "Стихах о русской поэзии" за именами поэтов XIX века скрываются, возможно, имена современников Мандельштама и, например, в строфе:

*Баратынского подошвы
Раздражают прах веков
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков, -*

за Боратынским просвечивает другое имя - имя автора "Облака в штанах": "Маяковского подошвы..." (Л.Кацис) и т.д. Мне такие догадки доставляют большое удовольствие.

Литературным чтениям 1991 года в Москве и Ленинграде предшествовало открытие мемориальных досок.

Вот как это происходило в Ленинграде на 8-й линии Васильевского острова, дом 31. Типичный петербургский дом, построенный в начале века, - сколько раз я равнодушно проходил мимо него!

Мандельштам не долго жил в этом доме, правильней сказать - гостил по возвращении из Армении в квартире своего брата Евгения Эмильевича. Здесь в декабре 1930 года были написаны знаменитые стихи: "Я вернулся в мой город, знакомый до слез..." Эта строка и выбита на мемориальной доске, поэтому, открывая доску при небольшом стечении ленинградцев морозным днем 12 января, у колченогого столика с букетами чахлах северных гвоздик, запутавшись в веревке, за которую следовало потянуть, чтобы с доски сползла красная тряпица, кое-как, не без чужой помощи справившись с этим, мне ничего не оставалось, как сказать, что поэт наконец и впрямь вернулся в свой город.

Не знаю, хотел бы Мандельштам и в самом деле вернуться сюда сегодня, - не уверен. Фасад подкрасили, привели в порядок... но лестница, парадная лестница (про черную скажу чуть ниже), но квартира... Впрочем, квартира и тогда, наверное, была страшноватой. Вдвоем с другом мы поднялись на пятый этаж и позвонили в квартиру № 5.

Дикая, запущенная коммуналка. Это вам не дом на Мойке, где "солнце русской поэзии закатилось", и не тот угловой трехэтажный дом на Литейном, где в барских огромных покоях с дубовыми диванами и кожаными креслами жили великие разночинцы. Как там сказано у Ахматовой:

*...Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.*

Нас пустили уже начинающие привыкать к посетителям смущенные жильцы в домашней затрапезе. Если я правильно запомнил, на дверях, снаружи, над звонками прибито пять (или шесть?) самодельных табличек с фамилиями.

Сначала тусклая передняя, потом узкий, заставленный вещами коридор. Пройдя квартиру насквозь, оказались перед клетушкой, может быть, чуланом с окном на черную лестницу: "Вот здесь жил ваш Мандельштам" (это им уже рассказали те, кто нашел дом и задумал памятную доску). Фамилия произносилась еще не вполне уверенно: не выучили. К чувству "законной гордости" приковано удивление.

Есть у Зошенко рассказ о том, как выселили людей накануне 90-летнего Пушкинского юбилея из квартиры. "...Как это некоторые крупные гении легкомысленно поступают - мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после такие печальные результаты".

Слава Богу, в нашем случае выселение жильцам не грозит. Поэт, "осчастлививший жилплощадь своим нестерпимым гением", жил в чулане, да и не был здесь прописан.

*...Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.*

*И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

В примечании к стихотворению, сделанном исследователем его рукописей - Ириной Михайловной Семенко, сказано: "В рукописи сб. 1935 г. - "Я на лестнице темной (вероятно, описка Надежды Яковлевны Мандельштам)".

Помню, как однажды я подумал: нет, наверное, не описка. Мне, ленинградцу, жившему в детстве в такой же коммуналке, хорошо известно, что цепочка висела только на дверях, выходивших на парадную лестницу; двери на черную лестницу были забраны на крюк.

Но я ошибся. Здесь, на выкрашенной в темную касторовую краску двери черного входа сохранился закрашенный железный желобок от цепочки (самой цепочки уже не было). Вот он, его можно было потрогать! Что я тут же и сделал - неопровержимое, железное свидетельство абсолютной поэтической достоверности ("внимание - доблесть лирического поэта").

Что до самой черной лестницы, то кто же не знает этой чудовищной, одуряющей смеси, головокружительного запаха кошек и картофельных очисток!

Его не знают только наши зарубежные друзья - исследователи творчества русского поэта. О, как трудно бывает музейным работникам восстанавливать атмосферу быта их подопечного, доставать ампириные секретеры и серебряные подсвечники, штофные обои и каминные щипцы... Здесь ничего восстанавливать не надо, все сохранилось в лучшем виде - посетители жмурятся и зажимают носы.

О чем бы еще рассказать? О вечере в Колонном зале! Это знаменитый московский зал бывшего Благородного собрания, беломраморный, с ложами и "красными грядами партера". Сколько ужаса, лжи, притворства, государственной скорби и траурных лент видел он за последние 70 лет, сколько слышал

докладов, отчетов, речей, пионерских притворств и траурных маршей!

Здесь в январе 1924 года лежал в гробу вождь Октябрьской революции, а тридцать лет спустя утонул в цветах и елочных ветках "кремлевский горец" с "тараканьими усиками".

Здесь проходили съезды и слеты, а в 1934 году - I съезд "инженеров человеческих душ" с Горьким, Пастернаком, А.Толстым - в президиуме на сцене (Мандельштам в это время жил уже "на важных огородах", спал "у чужих людей" - находился в Воронежской ссылке).

Теперь представьте себе этот зал, сплошь заполненный любителями его стихов. Нет, мы, конечно, не так наивны, чтобы подозревать каждого из сидящих здесь в любви к Мандельштаму. Наверное, среди собравшихся, как водится, немало парикмахерш, массажистов, билетных кассиров, экстрасенсов, работников прилавка, - нужных людей. Будем снисходительны к человеческим слабостям. Мандельштам и сам, наверное, сунул бы сегодня кому-нибудь из них билетик на свой вечер, чтобы получить кофе в зернах, туфли для Наденьки, может быть, литфондовскую путевку в Коктебель.

На сцене - цветы, микрофоны, несколько стульев для выступающих, президиума нет (вот они, предметные следы перестройки и нового мышления!). Писатель, Герой Социалистического Труда, орденоседец, бывший секретарь сунулся по привычке на сцену, но был вежливо развернут и направлен в ложу, где уже сидели избранные гости, городские власти, добродушный, похожий на маленького медведя симпатичный увалень - Гавриил Попов.

Если бы лет десять назад мне кто-нибудь сказал, что я буду делать доклад на этом вечере, - высмеял бы безумца прорицателя.

За моей спиной - огромный, спущенный сверху, увеличенный раз в сто портрет молодого Мандельштама в пиджачке, надетом на свитер, собравшийся в какие-то неровные, случайные складки на шее. Где белая рубашка, номенклатурный галстук, партийная осанка? Как вы сюда попали, молодой человек? Но странное дело - то ли здешние мастера портретной живописи так приучены, то ли всякое человеческое лицо в многократном увеличении приобретает соответствующие черты, - было, было в этом плохо узнаваемом облике что-то от партийного деятеля, члена Политбюро.

Что говорил я своим срывающимся, плохо поставленным голосом?

Есть справедливость на земле, пусть смертная, запоздалая, все-таки она есть!

Очень соблазнительно приписать ее историческим переменам, происходящим с нашим обществом, или действию высших сил - так она чудесна и волшебна.

Но исторические перемены у нас в России ненадежны, наша история, как "кот ученый - все ходит по цепи кругом. Идет направо - песнь заводит, налево - сказки говорит..." (в этом месте я заслужил смех и аплодисменты).

Есть другое, как мне кажется, более точное объяснение: так чудесно и волшебным устроена сама поэзия. Вопреки всем злоумышлениям, всей человеческой глупости, которая, как известно, "бесконечна, величава", поэзия побеждает в этом мире. Может быть, она одна и побеждает. И получается это не-

преднамеренно, само собой: как бы ни была трагична и страшна жизнь, есть в ней поэзия, ее не вытравить, она дотягивается к нам "вполголосной органной игрой", "озером, стоящим отвесно, с разрезанною розой в колесе", "паутиной световой", ищет подтверждения своего существования в стихах - и, слава Богу, находит его.

Ну не странно ли происходящее сейчас перед нами в этом зале?

Однажды Тютчев, под впечатлением маскарада в Кремлевском дворце, писал своей дочери: "Вот, например, старуха Разумовская и старуха Тизенгаузен... а в двухстах шагах от этих залитых светом зал, переполненных столь современной толпой, там, под сводами - гробницы Ивана III и Ивана IV. Если можно было бы предположить, что шум и отблеск того, что происходит в Кремле, достиг до них, как бы эти мертвецы должны были изумиться! Иван IV и старуха Разумовская! Как похоже на сон то, что мы называем действительностью!"

Оглянемся и мы. Содрогнемся, удивимся. В конце концов, не это ли ощущение чужаки жизни, вечного изумления перед нею - главное свойство и занятие поэзии?

"Где я, что со мной дурного?" Прелестный и печальный мандельштамовский вопрос рискованно перефразировать, скажем так: "Где я, что со мной хорошего?" Сделаем это он разрешает нам хотя бы потому, что детское, домашнее слово было ему не чуждо:

*Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте,
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей!*

Этот автор самых сложных, изощренных, головокружительных стихов в нашей поэзии может быть назван центральной фигурой на поэтическом Олимпе XX века (хорош Олимп, боги которого ходили "в проклеенном резиновом пальто" и стояли в очередях за селедкой и мукой!) еще и главным образом потому, что невозможно назвать другого поэта, который бы так сохранил и приумножил в бесчеловечных обстоятельствах верность человеку, как он...

На этом я обрываю пересказ своего выступления, чтобы не забыть напомнить о другом: о том, что Мандельштамовский юбилей совпал с черными днями в нашей жизни - трагическими событиями в Литве и Латвии. Праздник был подсвечен мрачными, багровыми отсветами.

Мы живем в непредсказуемой стране. Самые разумные соображения и доводы недействительны именно потому, что они разумны. Законы добра и разума, которые мы прикладываем к ней, к ее настоящему и будущему, не работают, мы имеем дело с иррациональной силой.

И в Ленинграде, в последний день Мандельштамовских торжеств, сидя рядом с крепким, тяжелым, краснолицым восьмидесятилетним стариком, хлопавшим меня кулаком по колену, спрашивавшим, не смущаясь близости микрофона, простуженным, хриплым басом: "А это кто такая?" - "Лозинская". - "О чем она так долго говорит?" - "О мандельштамовских автографах" (драгоценные пожелтевшие странички с прелестным, четким, юношеским почерком прогибались у нее в руках). - "А это кто, ученый?" (Арсений Арсеньевич Смольевский, сын Ольги Вак-

сель, читал стихи о "твердых ласточках круглых бровей", прилетевших из гроба "сказать, что они отлежались в своей холодной стокгольмской постели") - сидя рядом с неугомонным стариком, я почувствовал дыхание этой иррациональной, тяжелой силы. Бывшему спортсмену, профессиональному борцу, все еще работающему тренером-массажистом, не терпелось выступить. Это был, возможно, последний человек на земле, которого видел Мандельштам в своей жизни еще осмысленным, не впавшим в беспамятство взором. Это он, Маторин, не дал растерзать уголовникам обезумевшего поэта, похитившего чужую пайку (свой кусок хлеба Мандельштам считал отравленным). Это Маторин отнес умиравшего Мандельштама в лазарет, где поэт умер на следующий день: Владивосток, Вторая речка, пересыльный лагерь.

Получив слово, путаясь и сбиваясь, забывая о Мандельштаме, вспоминая родных и близких, вводя нас в курс своей родословной, жалея слабого поэта, который "был уже не в себе", он учил нас, как спастись, как выжить при советской власти: "Делайте зарядку, - говорил он, - без зарядки вы пропадете, зарядка нужна, физкультура".

Маторин провел в лагерях двадцать лет.

Кто-то еще научил его - и он несколько раз повторял ни с того ни с сего: "Так ведут себя настоящие русские люди".

Господи, что это за жизнь, что за строй, что за страна, пожирающая, как потрескавшийся, почерневший от дождей Сатурн в Летнем саду, своих детей: поэтов, крестьян, учителей, борцов, генетиков, баптистов...

*Народу нужен стих таинственно родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льянокудрою каштановой волной -
Его звучаньем умывался.*

Все просыпаемся и просыпаемся - никак не проснемся.

ВСТРЕЧА ВО ФРАНКФУРТЕ

1991

В дни Франкфуртской книжной выставки-ярмарки по приглашению немецкой редакции состоялась встреча нашего журнального семейства. В ней участвовали основатель журнала и главный редактор всех изданий Антонин Лим, редактор немецкого издания - Франк Берберих, итальянского - Федерико Коэн, чешского - Томаш Врба, сербского - Вук Крньевич, хорватского - Слободан Новак, венгерского - Михали Габор, зам. редактора русского издания - Поэль Карп, а также издатели французского журнала Мишель Бюртон и Брижитт Борель.

В ходе обмена мнениями, а затем и на пресс-конференции, был очевиден интерес к русскому изданию, к срокам его появления, проявилась готовность нам помочь. Были продемонстрированы сверстанные полосы двух первых номеров и даны ответы на вопросы, задававшиеся как на пресс-конференции, так и непосредственно у стенда немецких коллег.

Ныне семейство журналов "Lettre internationale" вызвало дополнительный интерес своими изданиями в бывших социалистических странах. В ходе дискуссии обозначилась и та особая роль, которую они призваны выполнять в культурном контексте своих стран. Не обошлось без полемики. Наше издание подверглось критике за то, что у нас слишком много - ровно половина - авторов, пишущих по-русски, включая живущих в СССР, покойных классиков и эмигрантов, и лишь половину составляют иностранцы. Чешское издание одновременно подверглось обратному упреку - у них засилье иностранцев. Думается, едва ли возможна одинаковая норма для всех изданий навсегда. Длительный отрыв нашей страны от современной европейской мысли побуждает, обращаясь к ней, одновременно возвращать общественному сознанию и неизвестные ему работы русских европейцев, и покойных, и живущих за рубежом.

Ведь наше обращение к европейскому опыту - не временное следствие нынешнего кризиса, но стойкое направление русской мысли. Русский европеизм начался не вчера, а еще в Киевской Руси и Новгороде. Россия, конечно, развивалась иначе, чем Германия, Германия, чем Франция, а Франция, чем Англия, но путь России вовсе не был совершенно особым, противостоящим Европе, это на Руси многие понимали и важно об этом вспоминать.

Дискуссии способствовали лучшему взаимопониманию и укреплению связей с сестринскими журналами, из которых мы и впредь будем переводить все наиболее интересное для советских читателей.

В январском номере журнала "Знамя" за 1990 год впервые увидели свет два важных документа общественно-политической и культурной жизни СССР конца 1920-х годов: письмо директора МХАТ-2, замечательного русского артиста Михаила Чехова нарком просвещения А.В.Луначарскому в связи с вынужденной эмиграцией руководителя мхатовской труппы из страны и "руководящее" письмо Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина писателям-коммунистам из РАППа, в лице которых кремлевский вождь видел тогда главную опору партийной политики в литературе и искусстве. Оба документа, связанные между собой, были опубликованы и прокомментированы в статье А.Нинова "Мастер и прокуратор". Редакция журнала "Знамя" получила из ФРГ отклик на эту статью от обозревателя радиостанции "Свобода" В.В.Белоцерковского, сына известного в свое время драматурга В.Н.Билль-Белоцерковского, и попросила ответить автору письма на его вопросы и замечания. Редакция "Всемирного слова" выполняет эту просьбу и, во избежание недоразумений, помещает на своих страницах полностью и письмо В.Белоцерковского и ответ ему. Редакция намерена и впредь предоставлять свои страницы для выражения разных мнений и открытой полемики, когда предмет спора сохраняет достаточный общественный интерес.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А.НИНОВА "МАСТЕР И ПРОКУРАТОР"

В журнале "Знамя" (№1, 1990) была напечатана статья А.Нинова "Мастер и прокуратор", значительная часть которой посвящена выступлениям моего отца В.Н.Билль-Белоцерковского в 1928 г. против артистов Михаила Чехова, Всволода Мейерхольда и руководителей РАППа.

Нинов характеризует Билль-Белоцерковского как "одного из самых ревностных исполнителей смертоносной политики Сталина против "правого уклона" в литературе и искусстве". Но это - злая неправда. И это не потому, что Билль-Белоцерковский - мой отец, а потому, что это действительно неправда.

Кампанию очернения Билль-Белоцерковского начал Юрий Бондарев на XIX партконференции. В своем выступлении он заявил, что: "Булгакова изживал со света не вождь (т.е. Сталин), а группа критиков и литераторов во главе с Билль-Белоцерковским, требовавших не раз высылки за границу талантливого конкурента". И с Бондаревым все ясно. От его коллег по направлению мы узнаем, что не Ленин был идейным вождем революции, а "Израиль" Парвус (т.е. Александр Парвус; "Израиль" - это чтобы яснее было), национальную Москву уничтожал не Сталин, а Каганович, за коллективизацию ответственен некий Яковлев-Эпштейн, мельчайшая пешка Сталина, и даже Лысенко был, оказывается, игрушкой в руках своих клеветов с нерусскими фамилиями. И вот, наконец, Булгакова травили по воле опять же не Сталина, а Билль-Белоцерковского. Зачем Нинову нужно было принять эту эстафету, я не знаю, т.к. не знаю, кто он такой, но очень грустно, что статья Нинова появилась на страницах демократического журнала.

Да, Билль-Белоцерковский был убежденным левым коммунистом с уклоном к анархо-синдикализму, с которым он познакомился в качестве американского чернорабочего в начале века (с 1911 по февраль 1917 Билль-Белоцерковский жил в США и был близок к партии анархо-синдикалистов; I.W.W. - "Индустриальные рабочие мира"), и ему чуждо было творчество интеллигента-авангардиста Мейерхольда и консервативного М.Чехова. Но его статья против них, вызвавшая волну в литературно-политической жизни того времени (28-29 гг.), во-первых, не содержала никакого криминала: клеветы, травли, доноса, призыва к расправе и т.п. Это ясно даже из цитат, приводимых Ниновым. Билль-Белоцерковский в этой статье "приветствовал отъезд Чехова и Мейерхольда за границу", так как считал их чуждыми массовому зрителю, и советовал им за границей остаться. Я не разделяю мнение моего отца и его подход, но совет его был по существу правильный. Мейерхольд совету не последовал, вернулся и погиб в годы "Большого террора".

Во-вторых, эта статья и вызванное ею в конечном итоге письмо к Сталину (уже в за-

Вадим Белоцерковский

щиту от атаки РАППа) были единственным случаем участия Билль-Белоцерковского в околосредовой политической жизни. Причем случай этот не имел за собой ни для кого никаких последствий и остался в истории лишь благодаря тому, что в последнее собрание сочинений Сталина был включен ответ Сталина на упомянутое выше письмо к нему Билль-Белоцерковского. Короче, под утверждением Нинова и Бондарева, что Билль-Белоцерковский "был одним из самых ревностных исполнителей смертоносной политики Сталина" и "изживал со света Булгакова", да еще возглавлял какую-то группу, нет никаких оснований. Буквально каждое слово в этих обвинениях - злая ложь. В частности, в статье Билль-Белоцерковского о Чехове и Мейерхольде "Тоска по прошлому" ("Новый зритель" №39, 1928 г.) нет ни слова о Булгакове. О Булгакове он упоминает в своем письме к Сталину, приводя "Дни Турбиных" как пример "правого направления" в искусстве, которое-де господствует в классических театрах. И только. И письмо это не было опубликовано, и его нет в архиве в ЦГАЛИ, к сожалению. Нинов и Бондарев судят о нем только по опубликованному ответу Сталина, в котором тоже нет никаких оснований для утверждений о том, что Билль-Белоцерковский "оклеветал Булгакова" (Нинов) или "изживал со света" и "требовал высылки за границу" (Бондарев). Абсурдность последнего обвинения в том, что "требовал" этого, как известно из знаменитого письма Булгакова Сталину, сам Булгаков. (Для интересующихся напомним, что ответ Сталина содержится в т.11 Собр. соч., с.329).

Повторю, Билль-Белоцерковский не принимал никакого участия в литературно-политической жизни, не говоря уж о "проведении сталинской политики". В 1923 г. он добился "бессрочного творческого отпуска" с работы в орг. отделе ЦК ВКП(б) (любопытный этот документ хранится в ЦГАЛИ) и за последующие 15 лет, до 39 г., когда он стал инвалидом - тяжелый склероз мозга, он написал 15 пьес и книгу рассказов, т.е. вел глубоко творческий образ жизни. Такая жизнь требовала от него особенно большого напряжения ввиду того, что за плечами у него было только несколько классов церковно-приходской школы в качестве его единственного образования. Он люто ненавидел всякую общественно-политическую жизнь, которая тогда

пышно процветала в литературе и искусстве, называл ее попухачеством, а ее активистов - попухачами. Он не раз говорил мне, что совершил непоправимую ошибку, не выйдя в 23 г. совсем из партии, как это тогда сделал, например, Константин Федин и делали многие рядовые партийцы, понимая, что "дело идет совсем не в ту сторону". Отец жаловался, что ему надо было учиться, много читать, чтобы восполнить недостаток образования, но бесконечные партийные собрания съедали время, писать часто приходилось по ночам. В начале 30-х отец опубликовал статью "Присутствие не обязательно", в которой поднимал вопрос о несовместимости бурной общественно-политической и литературной жизни. На всех повестках на партсобрания, как правило, стояло: "Присутствие членов партии обязательно". "А может быть, для писателя все-таки обязательнее присутствие в литературе?" - ставился вопрос в той статье. Политическая пассивность отца была одной из причин, если не главной, того, что он уцелел. Он не состоял в каком-нибудь руководстве, никому не мешал, дорогу не преграждал, глаза не мозолил в президиумах. В 37 - 38 годах он бежал из Москвы, колесил по провинции, не был на глазах. Может быть, в этих условиях защищало его и письмо Сталина 29 года. В районе 39 - 40 годов отец добился уникального права из-за плохого здоровья не посещать партийных собраний, права достаточно рискованного по тем временам.

Далее, правда заключается в том, что Билль-Белоцерковский сам уже очень рано стал объектом цензурного притеснения, а затем и опалы - в годы расцвета сталинского антисемитизма. Говоря о цензуре, я имею прежде всего в виду цензурирование лучшей пьесы отца "Шторм". Пьесы, прославлявшей революцию, но и показывавшей ее жестокость и грозящие последствия. Уже в 32 или 33 году цензура вырезала из пьесы сцену расстрела старого большевика Раевича. Сцена эта представляла собой удивительное предвидение известного ныне развития событий. ("Шторм" был написан в 1925 г.). Наступление цензуры на пьесу продолжалось и дальше, и в послевоенные годы, в последней редакции примерно половина старого текста уже отсутствовала. В годы антисемитизма и "Шторм", и имя отца исчезли из большинства учебников.

В заключение хотелось бы отметить, что Нинов в искаженном свете представил и политику Сталина по отношению к литературе и искусству. Нинов говорит о борьбе Сталина с правым уклоном в литературе, но все факты того времени свидетельствуют, что Сталин уже тогда начал готовить ликвидацию РАППа и левого искусства, которые совершенно не нужны были Сталину для его по существу контрреволюционной политики и установления своей императорской власти. В частности, письмо Сталина руководителям РАППа по поводу дела Билль-Белоцерковского, которое целиком приводит Нинов в своей статье, уже содержит ясные указания о необходимости создания "единого и нераздельного фронта" (эти слова выделены самим Сталином!) и "гармонии" в литературе и искусстве. "Гармонии и единства" с партией и вождем безо всяких там рапповских классовых подразделений и склок, без деления на писателей пролетарских, мелкобуржуазных и буржуазных, - должны быть только писатели советские, беззаветно преданные партии,

народу и лично товарищу Сталину, - без левого и правого направления, с одним только направлением социалистического реализма. И в письме Сталина к руководителям РАППа сквозит уже и раздражение против них, неспособных изменить свою политику, осознать "требования времени". Из письма ясно, что участь их уже предрешена. И все это в письме Сталина куда важнее и интереснее, чем "дело Билль-Белоцерковского". Но Нинов всего этого не заметил, у него, видимо, была другая задача. Соревноваться в разоблачении всех старых имен и кумиров?

И еще одно замечание. За отношением к языку эпохи и творчеству искренне революционных писателей типа Билль-Белоцерковского встает великий вопрос об отношениях вообще к социалистическим революциям в мире и к многовековым движениям, их подготовившим. Вопрос, случайны ли они, совершенно бессмысленны и бесполезны, так что их можно однозначно осудить и забыть, или, может быть, они были все-таки каким-то необходимым этапом в истории, который надо преодолевать и идти дальше?

От ответа на этот вопрос очень многое, думаю, сегодня зависит, не только отношение к старым революционным писателям.

ОТВЕТ В.Белоцерковскому

Среди читательских откликов, услышанных и полученных мною после публикации статьи "Мастер и прокуратор" ("Знамя", 1990, №1), особый интерес представляют голоса детей двух действующих лиц той культурно-исторической драмы конца 1920-х годов, которая вкратце описана в названной статье в связи с публикацией неизвестных ранее документов - исповедального письма великого русского артиста Михаила Чехова наркомму просвещения А.В.Луначарскому (1928) и наставительного ответа "вождя народов" И.В.Сталина писателям-коммунистам из РАППа (1929). Документы эти связаны между собой: Михаил Чехов объясняет, каким образом, в силу каких причин он оказался фактически изгнанным из России, где политический режим уже не оставлял художнику сколько-нибудь свободного пространства для творчества; а Сталин разъясняет писателям-коммунистам из РАППа, как сделать этот режим еще более прочным и эффективным, чтоб "своим" доставались пироги и пышки, а "чужим" - синяки и шишки... А поскольку представления о "своих" и "чужих" у Сталина резко и капризно менялись, с синяками и шишками в конечном счете ходили все или почти все, кроме самых-самых преданных и угодных.

В тот момент, о котором идет речь, пролетарский драматург В.Н.Билль-Белоцерковский считался вполне "своим", и Сталин резко отчитал коммунистов-рапповцев, нехотая напавших на автора "Шторма" за его непристойный выпад в печати против Всеволода Мейерхольда и Михаила Чехова.

"Допустил ли т.Б.-Белоцерковский ошибку в своем заявлении о Мейерхольде и Чехове? Да, допустил некоторую ошибку, - признавал Сталин. - Насчет Мейерхольда он бо-

Александр Нинов

лее или менее не прав, - не потому, что Мейерхольд коммунист (мало ли среди коммунистов людей "непутевых"), а потому, что он, т.е. Мейерхольд, как деятель театра, несмотря на некоторые отрицательные черты (кривляние, выверты, неожиданные и вредные скачки от живой жизни в сторону "классического" прошлого), несомненно связан с нашей советской общественностью и, конечно, не может быть причислен к разряду "чужих". ... Что касается Чехова, то надо признать, что т.Б.-Белоцерковский в основном все же прав, несмотря на то, что он чуточку перебарщивает. Не может быть сомнения, что Чехов ушел за границу не из любви к советской общественности и вообще поступил по-свински, из чего, однако, не следует, конечно, что мы должны всех Чеховых гнать в шею" ("Знамя", 1990, №1, с.198).

Среди тех, кто гнал Чехова в шею и таки выгнал его за порог отечества, драматург Билль-Белоцерковский не был единственным действующим лицом, были и другие, но среди гонителей посредством слова был он в числе самых грубых, самых невоздержанных, так что даже Сталин вынужден был слегка поморщиться и признать, что т. Билль-Белоцерковский "чуточку перебарщивает". И в отношении Михаила Булгакова товарищ явно "перебарщивал" (и совсем не "чуточку"), и в отношении Всеволода Мейерхольда...

Несмотря на жестокую распря с руководством РАПП (прежде всего с В.М.Киршоном как главным конкурентом и обидчиком), сам Билль-Белоцерковский не принадлежал к числу беззащитных и слабых. Был он ответственным партийным функционером, пролеткультовцем, матерым рапповцем, крайне "левым" в кабале московских литературных святош, затравивших не одного только Михаила Булгакова или Михаила Чехова... В отличие от Сталина, Луначарский пытался приостановить эту травлю талантливейших людей в искусстве, за что и поплатился в 1929 году отставкой и почти полным отстранением от важнейших государственных дел.

Так вот, первым читательским откликом на статью "Мастер и прокуратор" был звонок дочери Луначарского, Ирины Анатольевны, которая порадовалась, что об ее отце сказано еще одна крупная правда: Луначарский действительно любил Михаила Чехова, восхищался его Хлестаковым и Гамлетом, он пытался сделать все возможное, чтобы сохранить МХАТ-2 и его руководителя. И столкновение между Луначарским и Сталином в 1928 - 1929 годах было на самом деле гораздо более острым и непримиримым, чем об этом до сих пор сказано и написано...

Иначе воспринял новые документы о своем отце Вадим Белоцерковский, приславший из ФРГ в редакцию журнала "Знамя" сердитое письмо, опубликованное выше. Он категорически не согласен с характеристикой Билль-Белоцерковского как "одного из самых ревностных исполнителей смертоносной политики Сталина против "правого уклона" в литературе и искусстве". "... Это - злая неправда, - утверждает В.Белоцерковский-младший. - И это не потому, что Билль-Белоцерковский - мой отец, а потому, что это действительно неправда".

"... Очень грустно, - пишет далее сын, - что статья Нинова появилась на страницах демократического журнала.

Да, Билль-Белоцерковский был убежденным левым коммунистом с уклоном к анархо-синдикализму, с которым он познакомился в качестве американского чернорабочего в начале века (с 1911 по февраль 1917 Б.-Белоцерковский жил в США и был близок к партии анархо-синдикалистов; I.W.W. - "Индустриальные рабочие мира"), и ему чуждо было творчество интеллигентно-авангардиста Мейерхольда и консервативного М.Чехова. Но его статья против них, вызвавшая волну в литературно-политической жизни того времени (28-29 гг.), во-первых, не содержала никакого криминала: клеветы, травли, доноса, призыва к расправе и т.п. Это ясно даже из цитат, приводимых Ниновым..."

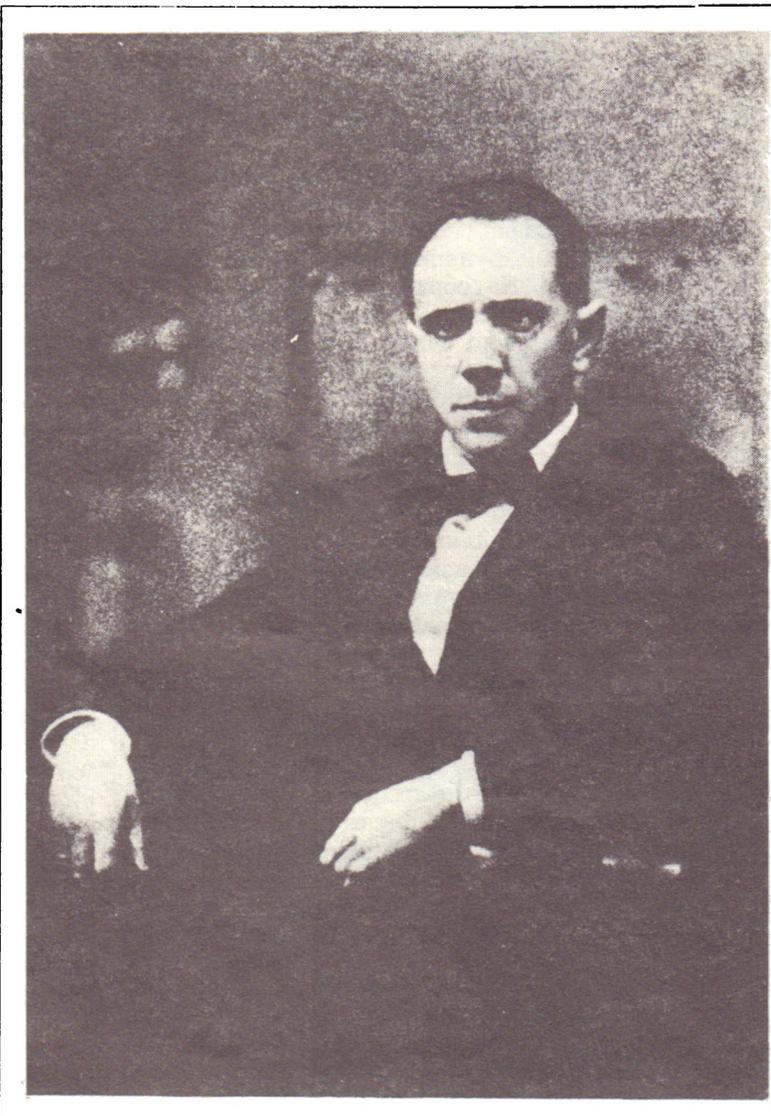
Тут я, пожалуй, прерву цитату из письма В.Белоцерковского и, поскольку его не вполне убедили поддержки, приведенные в статье "Мастер и прокуратор", процитирую статью его отца "Тоска по прошлому" чуть пошире, как она того заслуживает. И действительно, какой же "криминал", например, можно обнаружить в характеристике Всеволода Мейерхольда - "представителя взбесившейся и пресытившейся мелкобуржуазной интеллигенции"? А именно так убежденный "левый" коммунист из чернорабочих Билль-Белоцерковский квалифицировал не менее убежденного коммуниста из "интеллигентно-авангардистов" В.Э.Мейерхольда. В 1928 году по таким печатным квалификациям, конечно, еще не расстреливали, а следовательно, к разряду "клеветы", "травли", "донаса", "призыва к расправе", как ныне считает В.Белоцерковский-младший, подобные упреждения не относятся...

Со своей стороны, я оцениваю статью Билль-Белоцерковского "Тоска по прошлому" совершенно иначе - именно как клевету, травлю, донос в печати, готовившие в перспективе на уровне общественного мнения (вместе с другими статьями такого рода) и физическую расправу над опальным режиссером. Ничего не меняет и то обстоятельство, что Билль-Белоцерковский, очевидно, совершенно искренно считал, что "пролетарская масса" вправе *растоптать* художника, будь то Мейерхольд или Чехов, если художник не понимает языка этой "массы", не сочувствует ее инстинктам, не изображает ее героическое настоящее, а живет, не дай бог, "тоской по прошлому".

"Единственное средство *остаться в живых*, - предупреждал Билль-Белоцерковский недогадливых интеллигентов, - это шагать в ногу с этой массой, шагать *с жизнью*, иначе жизнь все стоящее на ее пути *превращает в смерть*. Боязнь этой смерти, неверие в собственные силы, а главное, *тоска по прошлому* - заставляют дезертиров отступать за границу. Характерно, что многие из нас давно предвидели это "отступление". Советская драматургия, отображая революцию, дает огромный материал для режиссерских

изысканий (разумеется, не в сфере "трюкачества"), но это отображение не по силам мещанину, привыкшему копаться в индивидуализме, психологизме, мистицизме и эстетизме - во всем том, что является наследием прошлого.

Я считаю, что и МХАТ-2 и театр им. Мейерхольда можно оздоровить только *при отсутствии* Чехова и Мейерхольда, при подлинном руководстве и при желании коллектива подчиниться этому руководству. На практике мы видим, что только тот театр начинает жить и пользоваться любовью, который держит курс на современного зрителя и ставит пьесы современного драматурга. Этого не может видеть только ослепленный эстет

или реакционер" (В.Билль-Белоцерковский. Тоска по прошлому. - "Новый зритель", 1928, №39, с.6).

Нетрудно убедиться, что Билль-Белоцерковский действительно "переборщил". Он постарался не только "идейно" пригвоздить "дезертиров", не только дискредитировать Мейерхольда и Чехова политически, но довести разгром их театров до логического конца, до административного устранения главных художественных руководителей от театральных коллективов, ими созданных. И эта смертоносная программа действий, как известно, была выполнена сполна.

Михаил Чехов свидетельствует в своих воспоминаниях, что кампания, поднятая против него в печати, могла иметь и более тяжкие последствия, чем отстранение от театра. Он получил неофициальное известие о том, что в ГПУ уже состоялось предваритель-

ное решение о его аресте при первом удобном случае: "Ягода медлил, и дни, и особенно ночи, тянулись мучительно медленно. Московские газеты и журналы разом начали "травлю" против меня (обычная подготовка перед арестом)... Травля продолжалась около недели. Общественное мнение было уже достаточно подготовлено, и арест мог быть произведен каждую минуту" (Михаил Чехов: Мне угрожали арестом. - Лит. газета, 1990, №32, 8 августа, с.13).

Надо быть большим фарисеем, чтобы утверждать, что участие Билль-Белоцерковского в организованной травле против Мейерхольда и Чехова не является особенным "криминалом" и не может рассматриваться как клевета, призыв к расправе и т.п. Пусть даже Билль-Белоцерковский не был единственным, кто соответствующим образом готовил общественное мнение, но его голос в хоре и в своре преследователей был намного слышнее других. Вот почему его и услышал, и отметил, и в целом взял под защиту сам Сталин. Так что у В.Белоцерковского-младшего, если смотреть правде в лицо, нет никаких оснований считать "злой неправдой" очевидный факт: его отец Билль-Белоцерковский в пору "великого перелома" был действительно одним из самых ревностных исполнителей смертоносной политики Сталина против "правого уклона" в литературе и искусстве. И если Сталин поправлял т.Билль-Белоцерковского в деталях проводимой политики, то лишь самую малость - он слегка придерживал чересчур ретивого "левого" коммуниста: если и гнать Чеховых в шею, то не всех, а если всех, то не сразу, а в определенной последовательности. И Булгакова - вопреки мнению Билль-Белоцерковского - Сталин отдал не на полное быстрое растерзание разъяренной своре, а обрек на медленную гибель: "Бег", как "антисоветское явление", запретил, а "Дни Турбиных", снятые на время из репертуара МХАТ, разрешил через пару лет восстановить на сцене, потому что и с политической точки зрения, не говоря о художественной, эта пьеса, как он догадался, приносит "больше пользы, чем вреда"... И с

Мейерхольдом, задержавшимся за границей, не следовало рвать сплеча; как-никак режиссер-коммунист, хотя и с кривляниями, с неожиданными "скачками", не мог быть так вот сразу объявлен "чужим" и врагом. А через десяток лет пришли ему и то, и другое. Смертоносная политика Сталина дотянулась и до этой своей давней жертвы - вот когдагодились размашистые квалификации из статьи пролетарского драматурга, ненавидевшего великого режиссера как представителя "взбесившейся и пресытившейся мелкобуржуазной интеллигенции"...

Короче говоря, как ни смотри, а в порядочном обществе, откуда вещает, между прочим, и радиостанция "Свобода" из ФРГ, статья Билль-Белоцерковского "Тоска по прошлому" не поддается сколько-нибудь убедительной защите с точки зрения общевропейской гуманности и морали, и если В.Бе-

лоцерковский-младший взялся все же за столь безнадежное дело, то, как я полагаю, только потому, что он сам не располагает достаточно полной информацией по затронутому вопросу и считает, наверное, что такой информации нет и у других. Мол, что было, то сплыло, былшем занесло и травой поросло. И поди теперь докажи, какие "последствия" имели выступления убежденного "левого" коммуниста против самых блестящих мастеров русского театра.

В.Белоцерковский и теперь почему-то считает артиста Михаила Чехова художником "консервативным" и хочет убедить нас, что его отец Билль-Белоцерковский всего лишь "советовал" Чехову и Мейерхольду остаться за границей: "...совет его был по существу правильный. Мейерхольд совету не последовал, вернулся и погиб в годы "Большого террора..."

Вот так громогласные обвинения Мейерхольда и Чехова в "дезертирстве" превращаются в добрый "совет", а виноватым оказывается не тот, кто клеймил, а те, кого клеймили и кто при этом разумному совету не последовал...

Сознавая все-таки, что статья "Тоска по прошлому" не слишком украшает его отца, В.Белоцерковский выдвигает другой защитный довод: "Во-вторых, эта статья и вызванное ею в конечном итоге письмо к Сталину (уже в защиту от атаки РАППа) были единственным случаем участия Билль-Белоцерковского в околосредствительственной политической жизни. Причем случай этот не имел за собой ни для кого никаких последствий..."

Должен сказать, что и по второму пункту своих возражений В.Белоцерковский не в ладах с фактами - он совершенно превратно представляет настоящую литературно-общественную и политическую биографию своего отца. Попытка выдать его за некоего отшельника, который "не принимал никакого участия в литературно-политической жизни", а только писал да писал свои революционные пьесы, - совершенно не соответствует действительности. Между прочим, сам Билль-Белоцерковский подтвердил в своей автобиографии:

"Годы гражданской войны я провел на военной и партийной работе. Был членом Военно-Революционного штаба "Бологое", комиссаром отдела фронта, уполномоченным по организации Красной Армии и партизанских отрядов для борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией.

С 1919 по 1921 год работал председателем горкома партии в прифронтовом городе Симбирске (наблюдения этого периода легли в основу пьесы "Шторм") и членом Кубано-Черноморского областкома в Краснодаре.

После окончания гражданской войны я вернулся в Москву и работал в Пролеткульте, в Орготделе ЦК ВКП(б) и в Главреперт-коме" (В.Билль-Белоцерковский. Рассказы и очерки. М., 1965, с.13).

На протяжении двадцатых и в начале тридцатых годов Билль-Белоцерковский был еще с головой погружен в околосредствительственную и закулисно-театральную жизнь - он был прямо причастен к формированию советской театральной цензуры и официальной театральной политики и на больших совещаниях выступал обычно как партийный начальник, хорошо знающий кухню Главреперткома - того самого цензурного органа, который много лет губил и в конце концов

загубил советскую драматургию, как об этом совершенно справедливо написал в своем Письме правительству СССР М.А.Булгаков.

В.Белоцерковский-младший возводит явную напраслину на отца, доказывая, что тот "люто ненавидел всякую общественно-политическую жизнь, которая тогда пышно процветала в литературе и искусстве...". Процветала, могу добавить, при прямом и деятельном соучастии Билль-Белоцерковского. Ибо не так воспитаны были "левые" коммунисты из анархо-синдикалистов, комиссары времен гражданской войны и уполномоченные по борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией, чтобы отворачиваться от советской общественно-политической жизни. И Билль-Белоцерковский, конечно, тоже не отворачивался. Вот, например, как он выступал на ответственном совещании в Агитпропе при ЦК ВКП(б) в 1927 году, где с большим пристрастием обсуждались вопросы текущей театральной политики:

"Мейерхольд отвернулся от советской драматургии еще задолго до постановки им "Ревизора", - заявил перед цекистами и другими партийными функционерами пролетарский драматург. - На собрании при студии Вахтангова он бросил клич - "назад к классикам" - и вот докатился до "Москвы" Белого. Говоря о театре МГСПС (где шла пьеса Билль-Белоцерковского "Шторм". - А.Н.), он слишком отрицательно отзывался об этом театре. У нас всего три революционных театра, и из них революционный театр им.Мейерхольда изменил этой тройке... Хуже всего то, что субъективные интеллигентские "вкусы" обволакиваются марксизмом подобно тому, как Троцкий под хулиганство Есенина подвел базу социализма. Это нечестно, это своего рода меньшевизм в угоду своим "вкусам". В будущем году наши пьесы пойдут в четырех академических театрах, ибо классовая пьеса есть и кассовая. Наша пьеса победит, пробьет брешь в академических театрах и заставит их так же служить интересам рабочего класса, как служили они интересам буржуазии" (Пути развития театра. Стенографический отчет. М.-Л., 1927, с.400 - 401, 402).

В качестве автора "классовых" пьес, которые претендовали быть "кассовыми", Билль-Белоцерковский добился определенных успехов, хотя действовал он, как можно убедиться, далеко не всегда литературными средствами. Основное направление и театральная, и охранительная "классово-публицистическая" деятельности Билль-Белоцерковского вполне устраивало Сталина. Вот почему в самый острый момент разногласий между группами "пролетарских писателей" претендовавших на руководство современной литературы и театром, Сталин решительно взял его под защиту от политических нападок соперников в лице Л.Авербаха и В.Киршона из журнала "На литературном посту".

"Да, я действительно защищал т.Б.-Белоцерковского, - подтвердил Сталин в своем письме писателям-коммунистам из РАППа. - Защищал, т.к. нападки на т.Б.-Белоцерковского, изложенные в "На литпосту", несправедливы в основном и недопустимы. Пусть "На литпосту" ищет себе наивных людей где угодно, - серьезный читатель никогда не поверит ему, что т.Б.-Белоцерковский, автор "Шторма" и "Голоса недр", представляет "деклассированного люмпена", что заявляет т.Б.-Белоцерковского о Мейерхольде и Чехо-

ве есть "повторение заявлений эмигрантской печати"... Много ли у вас таких революционных драматургов, как т.Б.-Белоцерковский?" ("Знамя", 1990, №1, с.198, 199).

В отличие от В.Белоцерковского-младшего, придерживающегося и сегодня той точки зрения, что "нападки" на т.Билль-Белоцерковского "несправедливы в основном и недопустимы", мы критикуем этого писателя как раз за те его свойства и качества, которые так нравились Сталину, - за его "кассовую" и "кассовую" нетерпимость к инакомыслящим в искусстве, за люмпен-пролетарскую ненависть к интеллигенции, за пренебрежение к классической культуре, за аморализм в печатной полемике и травлю наиболее талантливых людей в театре - Мейерхольда, Чехова, Булгакова и др., которые настоящую культуру поддерживали всеми силами и воплощали ее в своем творчестве.

К сказанному можно добавить, что Билль-Белоцерковский преследовал в драматургии и театре не только своих "классовых" противников, которые действительно претили ему своей интеллигентностью, творческой независимостью, психологизмом, эстетизмом или, как он еще писал, "тоской по прошлому". Кассовые интересы заставляли его сталкиваться и с "братьями по классу", с пролетарскими драматургами и убежденными коммунистами, такими, например, как Владимир Киршон.

В личном архиве Билль-Белоцерковского сохранился прелюбопытный документ - копия письма от 30 января 1929 года бюро группы "Пролетарский театр", которую он же и возглавлял, пленуму Совета ВОАПП о "вызывающем" отношении В.М.Киршона и др. к членам указанной группы, к театру им.МГСПС (где после "Шторма" была поставлена другая пьеса Билль-Белоцерковского "Голос недр", навеянная "шахтинским делом") и, наконец, лично к т.Билль-Белоцерковскому. Шестой и седьмой пункты этой образцовой по стилю литературной кляузы гласят:

"...Отношение к театру им.МГСПС. Слова: признание Киршоном наличия в нем "элементов пролетарского театра". Дела: ряд выпадов против этого театра, объективно поддерживающих кампанию против него реакционных элементов; высокомерный отказ Авербаха от живой связи с этим театром, предложенной последним; попытки Киршона обескровить его репертуар; случай на публичном диспуте в Политехническом музее, когда желтый журналист Левидов, заявивший, что театр им.МГСПС "паршивый", не был даже прерван председательствующим т.Раскольниковым.

...Отношение к т.Билль-Белоцерковскому. Слова: иезуитские заверения Киршона об уважении к нему. Дела: недопустимый, осужденный партруководством и советской общественностью выпад Авербаха в №20-21 "На литпосту", бестактная демонстрация Киршона в зале театра им.МГСПС на общественном просмотре "Голоса недр", его же выступления против этой пьесы, получившей высокое одобрение ответственных партийных товарищей, в театре Революции и на художественном совете театра им. Вахтангова" (ЦГАЛИ. Ф. 2181, оп.1, сд.хр. 122).

Говоря словами самого большого поклонника Билль-Белоцерковского как "революционного драматурга", пусть его сын ищет

себе наивных людей где угодно, - серьезный читатель, знающий сколько-нибудь историю советской литературы, никогда не поверит ему, что автор "Шорма" и "Голоса недр", статьи "Тоска по прошлому", кипы заявлений и писем в ЦК ВКП(б), в Главрепертком, в ВОАП, в РАПП и лично товарищу Сталину "не принимал никакого участия в общественно-политической жизни", "никому не мешал, дорогу не преграждал", и вообще вел себя тише воды, ниже травы во времена сталинщины.

"Политическая пассивность отца, - пишет В. Белоцерковский, - была одной из причин, если не главной, того, что он уцелел. Он не состоял в каком-либо руководстве, никому не мешал, дорогу не преграждал, глаза не мозолил в президиумах. В 37 - 38 годах он бежал из Москвы, колесил по провинции, не был на глазах". Мы узнаем также из письма В. Белоцерковского, что его отец, сам руководящий работник Главреперткома в середине двадцатых годов, "очень рано стал объектом притеснения, а затем и опалы - в годы расцвета сталинского антисемитизма. ...В годы антисемитизма и "Шорм", и имя отца исчезли из большинства учебников".

Не могу утверждать, стал или нет Билль-Белоцерковский политическим "отшельником" со второй половины тридцатых годов и позже. Я не занимался специально этим вопросом. Но кое-какие воспоминания университетских времен сохранились и у меня. Хорошо помню, что в самый разгар кампании против "космополитов" в конце 1940-х, начале 1950-х годов (вплоть до "дела врачей", ставшего пиком государственного антисемитизма при Сталине) пьеса Билль-Белоцерковского "Шорм" неизменно шла на сцене столичного Театра имени Моссовета. В этом спектакле роль спекулянтки Маруськи превосходно играла Ф. Равневская. И с именем автора этой пьесы в официальных учебниках сталинской поры все было в порядке. Не было ни одного учебника по советской литературе, а тем более по истории советской драматургии и театра, где бы не говорилось о драматурге Билль-Белоцерковском и его заслугах.

Гораздо хуже в этих учебниках обстояло дело с другими именами - Всеволода Мейерхольда, Михаила Чехова, Михаила Булгакова, Владимира Киршона и др. - теми самыми, которые не без успеха в свои лучшие годы атаковал в печати и комментировал в личных письмах на имя вождя и в "инстанции" литератор Билль-Белоцерковский... Так что для бесконечно длинного мартиролога действительных жертв политического, литературного и цензурного произвола времен сталинщины имя "революционного драматурга" Билль-Белоцерковского не подходит совсем или, может быть, подходит в последнюю очередь.

Свое письмо в редакцию журнала "Знамя" В. Белоцерковский открыл пассажем о том, что "кампанию очернения Билль-Белоцерковского начал Юрий Бондарев на XIX партконференции. В своем выступлении он зая-

вил, что: "Булгакова изживал со света не вождь (т.е. Сталин), а группа критиков и литераторов во главе с Билль-Белоцерковским, требовавших не раз высылки за границу талантливого конкурента"... Зачем Нинову нужно было принять эту эстафету, я не знаю, т.к. не знаю, кто он такой..."

Не собираюсь отвечать за Ю. Бондарева, за его аргументацию и подбор "нерусских имен", на которые обратил внимание В. Белоцерковский. Полагаю, что в моей статье "Мастер и прокуратор" нет ни одного слова, позволяющего предположить, что критика Билль-Белоцерковского и его общественно-политической позиции конца 1920-х годов имеет под собой национальную подкладку.

Основания этой критики совершенно иные, а в главном пункте она прямо противоположна тому, что утверждает Ю. Бондарев, по существу освободивший Сталина от ответственности за драму Булгакова и других художников его времени.

В действительности, как и доказывает опубликованная мною переписка Сталина с писателями-коммунистами РАППа, именно он несет главную ответственность за репрессивную и запретительную политику в области культуры и искусства, что, впрочем, не снимает своей доли исторической вины и с его подручных из РАППа, и с партийных и государственных органов Наркомпроса, Главискусства, Главреперткома, Главлита и др., а также с таких доброхотов-охранителей "пролетарской" идеологии в искусстве, каким был в двадцатые годы Билль-Белоцерковский. Его особые заслуги в проведении сталинской

"классовой" политики в год "великого перелома" отмечены собственноручными письмами Сталина, и никуда от этого факта не деться - нравится это теперь его сыну или не нравится.

В. Белоцерковский полагает, что моя задача в статье "Мастер и прокуратор" заключалась не в объективном анализе фактов, а в том, чтобы "соревноваться в разоблачении всех старых имен и кумиров".

Мой оппонент и здесь, к сожалению, смещает предмет реального спора. О "всех" речи вообще нет, что же касается почтенных "старых имен" - М. Чехова, Вс. Мейерхольда, М. Булгакова и др., то в их "разоблачении", как теперь ясно, соревновались совсем другие лица. Что же до В. Н. Билль-Белоцерковского, то в числе "кумиров" он никогда не был... А так называемая "левизна" автора "Шорма", "Голоса недр" и вполне конъюнктурной пьесы "Лево руля" была очень удобным свойством для Сталина. Это была "левизна" сервилизма, "левизна" чрезмерного рвения и услужения политике правящей партии и тоталитарного государства, в контролируемых органах которого - от Орготдела ЦК до Главреперткома - революционный драматург изволил служить лично. За что и был отмечен, взят под защиту и поощрен самим Сталиным.

Отношение к ошибкам, заблуждениям, порокам, а нередко и преступлениям людей, поддержавших Сталина в его политике, так или иначе причастных к формированию идеологии, морали и репрессивной практики сталинизма, - это самый сложный вопрос, затрагивающий кровные интересы нескольких поколений. И нет другого пути для общего очищения, кроме как признание правды и покаяние. А историческое покаяние, в свою очередь, требует познания всей полноты фактов, их изучения, анализа, обобщения.

"Сын за отца не отвечает", - лицемерно заявил в свое время Сталин, обрекший миллионы детей репрессированных на жестокие кары или на самые унижительные ущемления. Сын за отца не отвечает юридически, как вообще не отвечает один человек за поступки другого. Но в духовном, моральном, историческом плане и отец отвечает за сына, и сыновья не свободны от настоящей оценки духовного наследия отцов. Поэтому всякая попытка затемнить, стусевать открывающуюся правду, боязнь или нежелание взглянуть реальным фактам в лицо - это путь сохранения наследственной лжи, новое заблуждение и новое унижение, вместо исторического покаяния и очищения.

У нас не учат "на интеллигентного человека", а потому не сразу начинаешь замечать, что живешь на развалинах великой культуры (так на картинах Гюбера Робера прачки, рыбаки непринужденно занимаются своими скромными делами среди грандиозных античных руин), не замечаешь, что это облупленное здание не планетарий, а храм, что эти узоры - и не узоры вовсе, а слова забытого языка. И, еще не умея разобрать хотя бы одну фразу, проникаешься благоговением ко всем следам прежней культуры - в сущности,

только за то, что она была уничтожена: ты все успел узнать, что уничтожалось все лучшее, и тебе уже не требуется более надежного знака качества, кроме: "Уничтожено государством". Поэтому ты с величайшим почтением разглядываешь картины на библейские сюжеты, разглядываешь живописные фигуры в старинных одеждах, не помышляя о том,

что это не просто приятные люди с вдумчивыми лицами, а святые: в твоём (нашем) словаре нет слова "святой". Вернее, оно означает "очень-очень-очень хороший человек", но - произведенный в это звание людьми, нами же, а не какой-то высшей силой. Ты наивно рассчитываешь войти в уничтоженную культуру, узнавши как можно больше исторических событий, положенных в основу библейских легенд: тебе кажется, что "связь с жизнью" повышает ценность священной книги. Именно тогда, в либеральные шестидесятые Библия из памятника фанатизму и невежеству тоже была частично реабилитирована до исторического памятника и даже - верх сводомыслия! - выдающегося художественного произведения. И верующие тоже должны были только радоваться, что их святыня ставится на одну доску не с чем-нибудь - с "Илиадой"! Единственно возможным представлялся взгляд на религию как явление культуры, искусства, и притом тоже единственно возможного - реалистического. То есть художники в религиозных формах всегда воплощали земные идеалы, эзоповым языком библейских сюжетов воспевая тему Материнства, тему Труда, тему Подвига и все прочие темы Герасимова и Налбандяна. Но однажды, уже усвоив, что приближение к фотографии не есть приближение к совершенству, пройдя через презрение ко всякой сюжетности, перед картиной Николая Николаевича Ге "Что есть истина?" вдруг впервые задумываешься: а какой видит картину верующий человек? Конечно, Христос (но не Пилат) вполне соответствует представлениям современного полуинтеллигента, почерпнутым из элитарно-массовой культуры - из "Мастера", скажем, и "Маргариты": симпатичный, хотя и непрактичный оборванец. Но что в нем видят те, для кого Бог - это действительно Бог, апостол - действительно апостол, а святой - действительно святой? Спросить не у кого - те, кто верил наиболее искренне, имели наибольшие шансы быть уничтоженными, а подлинная, то есть наив-

ная вера может быть получена только по наследству, в доверчивом младенчестве.

Более или менее близко я знал лишь двух верующих. Первой была моя двоюродная бабушка, "баба Маня", чудом уцелевшая, когда тело нашей великой Родины очищалось от "вредных насекомых": она по случаю болезни жила у своего отца (земного), когда ее женский монастырь в полном составе бесследно исчез в темницах ГПУ - НКВД, - сохранилось только предание о том, как допрашивали самую ветхую, едва ли не столетнюю монахиню: от нее требовали признаний в подпольной деятельности, а она божилась, что, по старости и слепоте, ее в подпол уже давно не посылали.

ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ, ИЛИ ОТ КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА К НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭМБЛЕМЕ

Впрочем, баба Маня ни малейшего зла на новую жизнь не держала, уверенная, что самим Господом так положено: "Был пророк Моисей, - охотно разъясняла она, приветливо глядя на тебя лучистыми галазами, до странности живыми и юными на этом сморщенном личике, - а потом стал Иисус Христос. А теперь стал Ленин". А уж лично ей тем более обижаться не на что: и государство ей хорошую пенсию положило, рублей в месяц как бы не двадцать, да еще в церковном хоре (всего полтора часа в один конец) доплачивают чуть ли и не больше того, только этот сверхдоход нужно скрывать от финорганов, а то пенсию обрежут. Но такое ли претерпел Иов многострадальный! Претензия к новой жизни у нее была одна: "Зачем царя Давида без штанов изображают? Вам бы небось не понравилось, если бы мы Ленина этак-то", - она где-то видела микеланджеловского "Давида" и была убеждена, что это какая-то особенно злостная выходка антирелигиозной пропаганды. Мог ли я предположить, что баба Маня имеет в душе какой-то более абсолютный Абсолют, чем мой весьма относительный культурный прогресс!

Вторым верующим, с которым я общался наиболее интимно, через его творчество, - был Лев Николаевич Толстой. Неясно, впрочем, можно ли считать его взгляды верой - в смысле полного отсутствия сомнений: кто нуждается в обоснованиях, тот не верует. А уж кто способен дотошнейшим образом копнуть над "Исследованием догматического богословия" и при этом выходить из себя - тот не зря отлучен от церкви. И однако же, дерзкий граф в проникновенном письме к П.М.Третьякову уверял, что картина "Что есть истина?" показывает извечное столкновение "между учением истины и представителями сего мира... и потому хватает за сердце всякого, того, у кого есть сердце". Еще бы: перед самодовольным чиновником измученный пророк новой религии - религии любви... Но что трогает, или даже "хватает", сильнее - Истина или ее беззащитность, Абсолют или жертвенность? Подозреваю, что для людей равнодушных именно готовность к жертве

Александр Мелихов

есть главный признак живой, а не притворной веры - недаром в то самое время, когда Толстой писал эти слова, в умах интеллигенции канонизировалось новое - революционное, социалистическое евангелие - со своими пророками, со своими мучениками, со своими святыми. Сегодня бурно ширится мнение, будто Церковь всегда была чуть ли не единственным источником духовности, беззаветным защитником униженных и оскорбленных, высшим авторитетом всех сколько-нибудь приличных людей, а низвергнута была лишь жалкой кучкой корыстных политика-

нов (на наших глазах только что потерпело поражение всемогущее советское государство при попытке отнять то, что истинно дорого народу, - водку). Но поинтересуемся, что по этому поводу думали не самые глупые и несведущие современники, что им представля-

лось волнующим и зовущим к жертве.

"Атеизм превратился в религию своего рода... Подвергать себя всевозможным лишениям, чтобы только внести в эту несчастную среду слово утешения, евангелие наших дней - социализм", - террорист Кравчинский. А вот просвещенный либерал Тургенев: "...Ты готова на жертву?" - "Да". - "Готова ли на преступление?" - "И на преступление готова". Готова и - что же?

"Дура!" - проскрежетал кто-то сзади.

"Святая", - пронеслось откуда-то в ответ".

Все-таки святая: жертвой искупается все. И через тридцать лет "веховские" мыслители сетовали, что "материализму и атеизму русская интеллигенция придает характер религии", что "идеал христианского подвижника сменился идеалом революционного студента", - и тщетно пытались оторвать социализм от христианства. Но победившая религия утратила обаяние, а истинной представилась страдающая. Поп, исповедующий террориста, казался дальше стоящим от Христа, чем, скажем, Желябов, признававший суть христианского учения со специфическим уклоном: "Вера без дел мертва есть!". Даже Лев Толстой находил для революционеров, преступивших заповедь "не убий", совсем другие слова, чем для служителей торжествующей религии, одобрявших "убийство заблудших беспомощных юношей" и вместе с тем требовавших от чиновников справок о причастии, а от школьников ответов по катехизису, противоречащих элементарным научным знаниям и даже житейскому здравому смыслу - как впоследствии социалистические попы требовали вопреки очевидности отвечать, что при социализме все делается для блага человека. И так же, как и во времена господства социалистической ортодоксии, "ум, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими", а "явное признание и исповедание православия большею частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными", - так считал тот, кто был совестью России.

"Православная церковь?"

Я теперь с этим словом не могу уже соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженных людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных, в шелку и в бархате, с панаягами бриллиантовыми, называемых архиереями и митрополитами, и тысячи других нестриженных людей, находящихся в самой дикой, рабской покорности у тех десятков, занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ. Как же я могу верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы о своей душе она отвечает жалкими обманами и нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь, что во всем том, что составляет самое драгоценное в моей жизни, я не должен сметь руководствоваться ничем иным, как только ее указаниями". "Мы, люди так называемые образованные... даже не презираем, а просто не обращаем никакого внимания, даже любопытства не имеем знать, что они там делают, и пишут, и говорят... Люди же из народа, как только в них проснется религиозное чувство, идут в раскол, штундисты, молоканы (и прочие диссиденты, добавлю я). Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга".

Вдруг вспомнилось, как совсем недавно первые люди в государстве обращались к служителям общественных наук с просьбой отступить от долдонства и взбодрить общественную мысль - духовные же пастыри наши, как всегда, откликнулись с энтузиазмом и потребовали открыть побольше новых кафедр марксизма-ленинизма. "Мир утверждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним". "Сами люди помимо церкви уничтожили рабство, оправдываемое церковью, уничтожили сословия, уничтожили оправдываемые церковью религиозные казни, уничтожили освященную церковь власть императоров, пап и теперь начали стоящее на очереди уничтожение собственности и государства", - вот такой сделалась роль учения, называвшего себя единственно верным...

Наконец явилась и картина на новоевангельский сюжет - "Отказ от исповеди". Сохранилось несколько пробных набросков: интеллигент в арестантском халате с гордым ликом страждущего пророка, а напротив священник с крестом - то в скуфье, то в камиллавке, то сухо наставительный, то ограниченно самодовольный, то ограниченно унылый, но всюду моральное торжество на стороне служителя страдающей, а не торжествующей религии, - последнему отведена роль, которую Ге отвел Пилату.

И гласом вопиющего в пустыне звучал "веховский" призыв не путать страдание с истинной, а жертву с размышлением и знанием.

А между тем развитие сюжета готовило новую перестановку слагаемых: социализм победил, а христианство пало. Но в эпоху соцреализма не нашлось живописца, который с состраданием или восхищением изобразил бы мудрого священнослужителя или малограмотную монахиню в кабинете бессердечного гебиста или безмозглого "работника идеологического фронта". В новой жизни страдание уже не вызвало сочувствия -

"у нас зря не сажают", а культ жертвенности наконец-то (но не возрадовались Бердяев с Булгаковым!) сменился культом победы любыми средствами ("без буржуазного лицемерия") и любой ценой ("лес рубят - щепки летят"): победитель всегда прав - и горе побежденным! Но гонения на религию все же сделали свое дело. Чуковский уже в 1925 году записывает в свой дневник: "Прежде на панихидах интеллигенция не крестилась - из протеста. Теперь она крестится - тоже из протеста. Когда же вы жить-то будете для себя, а не для протестов?".

Из сознания же современного полуинтеллигента (на полное у нас не учат) окончательно улетучилась не так уж давно весьма распространенная фигура долгогривого багдюшки - выпивохи или охранителя, раскрывающего тайну исповеди перед политическим начальством: среди патриотических святых теперь уже безраздельно сияет образ мудрого и благородного иерея. Для истинно русского патриота все национальные святые ни равно безупречны - безупречен и Толстой, проклинавший церковь, безупречна и церковь, отлучившая Толстого. Впрочем, на Толстом отнюдь не все пятна выцвели от времени и поношений - некоторые наоборот проступили отчетливее: Толстой называл патриотизм суеверием, прийдя через христианство к совсем другим выводам, чем неоправданные литераторы: "То, что мне представлялось хорошим и высоким, - любовь к отечеству, к своему народу, к своему государству, служение им в ущерб блага других людей, военные подвиги людей - все мне показалось отвратительным и жалким. То, что мне представлялось дурным и позорным, - отречение от отечества, космополитизм, - показалось мне, напротив, хорошим и высоким".

Впервые особенные сожаления о тысячах уничтоженных священников я услышал лет десять назад от литературного сверстника, писавшего обычную "молодую прозу": тонкий, ранимый герой, страдающий от окружающей тупости и хамства (вариации "Над пропастью во ржи"). Писал он эти вариации не хуже других, а потому и печатался не лучше. Я помню, даже устыдился, что среди многомиллионных жертв нашей великой истории, которую мой коллега ныне страстно защищает от очернителей, - что среди прочих жертв я не выделял священников в особую графу.

Но вскоре после этого мой знакомец стал выпускать книгу за книгой, и с каждым следующим номером все явственнее и ужаснее проступал образ злокозненного инородца, коварно вытравливающего беззащитные русские корни при помощи рок-музыки, наркотиков, начитанности и алкоголя. Он выпустил больше книг, чем все вместе взятые его ровесники, писавшие о ранимости и одиночестве, получил все мыслимые для его возраста премии и посты и теперь гласно негодует, что русскому национальному меньшинству евреи не дают вволю печататься. Баллотировался он и в Верховный Совет, собравши процента как бы не четыре избирательских голосов. Но ведь многих славных путь начинался не лучше... Я самолично видел, как пугающие сочетанием измученности и воспаленности тетки климактерического возраста обносили его портрет вокруг скверика, у метро, выкликаая: "Демократам на народ плевать, а он за народ, за народ!" - так что теперь я берегу его книгу с дарственной надписью спе-

циально на случай погрома: чтобы выставить вместо иконы.

Любовь к невинным и умиленным предметам - лампадкам, березкам, ясноглазым отрокам, ангелоподобным девам - вообще есть отличительная черта русских национал-социалистов. Их германские коллеги увлекались более суровой бутафорией - Вотаны, Зигфриды, рогатые шлемы (впрочем, в теории и они относились к деревне с почтением как к хранильнице крепкой семьи и чистой опять-таки крови), - а в характере наших родимых нацистов есть что-то, медицински выражаясь, эпилептоидное: слащавость, сменяемая взрываема неконтролируемой злобы, в основе которой всегда лежит мысль о каком-то материальном ущербе.

Но все-таки ни сострадание, ни желание составить оппозицию начальству не должны сделаться заменой знанию и критической мысли. Даже клеймо "Уничтожено государством", равно как и все прочие ярлыки, еще не гарантирует безупречности. "Страдание не делает заблуждение истиной", - распространим же это правило на всех, никому не подсуживая. Когда девочка, искренне горящая любовью к добру, будто в божественные откровения вслушивается в банальности, величаво истекающие из внушительной бороды церковного иерарха, а "революционного студента", отдавшего жизнь за справедливость без малейшей надежды хоть на грош ею воспользоваться, считает прямым предтечей Сталина и Кагановича (хотя Христу не ставит в вину инквизицию и крестовые походы), - при виде такой картины становится очень грустно: ничего похожего на независимость мысли мы так и не обрели. Слава богу, конечно, что уже не подпеваем начальству, но выносить суждение, по-прежнему не спуская с него глаз, - чтобы обругать то, что оно хвалит, - это почти прежнее убожество, почти прежняя закабаленность казенной пропагандой. Оскорбленный Христос тоже прибегнул к насилию, изгоняя торгующих из храма, однако запомнился-то он нам на кресте, а не с бичом в руках. Но вызвать сочувствие к отчаянию "революционного студента", отправлявшегося на каторгу за деятельность, которая в любой цивилизованной стране была бы признана просветительской или благотворительной, к отчаянию апостола любви, взявшегося за бомбу, в тысячу раз труднее, потому что он исповедовал социалистическое евангелие, а мы, как известно, все еще живем в стране победившего социализма.

Горе победителям! Если у тебя есть излюбленная идея, страшишься победить, страшишься сделать ее предметом принудительного поклонения: животворящая мечта, превращенная в директиву, неизбежно засыхает. Так и мечта о всечеловеческом братстве, тысячелетиями питавшая благородных деятелей и мыслителей, воплотившись в церковную или государственную идеологию, подобно живому подземному корневищу, извлеченному на воздух, превратилась в сухую корягу, пригодную только для вышибания мозгов...

Победитель всегда неправ, потому что победителей не судят только низкие, темные души, - но души, стремящиеся к свету, судят их с утроенной строгостью. И даже не всегда праведным судом...

Начинал я это сочинение в ту розовую (еще не от крови, а от нарождающейся зари очередного светлого будущего) пору, когда

демократическая интеллигенция могла с полной беззаботностью отдаться естественному для всякого демократа порыву: защите слабых, защите меньшинств- национальных или религиозных, не сомневаясь, что ответственное великодушие будет как минимум удвоенным, вызвав в свою очередь целую цепную реакцию, можно сказать, лавину встречных великодуший. Но теперь, возможно, подошла наконец и наша, стотысячная в истории, очередь убедиться, сколь обширные множества людей в качестве побежденных жалки, а в качестве победителей - отвратительны. Вообще случилось много такого, что прежде казалось невозможным, - и соцпопы сильно побавили в своем влиянии, и Церковь сильно в оном прибавила. И, может быть, уже не совсем праздным сделался вопрос из превосходной статьи А.Агеева ("Знамя", № 10, 1990): когда свобода верить и обращаться в свою веру будет обеспечена - сохранится ли свобода не верить? Не придется ли когда-нибудь подписывать характеристику у участкового духовника или освобожденного духорга? Множество мелочей создает невольно впечатление, что какие-то сравнительно влиятельные силы Церкви готовы блокироваться не просто с Кесарем, но и с самыми неправыми, то есть правыми силами в нашем государстве. По крайней мере, задача возрождения Церкви часто мелькает среди прочих исключаящих друг друга коммунистических и фундаменталистских лозунгов (один партийный бюрократ на предвыборном митинге перечислял свои доблести: коммунист, крещеный, пострадал от застоя). Церковь же не спешит сколько-нибудь громко выразить свое отношение к подобным земным покровителям. Может быть, отмежеваться от них было бы не по-христиански?

Когда берутся за руки обожатели городского пролетария и патриархального крестьянина, воинствующие безбожники и защитники православия, интернационалисты и националисты, это означает, что их лозунги - чистая маскировка ради каких-то более близких, "земных" целей. Коммунистам-то я как раз и не удивляюсь - они столько раз поступались всеми декларируемыми принципами и вступали в союз с Сатаной, что для сохранения власти не погнушаются и "кокети́чаньем с боженькой". Но приемлема ли для верующих попытка усилить политические позиции Бога, принимая дары Антихриста? Мне кажется, что для истинно верующего должно быть оскорбительно низведение Абсолюта до любой из социальных, "земных" функций - для Абсолюта унижительно и роль культурного феномена, и роль национальной эмблемы. И уж тем более - роль гигиенического руководства. А новообращенные полунинтеллигенты могут совершенно серьезно обосновывать достоинства религии ее пользой для здоровья (поклоны, дескать, улучшают перистальтику кишечника), а посты очищают организм от "шлаков", продолжая мыслить человека по образу и подобию двигателя внутреннего сгорания...

Замечает ли Церковь со своих горних вершин, кто и в каких целях использует ее имя и вообще - сколько суетного и сорного несет в себе религиозное половодье? Словно размыло какие-то подвалы, куда вместе с хламом вооруженная передовым учением воинствующая дикость сваливала и великолепные плоды человеческого духа, и теперь все подхвачено с одинаковым восторгом - икона и

пикантная фотографическая картинка из Парижа, "Вехи" и "Протоколы сионских мудрецов", кибернетика и хиромантия, генетика и астрология. И тут же колдуны под новым (научным) именем экстрасенсов, приплясывающие кришнаиты, крестившийся Кашпировский - закружились бесы разны... "Ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес". Сам был свидетелем: несчастная женщина, лишившаяся мужа, просила психотерапевта найти для нее священника, а еще лучше - экстрасенса.

Впрочем, в функции обезболивающего, в функции, с позволения выразиться пошло, опиума для народа как раз меньше всего пошлости, а вот религиозное шмоточничество, навешивание на себя новых "православных" побрякушек, попытки небрежным или щеко-чущим полузапретной новизной исполнением ритуалов, крещением или венчанием заменить духовное совершенствование - это не только пошлость, но еще и иждивенчество, граничащее с жульничеством. А Церковь, взирая на это, напоминает - по крайней мере, снаружи - обычную земную партию, всегда готовую не слишком приглядываться к "идейной чистоте" своих членов во имя экстенсивного умножения влияния и членских взносов. Что притворяться - все земное не может обойтись без компромиссов. Но если таково же и небесное, к чему тогда оно?

Влиянию церкви весьма способствовала и потребность людей избавиться от собственной совести, собственного ума, освободиться от мук свободного выбора, успокоиться в качестве чьего-то орудия - пускай хотя бы и небесного Отца, раз уж земные Отцы народов приказали долго жить: "нет ничего обольстительнее для человека, чем свобода его совести, но нет ничего и мучительнее", "но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение"... Свобода мысли и совести губельны именно для общности преклонения: они непременно влекут за собой разнообразие, абсолютно необходимое для творчества и прогресса, но избыточное для единства и душевного комфорта, заключающегося в отсутствии сомнений. И нужда в совместном преклонении вовсе не поэтический вымысел.

Классик мировой социологии Эмиль Дюркгейм еще на рубеже веков попытался выявить скрытую причину закономерного устрашающего роста самоубийств во всей цивилизованной Европе и пришел к выводу, что люди более склонны убивать себя там, где исчезают объекты совместного преклонения. Упадок неколебимого уважения к единообразной религии, к единообразному обычаю некоторое время может возмещаться ритуалами, но пустые ритуалы тоже долго не протянут в соседстве с критической мыслью и многообразием чужеземных ритуалов и обычаев. В современном мире прочными кумирами могут оставаться только духовные - но не обязательно мистические, - такие, например, как Наука, Культура, Гений, Милосердие (Нация - это тоже земной суррогат Божества). Для тех же, кто не способен с непритворным благоговением отнестись к этим "идеям и призракам", - для них-то и сбывается пророчество: "Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но

малосильные, истребят друг друга, а трети, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим".

Они уже и приползают. Но душевный комфорт их может быть построен - и уже строится - лишь на чуде, тайне и авторитете, - приемлем ли для православия замысел Великого Инквизитора?

Погоня за отсутствием сомнений ценой отказа от мысли и совести не сулит духовного возрождения даже и в будущем. Тем более все, что сегодня зовется духовным ренессансом (журналистки исходят умилением: "В келье теплилась лампада, а на столе лежала Книга, в которой есть все", - снова Все в одной книге), не имеет ни малейшего отношения к тому, что все-таки тоже не чуждо христианству - духу милосердия, бескорыстия и непротivления злему. Что мы видим вокруг? На бытовом уровне - грязня и мелкое жульничество, кошмарный процент населения изъясляет готовность сделаться палачами. На политическом - борьба корысти с позерством, эмблемы и символы, гербы и знамена увлекают сильнее, чем человеческие судьбы, месть выглядит неизмеримо более манящей, чем прощение, противостояние всевозможным эллинам и иудеям нарастает с каждым днем, и - совсем уж парадоксально - едва ли не самыми мстительными, завистливыми, лживыми, склонными принудительно регулировать даже культуру (защита национальных святынь, "начальства и Пушкина"), просвещение (процентная норма), супружескую любовь (защита генофонда) оказываются те, кто громче всех заявляет о своей приверженности православию, - "люди тупые, жестокие и безнравственные и считающие себя очень важными". Впрочем, парадокс ли это? Может быть, и на христиан распространяется тот закон, который в "Вехах" выведен из наблюдений за безбожниками: чем более высокую цель человек ставит перед собой, тем легче он склонен прощать себе мелкие - в сравнении с нею - отступления от житейской снисходительности и порядочности. Что же говорить тогда о целях и вовсе неземных!

Перечитал и чувствую, что остается лишь воскликнуть: куда же смотрит Церковь! И задумываюсь: да мне-то что за дело, если она недостаточно разборчива в выборе покровителей и прихлебателей? Ведь не претендую же я быть святее патриарха Московского. Но почему же в океане окружающей лжи и пошлости меня как-то особенно задевает ложь и пошлость "религиозного обновления"? Мне как будто обидно, что Церковь оказывается недостойной своей небесной миссии... Неужели и во мне продолжает теплиться извечная мечта о святой... нет, не личности, их-то я знаю сколько угодно и среди безбожников, а о святой организации, что ли. Организация, которая ни на шаг не отступала бы от законов милосердия и самоотвержения, которая собирала бы сокровища исключительно на небесах (в человеческих мнениях и человеческой памяти), которая постоянно помнила бы, что физическая победа всегда оборачивается духовным поражением - что высокое перед людьми есть мерзость перед Богом и лишь умершее зерно принесет много плода.

Но святыми, вероятно, бывают только личности. Только им и следует дарить нашу любовь и веру.

Сначала шум донесся со двора. Он выглянул в кухонное окно, которое в их трехкомнатной квартире распашонкой выходило во двор, и увидел их всех. Ну не всех, конечно, сколько их там еще роилось под деревьями, подбирались к окнам первого этажа, подтягивалось через две ближние подворотни, но и того, что он увидел, было вполне достаточно. Так они и должны были выглядеть - можно было бы и не выглядывать, но была все-таки надежда, что их будет поменьше. Нет, ему лично, как и всем, для кого это готовилось, разница не было - сотней больше, сотней меньше - один черт, но легче было бы знать, что их поменьше. Но вот не вышло. Много, да еще как много. Что ж, будем ждать.

Он обвел взглядом разложенный на потертом паласе арсенал. На душе было серьезно. Это тебе не номер на кабана стоять. Так, одна двустволка - калибр двенадцатый - с вертикальными стволами и две - двенадцатый и шестнадцатый - горизонталки. Двенадцатые картечью заряжены, шестнадцатая - пулями. С предохранителя сняты: время надо экономить. Ну, врубил из олеу, отбросил и сразу вторюю перехватить. Если толпой подлезут, то тут и сомнут, за третью уже не ухватишься, а если группами по квартирам, то есть шанс швырнуть и за третью взяться, а то еще перезарядить хоть одну. Но это, если у первых своих стволов не будет. Если будут, то дело похуже. Впрочем, все равно, конец один. Как бы то ни было, хорошо все-таки, что этого указа о сдаче охотничьего ружья не было пока, - тут бы, как всегда, жулью поблажка: кто не регистрировал, у того и не заберешь, а у него все чин-чином, так что и искать не надо. Приедет наряд, а то еще просто повестку прислали бы, нет, все-таки скорее сами явятся, и, извините, где тут числящееся за вами оружие? Извольте подать. И слова не скажи. Разговоров-то немало было. Но вот обошлось. Есть чем встретить.

А сколько раз ему за все эти годы Белка темя долбила, что ружья его только одна опасность и разорение для семьи, хотя две дочери - не сын, и никогда интереса к его охотничьему снаряжению не проявляли, так что опасности никакой, а что касается цен, то куплено-то все было еще когда - поди сейчас за три сотни штучную тулку найди, мало того, что в магазинах днем с огнем, так даже на руках у своих и то до полутора штук доходит. Как ни крути - одна выгода. Он еще, помнится, совсем недавно, когда на охоте лишних два дня задержался, а позвонить, естественно, неоткуда было - он цивилизованных мест отродясь не признавал, и дома она ему целую сцену заката с битьем ритуальной тарелки и проклятьями на головы его дружок и на эти бедные и уж точно ни в чем не повинные ружья, да, так он еще тогда взывал к генам ее гипотетических предков-ростовщиков, которые поняли бы, как хорошо безо всяких усилий на каждой вещи за десять лет по тыще заработать, даже если не считать регулярной кабанятины, с помощью этих вещей добываемой. Она тогда на эти гены обиделась, даже ругаться перестала и до вечера или, если по-честному, так до ночи дулась. Но уж ночью все наладилась - у него тоже кой-какие гены неплохи. Ах, Белка, Белка - и плохо, что ее рядом нет, и хорошо, что он ее к своей тетке в деревню вместе с девками отправил. Там на двадцать три двора только в четырех еще живут, и все за шестьдесят. Им пока не до пятого пункта - хлеба бы раз в неделю подвозили. Может, пересидят там, если это временно, а если это надолго, так все едино. Девки жалко - они в него, белые с голубым. Да что это он - а если бы в нее, так что, хуже? Пятнадцать лет женаты, а для него красивее нет. И не только для него - он с ней даже по улицам вместе ходить не любит, больно на нее много мужиков оборачиваются. Сначала-то он по своей дворовой привычке сразу в морду лез, потом только поутих - пусть смотрят, она-то все равно ноль внимания. Хотя нет, про себя, наверное, замечала. Ну и что? Разве плохо красивой быть? И девки хоть мастью в него, а статью в нее - он здоровенный, шею не разглядишь, а они все трое высокие, тоненькие... Он представил, что с ними могут сделать, и аж винтом пошел. Ну, сначала он с этими пареньками по-своему потолкует.

Шум уж раздавался вроде бы в подъезде. Дверь или сломали - она у них на замке с кодом, или стекло вышибли. Он не слышал. В милицию еще вчера звонили, предупреждали,

что какие-то типы ходят по двору, угрожают. А что милиция? Им самим страшно.

Владимир Лин Или, может, сами не против. Какая теперь разница? А что к их дому столько этих подтянулось - так тоже понятно: дом этот только "Еврейским островом" и называют (кто повоспитаннее, конечно, а у других выше "Жидовского стойла" не поднимается). И правда, он еще раньше смеялся такой концентрации Белкиных соплеменников среди соседей, хотя чего удивляться - все свои к своим тянутся, а их лавочка одновременно два кооператива сдавала, так во втором татарин на татарине. Ну это, конечно, для красного словца - и тут не одни евреи, и там кроме татар кого только нет, но все равно заметно. Интересно, а к татарскому дому кто-нибудь сейчас подтягивается мусульман поучить? Вряд ли. Господи, и откуда только такие суки повылезали. Он вспомнил свою таганскую юность и высказался про себя еще покрепче. И ведь не постыдились по всем почтовым ящикам листочки печатные рассовать, что, дескать, если русский, то не бойся - разберемся, а жидам и полукровкам всяким и под землей не спрятаться. Интересно, а как бы с ними сделали - русее ведь некуда и по виду и по роду, а вот жена, по-ихнему, подкачала. Как бы решили - он ее усовершенствовал или она его загадила? А девки? Нет, бабам его наверняка бы хана. А какой же он мужик, что за своих баб постоять не может. Поэтому он и не остался в деревне - даже если бы до них не добрались, а с другими что-нибудь случилось бы, так для него этого бы все равно не перенести, он бы все равно их себе посреди всего представлял. А что в таких случаях творится - уж за последние пять-то лет он в газетах поначитался. Какая разница, что с армянами, что с узбеками - все то же творят. Это даже хорошо, что ему уже отсюда не выбраться, - никогда больше про такое не услышит, и если даже когда до Белки с девками и доберутся, он-то уже не узнает. Хотя это и блядство, конечно, что он так думает. Он заскрипел зубами разом от злости и боли.

И вспомнил, как один раз он уже так скрипел, правда, только от боли. Но случай слегка похожий. Он тогда еще за Белкой только увивался и шансы были не очень ясны - то есть она еще думала, а для него уже все было решено-подписано - так он ее в Парк культуры на танцы вытащил. Танцевали, танцевали, пока один парень, даже лицо знакомое, где-то встречались, не сказал довольно громко своему приятелю, кивнув головой в их сторону: "Смотри, какую жидовочку себе мужик смастерил - пилить и пилить". Так он тогда прыгнул, пока еще парень этот и фразы не закончил, - в драке он всегда неплох был. Так впаял, что того от земли оторвало и в сетку впечатало, а он уже ко второму развернулся, да вот беда, оказалось, что два рядом тоже с ними были, а против четырех он, конечно, сколько мог - отмахивался, пока милиционер не растащил, но навешать ему тоже успели толково. Они сразу свалили, а он тогда и скрипел. Только Белку ничем не пронять было - она еще и смеялась: "Видишь, что бывает, когда с неполноценной расой связываешься". Тут он сразу скрипеть перестал: по тому, как она слово "связываешься" произнесла, он понял, что она и впрямь его с собой связала. Так и оказалось. Не то чтобы дело в драке было - она и так знала, что он вообще не из робких, а за нее, так глотку перервет, и не в том, что он за "жидовочку" обиделся, она и так знала, что ему до всего этого, как до лампочки, а просто время пришло.

И когда он это вспомнил, то сразу и все остальное повалило - и как он первый раз к ее родителям пришел (хоть он уже тоже студентом был, но семья-то у него проще некуда, а тут музыканты и вообще антуража побольше, но как-то с самого начала проблем не было; он сейчас хоть раз в неделю, да звонил им в Германию, они там осели, может, неправ он был, что с Белкой к ним не присоединился, но ведь тут его место, а Белка сказала, что где он, там и она, вот теперь и платит за глупость, но ничего, с ним за компанию еще кос-кто запла-

ШУМ ЗА ДВЕРЬЮ

ПОЛУФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

тит); и как она с его стариками знакомилась (бабка, правда, что-то прошипела, но потом ее от Белки не оттащить было, так что, кто ее знает, может, она что другое в виду имела); и как женились (ей - богу, смех, как две команды - у него все здоровые, светлые, синеглазые, а у нее тонкие и смуглые, ну и носы, конечно, попадались); и как девки пошли - с разницей в два года таких птах заделали, любо-дорого. Да, повезло ему с бабой, что и говорить. Правда, и она всегда говорила, что и ей с ним повезло. А что - мужик что надо, хоть пахать, хоть стрелять, хоть головой думать. А девки в него. Если уляжется все, то к ним вряд ли кто вязаться будет. Хотя она их, наверное, к родителям свезет. Ладно, тут уж не до жиру.

Откуда-то с лестницы, снизу, раздался первый крик. Такой неуверенный еще, но ясно, что дело к плохому идет. Он снова выглянул в окно. Народу как было много, так и оставалось. Стояли, кричали что-то, махали флагами, тряпками, бумагами какими-то с паскудными надписями и смотрели вверх, в окна. Ждали, пока первые в квартиры ворвутся (список-то у них наверняка есть) и потащат кого-то к окнам. Как в кино, падал. Ладно, пару кадров я вам кровью умою, гадам быть.

Крик внизу стал настоящим. Он заглушил шаги и голоса на лестничной клетке, не понять было, кто кричит - мужчина, женщина, ребенок, понятно только было, что дело совсем плохо. Во дворе толпа молчала, то есть не молчала, но гудение ее оставалось прежним, это значило, что кричат недалеко от входной двери квартиры, в которую ворвались эти сволочи, и крик остается в подъезде, потому и слышно его так, и уличные пока в ожидании, не зная, что уже началось.

А может быть, выскочить из квартиры и шарахнуть навстречу по этим первоходцам? Что-то толкало наружу, но он осадил себя - больше чем с одним ружьем не выскочишь, к тому же стрелять придется сверху вниз, после первого же выстрела спрячутся и только больше озвереют. Нет, тут арифметика, спасать все равно некого - до всех доберутся, милиции нет, войска введут попозже, когда все уже притихнет, - не впервой, чай, а его, как медведя, выкуривать будут, так что стисни зубы и жди, чтобы брать их, когда дверь выбьют и столпятся на площадке, тут каждая цель найдется, а потом все равно, после такого крика все равно жить нельзя, а это только первый. Пока еще до его седьмого этажа доберутся. И уши не заткнуть - надо слышать, когда подойдут. Так что, терпи, брат, на том свете зачтется.

А интересно, как он у них записан? Квартира-то на него. И Белка его фамилию взяла. Может, к нему и ломиться не будут? Нет, во-первых, гадина эта в кудельках из соседнего подъезда кричала уже пару раз издали (сблизил-то струхнула - его характер знают, он и бабу зашибить может) что-то вроде того, что вот, дескать, которым русским своих мало и на сионисток тянет, так кое-что под корень рубить надо. И ведь обрубят, гады. Хорошо бы с перепугу побыстрее забили. Ну, это уж как повезет. А во-вторых, что ж это - он у себя дома должен у кого-то спрашивать, кого в жены брать, или прятаться из-за того, что им не нравится, или жить потом с Белкой как ни в чем не бывало, когда на его глазах таких, как она, насиловать и убивать будут. Нетушки, это и она поняла, потому и уехала почти без слез. И надо же, напоследок его перекрестила - у бабки научилась, не иначе. Зря это. Тут не богово дело. Тут он сам себе и бог и черт.

Толпа внизу взвыла. Он осторожно подошел к кухонному окну и выглянул вниз. Седьмой этаж, высокогато, да и близорук он слегка, но все увидел. Все! Это Галку Лившиц с третьего этажа через окно выбросили. В чем мать родила. Она кричала. Он с Борисом часто по делу сталкивался. А где сам-то. Он ведь должен дома быть. Сказал, что не верит в погромы эти и что это просто провокация очередная. Эх, мудака. Вот и он. Этот не кричал. На нем места живого не видно, только кровь. Он небось за свою Галку... А она красивая была. Лучше не думать, что с ней делали. А Борис там был. Может, умер вовремя. Оба лежат и не шевелятся. А шакалы этим кругом стоят и воют. Палками тыча. Ну, скорее, падал, скорее. Заждался.

Теперь кричал весь подъезд. И соседний, наверное. И весь дом кричал. И весь город. Эти крики уже не вмещались в голову, и он заставил себя не думать про них, как когда-то, тысячу лет назад, в лесу, заставлял себя не слышать ветра, и птиц, и деревьев, чтобы не пропустить того самого заветного

шороха от зверя, выходящего на его номер. И он перестал слышать крики Либерманов, и Гиндиных, и Ромкиных, и даже дружка своего - Серегу Дубова, который не мог, ну просто не мог насмерть не вступить за соседей Гиндиных, и не потому, что такие уж они ему приятели, а просто потому, что не мог. Не бойся, корешок, и мы свое возьмем. По совести, надо было бы всем заранее собраться, поговорить, расставить кого куда надо, может, и отбились бы. Но ведь не верил никто. Вот люди - любую игрушку им пообещай, и верят, хоть день за днем их и обманывают, а скажи, что завтра убивать будут, и тебе же в лицо посмеются: не верь, слышишь, провокаторам. Мудачье, мудачье. Похоже, только этот жирный Лева с пятого куда-то семью притырил - их уже пару дней не видно. Но сам он тут был. Да куда в воскресенье утром он мог деться. Где-то там и его крик пропал.

Он уже и правда почти ничего не слышал, и не подходил больше к окну, чтобы не видеть, как в этом жутком круге растет и растет число окровавленных кусков плоти, и только нутром ощущал, как с третьего на четвертый, с четвертого на пятый и все ближе и ближе подкатывается к его некрашеной двери волна этих жутких рыл. Прощаясь со всем, что было с ним в этой маленькой заставленной комнате, он обвел глазами стены. Глаза скользили по книгам, стенке со свадебными еще рюмками и початой бутылке между ними - эх, не успел добить, а сейчас уж лучше не рисковать, - по новому еще цветному телевизору в углу (как чувствовал, не хотел покупать), по письменному столу, за которым, чередуясь, сидели все - и он, и Белка, и девки, по стене и по навешанным на ней картинкам семейной жизни и эстрадных звезд, словом, по всему. И вдруг споткнулись. Сначала он не понял, в чем дело, но почти сразу сообразил: в самой середине стены висели с трудом выклянченные им у тетки давнишние, старинные, на толстой твердой бумаге фотографии его прадеда с детьми и деда с бабушкой и маленькой мамой на руках. Он любил эти фотографии, хотя и приятели и Белка над ним за эту любовь посмеивались, безо всяких оснований подозревая в этом его желание покрасоваться древностью своего происхождения. "Князь ты мой крестьянский", - дразнила она его. Ништо, не всем из раввинов происходить. Он их просто любил - и прадеда, и деда, в темных сюртуках или как там эти поделки назывались, с бородами, в сапогах, стриженных скобой, и таких же крупных и серьезных, как и он сам. Любил, и все тут. А сейчас он с ужасом представил себе, как, прикончив его, эта пакость расползется по квартире, будет шнырять, перетряхивать и разглядывать, и кто-нибудь обязательно заметит эти фотографии, да еще и скажет, что вот каких русских кровей мужик, а с кем связался. И оба старика, вполне еще молодые на снимках, будут корчиться в бессилии отклеиться от стены и встать рядом с ним. С ним, с ним, по-другому и быть не может, потому он и стоит тут с винтом у плеча, что это они его так сделали.

Он быстро шагнул к стене, сорвал карточки и, понимая, что все равно не сможет порвать их, засунул их лицом к стене за книжную полку, где их не найдут, и они, хотя и жаль, конечно, что не увидят, как будет работать он, но зато не смогут смотреть на то, что потом сделают с ним. На секунду ему даже подумалось, что лучше бы он был черным и носатым, но уж что есть, то есть. И он усмехнулся.

Он почувствовал их почти у дверей, встряхнул головой и снова вернулся в мерзкий сытый рокот и непрерывный страшный крик. Крик по-прежнему был сплошной и жуткий, а в рокоте как-то внезапно стали различаться отдельные слова. Кто-то пронзительно и гадко вопил: "Сюда! Сюда теперь! Это здесь! Дома они, дома, я знаю!" И он понимал, что это идут к нему. Кто-то лупил кулаками по двери и паскудно ржал, когда он положил одно ружье под левую руку на подзеркальник в прихожей, пододвинул ногой поближе второе, быстро хлопнул себя по карману, проверяя, не забыл ли часом в такой важный момент еще патроны, прижался к противоположной от входной двери стене прихожей, привычно вскинул к плечу третье, скользнул пальцем по предохранителю и, как положено, задержал дыхание, глядя поверх стволов на дверь, которая, как в замедленной съемке, падала вовнутрь, открывая ему

наконец под первый выстрел их рыла.

**ГРЯЗНАЯ ЖИДОВСКАЯ
СВИНЬЯ УМАТЫВАЙ
СКОРЕЕ В СВОЙ ПОГАНЬИЙ
ИЗРАИЛЬ ПОКА ИЗ ТВОЕЙ
ВОНЮЧЕЙ ШКУРЫ МЫ НЕ
ИЗГОТОВИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬ-
НЫЙ АБАЖУР ЖИДАМ НЕ
МЕСТО В РОССИИ МЕСТО
ЖИДОВ В КРЕМАТОРИИ
РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ**

РУССКИЕ

Это анонимка. Вот так она и выглядела - без знаков препина-

ющие или жидовские деятели культуры... Создавайте в своих коллективах мощную защиту против еврейских оккупантов! Лучший способ защиты - наступление!

Такие листовки распространялись на этих митингах, такие же речи звучали с трибуны. Кто виновен во всех несчастьях, обрушившихся на русский народ за последние семьдесят лет? Евреи. Это они составляли подавляющее большинство в ВЧК и ЦК, создали ГУЛАГ и руководили его деятельностью, они уничтожили

июля, в "Смене" появилось письмо итальянской туристки, учительницы Даниэлы Стейла: "...я была особенно поражена 7 июля вечером, попав случайно на митинг общества "Память", - писала она. - Прошло много дней, но ощущение ужаса от всего, что я видела и слышала, до сих пор во мне... На митинге выступала учительница, которая сказала, что с ней пришли ее школьники. Кем же вырастут дети, воспитанные на такой ненависти к людям другой национальности, как вообще такое возможно?.. В нашей

Нина Катерли

ми нарушениями демократии проводились выборы делегатов на XIX партконференцию, именно ленинградские Дворец пионеров и Университет до сих пор носят позорное имя Жданова, в стенах именно Ленинградского университета, на печально известной конференции, звучали с трибуны те мотивы, что так пышно расцвели на митингах в Румянцевском саду. Значит, не случайно именно в Ленинграде обществом "Память" ведется с разрешения властей особенно разнузданная шовинистическая, черносотенная пропаганда. Из публикации газеты "Известия" от 14 августа с.г. мы узнали, что официальное разрешение на проведение пятнающихся Ленинград сборищ "Памяти" было дано Василеостровским райисполкомом по звонку из обкома КПСС.

Мы, группа ленинградских писателей и журналистов, требуем, чтобы обком выяснил и сообщил нам, кто и на каком основании оказал давление на Василеостровский райисполком, под чьим покровительством в центре города в течение многих недель в нарушение Конституции СССР, уголовного кодекса и решений XIX партконференции велась человеконенавистническая, расистская пропаганда. Мы выступаем за полную свободу слова, но не тогда, когда она используется для призывов к насилию и для разжигания вражды между людьми. Мы хотим знать, кто конкретно заинтересован в том, чтобы порочить наш город в глазах общественного мнения страны.

А.Алексеев, А.Арьев,
Я.Гордин, З.Журавлева,
В.Кавторин, Н.Катерли,
А.Кушнер, С.Лурье,
В.Мухаханов, Г.Николаев,
Н.Рахманова.

Ответа не последовало. Через месяц мы напомнили о телеграмме, и тогда почему-то именно мне домой вдруг позвонил незнакомый инструктор обкома. Звали его, как сейчас помню, Михаил Александрович Бускин. Разговор вышел такой:

- Обком получил вашу телеграмму. Кроме того, мы получили еще множество писем и телеграмм по поводу "Памяти". На них ответила своими публикациями "Ленинградская правда", она осудила деятельность "Памяти". Устраивает вас такой ответ?

- Нет. Мы просили назвать конкретное лицо, оказавшее давление на Василеостровский райисполком.

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЧЕТ...

(ИСК О "ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ" АНТИСЕМИТА В ЛЕНИНГРАДСКОМ СУДЕ)

ния, написанная по-печатному. Только вместо "уматывай" стояло другое слово, матерное.

Такое же послание получил еще один ленинградский писатель, видимо, за то, что несколько раз выступил в печати против антисемитизма. У меня "заслуги" перед национал-патриотами были другими - к моменту получения анонимки я уже стала матерым ответчиком по гражданскому иску автора юдофобской книги "О классово-сущности сионизма" А.Романенко, оскорбленного моей статьей в "Ленинградской правде".

Началась эта история летом 1988 года, когда в Ленинграде вдруг вспыхнула эпидемия "дурной болезни": каждый четверг в Румянцевском саду рядом с Университетом бурно проходили антисемитские митинги общества "Память". Это было первое открытое и агрессивное выступление "Памяти" в нашем городе. И, что самое интересное, разрешенное властями.

А ведь митинги были тогда делом необычным. Так называемая демократизация только начиналась, еще правил городом прежний "застойный" исполком, а им ежечасно руководили и управляли в Смольном. И вот - эти сборища, вызвавшие в Ленинграде шок. Да и не только в Ленинграде.

"Вытесняйте жидов отовсюду, не допускайте к публикации их работы... не посещайте еврейских выставок, творческих встреч, спектаклей, фильмов, поставленных евреями!.. Нам нужны русские, а не жидовству-

русское крестьянство, интеллигенцию, командный состав вооруженных сил перед нападением гитлеровской Германии. Не дремлют и сегодня - авария в Чернобыле тоже их рук дело...

В то время общественность еще не привыкла к нашему советскому плюрализму, позволяющему свободно нарушать статью закона, карающую разжигание национальной вражды. Еще соблюдали некоторую стыдливость такие журналы, как "Молодая гвардия" и "Наш современник"; слово "еврей" (в ругательном смысле) в печати еще заменяли синонимом "сионист". А тут, в центре Ленинграда, открыто, с трибуны...

"Сотрудники Ленинградского института востоковедения АН СССР собрались, чтобы обсудить тревожную ситуацию, складывающуюся в Ленинграде: на наш взгляд, наблюдается подъем воинствующего национализма и шовинизма, оплотом которого является объединение, называющее себя "Русский национально-патриотический фронт "Память"... "Фронт" публично оправдывает покрывшие себя позором организации "Союз русского народа" и "Черную сотню"... Мы призываем общественность Ленинграда выразить свое отношение к деятельности представителей "Фронта "Память", разжигающих национальную вражду".

Это письмо, под которым стояло 59 подписей, опубликовала 12 августа 1988 г. "Ленинградская правда". Незадолго до того, 31

стране пропаганда ненависти к людям другого народа или цвета кожи запрещена законом, и я уверена, что в СССР тоже..."

Да, пропаганда ненависти к людям другого народа у нас в стране, действительно, должна преследоваться Законом по статье уголовного кодекса. Но... летом 1988-го на нашей общей совести уже камнем лежал Сумгаит, и никто из убийц-организаторов и исполнителей - не был осужден по этой статье...

14 августа "Известия" опубликовали редакционную статью "Нечистая игра на чистых чувствах, в которую пытаются втянуть людей игроки из "Памяти". Среди прочего там говорилось: "Имел ли "Фронт" разрешение на проведение митингов в Румянцевском сквере? Первый заместитель председателя Василеостровского райисполкома Ленинграда В.М.Борисов ответил на вопрос редакции, что в свое время "Памяти" было дано такое разрешение, но районные власти были вынуждены пойти на это после звонка из обкома партии".

В тот же день мы послали первую телеграмму в обком.

ТЕЛЕГРАММА

193060, Ленинград, Смольный,
обком КПСС
Первому секретарю обкома
Ю.Ф.Соловьеву

За последнее время наш город приобрел скандальную известность. Именно в Ленинграде родилось письмо Нины Андреевой, именно в Ленинграде с вопиющи-

- Мы говорили с исполкомом, когда речь шла о самом первом митинге "Памяти", никто еще не знал, во что это выльется.

- Но ведь потом этих митингов было много, и один хуже другого.

- Разрешение на проведение митингов дает исполком.

- Но в "Известиях" написано, что был звонок из обкома. Допустим, вы действительно рекомендовали разрешить первый митинг, но почему, узнав, что там творится, не позвонили, чтобы взять назад свою рекомендацию?

- Дело в том, что все было не так. "Известия" тут допустили неточность...

- Какую? Сообщите нам обо всем официально! В письменном виде.

И тут я услышала сакраментальную фразу:

- Разве вы не знаете, что партийные органы письменных ответов не дают?

Это была чистая, святая правда. Но тогда, в разгар перестроечной эйфории, я инструктору Бускину не поверила. Что значит - "письменных ответов не дают"?! Дадут, как миленькие! Сейчас, слава Богу, не командно-административный застой.

Мы нажали на нашего куратора, заведующего сектором литературы обкома Александра Александровича Попова. Нажали раз, другой, третий. Наконец, брюзгливо посетовав на формалистов и бюрократов, которым непременно нужны бумажки, он все же написал нам. Не официальное письмо, нет! Обычную записку на простом листке (не на бланке, Боже упаси). Адресована она была опять мне и пришла по почте. В записке среди прочего было сказано:

"...Приведу часть текста телеграммы, направленной 12 ноября 1988 г. зам. председателя Василеостровского райисполкома т. Борисовым: "...никаких указаний в форме звонков либо в другой форме по поводу проведения или запрещения митингов по просьбе граждан, тем более организаций, я из ОК КПСС не получал". Надеюсь, что данный факт позволит Вам правильно оценить действия партийных и советских органов в период известных событий летом этого года в Румянцевском саду".

Обком встал насмерть.

Между тем легальные выступления "Памяти" в Ленинграде прекратились. Зато вскоре появилось, а через год было официально зарегистрировано другое неопатриотическое движение - "Отечество". Это было, судя по заверениям партийного руководства, чрезвычайно полезное объединение, посвятившее свою деятельность исключительно ук-

реплению межнациональных связей. Не чета одиозной "Памяти", просто - ничего общего!

Кто же туда вошел?

"...Сейчас в Москве, Ленинграде и ряде других городов произошло объединение патриотических движений: "Память" - я называю ленинградское отделение, - "Витязь", "Патриоты", клуб классического литературного русского наследия, клуб Есенина так называемый. И многие другие... которые объединились в одно движение под названием "Отечество", куда имеет случай входить и "Память" тоже". (Из интервью Никиты Жербина, одного из лидеров движения "Память". Эстонское радио. Программа "Диапазон", 28 сентября 1989 г.)

Итак, "Память" скрылась под другой вывеской. Кто посоветовал ей это? Кто вообще стоял у колыбели нашего ... скажем так - национал-патриотизма? Это был первый вопрос, на который мы долго и безуспешно пытались получить ответ.

Вскоре возник и второй.

Девятого октября все того же 1988 года "Ленинградская правда" напечатала мою статью "Дорога к памятникам". Это были некие раздумья над читательской почтой, полученной после публикаций, посвященных митингам в Румянцевском саду. Я должна была ответить на вопросы - что подготовило, что спровоцировало эту яростную вспышку шовинизма и антисемитизма? Что и кто вообще делает людей нацистами? Где наши доморощенные национал-патриоты берут пропагандистские материалы? Ведь не читали же все они речь доктора Геббельса, произнесенную им на конгрессе нацистской партии в сентябре 1936 г. в Нюрнберге! Какими пользуются методами?

В качестве одной из многих причин я назвала многолетнюю, целенаправленную, ожесточенную борьбу с сионизмом, которую вот уже полтора десятилетия подряд ведет официальная пропаганда.

Только с конца 1969-го по 1985 год было выпущено более двухсот наименований (порядка девяти миллионов экземпляров) книг, значительная часть которых под видом борьбы с сионистами и масонами сеет подозрительность и неприязнь к здешним, советским евреям.

В качестве примера этого рода литературы я привела известный труд А.Романенко "О классовой сущности сионизма", выпущенный в 1986 году издательством Ленинградского обкома КПСС - Лениздатом: "Читаешь эту книгу, и не оставляет мысль: а ведь

сионизм и ужасный масонский заговор, похоже, волнуют автора очень мало, весь его обличительный пыл направлен на то, чтобы показать, сколько вреда принесла миру и, в частности, России еврейская нация... А.Романенко не брезгует ни фальсификацией цитат... ни чудовищными искажениями исторической правды, ни использованием идей и чуть ли не раскавыченных выдержек из теоретиков нацизма".

Я не случайно выбрала именно эту книгу, она представляет собой эталон такой литературы. Недаром в декабре 1986 года, вскоре после выхода книги в свет, лидер "Памяти" Д.Васильев публично заявил, обращаясь к автору: "Книга Романенко - замечательная книга..."

Статья моя появилась в газете без единой правки. Лишь два года спустя я узнала, какие атаки пришлось отразить тогдашнему заместителю главного редактора Ю.Кириллову. Ему напрямую предлагали исключить из статьи все, что касалось книги Романенко. Любопытно, что среди атакующих был и... сам Романенко, непонятным образом проникший в редакционную тайну и получивший текст моей статьи, хотя даже в редакции этот текст видели всего три человека...

Статью напечатали. И десятого ноября Романенко подал в суд. Он просил привлечь меня к ответственности по статье 7 Гражданского кодекса РСФСР - о защите чести и достоинства. В своем заявлении он писал: "...в книге А.З.Романенко "О классовой сущности сионизма"... никаких "идей из теоретиков нацизма" и никаких "выдержек из теоретиков нацизма" нет". И дальше: "В ходе подготовки рукописи этой книги к изданию рукопись в течение около трех лет внимательно изучалась в издательстве Ленинградского обкома КПСС - Лениздат и месяцами изучалась также в обкоме КПСС. Таким образом, Н.С.Катерли клеветает также и на Ленинградский обком КПСС..."

Процесс тянулся почти два года. Все это время, выступая в суде и на митингах, сочиняя судебные бумаги и листовки, Романенко угрожающе твердил одно и то же: книга его заказана, изучена и рекомендована к изданию Ленинградским обкомом. И потому мое заявление, будто в ней содержатся нацистские идеи, - наглая клевета на КПСС.

Он категорически возражал против назначения судебной экспертизы его книги, "одобренной в ОК КПСС", потому что это значит - "рвизовать ту оценку кни-

ги, которая дана в ОК КПСС". Он требовал от суда, чтобы тот обязал меня принести письменное извинение в газете "Ленинградская правда" в связи с публикацией "клеветнического политического доноса на Ленинградский обком КПСС, ибо Ленинградский обком КПСС решил издать книгу Романенко на уровне бюро обкома партии". И т.д. и т.п.

Не могу сказать, что все эти маниакальные заклинания не производили впечатления на суд. Тогда, в восемьдесят восьмом году, еще действовала шестая статья Конституции, и КПСС осуществляла свою руководящую и направляющую роль в открытую. Я это понимала. Понимала и то, что Романенко говорит правду, - его антисемитская книга на самом деле выпущена в свет по заказу обкома, с его ведома, согласия и одобрения. Но вскоре мне стало известно и другое: по этой книге как будто принималось какое-то партийное решение. Резко отрицательное. Не то в ЦК, не то в обкоме. Не то в восемьдесят шестом году, не то в восемьдесят седьмом. Кажется, тогда, когда партийным идеологом был еще А.Н. Яковлев. Все это были слухи. Но после того, как на первом же судебном заседании огласили исковое заявление Романенко и прозвучало зловещее обвинение в клевете на обком, я обратилась к суду с ходатайством: "Прошу запросить Ленинградский обком КПСС о его сегодняшней оценке книги "О классовой сущности сионизма". Это ходатайство суд отклонил. Прокурору оно показалось "преждевременным на данной стадии процесса". Потом мне объяснили сведущие люди, что посылать запросы в партийные инстанции советские суды не приучены. Не смеют: мол, не то рыло и не тот ряд.

Первый этап в Дзержинском районном народном суде тянулся с ноября 1988-го по июнь 1989 года. Суд назначил экспертную комиссию для решения вопроса, есть или нет в книге Романенко нацистские идеи и чуть ли не раскавыченные цитаты идеологов нацизма. Между тем, сразу после того как суд отклонил мое ходатайство, в обком партии обратились шесть ленинградских писателей - К.Азадовский, Ж.Браун, В.Воскобойников, В.Кавторин, С.Лурье и М.Чулаки: "...просим Обком четко и однозначно высказаться о книге Романенко. Если... обком действительно осуждает сегодня книгу Романенко, то публичные заявления истца есть не что иное, как откровенная и сознательная дезинформация, заранее продуманный спо-

соб давления на суд..." Это письмо было передано Ю.Денисову, незадолго до того сменившему А.Дегтярева на посту секретаря Ленинградского обкома по идеологии. Препрежний секретарь А.Я.Дегтярев был с большим повышением переведен в Москву. Он стал первым заместителем заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС... Сегодня А.Я.Дегтярев - заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС.

Обком не ответил и на этот запрос. Молчал точно так же, как и в истории с митингами в Румянцевском саду. К свежему ветру перемен он, судя по всему, относился хладнокровно. Что же касается лично преемника А.Дегтярева - Юрия Александровича Денисова, то тут авторы письма, что называется, поислав, нашли. Это о нем немногим больше года спустя напишут: "...на пост секретаря обкома по идеологии был выдвинут (второй раз. - Н.К.) Ю.Денисов, не раз и не два в качестве секретаря обкома славивший "лучших" людей из "Памяти", "Патриота", создавших впоследствии так называемое "Отечество". И это уже после того, как "Отечество" полтора часа витийствовало в телеэфире под водительством своего лидера Рябова - рецензента известной книги Романенко..."

А.Трубачев, С.Рябов,
В.Ланинский и др.
Народные депутаты
Ленсовета, члены КПСС.
("Что бы это значило...",
"Вечерний Ленинград",
1990, 14 мая.)

Итак, все наши письма - в корзине. А между тем 26 апреля на Манежной площади у здания Радиокомитета состоялся митинг общества "Патриот", возглавляемого Романенко. В это время уже действовал знаменитый Указ о митингах и демонстрациях, по которому многие митинги запрещались. Особенно если их хотели злокозненно провести в центре города, где скопление людей помешало бы транспорту. Только недавно, 12 марта, милиция, применив силу, разогнала митинг Демократического союза у Казанского собора - вблизи Невского проспекта.

Но "патриотам" митинг был разрешен.

Запрудив проезжую часть площади, посреди которой громоздился грузовик, превращенный в трибуну, они подняли плакаты: "Национальному составу Верховного Совета - полную гласность!", "Долой Тель-Авидение!", "Требуем русские ЦК, АН, Учреждения культуры!", "Милиция и КГБ - опора демократии!" Над площадью и

соседними улицами гремел через усилитель командный голос Романенко: "Катерли Нина Семеновна... клеветническая статья против антисемитов... Я - автор книги, которая одобрена на бюро обкома!" Митинговали "патриоты" долго, страстно, сколько хотели. И никто не мешал им... А транспорт искал объезд...

ТЕЛЕГРАММА В ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБКОМ КПСС

Секретариат Ленинградской писательской организации обращается в обком КПСС с просьбой дать однозначную оценку антинаучной, идеологически вредной, разжигающей национальную рознь книге А.Романенко "О классовой сущности сионизма" (Лениздат, 1986).

Книга эта, насколько нам известно, была осуждена секретариатом ЦК КПСС, а затем и ленинградским обкомом, о чем в апреле прошлого года вскользь упоминалось зав.отделом идеологии обкома Г.И.Бариновой ("Советская культура" от 30 апреля 1988 г.).

Однако в своих публичных выступлениях А. Романенко постоянно компрометирует Ленинградский обком, берет его в союзники, утверждая, будто книга его выпущена по решению Пленума обкома, поддержана им, что работники обкома были экспертами и чуть ли не соавторами при ее составлении. О последующих решениях ЦК и обкома по поводу его книги он сознательно умалчивает, вводя в заблуждение многочисленных слушателей, обвиняя каждого, кто выступил с критикой его книги, в клевете на партию, на Ленинградский обком.

Последний раз А.Романенко ссылался на поддержку его книги обкомом с трибуны разрешенного митинга, состоявшегося 26 апреля с.г. в центре нашего города, на Манежной площади. Известны случаи, когда книга А.Романенко на избирательных участках предлагалась избирателям в качестве агитационного материала.

Мы считаем необходимым внесение полной ясности в этот вопрос, особенно сегодня, когда межнациональные отношения являются одной из "горячих точек" нашей общественной жизни. Оценка партийными органами книги А.Романенко должна немедленно стать достоянием гласности.

И на эту телеграмму обком, разумеется, не ответил. Тогда,

отчаявшись, я написала письмо в идеологический отдел ЦК. Приближался новый суд, где против меня опять прозвучат обвинения в клевете на ум, честь и совесть нашей эпохи, которые почему-то молчат...

Я поехала в Москву и сама отнесла письмо на Старую площадь. И через несколько дней в вестибюле громадного нового здания, где располагался идеологический отдел, состоялась встреча с руководящим партийным работником, который говорил мне правду. Это был инструктор ЦК Владимир Ильич Тумаркин, ответивший на все мои вопросы. Правда, устно - ведь он был на службе, а партийные органы, как известно, письменных ответов... и т.д.

Тумаркин сказал, что в декабре 1986 года Секретариат ЦК действительно принял решение по книге Романенко. Выпуск этой книги был признан серьезной ошибкой Лениздата, сама работа - псевдонаучной, а по ряду вопросов политически вредной. Отмечено, что все содержание книги и выводы автора проникнуты антисемитским настроением, что автор практически ставит знак равенства между понятиями "еврей" и "сионист", что отдельные положения в книге нельзя рассматривать иначе, как политическую провокацию - например, оценки второй мировой войны, навязанной будто бы сионистами, что Романенко практически предложил реабилитировать слово "жид" и т.д. и т.п. Короче, Секретариат ЦК подтвердил мои слова о том, что партийное издательство Ленинградского обкома выпустило книгу, проникнутую антисемитским настроением, а то, что антисемитизм - одна из основных составляющих нацизма, знает каждый школьник. Должен знать, по крайней мере.

Теперь становилось понятным урюмое молчание нашего обкома. Ведь решения яковлевского Секретариата ЦК ударило не столько по Романенко, сколько по тем, кто в свое время заказал и благословил его книгу. И если обком, выполняя указания "сверху", и вынужден был формально отказаться от своего дитя, то сделал он это сквозь зубы, из-под палки. Потому и не желает теперь отвечать нам - противно ему отвечать! Да и перед Романенко, поди, неловко, вот и обнадежили, что неприятное для всех решение никогда не будет обнародовано. Но кто же, кто персонально стоит за всем этим? И за благословением, и за осуждением, и за обещанием молчать? Уж не тот ли таинст-

венный покровитель национал-патриотов, что некогда рекомендовал разрешить их митинги в Румянцевском саду?

В.И.Тумаркин посоветовал мне сослаться в суде на разговор с ним, а параллельно добиваться, чтобы решение Секретариата ЦК было опубликовано.

Экспертное заключение для суда было готово только через четыре месяца - все в этом процессе необъяснимым образом затягивалось до бесконечности. 22 июня 1989 года суд наконец состоялся. Эксперты отметили "очевидное сходство некоторых содержащихся в книге утверждений с положениями, встречающимися в антисемитской, в том числе в нацистской литературе". Романенко пришел в бешенство, напомнил суду, что в нацизме обвиняют работу, изученную и одобренную обкомом, саркастически отверг мои бездоказательные ссылки на разговор с инструктором ЦК: "Есть документальные подтверждения? Нет? Тогда и говорить не о чем." Своих противников, включая экспертов, он обвинил в сионизме и еврействе. Особенно досталось эксперту Чернецовскому, женатому якобы на еврейке, - как можно доверять такому эксперту? Им движет еврейская кастовая солидарность...

Он требовал назначения новой, повторной экспертизы и неожиданно получил поддержку со стороны прокурора А.П.Яковлевой. Но суд под председательством Т.И.Сапоткиной вынес решение: иск Романенко ко мне и редакции "Ленинградской правды", опубликовавшей мою статью "Дорога к памятникам", отклонить. Так появился официальный, судебный документ, из которого следовало, что издательством Ленинградского обкома КПСС в 1986 году была выпущена книга, содержащая нацистские идеи.

Честно говоря, мы были немного удивлены. Конечно, на дворе перестройка и демократизация... и все же - чтобы антисемита назвали антисемитом, чтобы признали, что КПСС способна поддержать книгу с нацистскими идеями, чтобы это признали не где-нибудь, а в советском суде? И не в каком-нибудь, а в Ленинградском! Да, мы идем к правовому государству, но... ведь не пришли же еще. Так говорили пессимисты, а оптимисты, и я в их числе, радостно возглашали, что все это, разумеется, поразительно, но - значит, процесс перестройки зашел уже далеко, перестройка необратима, справедливость торжествует, ура. А темные силы уже смеют показывать зубы. Говоря о тем-

ных силах, я имела в виду тех, кто всегда пользовался "телефонным правом"... Мы праздновали победу истинного Правосудия, Би-Би-Си передало беседу со мной о переменах в нашей жизни. В "Литературной газете" появилась корреспонденция Т.Путренко, где на весь Союз было объявлено об ошибке партийного издательства и задан вопрос: кто же будет нести ответственность за выпуск книги, в которой содержатся нацистские идеи? Почему до сих пор молчит прокуратура? (См.: "Пока суд... А дело?" - Литературная газета, 05.07.89 г.) Возможно, именно эта публикация и сыграла роковую роль в том, что произошло дальше.

...Оглядываясь теперь назад, я вижу, что на первом этапе процесса ленинградские партийные власти отнеслись к нему легкомысленно, в разговорах не раз подчеркивали: судебный иск одного частного лица к другому частному лицу их не касается. При чем здесь обком и его оценка книги истца? Но после того как суд признал, что в книге есть нацизм, отмахиваться стало опасно...

Тем временем А.Романенко подал кассационную жалобу, документ, вполне заслуживающий того, чтобы задуматься об уголовной ответственности за разжигание национальной розни. Я была уверена: такую жалобу сегодня, конечно же, не удовлетворит ни один суд, больше того, наверняка вынесут частное определение по поводу антисемитских высказываний истца, в ней содержащихся.

Я ошиблась. Тот, кто недоглядел за районным судом, видимо, опомнился. Или - заставили опомниться. Как только началось заседание кассационного суда, я увидела, что мои эйфорические надежды на торжество Правопорядка были преждевременными. Поняла я это, узрев, кто председательствует на заседании. А была это Нелла Семеновна Волженкина, заместитель председателя Ленгорсуда по гражданским делам. Я знала ее давно; в годы "застоя" эта судья славилась жестокими приговорами, которые выносила особо опасным государственным преступникам по печально известной политической 70-й статье Уголовного кодекса. На моих глазах один такой злодей - Б.Митяшин получил пять лет строгого режима плюс три года ссылки за то, что для подрыва и ослабления советской власти "хранил с целью распространения" и давал читать знакомым "Процесс исключения" Л.Чуковской, стихи Мандельштама и Бродского, на-

сквозь крамольную прозу Солженицына. Тогда, в 1985 году, я не могла понять, зачем, занимая мирный пост зампреда суда по гражданским делам, Волженкина берется за политические. Но после того как на заседании кассационного суда в 1989 году она удовлетворила возмутительную, лживую, юдофобскую жалобу Романенко, я себе таких вопросов уже не задаю.

Видимо, где-то решили, что исправить совершенную по недогляду ошибку районного суда лучше всех сумеет многоопытная Н.С.Волженкина. И она исправилась. Так появился новый документ, перечеркнувший опасное судебное заключение о том, что Лениздат с ведома обкома партии выпустил книгу с антисемитским настроем и нацистскими идеями. Суд под председательством Волженкиной постановил: дело должно быть рассмотрено еще раз. С начала и до конца. И теперь - в суде городском.

И опять пошли в Смольный письма и телеграммы: новый процесс будет способствовать дестабилизации обстановки в городе, молчание обкома провоцирует поджигательские спекуляции Романенко, необходима полная гласность...

В ответ - ни строчки, ни звука.

Новый процесс начался в сентябре 1989-го и длился еще целый год. И опять Романенко держал в переполненном зале длинные речи, требуя привлечь меня уже к уголовной ответственности - за "попытку подрыва социалистического строя", так как "более преступной клеветы на КПСС... на Маркса, Энгельса, Ленина никогда не было во всей истории борьбы СССР против империалистической реакции".

Он так много и убедительно говорил об этом, что суд наконец удовлетворил мое ходатайство запросить обком, считает ли он себя оклеветанным, точнее - поддерживает ли и сегодня книгу, выпущенную в его собственном издательстве. Послали запрос. Шли недели, месяцы... Ответа, понятно, не было. И тогда, вспомнив совет В.И.Тумаркина добиться того, чтобы решение Секретариата ЦК КПСС было наконец обнародовано, я написала в Комитет по вопросам гласности, прав и обращений граждан Верховного Совета СССР. Я просила Комитет потребовать от ЦК публикации таинственного решения. Ответ я получила в январе 1990 года. Впервые - официальный, на бланке Народного депутата СССР. В отличие от партийных - советские органы письменные ответы все-таки (пока еще?) дают:

*Уважаемая
Нина Семеновна!
Сообщаю Вам, что по инициативе Вас вопросу мы обратились в идеологический отдел ЦК КПСС и получили следующий ответ:*

"В связи с Вашим обращением по поводу решения Секретариата ЦК КПСС от декабря 1986 г., касающегося книги А.З.Романенко "Классовая сущность сионизма", сообщаем следующее:

Документ, принятый ЦК КПСС, носит лаконичный характер и гласит буквально следующее: "Направить записку отдела пропаганды ЦК КПСС на рассмотрение Ленинградского обкома КПСС". Собственно записка подготовлена отделом пропаганды".

С уважением

Заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан

Б.Н.Никольский.

Все. А что в "записке"? Хвалят книгу, ругают? "Направить на рассмотрение", и баста.

Позже я узнала, что ответ, полученный Комитетом по гласности из ЦК, был подписан тов. Капто, непосредственным начальником А. Дегтярева, бывшего секретаря Ленинградского обкома по идеологии, именно тогда - бывшего, когда в Ленинград поступило неприятное решение Секретариата вместе с "запиской отдела пропаганды". О ней, судя по всему, и говорил мне В.И.Тумаркин. Но сегодняшний идеологический отдел ЦК предпочел, умолчав о содержании этой записки, процитировать сопроводительное письмо (хорошо - не конверт!), при котором она пересылалась в Ленинград, ловко тем самым воздержавшись от оценок книги Романенко. Точно так же, как это всегда делал Ленинградский обком... Почему?

Пока я ломала над этим голову, суд получил наконец ответ из Смольного:

"В ответ на Вашу просьбу выслать копию или выписку из решения бюро обкома КПСС от 30 января 1987 года сообщаем, что указанный документ является секретным. Снятие с него грифа входит в исключительную компетенцию высшего партийного органа".

Обком подтверждал, что решение по книге Романенко действительно было им принято. Принято после получения из Москвы решения Секретариата ЦК от декабря 1986 г. То есть было вынужденным. И секретным.

Что ж, куда не денешься, секретность есть секретность, для КПСС дело привычное. Ведь

и сегодня эта организация практикует "закрытые" заседания, "закрытые" документы. Еще сам Сталин, помнится, сказал, что компартия - это нечто вроде Ордена меченосцев. Попросил ее Комитет по гласности Верховного Совета СССР рассекретить и опубликовать решение, а она отказала.

Городской суд назначил по книге Романенко дополнительную экспертизу, и для меня опять началось бесконечное ожидание. Романенко жил бурной общественной жизнью, он организовал и возглавил Всесоюзный и даже Всемирный антисионистские фронты, а потом и новую партию, "партию возрождения России", оставшись при этом членом КПСС. В городе в это время шла очередная предвыборная кампания. Высокопоставленный деятель аппарата ЦК КПСС А.Я. Дегтярев, один из тех, от кого, судя по всему, напрямую зависел уклончивый партийный ответ Комитету Верховного Совета СССР по гласности, сам вступил в борьбу за звание народного депутата РСФСР... И вот тут в газете "Смена" появилась статья писателя В. Воскобойникова "Два вопроса из интервью", в которой об А.Я. Дегтяреве было сказано следующее: "...Ведь он работал в Ленинграде. Он был секретарем по идеологии Ленинградского обкома партии летом 1988 года, когда наш город печально прославился на весь мир санкционированными митингами "Памяти"... И, как об этом писали в августе 1988 года центральные газеты, когда Василеостровский исполком хотел пресечь митинги, последовала команда ответственного человека из обкома партии продолжать их..."

...Неужели А.Я. Дегтярев забыл об этом? А также и о том времени, когда он был еще не секретарем по идеологии, а зав. отделом науки нашего обкома... Как раз тогда проходила через отдел науки небезызвестная книга А.З. Романенко, идейно вооружившая "зоологических" патриотов. Как многократно публично утверждал сам Романенко, книга эта была одобрена и рекомендована отделом к печати. Иначе и быть не могло - книга издавалась в партийном издательстве" ("Смена", 1990, 21 февраля).

Реакция была мгновенной. 23 февраля та же "Смена" напечатала ответ А.Я. Дегтярева, где статья Воскобойникова была названа попыткой дискредитировать Дегтярева как политика, а заявление по поводу гласности того к митингам в Румянцев-

ском саду и к изданию книги "О классовой сущности сионизма" - "вымыслом, содержащим высокую долю злонамеренности". "Я прошу Ленинградский обком КПСС предать гласности постановление об оценке издания этой книги, которое я внес (подчеркнуто мной. - Н.К.) на рассмотрение бюро сразу после того, как стал секретарем обкома... Я прошу прокурора Ленинграда Д.М. Веревкина еще раз опубликовать результаты разбирательства с историей в Румянцевском саду, я причисляю себя к инициаторам этого расследования", - писал Дегтярев.

Так вот, оказывается, по чьей инициативе обком в свое время осудил книгу нашего борца с международным сионизмом!.. Но как же тогда быть с решением Секретариата ЦК? Ведь его направили в Ленинград до того, как А.Я.Дегтярев что-либо внес на рассмотрение бюро. И напрасно теперь А.Я.Дегтярев просит Б.В. Гидаспова предать гласности его подвиг - ведь и месяца не прошло с тех пор, как обком бескомпромиссно ответил суду, что "указанный документ является секретным" и "снятие с него грифа входит в исключительную компетенцию вышестоящего органа". А отказ этого "вышестоящего органа" Комитету по гласности, как на грех, подготовлен в том отделе, где первым заместителем заведующего служит Александр Якимович Дегтярев. Порочный круг! Так что не поможет Дегтяреву Ленинградский обком в борьбе с Воскобойниковым, может, и был бы рад, да права не имеет, партийная тайна есть партийная тайна... Нельзя.

Но... видимо, чего нельзя по запросу суда, чего нельзя по обращению высшей власти в стране - Верховного Совета, то, если партийному функционеру необходимо...

"В связи с публикациями в газете "Смена" статей В. Воскобойникова "Два вопроса из интервью" (21.02.90) и А. Дегтярева "По сталинским правилам" (23.02.90) по просьбе кандидата в народные депутаты РСФСР по Западному национальному округу №13 тов. Дегтярева А.Я. Ленинградский обком партии просит опубликовать материалы постановления бюро ОК КПСС об издании книги А.З. Романенко "О классовой сущности сионизма". Вопрос об ошибке, допущенной Лениздатом, рассматривался на заседании бюро обкома партии 30 января 1987 года. В его обсуждении приняли участие все члены бюро, в т.ч. тов. Дегтярев, которым подписаны внесенные на заседание документы.

В принятом на этом заседании постановлении говорится:

"Рецензентами работа А.З. Романенко оценивается как псевдонаучная, а в ряде вопросов политически вредная...

В ней допущено искажение фактических данных, произвольная трактовка событий международной жизни... Издание книги... рассматривается как серьезная ошибка Лениздата. Руководители издательства, отдел пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС не сумели разобраться в содержании книги и дать ей своевременную и правильную оценку".

("По просьбе кандидата".
"Ленинградская правда",
25.02.90)

...О предшествующем этому заседанию бюро решении Секретариата ЦК КПСС, о таинственной "записке отдела пропаганды", переправленной из Москвы в Ленинград, - ни слова. Тов. Дегтярев что-то внес, бюро обкома рассмотрело...

Да, своя рука владыка... Надо было издать антисемитскую книгу - издали; велели "сверху" осудить - осудили; пожелали (ради блага народа!) скрыть содеянное - засекретили; потребовалось (ради одного из Руководящих и Направляющих!) рассекретить - рассекретили...

Двадцать восьмого февраля 1990 г. в той же "Ленинградской правде" появилось и сообщение абсолютно независимого от аппарата прокурора Ленинграда Д.М.Веревкина. С чувством глубокого удовлетворения прокурор уведомлял читателей, что к митингам "Памяти" в Румянцевском саду А.Я. Дегтярев имел лишь то касательство, что по его инициативе эти митинги были запрещены, а их организаторы предупреждены прокуратурой об уголовной ответственности в случае неповиновения.

Вот так. Александр Якимович - весь в белом, а враги - соответственно, в...

На этом рассказ о роли партийных органов в пресечении подстрекательской деятельности национал-патриотов можно бы и закончить, если бы не три документа:

"...Рукопись книги еще до ее выхода в свет читали и перечитывали многие ответственные работники...

...Сначала одобрить книгу, а потом, издав ее, обливать ее грязью, вот это "образец" партийной "принципальности" (Из заявления Романенко в городской суд, лист дела 84, т. II).

Два других документа нуждаются в пояснении. Напомню, что в августе 1988 года "Известия" напечатали статью, где было сказано, что митинги "Памяти" были разрешены исполкомом по звонку из обкома. Через три месяца, 11 ноября, в тех же "Известиях" появилось письмо А.Я. Дегтярева (в то время - секретаря Ленинградского обкома по идеологии). В письме был такой абзац: "Обращает на себя внимание некорректность редакционного комментария... В нем приводится ссылка на заместителя председателя Василеостровского райисполкома т. Борисова В.М., который якобы сказал, что митинги были разрешены "после звонка из обкома КПСС". Тов. Борисов, по его словам, не делал подобных заявлений".

Редакционный комментарий, так возмущивший партийного идеолога, был написан А.С. Ежелевым, заведующим корпунктом "Известий" в Ленинграде (ныне членом Верховного Совета СССР). Недавно я получила от него копии двух интереснейших посланий, переданных осенью 1988 года по телетайпу в Москву:

Москва.
Редакция газеты "Известия"
И.Н. Голембиовскому,
В.И. Степаненко,
Н.Д. Боднаруку

Службная информация
Вчера, в пятницу... мне позвонил зам. зав. отделом пропаганды обкомпарта А.И. Евсеев, возглавляющий сектор печати, и сказал следующее.

Во время его, Евсеева, отпуска "Известия" опубликовали коллективное письмо и комментарий о деятельности "Памяти" в Ленинграде. В связи с этой публикацией, даже, точнее, в связи с тут же появившимся в "Советской культуре" читательским запросом, кто же все-таки из обкомпарта... дал указание разрешить митинги "Памяти", обком, дескать, решил разобраться, и кто-то из обкома, не он, Евсеев, обратился к Борисову из Василеостровского райисполкома, на которого ссылалась газета.

И Борисов якобы ответил, что не говорил Ежелеву того, что ему приписывает газета, более того, - что Ежелев уже принес ему свои извинения...

Я сказал Евсееву, что после публикации действительно дня через два посетил Борисова... чтобы узнать, не пытается ли кто-нибудь запугать его либо навредить за признание, появившееся в газете...

...Разговор с Борисовым записан у меня в блокноте, я готов воспроизвести его в деталях, готов назвать имя обкомовского работника, который, как я узнал от Борисова, "посоветовал" разрешить митинги "Памяти"...

...Не исключаю, что Борисова вынудили-таки отказаться от того, что он говорил в беседе со мной... Видимо, мне надо съездить к нему снова.

А в общем-то, предпринятая сейчас попытка "шить дело" против меня настолько неуклюжа и несостоятельна по сути, что вряд ли станут заниматься им всерьез. "Дохлая номер".

17 сентября
А. Ежелев

После разговора А. Ежелева с зав. сектором печати обкома А. Евсеевым в редакцию "Известий" и поступило то письмо А. Дегтярева, которое впоследствии было опубликовано. Прочитав его, Ежелев направил в Москву еще один документ:

Н.Д. Боднаруку
Корсеть

"Уважаемый

Николай Давыдович!

В связи с тем, что в ответе секретаря Ленинградского обкома партии тов. Дегтярева А.Я. говорится о "некорректности редакционного комментария" и в качестве доказательства сообщается, что зампред Василеостровского райисполкома тов. В.М. Борисов, чьи слова приведены в газете, дескать, не заявлял, что митинги "Памяти" были разрешены "после звонка из обкома КПСС", в райисполкоме сегодня состоялась беседа с В.М. Борисовым. Прочитав последний абзац ответа, Борисов заметил:

- Я и не говорил вам, что митинги были разрешены по звонку из обкома - мы согласовывали этот вопрос с партийными органами.

- Значит, вся некорректность в комментарии состоит в том, что вместо слов "по звонку из обкома партии" надо было писать: "по согласованию с обкомом"?

- Мы согласовываем все эти вопросы... мы выходили на высшие инстанции и согласовывали, провели или не провели. О том с вами и говорили: согласовывали, а не по требованию обкома партии...

- ...Да, ваши слова были тогда: по просьбе из обкома партии...

- Что же мы будем друг друга ловить на слове? Я же этими вопросами не занимался. И так

сразу написать, что вот, мол, Борисов то-то и то-то - обком партии сказал. Зачем же так?

- Но ведь вы сказали - у меня в блокноте есть эта записка, - по просьбе из обкома. Я еще спросил вас: по чьей просьбе? Вы сказали: на большом уровне. Я спросил: на каком большом? Вы сказали: на очень высоком.

- Сказал - не сказал... Тогда магнитофона у вас не было с собой. Не знаю, не видел я...

- Так что же мне теперь в другой раз приходиться к вам с магнитофоном?

- Приходите с магнитофоном.

- Вы сказали "по просьбе", и была названа вами даже фамилия Дегтярева.

- ...кто эти вопросы курирует. Эти вопросы он курирует и, естественно, он эти вопросы и согласовывает. Я-то с ним лично не согласовывал. Кто-то из райкома партии с ним согласовывал, наверно, он решал эти вопросы.

- Два дня спустя после публикации я заходил к вам... И в тот мой приход вы не сказали, что в газете искажены какие-то ваши высказывания...

-...Зачем же? Вы все изложили там правильно - что мы согласовываем с партийными органами.

Сегодняшняя беседа с Борисовым записана на диктофон. В приведенном тексте опущены длинноты и несущественные детали. Запись прослушана в корпункте также коллегами П. Гуттионовым и В. Невельским.

5 октября 1988 г.
А. Ежелев".

Как мы знаем, "Известия" все-таки напечатали письмо А.Я.Дегтярева, не посмели отказать партийному руководителю такого уровня. (См. "Известия" от 11.11.88.) И добавить мне нечего. Но тут же вспоминается другая магнитофонная записка, я имею в виду запись уже цитированного ранее интервью лидера "Памяти" Никиты Жербина Эстонскому радио: "...Власти нас под названием "Память" не регистрировали. Когда в обкоме партии мне предложили, сказали: "Мы вас регистрируем, только вы откажитесь от названия "Память", оно себя скомпрометировало", - я сказал, что... если, говорю, менять название, то давайте альтернативный вариант - вы меняете название КПСС на какое-нибудь другое... На что Дегтярев, выпучив глаза, на меня посмотрел, сейчас он в ЦК, каким-то отделом идеологии руководит, по-моему..."

В самом деле - руководит...

Ну, а как же судебный процесс? Он завершился 12 сентября 1990 года. После того как эксперты вторично подтвердили: национальные идеи в книге Романенко есть. К этому моменту было уже известно, что истец систематически обманывал суд, то утверждая, будто он являлся участником боевых действий во время Великой Отечественной войны, то самоотверженно отстаивая честь и достоинство Ленинградского обкома, мной якобы оклеветанного. Обком отрекся от своего верного защитника. Но партийные чиновники, которые способствовали некогда изданию его книги, не могли желать моей победы. Да и не только они. Не порадовал бы такой исход и независимого прокурора города Д.М.Веревкина, ведь это он в январе 1990 года официально заявил, что "пропаганды, имеющей целью возбудить национальную вражду, эта книга не содержит".

Могу только гадать, кто, когда и с кем посоветовался и кое-что порекомендовал. Но решение было найдено блестящее: Романенко, яростно клявшийся, что до Верховного суда дойдет, а вину мою докажет, вдруг обратился к Ленинградскому городскому суду с просьбой прекратить дело. Поскольку "надо содействовать реализации призыва Президента... о необходимости консолидации нашего общества". И суд, незадолго до того приобщивший к делу листовку, где миротворец призвал готовиться к переходу патриотов на нелегальное положение, с большим пониманием удовлетворил его просьбу. Даже от уплаты судебных издержек его освободили.

Процесс окончен. В каком-то смысле это был процесс показательный. Если не считать "прокола" в районном суде, он прошел и завершился так, как и должен был завершиться сегодня такой процесс в нашем недоразумевом государстве. По схеме, хорошо отработанной, не раз проверенной теми, кто все еще руководит и направляет, от кого зависит наше независимое правосудие.

В общем, с этим процессом все получилось так же, как с историей митингов в Румянцевском саду.

Волки остались целы.

Февраль 1991 г.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

21 октября 1991 года в Москве состоялся Первый учредительный съезд Союза российских писателей. Давно Большой зал ЦДЛ не видел в своих стенах такового скопления публики. В съезде приняли участие 765 писателей-делегатов с решающим голосом из Москвы, Петербурга и еще 24-х автономных республик, краев, областей и городов Российской Федерации. Приехали также некоторые русские писатели из Прибалтики, Украины, Молдовы и других республик, готовые войти в новый Союз писателей независимо от того, останутся ли их республики в составе будущего политического Союза суверенных государств или же они выберут путь отдельного и вполне самостоятельного существования. Такая возможность - объединиться по принципу общего литературного языка и единой русской культуры, в демократическом ее русле, предусмотрена уставом и для писателей зарубежья, если они солидарны с основными учредительными документами нового творческого Союза. Свою готовность войти в СРП подтвердили на съезде наши зарубежные соотечественники - поэт Юрий Кублановский (Париж) и поэт Виктор Урин, представляющий Клуб русских писателей в Нью-Йорке. Он, в частности, прочитал приветственное письмо съезду от одной из старейших писательниц русского зарубежья Нины Берберовой.

Новые формы и новые принципы объединения, о которых не раз уже говорилось на многочисленных писательских собраниях, смогли возобладать и стать реальностью только после чрезвычайных августовских событий в России и всей стране. Под председательством Юрия Черниченко в столице возникла вторая Московская писательская организация, объявившая о своей независимости от руководства СП РСФСР. Еще раньше о недоверии этому руководству заявила Ленинградская писательская организация (см. наш обзор: "Ленинградская позиция в Союзе писателей РСФСР" - "Всемирное слово", 1991, №1).

Между тем твердолобые остались на Комсомольском проспекте и от вынужденной обороны перешли в наступление, полагая, очевидно, что с провалом Августовского путча еще не все потеряно. Чрезвычайный VIII съезд СП РСФСР, собранный в сентябре 1991 года с нарушением всех уставных норм и каких-либо квот представительства, открыто заявил о намерении Ю.Бондарева и его команды "ликвидировать" Союз писателей СССР, став при этом его юридическим "правопреемником" и владельцем всего писательского имущества на территории России. Иначе говоря, руководство СП РСФСР повело себя так, будто генерал Варенников (газетный соавтор Ю.Бондарева по политическому манифесту "Слово к народу") не провалился вместе с остальными путчистами, а празднует победу вверенных ему войск над защитниками Белого дома. Этот блеф, возможно, еще удерживает некоторую часть запуганных писателей России вместе со штабистами на Комсомольском проспекте, но ряды сторонников Бондарева - Проханова внутри Союза писателей тают с каждым днем. Вот почему полетели с Комсомольского проспекта срочные телеграммы во все писательские организации России с небывалым требованием зарегистрироваться по списку СП РСФСР всем, кто не осмеливался еще порвать со старым литературным начальством. Результат оказался обратным задуманному: более 1300 членов СП СССР заявили о своей поддержке нового Союза российских писателей, и к ним, без сомнения, присоединятся еще многие и многие писатели, вовсе не желающие ни "ликвидации", ни "экспроприации" нынешнего Союза писателей СССР, но сохраняющие надежду на демократическое преобразование этого Союза.

Как лучше это сделать, и говорили в своих выступлениях на учредительном съезде Союза российских писателей в Москве Сергей Антонов (председатель Оргкомитета), Игорь Бондаренко (Ростов-на-Дону), Андрей Вознесенский (Москва), Михаил Дудин (Петербург), Моисей Ефимов (Якутия), Игорь Золотусский (Москва), Давид Кузультинов (Калмыкия), Юрий Куранов (Калининград), Александр Иванченко (Екатеринбург), Адриан Македонов (Петербург), Владимир Огнев (Москва), Лев Ошанин (Москва), Роман Солнцев (Красноярск), Юрий Черниченко (Москва), Борис Чичибабин (Харьков), Марина Юницкая (Брянск), Миши Юхма (Чувашия) и многие другие ораторы.

С сообщением о проекте устава Союза российских писателей выступили Марина Кудимова и Александр Лаурин. Устав СРП с поправками и дополнениями, предложенными в ходе дискуссии, был одобрен и принят съездом. Писатели выбрали координационный совет, рабочее правление и сопредседателей нового Союза.

На съезде выступил советник Президента России, известный историк и общественный деятель Дмитрий Волкогонов (текст его речи в стенографической записке см. на с.57 настоящего номера журнала). По предложению Петербургской делегации съезд поддержал обращение Президента России, провозгласившего в связи с 50-летием трагедии у киевского Бабьего Яра, что фашистским, нацистским, антисемитским и им подобным организациям, которые ведут пропаганду войны, насилия и жестокости, разжигают социальную, расовую, национальную и религиозную вражду между людьми, народами и государствами, - не место в современном цивилизованном мире. Лицам и организациям, прямо или косвенно причастным к такой пропаганде, нет места и в Союзе российских писателей. Это положение декларации, принятой съездом СРП, стало и уставной нормой созданного Союза. Будущее покажет, насколько оправдаются долгие и тревожные ожидания российских писателей.

ПОЧТА

Призыв 53-х депутатов Верховного Совета СССР из т.н. блока "Союз" к откровенно фашистскому перевороту в стране (январь 1991), поддержанный Святейшим патриархом Алексием II, подписавшим это обращение (позднее патриарх пытался формально дезавуировать свою подпись, но вся политика церковного руководства совершенно

то, что в разогревшемся пламени может погибнуть великое множество людей, тогда как этих тяжелых потерь можно было бы избежать, оставшись у стражей отжившей системы хоть капля здравого смысла и остатки элементарного инстинкта самосохранения.

Покайтесь и отойдите в сторону, не держитесь за обреченную систему! Тем самым вы сможете избавить страну от новых страшных потрясений, в которых неизбежно сторите и вы сами. У вашего дела нет ни малейшего шанса на долговременный успех.

И, пока не поздно, пусть иерархи Русской Православной Церкви сделают свой ясный выбор: продолжать ли держаться за химеры внешне благолепного, властного и спокойного життя, условия для которого якобы возможно воссоздать, опираясь на тоталитарно-политический режим, заодно присоединив силой и отпавшие части в республиках, да и в самом центре империи, - или покаяться, отмежеваться от людоедской системы, разорвать противостественный альянс с бесноватыми партократами и содействовать немедленному созыву подлинно канонического, свободного Поместного Собора Русской Православной Церкви для обсуждения важнейших вопросов возрождения Церкви, евангелизации и духовного окормления отчаявшегося народа.

20 августа 1991

Агония тоталитарно-коммунистической системы в СССР ставит закономерный вопрос: есть ли

будущее у этого беспрецедентного в истории многонационального государственного образования, которое до сих пор имело единственное *raison d'être* - двуединую неделимую партию-государство. Ряд республик уже отделился от СССР окончательно (Литва, Эстония, Латвия), получив официальное признание со стороны многих государств. Провозгласили независимость Молдавия, Грузия, Украина и Белорусия. Растет напряженность в мусульманских республиках; где за сохранение СССР пока держатся местные коррумпированные правящие элиты как за последнее средство удержаться у власти. На сегодняшний день от СССР не остается фактически ничего, кроме России, да и в самой России все более нарастают национальные и сепаратистские движения.

Священник Лев Конин

Западная общественность и политические круги, в целом солидаризуясь с национальными движениями в СССР, вместе с тем явно обеспокоены быстрым и неуправляемым распадом советской империи, опасаясь не только хаотических последствий, возможного погружения всей страны в пучину гражданской войны, но и перспективы резкого внезапного увеличения числа новых государств - обладателей ядерного оружия (что, впрочем, противоречит международным соглашениям).

Все большее беспокойство по поводу распада Союза начинает проявлять и российская демократическая общественность, как по причине глубоко укоренившегося имперского великодержавного комплекса, который постоянно подогревался пропагандой на протяжении всей советской истории, так и из-за реальной обеспокоенности за судьбы нескольких десятков миллионов русских, проживших вне пределов РСФСР. Это беспокойство не лишено оснований, т.к. межнациональная рознь повсюду в стране усиливается не без активного участия местного коммунистического руководства, которое всячески провоцирует и разжигает конфликты для укрепления своих позиций, не задумываясь над тем, что в конечном счете такая политика может обернуться против них самих.

Развал вчера еще сверхмощного государства СССР происходит тем стремительней,

ЧЕРНОЕ „ПРЕОБРАЖЕНИЕ“ 1991 ГОДА

явно свидетельствует о его фактическом смыкании с самыми одиозными и ретроградными силами общества), - не был словами, брошенными на ветер. Хранители старой, отжившей бесчеловечной и людоедской системы втайне плели паутину заговора и в день (точнее, в ночь) великого христианского праздника - Преображения Господня, 19-го августа 1991 года совершили откровенно фашистский путч с помощью спецназа и КГБ. Агонизирующая система мобилизовала остатки своих сил, пытаясь под дулом пушек вернуть народ к слепому повиновению и рабству.

Заявляя о "спасении родины", путчисты и их прислужники совершили акт не только бессмысленный, но и крайне бесчеловечный и жестокий, грозящий залить страну кровью, обречь на новые лишения и страдания и без того измученный народ. Хватаясь за химеру власти, заговорщики даже не хотят замечать того, что страну, при катастрофическом урожае этого года и при весьма возможном прекращении поставок зерна из других стран, действительно в самое скорое время может ожидать призрак страшного голода, от которого они якобы хотят спасти народ. Они не хотят замечать и того, что народ за последние годы удивительно повзрослел, достиг определенного уровня гражданской и политической зрелости и освободился в значительной мере от прежнего рабского страха. И ныне народ вовсе не захочет увидеть в этих держимордах "сильную руку", о которой он якобы только и мечтает.

Путч, ничего не решая, лишь резко усиливает конфронтацию со всеми вытекающими трагическими последствиями. Вялая революция переходит в новую бурлящую фазу. Исход борьбы ясен: путчисты погибнут от меча, который они подняли на народ, и никто не будет их особо оплакивать. Однако печалит

ОТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — К III РИМУ ?

что большевизм, а затем сменивший его великодержавный коммунизм, в их маниакальном стремлении к мировому господству - сначала под лозунгом всемирной пролетарской революции, а затем через мировое коммунистическое движение и эксплуатацию национально-освободительных революций, через поддержку диктаторских режимов, подрывную деятельность и открытую интервенцию (Венгрия, Чехословакия, Афганистан) - не обращали почти никакого внимания на внутренние национальные проблемы, считая, что для предотвращения любого проявления национального протеста вполне достаточно последовательного осуществления репрессивных полицейских мер и подкупа местной коррумпированной номенклатуры. Даже внутренние границы между республи-

ками и национальными областями являются зачастую фикциями, условными административными линиями, не отражающими реального распределение населения, не говоря уже о том, что национальная география в СССР за последние десятилетия сильно изменилась из-за искусственной (депортация целых народов и социальных слоев) и естественной миграции населения. В мировой империи все рабы в равной мере, поэтому и нет особой нужды делить места расселения на разные категории. Привилегию составляет лишь право на проживание в главных центрах, но эта проблема регулируется единой системой прописки.

Однако поскольку центр находится в Москве, а коммунисты (как и в царское время) продолжали проводить в республиках последовательную политику русификации, особенно после установления единоличной диктатуры Сталина, то у народов СССР постоянно сохранялись и нарастали антирусские настроения, унаследованные еще от царской эпохи. Даже если русский народ страдал от коммунизма не меньше, а зачастую и больше других народов, он должен был нести и дополнительную тяжесть вины перед другими за то, что коммунисты часто действовали от имени русского народа как "первого среди равных", пытаясь эксплуатировать имперскую великодержавную идею.

Россия в августовские дни встала на баррикады, чтобы отразить последний натиск издыхающего коммунистического монстра. Тем самым русские сами смыли с себя позорное клеймо раба. Но этого еще далеко недостаточно для умиротворения народов, т.к. в республиках усиливается опасение, что Россия, пусть даже вольная, некоммунистическая, будет стремиться подменить прежний центр и сохранять имперские амбиции. Пробудившееся повсюду национальное сознание побуждает народы к немедленному отделению от прежнего имперского монолита как в силу естественного рефлекса после длившегося много десятилетий, а то и столетий принудительного общежития, так и через пробуждающееся подозрение и недоверие к возрождению собственно российского государства, через опасение, как бы оно не приняло эстафету ненавистного центра под знаменем возродившейся идеи "единственной, неделимой Российской империи". Ведь многие проблемы унаследованы еще от царского времени.

Российская империя строилась веками, начиная от "собираания русских земель" в XIII веке до покорения Средней Азии к концу XIX века и неосуществленных проектов панславизма и завоевания Константинополя под власть белого царя. Собственно имперский натиск начался с XVI века, после окончательного освобождения от татаро-монгольского ига. Высвобождение долго дремавшей энергии русского народа совпало по времени не только с освобождением от Золотой Орды, но и с падением Константинополя и ослаблением в христианском мире позиций православия (Флорентийская уния). На протяжении двух с половиной столетий под властью Орды у русского народа православие оставалось единственным *raison d'être*. Россия при всем своем обрядоверии сознавала себя защитницей православия во всем мире, обрела в православии свою национальную и даже государственную идеологию, которая позднее оформилась в представлении о Москве, о

русском православном царстве как о III Риме. Эта основная государственная концепция, хотя после царствования Иоанна Грозного ее не очень афишировали, продержалась вплоть до революции 1917 года (стремление отвоевать у неверных Царьград), а после революции поразительным образом трансформировалась в представление о Москве как центре всемирной революции, столице нового свободного эсхатологического царства - III Интернационала.

Союз с Украиной в XVII веке заключался тоже под знаменем православия, но вскоре украинцы поняли, что в России православное царство уже было подменено чисто имперской идеей в христианской оболочке. При Петре Великом союз уже утратил всякий смысл, ибо украинские гетманы превратились в вассалов российских императоров, а при Екатерине II Украина из чисто административной была превращена в малороссийские губернии. И ныне украинцы вправе поставить вопрос: не выползет ли из разваливающегося III Интернационала старый III Рим? Киев - "мать русских градов" вправе не пожелать никакого сомнительного союза с Москвой, если Москва будет сохранять (пусть и под другими вывесками) прежние имперские амбиции. Да и никакой другой народ более не пожелает оставаться в роли младшего брата.

В силу военно-стратегических и экономических причин республики так или иначе пока вынуждены сосуществовать в рамках некоего подобия государственного союза или объединения. Но если при этом не будут выкорчевываться имперские амбиции, народы будут стремиться к быстрейшему созданию совершенно независимых государств любой ценой, не останавливаясь перед угрозой оружия и кровопролитной гражданской войны. В любом случае империю или союз с имперской начинкой сохранить невозможно, да никому и не нужно. В итоге длительного исторического процесса ни в России, ни в СССР не произошло формирования единой российской (или советской) нации. В какой-то мере народы даже еще более удалились друг от друга, и поэтому создание национальных государств на руинах исчезающей империи вещь вполне естественная и закономерная, к тому же опирается и на международное право (наций на самоопределение). Это не значит, что следует приветствовать бесконечное дробление территории и немедленный пересмотр существующих границ. Просто следует считаться с тем, что теперешние центробежные процессы в СССР являются вполне закономерным следствием предшествующего этапа государственного (или, точнее, антигосударственного) строительства с его культом государства-молоха, с подлинным "государствобесием", и не пытаться останавливать этот процесс оказыванием давления в той или иной форме. При мирном развитии (даже если этот процесс самоопределения будет протекать наверняка несколько сумбурно) со временем восстановится некое равновесие, и после изжитых и забытых обид начнется обратный процесс интеграции (такая тенденция, кстати, ныне преобладает в развитых странах, особенно в Западной Европе, где еще до недавнего времени народы часто воевали друг с другом), но уже на совсем других основах.

Август 1991, Париж

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО '92

СРЕДИ АВТОРОВ
СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРОВ:

ВЛАДИМИР АДМОНИ

ЛЮДВИК ВАЦУЛИК

ЭДУАРД ГОЛЬДШТУККЕР

ГЮНТЕР ГРАСС

АНДЖЕЙ ДРАВИЧ

ИВАН КЛИМА

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

АДАМ МИХНИК

ВЕРА ПАНОВА

ОКТАВИО ПАС

БЕНЕДИКТ САРНОВ

ЖОРЖ СИМЕНОН

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

ЦВЕТАН ТОДОРОВ

МИХАИЛ ЧЕХОВ

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ

ПАРИЖ,

Lettre internationale,
Гл. редакторы:
АНТОНИН ЛИМ
ПОЛЬ НУАРО
14-16, rue des Petits-Hôtels, 75010 Paris

РИМ,

Lettera internazionale,
Гл. редакторы:
ФЕДЕРИКО КОЭН,
ВИТТОРИО СТРАДА,
АНТОНИН ЛИМ
Via Emanuele Gianturco 4, 00192 Roma

**ЗАРУБЕЖНЫЕ
РЕДАКЦИИ****МАДРИД,**

Letra internacional,
Гл. редакторы:
ЛУИС ГОЙТИСОЛО
АНТОНИН ЛИМ,
Monte Esquinza 30, 28010 Madrid

БЕРЛИН,

Lettre internationale,
Гл. редакторы:
ФРАНК БЕРБЕРИХ,
АНТОНИН ЛИМ
Dominicusstr., 3, 1000 Berlin 62

БЕЛГРАД,

Международно писмо
в журнале *Књижевност*
Гл. редакторы:
ЙОВАН ХРИСТИЧ,
АНТОНИН ЛИМ
Чика Љубина 1/V, 11000 Београд

ПРАГА,

Lettre internationale
Гл. редакторы:
ТОМАШ ВРБА,
АНТОНИН ЛИМ,
Hellichova 5, 11000 Prague 1

БУДАПЕШТ,

Magyar Lettre internationale,
Гл. редакторы:
ГАБОР МИХАЛИ
МИКЛОШ ЭРНАДИ
АНТОНИН ЛИМ,
Columbus u. 39, 1145 Budapest

ЗАГРЕБ,

Lettre internationale, Hrvatsko izdanje.
Гл. редакторы:
СЛОБОДАН НОВАК,
АНА ПРПИЧ
АНТОНИН ЛИМ
"Most", Trg Bana Josipa Jelačića 7, 41000
Zagreb

Услуги по международной рекламе в журналах
принимаются фирмой:
INTERNATIONAL ADVERTISING SALES
B 2 B Communication

Brigitte Borel
18 Rue Saint Fiacre
75002 Paris
Tel: 33 (1) 42 36 95 59
Fax: 33 (1) 42 33 83 24

Или в СССР по адресу:
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18,
комн. 11

ВЛАДИМИР АДМОНИ -
лингвист, литературовед, поэт (Петербург)
ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ -
журналист, обозреватель радиостанции "Свобода",
живет в ФРГ.
ПЕТЕР БИКСЕЛЬ -
швейцарский писатель
ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
(1899-1986) - аргентинский писатель
ПАСКАЛЬ БРЮКНЕР -
французский прозаик и эссеист
ЯКОВ ГОРДИН -
прозаик, публицист (Петербург)
ГИЛЬОМ ВАН ДЕР ГРАФТ -
нидерландский поэт, теолог
ШАРЛЬ ДОВЖИНСКИЙ -
французский поэт
АЛЕКСАНДР ДЮМА
(1802-1870) - французский романист

АВТОРЫ

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ
(1921-1990) - швейцарский драматург
ЖИЛЬ (ЖАН ВИЛАР)
(1895-1982) - автор и исполнитель песен
(Швейцария)
МИХАИЛ ИГНАТЬЕВ -
английский историк и эссеист
УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС
(1865-1939) - ирландский поэт
ЯН КАПЛИНСКИЙ -
эстонский публицист
ПОЭЛЬ КАРП -
поэт, переводчик, критик (Петербург)
НИНА КАТЕРЛИ -
прозаик, публицист (Петербург)
ЛЕШЕК КОЛАКОВСКИЙ -
польский философ, профессор в Оксфорде
ЛЕВ КОНИН -
православный священник, живет в Париже
НИКОЛАЙ КОНОНОВ -
поэт (Петербург)
МИХАИЛ КУЗМИН
(1872-1936) - поэт, прозаик, драматург, критик
АЛЕКСАНДР КУШНЕР -
поэт (Петербург)
ВЛАДИМИР ЛИН -
прозаик (Москва)
ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ -
историк литературы и культуры (Петербург)
КЛАУДИО МАГРИС -
итальянский прозаик и критик (Триест)
АДРИАН МАКЕДОНОВ -
критик, литературовед (Петербург)
НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ
(1899-1980) - вдова поэта, автор воспоминаний
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ -
прозаик, публицист (Петербург)
АДАМ МИХНИК -
польский журналист и политический деятель
АЛЕКСАНДР НИНОВ -
литературовед, критик
УИСТЕН ХЬЮ ОДЕН
(1907-1973) - английский поэт
АЛЕКСАНДР ПОКРОВСКИЙ -
прозаик (Петербург)
ЖАН СТАРОВИНСКИ -
швейцарский эссеист и критик
ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА -
этнограф и политический деятель (Москва)
МАРИНА ТЕМКИНА -
поэт (Нью-Йорк)
АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВ -
литературовед (Петербург)
ЗИГМУНД ФРЕЙД
(1856-1939) - австрийский врач, психолог, философ
МИЛАН ШИМЕЧКА
(1929-1990) - чешский историк и эссеист
ДМИТРИЙ ШНЕЕРСОН -
фотограф, переводчик (Петербург)
ИЛЬЯ ШТЕМЛЕР -
прозаик (Петербург)
МИХАИЛ ЯСНОВ -
поэт, переводчик (Петербург)

Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов публикуемых материалов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПЕРЕВОДЧИКИ

НЭЛЛИ АБАШИНА
ВСЕВОЛОД БАГНО
ЕЛЕНА БАЕВСКАЯ
ЕЛЕНА ДУНАЕВСКАЯ
ГЕННАДИЙ КАГАН
ВИКТОРИЯ КАМЕНСКАЯ
МАРИЯ КАРП
МАЙЯ КВЯТКОВСКАЯ
ОЛЬГА КУСТОВА
ИРИНА НИНОВА
СВЯТОСЛАВ СВЯЦКИЙ
ГАЛИНА СНЕЖИНСКАЯ
СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ
МИХАИЛ ТРЕСКУНОВ

Художники:

БОРИС ВИРГЕР
ГЮСТАВ ДОРЭ
ИРЖИ ЛИПИЧ
КАЗИМИР МАЛЕВИЧ
ПЕР МАРКАРД ОТЦЕН

Фотографы:

МАРТИН ЛЕНЕР
ПЕТЭР МАУРЕР
РЕНЕ МЕХЛЕР
АЛЕКСАНДР СПИЦЫН

Сдано в набор 10.08.91. Подписано в печать
31.10.91. Формат 70×108¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 10,50.
Тираж 5000. Заказ № 7541. Цена 15 руб.

Журнал издан при техническом содействии
Информационно-просветительского центра
«Тайны здоровья».
197061, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 10,
тел. 232-38-77.

ПО «Типография им. Ивана Федорова» Мини-
стерства и информации РСФСР. 191126, С.-Пе-
тербург, Звенигородская, 11.

